



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

Книга VII.

КАВКАЗСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 7.

І ю л ъ.

1900 г.

ТИФЛИСЪ

Скоропечатня М. Мартиросянца, Михайловскій просп., № 81.

1900

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 27-го іюня 1900 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ВАМПИРЪ. Повѣсть изъ петербургской жизни (окончаніе).— <i>Н. Э. Гейнце</i>	1
II. ПОЭТЪ (изъ Г. Гейне). Стихотвореніе.— <i>Л. Кипіани</i>	26
III. У АДВОКАТА. Сценка съ натуры.— <i>Гр. Татищева</i>	27
IV. СИЛУЭТЪ. Стихотвореніе.— <i>Л. Кипіани</i>	51
V. ВОДОПАДЪ. Романъ. Часть первая. XII—XIV (продолженіе).— <i>П. Опочинина</i>	53
VI. МОЛИТВА. Стихотвореніе.— <i>Т. П. Бекхановой</i>	84
VII. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО НА КАВКАЗЪ. Разсказы-воспоминанія о чеченскомъ возстаніи въ 1877 году. Разсказъ третій.— <i>Н. Семенова</i>	1
VIII. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ГРУЗИИ И ПРИСОЕДИНЕНІЕ ЕЯ КЪ РОССІИ (продолженіе).— <i>М. Глушкова</i>	15
IX. АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ НА КАВКАЗЪ. (1818—1829) (продолженіе).— <i>П. Б.</i>	36
X. КАВКАЗЪ И ЕГО ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.— <i>Кн. В. Масальскаго</i>	44
XI. ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ СУВОРОВЪ. Статья третья (продолж.).— <i>Н. Баратова</i>	104
XII. ПИСЬМА БЕТХОВЕНА. Часть первая (продолженіе)	128
XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ	135
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ	146

XV. КРИТИКА и БИБЛЮГРАФІЯ:	
Историческ. очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи.	
<i>Н. Баратова.</i> —Мысли о воспитаніи и обученіи. К. П. Яновскаго. <i>Фаса.</i> —Извѣстія общества любителей изученія Кубанской обл. <i>Б.</i>	152
XVI. СМѢСЬ.	167
ПРИЛОЖЕНІЕ. Путешествіе кавалера Шардена. Переводъ съ французскаго.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	



ВАМПИРЪ*).

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

(О к о н ч а н і е).

XXIII.

Яркій солнечный лучъ пронизалъ драпировку и освѣтилъ всю спальню графини Бехтѣевой.

Конкордія Владиславовна поняла, что ей уже не удастся заснуть. Она встала съ постели, набросила пеньюаръ, обшитый кружевами, и присѣла къ окну, раздвинувъ драпировку. Картина пробуждающейся уличной дѣятельности повліяла благотѣльно на настроеніе ея духа. Она ободрилась и улыбнулась слабою, но спокойною улыбкою.

— Онъ меня еще любитъ!—прошептала она.—Что же мнѣ отчаяваться. Я отыщу его и онъ меня проститъ. Мы еще молоды! Мы отправимся съ нимъ куда-нибудь подальше и будемъ оба счастливы.

Конкордія Владиславовна машинально посмотрѣла

*) См. „Кавказскій Вѣстникъ“, № 6.

на улицу. Ея начинающееся оживленіе отразилось на ней.

— Это дѣло рѣшенное!—подумала она.—Я не стану откладывать и нынче же начну разыскивать Евгенія. Это мнѣ не доставитъ особенныхъ хлопотъ. Да онъ и не скрывается. Примиреніе послѣдуетъ за первымъ моимъ словомъ.

Она самодовольно улыбнулась.

— Его взглядъ убѣдилъ меня, что онъ любитъ меня такъ же сильно, какъ и прежде. Мы скроемся въ какомъ-нибудь уединенномъ уголкѣ. Мы станемъ зарабатывать свое существованіе. Онъ меня не отвергнетъ! Я докажу ему, что я честная женщина.

Несчастливая забыла въ порывѣ увлеченія о смерти князя Осокина, о его продолжительной, безкорыстной любви и о томъ, какъ она заплатила ему за всѣ эти годы вниманія и терзаній.

— Мы всегда можемъ скрыться отъ преслѣдованій свѣта. Намъ только надо начать новую жизнь съ новыми людьми! И притомъ я люблю его. Какое мнѣ дѣло до всего остального? Онъ готовъ будетъ исполнить все, что я захочу, но я буду просить только его привязанности... Этой супружеской чистой любовью я очищу себя передъ Богомъ...

Конкордія Владиславовна подняла глаза къ небу и... вдругъ...

На крышѣ дома, находившагося напротивъ, стоялъ человекъ.

Это былъ графъ Евгеній Игнатьевичъ Бехтѣевъ.

— Онъ!—вскричала она,—это онъ, мой Евгеній!

Но вслѣдъ за этимъ именемъ изъ груди ея вылетѣлъ раздирающій душу вопль.

Графъ Бехтѣевъ перекрестился и бросился въ пространство.

Раздался глухой стукъ и болѣзненный стонъ и затѣмъ наступило могильное молчаніе.

Не прошло и минуты, какъ Графскій переулокъ запрудила толпа народа. Явилась полиція. Руководимая единственно только инстинктомъ, Конкордія Владиславовна бросилась къ выходной двери квартиры и быстро сбѣжала по лѣстницѣ. Лицо ея было бѣлѣе ея пеньюара. Глаза смотрѣли безсознательно, безумно. Швейцаръ посторонился съ движеніемъ испуга, чтобы дать ей дорогу. Она скользнула тѣнью и выбѣжала на улицу. Толпа тоже разступилась передъ ней. На мостовой у ногъ двухъ городскихъ и околоточнаго лежало распростертое неподвижное тѣло графа Евгенія Игнатьевича Бехтѣва.

Онъ ударился головой о тумбу. Черепъ былъ раздробленъ на мелкіе куски. Лицо неузнаваемо. Мозгъ лежалъ въ сторонѣ, перемѣшанный съ кровью. Бехтѣевъ избѣжалъ мученія агоніи. Смерть была моментальна. Конкордія Владиславовна посмотрѣла опять тѣмъ же пристальнымъ и безсознательнымъ взглядомъ на трупъ самоубійцы, преклонила колѣна и ударилась лбомъ о плиты тротуара, обрызганныя свѣжею, почти теплою кровью. Присутствующая публика смотрѣла съ изумленіемъ на это прелестное созданіе въ такомъ легкомъ щегольскомъ утреннемъ туалетѣ, рыдавшее безъ слезъ на снѣгу надъ безобразнымъ трупомъ. Наконецъ нервы Конкордіи Владиславовны не выдержали. Она лишилась чувствъ. Опомнившійся швейцаръ вмѣстѣ со слугами графини Бехтѣвой бережно унесли ее въ квартиру.

Трупъ самоубійцы также увезли въ покойницкую ближайшей полицейской части.

Дворники замели слѣды крови, а пошедшій снѣгъ окончательно уничтожилъ ихъ.

Толпа любопытныхъ разошлась. Прохожіе по Граф-

скому переулку и не подозревали, что идутъ мимо того мѣста, которое послужило такъ недавно театромъ для эпилога кровавой жизненной драмы.

Желаніе покойнаго графа Бехтѣева не исполнилось. Появленіе у его трупa графини Конкордіи Владиславовны выдало его личность, которую онъ такъ старательно хотѣлъ скрыть.

Графиня объявила явившемуся къ ней на другой день полицейскому чиновнику, что самоубійца—ея мужъ графъ Евгенийъ Игнатьевичъ Бехтѣевъ, отъ котораго она послѣднее время жила отдѣльно.

Вышедшія на другой же день газеты на разнаго лада рассказывали ужасное самоубійство въ Графскомъ переулкѣ, украшая дѣйствительность и снабжая ее подробностями, родившимися въ фантазіи репортеровъ.

Имя самоубійцы названо не было. Оно запестрѣло на газетныхъ столбцахъ только черезъ нѣсколько дней, придавъ самоубійству романическій характеръ, котораго ранѣе только угадывался газетными обозрѣвателями столичной жизни.

Вѣсть о самоубійствѣ графа Бехтѣева на другой день послѣ произведеннаго имъ скандала на посольскомъ раутѣ съ быстротою молніи облетѣла всѣ великосвѣтскія гостинныя.

Обстановка самоубійства передъ окнами спальни своей жены придавала ему пикантный характеръ и возбуждала любопытство.

Никто, конечно, не могъ догадаться, что покойный графъ выбралъ домъ, съ крыши котораго бросился на мостовую, совершенно случайно.

— Онъ хотѣлъ отомстить женѣ даже своею смертію!—рѣшили въ свѣтѣ.

— Это уже съ его стороны возмутительная жестокость...—умозаключали бесѣдовавшіе.

— Несчастливая женщина!

Графъ Бехтѣвъ такимъ образомъ не только своею смертію не снялъ съ себя обвиненія, но даже возбудилъ симпатіи общества къ графинѣ, которую послѣ посольскаго раута петербургскій „свѣтъ“ изгналъ было изъ своей среды.

Эта симпатія сдѣлала то, что тѣ самыя дамы, которыя отшатнулись отъ нея наканунѣ въ залахъ посольскаго отеля, поѣхали къ ней съ выраженіемъ собо-лѣзнованія.

Надо, впрочемъ, признаться, что истиннымъ двигателемъ для этихъ визитовъ было болѣе любопытство, чѣмъ симпатія.

Графиня Конкордія Владиславовна не принимала. Разнѣжившіяся свѣтскія дамы не полѣнились повторить визита.

Графиня Бехтѣва встрѣтила ихъ въ глубокомъ траурѣ и не оправдала ихъ ожиданій.

Она говорила мало, но повторила, впрочемъ, каждой изъ посѣтительницъ стереотипную фразу:

— Для меня тѣмъ тяжелѣе эта его страшная смерть, что виновна въ ней я...

Это произвело хорошее впечатлѣніе. Никогда не обвиняютъ самообвинителей. Только съ княгиней Надеждой Федоровной Зининой, которая не удержалась не пріѣхать къ своей бывшей любимицѣ, она говорила долго съ глазу на глазъ.

Она рассказала ей всю свою жизнь, не утаивъ ничего, какъ, впрочемъ, только казалось самой Конкордіи Владиславовнѣ или, лучше сказать, утаивъ немного, но самое важное.

Результатомъ этой бесѣды было то, что расположеніе къ графинѣ Бехтѣвой въ обществѣ было восстановлено, а передъ Григоріемъ Константиновичемъ Ста-

нишевымъ двери великосвѣтскихъ гостинныхъ закрылись еще плотнѣе.

Конкордія Владиславовна выхлопотала разрѣшеніе похоронить своего мужа-самоубійцу по христіанскому обряду и не пожалѣла денегъ на пышныя похороны.

„Весь Петербургъ“ былъ на этихъ похоронахъ.

Гробъ съ останками безвременно погибшаго графа Евгенія Игнатьевича Бехтѣева опустили въ могилу на кладбищѣ Александро-Невской лавры, невдалекѣ отъ могилы князя Сергѣя Сергѣевича Осокина.

Графиня не плакала, но на ея лицѣ былъ отпечатокъ такого леденящаго душу безмолвнаго горя, которое дѣйствовало на окружающихъ сильнѣе всякихъ слезъ и рыданій.

Она ѣхала за гробомъ мужа, медленно двигавшимся подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, украшеннымъ графскою короною, въ каретѣ съ княгиней Надеждой Федоровной Зининой.

Старуха снова была уже очарована Конкордіей Владиславовной.

Нечего говорить, что Станишева на похоронахъ не было.

Онъ отомстилъ графинѣ Бехтѣевой тѣмъ, что отобралъ отъ нея свою дочь.

Конкордія Владиславовна безъ протеста отпустила дѣвочку.

Послѣдняя, какъ и многое другое, напоминало ей ея страшное прошлое.

Она даже была рада уменьшить предметы этого рокового воспоминанія.

Послѣ похоронъ мужа графиня Бехтѣева зажила замкнутою, тихою жизнью.

Въ теченіе сорока дней ея каждый день видѣли на

могилѣ ея мужа забывающеюся по нѣсколько часовъ въ горячей молитвѣ.

По истеченіи шести недѣль она послала записку къ Григорію Константиновичу Станишеву, въ которой назначала ему свиданье съ ней въ девять часовъ утра.

Онъ не замедлилъ исполнить ея приказаніе. Въ его душѣ еще жила надежда назвать ее своей женою и устроиться гдѣ-нибудь вдали отъ Петербурга или же даже отъ „дорогой“ родины.

Неудовлетворенная страсть все еще кипѣла въ этомъ преступномъ сердцѣ.

Конкордія Владиславовна приняла его въ гостинной.

— Странный часъ вы назначаете для свиданія... Можно подумать, что вы страдаете бессонницей и полагаете, что и другіе тоже не имѣютъ обыкновенія спать...—развязно началъ онъ, поздоровавшись съ графиней.

Она вскинула на него глаза. Взглядъ ихъ былъ такъ суровъ и такъ металлически холоденъ, что Станишевъ невольно прикусилъ языкъ.

— Что вамъ угодно, графиня?—спросилъ онъ, послѣ нѣкоторой паузы.

— Если я приказала вамъ явиться ко мнѣ, значитъ вы сейчасъ и узнаете, что мнѣ угодно,—сказала она холодно-надменнымъ тономъ, не приглашая его садиться.

Онъ было подошелъ къ креслу, стоявшему противъ дивана, на которомъ сидѣла Конкордія Владиславовна, но сѣсть видимо не рѣшился и стоялъ переминаясь съ ноги на ногу.

— Мнѣ надо сто тысячъ рублей...—вдругъ сказала она.

— Сто... тысячъ?—повторилъ съ разстановкой онъ.

— Вы слышали...—отвѣтила она.—И въ теченіе этой недѣли...

— Но...

— Безъ всякихъ „но“...

— У меня ихъ нѣтъ.

— Они должны быть.

— Откуда?..

— Мнѣ нѣтъ дѣла.

— Но, графиня...

— Я сказала вамъ. Если деньги къ будущей пятницѣ не будутъ доставлены въ бумагахъ...

Она встала.

— Что же тогда?—спросилъ онъ, сисясь, но не удачно принять ироническій тонъ.

— Я поѣду къ прокурору,—отвѣтила она.

Онъ какъ-то весь съежился.

— Самому прикажете привезти?—спросилъ онъ.

— Можете сами. Въ пятницу въ этотъ же часъ. Это будетъ наше послѣднее свиданье въ жизни.

— Слушаю-съ.

— Можете идти.

Онъ медлилъ.

— Слышите?..

И она, не дожидаясь исполненія своего приказанія, сама вышла медленной походкой изъ гостиной.

Григорій Константиновичъ постоялъ нѣсколько минутъ, смотря съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ на дверь, за которою скрылась Конкордія Владиславовна, а затѣмъ повернулся и пошелъ въ переднюю.

— Вампиръ!—злобно повторилъ онъ нѣсколько разъ, видимо по адресу негостепріимной хозяйки.

XXIV.

Внутренность всякаго храма вообще принимаетъ всегда съ наступленіемъ вечера торжественный характеръ.

Но эта торжественность выдается сравнительно гораздо рельефнѣе въ храмахъ старинной готической постройки.

Къ числу такихъ храмовъ принадлежитъ костелъ св. Екатерины въ Петербургѣ.

Онъ подчиняетъ своимъ обаяніемъ всѣхъ невозмутимыхъ.

Безотчетное чувство охватываетъ душу подъ этими высокими темными сводами, въ виду неисчислимаго количества свѣчъ, надъ которыми носится сквозное облако ладона.

Колѣни какъ-бы сами подгибаются. Уста безсознательно произносятъ молитву. Вечернія сумерки окутывали землю. Было восемь часовъ, а въ церкви оставалось мало молящихся.

Въ заднихъ рядахъ скамеекъ сидѣло еще нѣсколько старушекъ-богомолокъ. У стѣны, подлѣ чаши со святою водою, стояла, прислонившись, сестра милосердія. Она машинально читала молитву и также машинально перебирала четки. Еще нѣсколько женщинъ стояли на колѣняхъ и горячо молились.

Швейцаръ мѣрно расхаживалъ вдоль и поперекъ церкви и шаги его гулко отдавались подъ сводами.

Въ это время дверь церкви отворилась. Въ нее вошла женщина. Она остановилась въ нерѣшительности.

Ее, очевидно, охватило чувство глубокой робости, среди этой торжественности безмолвнаго храма.

Это была графиня Конкордія Владиславовна Бехтѣева. Она была одѣта вся въ черномъ и укутана черной вуалью. Замѣтивъ швейцара, она подошла къ нему и сказала:

— Я желаю увидѣться съ какимъ-нибудь священникомъ.

— Какъ? Въ такую пору?—спросилъ вмѣсто отвѣта швейцаръ.

— Ну, да, въ такую пору,—повторила она.— Служитель алтаря долженъ безразлично, во всякое время, являться на призывъ и утѣшать всѣхъ страждущихъ.

Швейцара озадачила повелительность, звучавшая въ голосъ женщины.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ.

— Потрудитесь пройти поближе къ алтарю, и я предупреджу дежурнаго аббата,—сказалъ онъ почтительно.

— Нѣтъ,—сказала она,—я стану на колѣни и подожду священника.

-- Но вамъ здѣсь безпокойно, и вы будете стоять на голомъ полу, а тамъ вамъ подадутъ коверъ и подушку.

— Спасибо, отвѣтила она нетерпѣливо,—мнѣ не нужно подушки,—я хочу исповѣдаться.

Эта странная смѣсь смиренія и надменности изумила швейцара.

Онъ низко поклонился и сказалъ торопливо:

— Я сейчасъ доложу господину аббату.

Конкордія Владиславовна отошла отъ швейцара и опустилась на колѣни среди обширнаго храма, склонилась на грудь голову и, видимо, не забылась въ молитвѣ, а глубоко задумалась...

Она не обратила никакого вниманія на пристальные взгляды старухъ-богомолокъ, любопытство которыхъ было, видимо, сильно возбуждено.

Она отнеслась съ такимъ же невниманіемъ къ выразительному взгляду, который бросилъ на нее молодой человѣкъ, выходявшій изъ церкви. Она вся погрузилась въ воспоминаніе прошлаго. Аббатъ между тѣмъ подошелъ къ ней, но она не слыхала шума его шаговъ.

Онъ долженъ былъ дотронуться до ея плеча, чтобы заставить ее поднять голову.

Конкордія Владиславовна слегка вздрогнула, увидѣвъ его, встала и покорно пошла за нимъ къ исповѣдальнѣ.

Здѣсь она снова опустилась на колѣни.

Священникъ спросилъ:

— Вы давно уже не были у святого причастія?

— Не помню!—отвѣчала едва слышно молодая женщина.

Ея голосъ дрожалъ.

— Какъ, вы даже не помните?

— Я сказала: „не помню“ и сказала вамъ правду.

Священникъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— На васъ въ такомъ случаѣ очень много грѣховъ?—сказалъ онъ.

— Да, вы не ошибаетесь!—подтвердила она.

— Повѣдайте мнѣ ихъ безъ ложнаго стыда, безъ малѣйшей утайки. Милосердіе Божіе не имѣетъ границъ!

— Я именно и рассчитываю на это милосердіе,—перебила его Конкордія Владиславовна,—и прошу отпущенія всѣмъ моимъ преступленіямъ.

Повелительность ея тона возмутила священника.

— На васъ значитъ лежатъ, кромѣ другихъ грѣховъ, еще и преступленія.

— Да,—сказала она.

— И вы, насколько видно, не молитесь Всевышняго о прощеніи, а, напротивъ, требуете отъ Него отпущенія грѣховъ. Гнѣвъ Божій смягчается только однимъ раскаяніемъ.

— И я теперь раскаяваюсь,—замѣтила она.

— Тамъ, гдѣ нѣтъ смиренія, не можетъ быть и раскаянія!—замѣтилъ священникъ.—Вамъ не внушали

съ дѣтства и вы не понимаете страшнаго великаго таинства, къ которому вы вызваны однимъ внушеніемъ совѣсти.

— О, нѣтъ, я понимаю. Я тверда рѣшила удалиться отъ свѣта и вступить въ общину сестеръ милосердія. Это ясно указываетъ, что я сильно желаю искупить мое прошлое и заслужить прощеніе милосерднаго Бога.

— И у васъ есть призваніе къ этой жизни смиренія и самоотверженія?

— Да, я почти увѣрена, что оно у меня есть.

— Я въ этомъ сомнѣваюсь, въ васъ слишкомъ много гордости.

— Да, сатанинской гордости!—перебила она.

Этотъ отвѣтъ смутилъ священника.

Такого рода исповѣдь выходила изъ ряда.

Глаза молодой женщины блестѣли мрачнымъ блескомъ. Ея брови грозили.

Аббатъ перекрестился и отошелъ отъ нея.

Конкордія Владиславовна встала съ колѣнъ и торопливо заступила ему дорогу.

— Почему вы уходите? Почему вы мнѣ отказываете въ поддержкѣ и прощеніи?—спросила она.

— Дочь моя!—отвѣтилъ нѣжно аббатъ,—я никогда не вправѣ уклоняться отъ исповѣди самыхъ ужасныхъ грѣшниковъ, когда они взываютъ со слезами смиренія къ милосердію Божьему, но я также не вправѣ поступать противъ совѣсти и давать отпущеніе тамъ, гдѣ я не вижу даже тѣни раскаянія.

— Оставайтесь, прошу васъ!—убѣждала Конкордія Владиславовна, придерживая его за руку.

Онъ высвободилъ руку и указалъ ей на художественно сдѣланное Распятіе.

Свѣтъ восковой свѣчи падалъ прямо на блѣдное лицо Искупителя.

Она поблѣднѣла.

— Дочь моя! Принесите раскаяніе передъ Нимъ!—сказалъ кротко священникъ.—Умолите Его ниспослать вамъ смиреніе. А я пережду пока въ алтарѣ и дамъ вамъ возможность подготовиться къ исповѣди.

Она грузно упала передъ нимъ на колѣни.

— О, простите меня!—воскликнула она,—я каюсь и смиряюсь.

Священникъ обратилъ на нее испытующій взглядъ и снова наклонился надъ нею.

— Я виновна въ убійствѣ двухъ человѣкъ!—сказала она.

— Вы?—перебилъ онъ съ ужасомъ.

— Ну, да, конечно, я!—отвѣчала она.

— Продолжайте.

— Одинъ изъ этихъ двухъ былъ богатый князь, исчерпавшій до дна всѣ наслажденія жизни. Онъ умиралъ отъ скуки, но встрѣтившись со мной, полюбилъ меня. Но я не поддавалась никакимъ обольщеніямъ. Я была въ этомъ случаѣ вполнѣ безупречна.

Она остановилась, взглянула на аббата и затѣмъ продолжала:

— Онъ полюбилъ меня всею страстью и силою послѣдней любви. Я воспользовалась ею и склонила его на преступное дѣло...

— Вы сейчасъ утверждали, что ваше поведеніе было безукоризненное!—остановилъ ее священникъ.

— Я и не подавала ему ни малѣйшей надежды. Ему самому нравилась мое пренебреженіе и робкая покорность передъ моею волею. У него было громадное состояніе. Онъ долго уговаривалъ меня выйти за него замужъ. Но я не пожелала продаться старику. Онъ совершилъ убійство по моему совѣту, но я не считаю себя его сообщницей. Я держала его потомъ

точно такъ же, какъ и прежде, въ положеніи раба. Я должна вамъ сознаться, что я была тронута этою самоотверженною, безграничною любовью и дала ему право бывать у меня; я въ этомъ раскаиваюсь—такое состраданіе было преступно.

Аббатъ перекрестился.

— Дочь моя!—сказалъ онъ,—признанія ваши страшны.

— Онъ любилъ во мнѣ мое умѣнье властвовать. Онъ желалъ еще смолоду найти такую женщину, я же сама видѣла въ немъ человѣка богатаго, знатнаго, вліятельнаго, который могъ быть при случаѣ мнѣ очень полезнымъ. Но этимъ и кончились всѣ наши отношенія. Черезъ нѣсколько времени мнѣ, дѣйствительно, встрѣтилась надобность обратиться къ нему за важной услугой, но власть моя надъ нимъ видимо ослабѣла. Его смерть вела меня къ достиженію моихъ цѣлей, и я его убила. Я привыкла считать его только за автомата, за слѣпое орудіе мое... и разбила орудіе. Я въ этомъ раскаиваюсь.

Она говорила съ такимъ хладнокровіемъ, что священникъ закрылъ руками лицо.

— Вашъ способъ раскаянія страшенъ настолько же, насколько и ваши преступленія.

Конкордія Владиславовна продолжала болѣе мягкимъ голосомъ:

— Я вышла замужъ за другого, и не могла осмыслить моихъ чувствъ къ нему. Лицо его мнѣ нравилось, его громкое имя щекотало пріятно мое самолюбіе. Онъ былъ очень красивъ, хорошаго характера и строго охранялъ собственное достоинство, а я все же считала себя выше его. Мать меня взростила въ фанатическомъ поклоненіи передъ собственною личностью. Человѣкъ тотъ могъ приблизить меня къ цѣли, къ ко-

торой я стремилась. Я жаждала почестей и уваженія общества и не могла ихъ достигнуть безъ посторонней помощи. Мое происхожденіе было самое скромное и мнѣ пришлось вдобавокъ вступить въ борьбу съ бѣдностью. Я вышла побѣдительницею и нажила довольно значительныя деньги, заставляя людей совершать преступления изъ чувства безпредѣльной любви ко мнѣ и грозя имъ потомъ выдать ихъ правосудію. Я выбрала въ мужа человѣка, способнаго доставить мнѣ почетное положеніе въ обществѣ, я хотѣла взамѣнъ обезпечить его отъ матеріальныхъ нуждъ, но его щепетильность разстроила всѣ мои планы и испортила дѣло. Я его очернила въ общественномъ мнѣніи, разбила его будущность и онъ убилъ себя. Но когда я взглянула на его распростертое, безжизненное тѣло, я сразу поняла, чѣмъ онъ былъ для меня и что я потеряла въ этомъ человѣкѣ...

Священникъ быстро всталъ.

Лицо его дышало негодованіемъ.

— Объясните, зачѣмъ вы пришли въ церковь!— спросилъ онъ ее.

— Я пришла обрѣсти утѣшеніе въ скорби и вымолить прощеніе милосерднаго Бога.

— И вы надѣетесь на это?

— Надѣюсь!—тихо сказала она.

— Скажите мнѣ теперь, —обратился онъ къ ней,—какъ и чѣмъ вы надѣетесь оправдать и умолить передъ Вышнимъ судомъ эту длинную цѣпь тяжелыхъ преступленій?

— Отсутствіемъ руководства, моею молодостью, моею красотою...

— Молодость неспособна на такіе разсчитанные, безчеловѣчные поступки.

— Обольтшеніемъ роскоши...—перебила она,—испорченностью общества, въ которомъ я жила...

Священникъ молча отошелъ отъ нея и пошелъ къ алтарю.

Но она потащилась за нимъ на колѣняхъ и колотилась лбомъ о каменные плиты.

— Отецъ мой! Вернитесь! Я искренно раскаяваюсь... Я хочу искупить и отмолить мои грѣхи.

— Ваше горе неискренно... Благодать не проникла въ вашу гордую душу!

Изъ груди ея вырвалось судорожное рыданіе.

— Отецъ мой! Вернитесь! Я повисла надъ бездною... Не дайте мнѣ заключить эту длинную цѣпь страшныхъ преступленій грѣхомъ самоубійства!..

Священникъ содрогнулся.

Глаза его упали на кроткій ликъ Христа.

Онъ приблизился къ кающейся и благословилъ ее.

— Да будетъ миръ надъ вами!—сказалъ онъ ей съ кротою грустью.—Да проститъ васъ Господь! Я, смиренный служитель у Его алтаря, не вижу въ вашемъ сердцѣ искренняго раскаянія. Въ вашихъ словахъ звучитъ только гордость и гнѣвъ. Я, темный человѣкъ, не нахожу возможности простить и отпустить всѣ ваши прегрѣшенія, но всевидящій Богъ будетъ къ вамъ милосерднымъ. Онъ прощаетъ съ любовью смирившемуся грѣшнику! Умолите Его ниспослать вамъ смиреніе.

Она молча лежала на холодномъ полу, обливая его горячими слезами.

XXV.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ петербургскихъ великосвѣтскихъ гостинныхъ только и было толковъ, что о поступленіи графини Конкордіи Владиславовны въ сестры милосердія общины „Краснаго Креста“.

Она, какъ оказалось, пожертвовала въ это благо-

творительное общество все свое состояніе, простиравшееся до ста тысячъ рублей и принялась самоотверженно за исполненіе своихъ обязанностей, принимала и даже выпрашивала себѣ миссіи у постелей самыхъ трудныхъ и даже заразныхъ больныхъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Толки умолкли.

Имя графини Бехтѣвой стало забываться въ „свѣтъ“, изъ котораго она окончательно удалась.

Началась абиссинско-итальянская война.

Газеты были переполнены извѣстіями изъ далекой страны „черныхъ христіанъ“.

„Общество Краснаго Креста“ командировало на театръ военныхъ дѣйствій нѣсколько врачей, фельдшеръ и сестеръ милосердія.

Имена командированныхъ были опубликованы.

Въ числѣ сестеръ милосердія, уѣзжавшихъ изъ Петербурга, значилась графиня Конкордія Владиславовна Бехтѣва.

Съ этимъ же пароходомъ, отходившій изъ Одессы, на которомъ ѣхала экспедиція „Краснаго Креста“, уѣхалъ въ Абиссинію въ качествѣ корреспондента нѣсколькихъ петербургскихъ газетъ знакомый намъ Іосифъ Самсоновичъ Грюнбергъ.

Онъ встрѣтился на палубѣ лицомъ къ лицу съ молодой женщиной, облеченной въ платье сестры милосердія.

Ея лобъ исчезалъ подъ неуклюжимъ чепчикомъ, но лицо ея было плѣнительно и прекрасно.

Ея скромный костюмъ, съ нашитымъ краснымъ крестомъ на передникѣ, стоялъ въ рѣзкомъ контрастѣ съ блескомъ ея глазъ, бѣлизной ея зубовъ и прелестью, которою вѣяло отъ всего ея существа.

Грюнбергъ отступилъ.

— Графиня Бехтѣва!—произнесъ онъ отрывисто.

— Господинъ Грюнбергъ!—прошептала она въ свою очередь, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

— Вы,—повторилъ опять Іосифъ Самсоновичъ,—и притомъ въ этомъ платьѣ?

Она молчала.

— Ну, признаюсь по совѣсти: я былъ способенъ ожидать всякихъ невѣроятностей, но эта перешла за предѣлы возможности.

Онъ взглянулъ на нее съ нескрываемымъ отвращеніемъ и хотѣлъ удалиться.

Она схватила его за руку.

— Пойдите!

— Пустите мою руку!—сказалъ онъ строго. — Между нами не можетъ быть ничего общаго. Я приучилъ себя смотрѣть съ уваженіемъ на почетный костюмъ сестры милосердія, но мое уваженіе разбивается мыслью, что онъ надѣтъ на женщинѣ безъ сердца и безъ чести.

Но она еще крѣпче сжала его руку.

— А!—сказала она.—На какомъ основаніи вы дали себѣ право относиться ко мнѣ съ такимъ пренебреженіемъ... Да развѣ вамъ извѣстна моя прошлая жизнь? Если бы со мною встрѣтился точно такимъ же образомъ Станишевъ или Ольга, то было бы, конечно, совершенно другое дѣло. Я не имѣла бы права претендовать на нихъ! Но вы—совсѣмъ иное.

— Милостивая государыня,—перебилъ Грюнбергъ.

— Подождите немного,—возразила она.—Потрудитесь припомнить, при какихъ обстоятельствахъ вы встрѣчались со мною... Когда вы познакомились со мной въ первый разъ, я была воспитательницей и за мной уживались богатые люди, предлагавшіе мнѣ все свое состояніе. Но я отказалась вступить съ ними въ бракъ и сдѣлалась женой человѣка, жившаго трудами своихъ рукъ. Затѣмъ вы меня видѣли замужней женщиной,

выполнявшей со строгою честностью семейныя обязанности. Теперь въ послѣдній разъ вы встрѣчаете меня въ званіи сестры милосердія. Я готова сознаться, что существуютъ личности, имѣющія право относиться ко мнѣ съ полнымъ пренебреженіемъ, но вы исключены изъ этой категоріи, а потому обязаны сейчасъ же попросить у меня извиненія.

Грюнбергъ напрягъ всю свою силу и высвободилъ свою руку.

— Неужели?—сказалъ онъ иронически.

— Да.

— Ваша наглость безмѣрна.

— Я имѣю право на ваше уваженіе, —горячилась Конкордія Владиславовна.

— Вотъ какъ.

— Я вела борьбу со всѣми искушеніями и вышла побѣдительницей.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Я имѣла почетное положеніе въ обществѣ. Смерть мужа измѣнила весь строй моей жизни и я не захотѣла давать поводъ злословить мое доброе имя и оставила свѣтъ, чтобы вступить въ общину. Я не дала вамъ повода относиться ко мнѣ такъ, какъ вы относитесь. Я имѣю право на уваженіе каждаго, а тѣмъ болѣе на ваше.

Онъ засмѣялся дерзкимъ оскорбительнымъ смѣхомъ.

— Я призналъ бы за вами это право, если бы не имѣлъ въ рукахъ документа.

— Документа?—вопросительно повторила Конкордія Владиславовна.

Грюнбергъ нагнулся къ ней.

Его дыханіе обожгло ей лицо.

— Евгений за день до смерти прислать мнѣ письмо князя Осокина.

— Письмо... князя...—повторила она...—Къ кому?

— Къ вамъ, гдѣ онъ сознается...

Она поблѣднѣла.

— Онъ этимъ отомстилъ и вамъ, и мнѣ.

— И вамъ?

— Презрѣніе, съ которымъ я отнесся сначала къ нему, переполнило чашу его сердечной муки... Я это понялъ и съ тѣхъ поръ больше не живу. Я только путешествую въ погонѣ за забвеніемъ. Мой талантъ, моя прежняя веселость и общительность, всѣ надежды на будущее, все это сразу рухнуло подъ непосильнымъ гнетомъ, который называется угрызеніемъ совѣсти. А вѣдь моя вина гораздо легче вашей.

Она вся дрожала и едва держалась на ногахъ.

— Я любила его,—прошептала она.

— Полноте... Не кошунствуйте...

— Я любила его,—повторила она.— Вы этого не знаете!... Я глубоко раскаяваюсь... пощадите меня!

— Нѣтъ! Я не вѣрю вамъ.

— Смягчитесь и простите.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ рѣшительно.

— Она ухватила за полу его дорожного пальто, но онъ освободилъ его, не говоря ни слова, и скрылся въ мужской каютѣ.

Раздался третій свистокъ.

Конкордія Владиславовна печально посмотрѣла вслѣдъ ушедшему отъ нея литератору, затѣмъ пошла въ общую каюту третьяго класса, пріютилась на одной изъ скамеекъ и стала смотрѣть задумчиво на безбрежное море.

Пароходъ отошелъ отъ пристани.

XXVI.

Извѣстіе о трагической смерти графа Евгенія Игнатьевича Бехтѣева, дошедшее до Григорія Константиновича Станишева прежде всего пробудило въ его сердцѣ сладостныя надежды.

Конкордія Владиславовна дѣлалась вдовой и шансы на то, что она, наконецъ, согласится сдѣлаться его женою, казалось ему, увеличивались.

Кромѣ того, Станишевъ сообразилъ, что самоубійство Бехтѣева, противъ оконъ жены, подтвердитъ передъ обществомъ ненормальное состояніе его умственныхъ способностей и сцена во время посольскаго раута будетъ объяснена какъ бредъ сумасшедшаго.

А на основаніи такого бреда „нельзя составлять мнѣнія“ о „порядочныхъ людяхъ“.

Къ категоріи послѣднихъ Григорій Константиновичъ, со свойственною ему скромностью, причислилъ и себя.

Скандалъ въ посольскомъ отелѣ забудется. Все пойдетъ по старому. Онъ, Станишевъ, будетъ дышать свободнѣе. Графъ Евгеній Игнатьевичъ Бехтѣевъ, передъ которымъ Григорій Константиновичъ чувствовалъ паническій страхъ, сошелъ съ его дороги навсегда.

Онъ тотчасъ же поѣхалъ къ Конкордіи Владиславовнѣ, но не былъ принятъ. Это его взбѣсило. Онъ послалъ къ ней за своею дочерью. Ольга Григорьевна была привезена въ родительскій домъ.

— Что графиня?—спросилъ ее Григорій Константиновичъ.

— Графиня, больна.

— Больна.

— Да... Она такъ убита горемъ, что опасаются за ея разсудокъ.

— Г-мы! — крикнулъ Станишевъ.

Онъ рѣшился выждать время и дать ей успокоиться или, какъ думалъ онъ, сдѣлать видъ, что она успокоилась.

— Комедию ломаетъ!.. — рѣшилъ онъ.

Дня черезъ два, когда вѣсть о самоубійствѣ графа Бехтѣева сдѣлалась достояніемъ всего города, Григорій Константиновичъ поѣхалъ съ визитами.

Онъ заранѣе уже приготовился говорить съ сожалѣніемъ о несчастной участи молодого человѣка, къ которому онъ никогда не питалъ ничего, кромѣ пріязни, но который всегда былъ ненормаленъ и почему-то избралъ его мишенью для своихъ нападокъ.

— Но я всегда все прощалъ ему и простилъ даже послѣднюю выходку на балу. Я только жалѣлъ его... Я и теперь жалѣю его.

Такъ думалъ окончить Станишевъ свою бесѣду о несчастномъ самоубійцѣ.

Ему не пришлось вести ее. Онъ нигдѣ не былъ принятъ. Это поставило его въ тупикъ. Онъ окончательно растерялся.

Черезъ прислугу, подосланную имъ въ квартиру Конкордіи Владиславовны, онъ между тѣмъ узналъ, что у графини были съ визитами жены именно тѣхъ лицъ, двери домовъ которыхъ такъ нелюбезно затворялись передъ его носомъ, и что графиня не приняла ихъ.

— Ей, значитъ, смерть мужа послужила на пользу... А мнѣ? — подумалъ онъ.

Ему ничего не оставалось, какъ только выждать. Онъ сталъ выждать. Полученная имъ отъ Конкордіи Владиславовны записка, съ приглашеніемъ явиться къ ней, ободрила его.

Мы знаемъ, что его и тутъ ожидало разочарованіе. Онъ вернулся домой взбѣшенный.

Кромѣ страсти къ Конкордіи Владиславовнѣ, въ его сердцѣ была еще страсть къ деньгамъ. Предметъ первой страсти погибъ для него навсегда, а для второй страсти былъ нанесенъ тяжкій ударъ требованіемъ ста тысячъ рублей. Но отказать было нельзя. Въ назначенный день и часъ онъ привезъ графинѣ Бехтѣвой потребованную ею сумму въ процентныхъ бумагахъ.

Она приняла его въ той же гостинной и также не пригласила сѣсть.

Сосчитавъ тщательно деньги, она сказала:

— Хорошо! Можете идти...

— Но, Конкордія...—начальъ было онъ.

— Можете идти!..—властно повторила она и сама вышла изъ гостинной.

Позеленѣвъ отъ злобы, онъ принужденъ былъ уѣхать.

Послѣ этого послѣдняго свиданія, онъ возненавидѣлъ ее.

Положеніе Григорія Константиновича Станишева въ Петербургѣ стало невыносимымъ. Онъ рѣшилъ покинуть оказавшіеся для него негостепріимными берега Невы. Онъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи продать домъ, принадлежавшій его дочери, мотивируя эту просьбу ея слабымъ здоровьемъ и необходимымъ переѣздомъ на югъ. Онъ не пожалѣлъ денегъ и, конечно, безъ труда досталъ для Ольги медицинское свидѣтельство въ этомъ смыслѣ, подписанное однимъ изъ петербургскихъ свѣтилъ медицинскаго міра. Эта подпись въ связи съ другими представленными въ опеку и сенатъ доводами рѣшила дѣло. Продажа была разрѣшена.

На прекрасный домъ князя Осокина, конечно, очень быстро нашелся покупатель, пріобрѣвшій его домъ со всей обстановкой.

Григорій Константиновичъ съ своей дочерью, вмѣ-

сто того, чтобы ѣхать на югъ, отправился въ городъ, вблизи котораго было расположено имѣніе покойнаго князя Осокина, перешедшее по завѣщанію къ Ольгѣ Григорьевнѣ Станишевой, то самое имѣніе, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Конкордія Владиславовна искашала покойнаго князя Сергѣя Сергѣевича убить его жену, но онъ въ первыя минуты не поддался этому искушенію и выгналъ ее изъ дома.

Онъ не сумѣлъ, однако, выгнать ее изъ сердца.

Вмѣсто эпилога.

На этомъ записки Конкордіи Яцевичъ обрываются.

Мнѣ удалось случайно узнать дальнѣйшую судьбу дѣйствующихъ лицъ.

Петербургское свѣтило медицинской науки оказалось право, выдавъ Ольгѣ Григорьевнѣ Станишевой свидѣтельство о необходимости для нея благораствореннаго воздуха юга - она черезъ два года послѣ отъѣзда изъ Петербурга умерла отъ чахотки.

Самъ Григорій Константиновичъ Станишевъ, не особенно огорченный смертью дочерью, сдѣлался нищимъ-богачемъ.

Скупость сдѣлалась положительно его маніей.

Онъ сталъ до того подозрителенъ, что держалъ свой огромный капиталъ дома, боясь довѣрить его даже государственному банку и жилъ въ каморкѣ подъ лѣстницей собственнаго дома, весь отдавая его внаймы, жилъ впроголодь, питаясь буквально отбросами его жильцовъ.

Въ одинъ роковой день онъ былъ найденъ въ своей каморкѣ убитымъ, съ разбитымъ черепомъ.

Всѣ деньги исчезли.

Убійцы не разысканы.

Оставшееся послѣ него недвижимое имущество оказалось выморочнымъ.

Іосифъ Самсоновичъ Грюнбергъ не вернулся изъ Абиссиніи.

Онъ былъ убитъ наповаль шальной пулей въ сраженіи подъ Адуей.

Судьба автора этихъ записокъ уже извѣстна дорогимъ читателямъ и очаровательнымъ читательницамъ.

Она до сихъ поръ одна изъ шикарныхъ кокотокъ Петербурга.

Ея мать живетъ при ней, радуясь, что дочь взялась за умъ и умѣетъ получать хорошіе проценты на свой капиталъ—красоту.

Я встрѣчаю ее на Большой Морской въ часы катанья въ роскошномъ экипажѣ, въ богатомъ эксцентричномъ туалетѣ, въ театрахъ, въ концертахъ, въ веселыхъ загородныхъ уголкахъ.

Она не обращаетъ на меня вниманія, какъ будто не узнаетъ меня, а я...

Я до сихъ поръ люблю ее!

Н. Э. Гейнце.

П О Э Т Ъ.

(Изъ Г. Гейне).

Ты видишь тамъ, вверху, блуждаетъ въ облакахъ
Печально маленькій и блѣдный серпъ луны,
И воды ликъ его съ усмѣшкою въ волнахъ
Несутъ, и онъ дрожитъ въ объятіяхъ волны.

Но подожди немного—запылаетъ кругъ,
И царственный зальетъ моря и рѣки свѣтъ,
И волны, гордая дотолѣ, стихнутъ вдругъ
Предъ свѣтомъ царственнымъ.

Таковъ и ты, поэтъ!

Л. Кипіани.

У АДВОКАТА.

(СЦЕНКА СЪ НАТУРЫ).

Дѣйствующія лица:

Адольфъ Вячеславовичъ Войницкій — адвокатъ, лѣтъ 40.

Его секретарь — молодой человѣкъ, лѣтъ 28.

М-ме Терентьева — кліентка, особа лѣтъ 22.

Саломэ Комшишвили — кліентка, полная дама, лѣтъ 35;
одѣта въ туземный костюмъ.

Абрамянцъ — армянинъ, мелкій торговецъ, типичная
физиономія, безъ бороды, съ длинными сѣдыми усами и
коротко-остриженными волосами; одѣтъ въ національную
чоху.

Сидоровъ } русскіе мѣщане мастеровые, среднихъ
Микулинъ } лѣтъ.

Саладзе } крестьяне-грузины, старики.
Гогишвили }

Отто Фридриховичъ Шварцъ — купецъ 45 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Тифлисъ, въ квартирѣ адвоката. Пріемная
установлена вокругъ стѣны стульями съ высокими спинками; у одной стѣны
столъ письменный, изящной работы, со всѣми письменными принадлежно-
стями и двумя бронзовыми канделябрами. Возлѣ стола шкафъ съ стеклян-
ными дверцами, черезъ которыя видѣются книги, въ изящныхъ перепле-

тахъ, своды законовъ и другія, все юридическаго содержанія. Съ другой стороны стола—телефонъ. На окнахъ и на дверяхъ тяжелыя портьеры. Одна дверь ведетъ въ переднюю, другая—въ кабинетъ адвоката, третья—во внутреннія комнаты. Обстановка бьетъ на шикъ. 11 часовъ утра.

Д Ъ Й С Т В І Е I.

Явленіе 1-е.

Секретарь сидитъ у письменнаго стола и пишетъ. Сагадзе и Гогиншвили сидятъ на стульяхъ у входныхъ дверей. Гогиншвили дремлетъ, Сагадзе осматривается по сторонамъ, то встаетъ, подходитъ къ телефону, то разсматриваетъ картины на стѣнахъ, книги въ шкапу, то снова садится, вздыхая и выказывая нетерпѣніе. Сидоровъ и Микулинъ разговариваютъ у окна.

Микулинъ.—И кабы я его впрямь билъ, какъ слѣдуетъ... А то и вдарилъ-то всего раза два ай три... Такъ нѣшто это битье?... Да и што, въ первой, што-ли!... Почитай кажинную недѣлю дрались такъ то по-пріятельски... подъ хмѣлькомъ, значить, въ праздникъ... И ничего... А тутъ—на! вздумалъ жалиться!.. Не иначе, какъ кто со стороны получилъ идтить къ мировому...

Сидоровъ.—Это такъ... это точно... Надоумить кто изъ пріятелевъ... Такіе-то совѣтники завсегда найдутся... А только ты, другъ, пустое это затѣялъ къ аблакату обращаться... Не дешево это тебѣ вѣдетъ... И дѣло то того не стоящее.

Микулинъ.—Такъ, вѣдь, я за совѣтомъ только... Чтобы, значить, аблакать совѣтъ далъ, какъ мнѣ быть-то... Потому въ кутузку безпремѣнно засадятъ... Онъ—Васька—и свидѣтелевъ припасъ, что я ему, значить, скулы свернуть... Ну, и фонарь подъ глазомъ синѣется, точно, налицо...

Сидоровъ (хлопая его по плечу).—Эхъ, ты, дурная голова! Такъ нѣшто тебѣ аблакать совѣтъ-то даромъ дастъ, што ли?... Ты вотъ, къ примѣру, по какому мастерству?

Микулинъ (съ удивленіемъ).— Я-то?... Плотниками будемъ.

Сидоровъ.—Плотникомъ... Ладно... Ну, такъ вотъ, коли ежели тебя позовутъ али попросятъ клепку вбить—даромъ вбивать станешь?

Микулинъ.—Зачѣмъ даромъ?! Какъ даромъ всѣмъ клепки вбивать, такъ и съ голоду подохнешь...

Сидоровъ.—Ну, вотъ, то-то оно и есть... Ты по своему ремеслу такъ разсуждаешь, значить, а аблакать по своему... Если онъ всѣмъ то намъ совѣты даромъ давать станетъ, такъ тоже пить, ѣсть нечего будетъ... А у яго, видишь, хоромы-то не нашимъ фатерамъ подстать... Яму больше нашего надоть.

Микулинъ.—Это ты правильно...

Сидоровъ.—Постой! Не перебивай! Дай разсказать... Ты говоришь—совѣтъ... А знаешь-ли, какой яго совѣтъ-то будетъ?... Напишетъ онъ тебѣ прошеніе, а ты яму за это цѣлкачей двадцать и отвали...

Микулинъ.—Эво-на! двадцать цѣлковыхъ за одну бумажку!...

Сидоровъ.—Погоди! Говорятъ, не перебивай!.. Это за прошеніе въ мировой... А тамъ апелляція да кассація, въ окружный судъ да въ палату... Такъ и всѣхъ сто рубликовъ заплатишь... Я эти порядки, братъ, знаю... Въ этой музыкѣ перебивали...

Микулинъ.—Сто рублевъ за Васькину-то рожу! Да онъ и весь-то, съ потрохами, этакой уймы деньжищъ не стоитъ...

Сидоровъ.—Стоитъ, не стоитъ—тамъ съ тобой разсуждать не станутъ... Присудятъ и плати!.. (обращаясь къ секретарю) Такъ-ли, баринъ, я говорю?

Секретарь.—Да, конечно, если дѣло дойдетъ до высшихъ инстанцій, такъ меньше ста рублей, при выигрышѣ дѣла, не обойдетесь.

Микулинъ.—А на кой лядъ мнѣ эти станціи. Мнѣ только-бы отъ кутузки ослобониться... потому прогуль... Вотъ и теперича работу бросилъ да сюда пришелъ...

Сидоровъ.—Ге, братъ! коли до суда дойдетъ, такъ, прежде чѣмъ въ кутузку засадятъ, сколько эфтого прогулу-то будетъ!.. А ты то сообрази: ну, засадятъ тебя дня на три, на четыре, самое большое день на семь... Работы лишишься—это точно... Примѣрно, сколько въ день заработишь?

Микулинъ.—Да, такъ, рубля полтора, два, а то и три. Разно бываетъ... День на день не приходится.

Сидоровъ.—Ладно. Будемъ считать по полтора... За четверо сутокъ это, стало быть, 6 рублей... Выкинь харчи, анъ и того меньше... Потому дома-то харчиться надоть, а тутъ харчъ казенный... А аблакату-то сколько отвалишь?

Микулинъ (въ раздумьи).—Это точно... Это ты вѣрно счелъ, другъ. Спасибо за совѣтъ... Лучше ужъ отсидѣться. По крайности отлежусь, отосплюсь за эфто время...

Сидоровъ.—Во-отъ!.. Такъ бы зря дома не лежать, а тамъ поневолѣ отдыхать будешь... Вотъ те и выгода.. Велика важность—кутузка! Наши то фатеры подвальные немного что лучше, а на счетъ харчей такъ тоже къ разносоламъ не привычны и дома...

Микулинъ.—Вѣрно, вѣрно... Спасибо, другъ, надумилъ... Литки съ меня тебѣ за науку. Пойдемъ, выпьемъ!..

Сидоровъ.—Правильно, что магарычъ слѣдуетъ, потому сейчасъ говорили, што ничего даромъ никто дѣлать не станетъ. Идетъ! угощай!.. Тебя какъ звать-то?

Микулинъ.—Митріемъ крестили...

Сидоровъ.—Ну, Митрій, такъ Митрій, а мнѣ попъ мудреное имя далъ—Пафнугіемъ звать... Такъ ты такъ и запомни.

Микулинъ.—Будемъ помнить... Что же, имя христіанское.

Секретарь (къ Сидорову).—Куда же вы? А ваше дѣло.

Сидоровъ.—Что дѣло! — не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжить... Господинъ аблакать, чай, еще долго проклажаться-то будетъ, такъ еще вернемся ко времени... Не чѣмъ мнѣ здѣсь ждать то на сухую, такъ я лучше въ распріятной компаніи выпью... Идемъ, Митрій!

Микулинъ.—А у тебя какое такое дѣло?

Сидоровъ.—Дорогой расскажу... Дѣло то не мудреное. (Уходятъ).

Явленіе 2-е.

Входитъ м-ме Терентьева. Одѣта пестро, безъ вкуса, но по модѣ; на рукахъ много колець и браслетъ, жеманится и кокетничаетъ. Изъ простыхъ, но старается изобразить *grande dame*.

М-ме Терентьева (киваетъ головой секретарю и по-гомыъ подаетъ ему руку).—Здравствуйте! Адольфъ Вячеславичъ у себя?

Секретарь (удерживая ея руку въ своихъ).—Онъ сейчасъ выйдетъ... Присядьте, пожалуйста (придвигаетъ ей стулъ поближе къ себѣ).

М-ме Т.—Ахъ, право, и сидѣть-то нѣкогда... Дѣловъ много (садится, шурша шелковой юбкой, и выставляетъ ногу, дѣлая глазки).

Секр.—Ну, что за важность, что дѣловъ много!.. Успѣете... И здѣсь же не безъ дѣла (заигрывая). Ну, что же, не хотите мириться съ мужемъ?

М-ме Т.—Помилуйте! развѣ можно мириться съ такимъ иродомъ безчувственнымъ!.. Могу-ли я съ нимъ жить, при его такомъ обращеніи со мной!.. Я женщина деликатная, всякія понятія въ себѣ имѣю... А онъ, въ позволенія сказать, всякими небрежными словами дурачится?..

Секр. (перебивая).—Какими словами?.. небрежными?.. Это что-же значить?

М-те Т. (жеманясь).—Что это вы точно младенец невинный!.. не знаете, какими словами ругаются по-мужицки!

Секр.—А, такъ это называется „небрежныя!“ Виновать, не зналъ. Я, оказывается, плохо знаю русскій языкъ... Продолжайте! Такъ мужъ вашъ позволяет себѣ ругаться небрежными словами--экій негодай!

М-те Т.—Да, вотъ видите... Каково это мнѣ при моей партикулярности и образованности!

Секр. (еле удерживаясь отъ смѣха).—Ужасно, ужасно! Каково, въ самомъ дѣлѣ, жить женщинѣ партикулярной съ непартикулярнымъ мужемъ... Бѣдная! (беретъ ея руку и пожимаетъ).

М-те Т.—Вотъ сейчасъ видно, что вы человекъ съ понятіемъ, можете войти въ мои чувства. А онъ что, одно слово легковѣрный субъектъ...

Секр.—Такъ, такъ... Прекрасно сказано: именно легковѣрный субъектъ... Удивляюсь, право, какъ вы великолѣпно выражаетесь! Скажите, гдѣ вы получили образование?

М-те Т.—Домашнее больше. Потому что, хотя я и ходила въ школу, только тамъ манерамъ и деликатному обращенію не обучаютъ... А у насъ на Манглисѣ полкъ стоитъ, такъ господа ахвицеры—очень пріятные кавалеры—со мною занимались, книжки давали ученыя читать. Вотъ промежъ нихъ я и выучилась гостинному обращенію. Они всегда говорили, что я очень въ наукѣ способная.

Секр.—Да, да, это по всему замѣтно, и науку вамъ прекрасную преподавали... А скажите, какія это ученыя книжки вы читали?

М-те Т.—Разныя. Я сочинителевъ теперь не пом-

ню, только одну запомнила, называется „Нана“. Очень интересная книга. И какъ это она изъ бѣдности такъ вознеслась—достойно удивленія.

Секр.—И, конечно, подражанія!.. Да, дѣйствительно, вы очень ученые вещи читали. Прекрасная школа.

М-те Т.—Нѣтъ, школа у насъ простая... Я просила маменьку, чтобы онѣ меня въ Тифлисъ въ гимназію опредѣлили. Такъ маменька и слышать не хотѣли, потому, говорятъ, что въ Тифлисъ ндравы очень испорчены, всякая мараль можетъ произойти... А я такъ очень недовольна, что не въ гимназій обучалась, потому все же вывѣска... Лестно гимназисткой быть... Да и теперь, по нынѣшнимъ временамъ, когда вездѣ всякая эмансипація производится, маменькины взоры, можно сказать, совсѣмъ отсталые...

Секр.—Да, дѣйствительно... (Въ сторону) Господи, что за выраженія! Ну, и шутиха! (Въ слухъ) Но отчего же вы не хотите хлопотать о разводѣ, если вашъ мужъ вамъ такъ противенъ и если, какъ вы исповѣдывались Адольфу Вячеславовичу, у васъ такія уважительныя причины для развода? Или вы это все выдумали на мужа, чтобы прикрыть свои грѣшки? А!.. сознайтесь!

М-те Т. (обиженно и жантильничая).—Ничего я не выдумывала и никакихъ такихъ грѣховъ у меня нѣтъ... Напрасно вы обо мнѣ такое легкое понятіе имѣете... А только, какъ я женщина молодая, мнѣ невозможно жить съ такимъ мужчиной...

Секр.—Ну, такъ, и разведитесь съ нимъ...

М-те Т.—Ахъ, что вы это, право, какой непонятный! Какъ можно разводъ!.. Чѣмъ-же я тогда буду обеспечена! Теперича онъ долженъ мнѣ лименты выдавать, а тогда, что-же, при какомъ антіресѣ я останусь...

Секр.—Практичное разсужденіе... Но вѣдь можете вторично замужъ выйти... Такая хорошенькая, изящ-

ная и образованная, какъ вы, всегда найдетъ себѣ хотъ десятокъ мужей.

М-те Т. (кокетничая).—Мерси вамъ за куплиментъ, только ужъ замужъ въ другой разъ не пойду... Довольно съ меня этого мучительства... Какъ я наглядѣла за это время, на всякія физическія и нравственныя дѣянія моего мужа, такъ даже, можно сказать, получила отвращеніе и синпатію на счетъ замужества, и никакихъ мнѣ мужьевъ не нужно.

Секр. (улыбаясь).—Такъ-съ... Вы очень практичная особа...

М-те Т.—И потомъ, мужчины, извѣстно, всѣ такіе измѣнчивые... Это вотъ только въ тѣатрѣ поется про женщинъ, а мужчины по этой статьѣ не въ примѣръ хуже. Ни одного нѣтъ, чтобы въ вѣрности себя прозошелъ...

Секр.—Ну, ужъ, и ни одного!.. Вотъ я, напримѣръ.

М-те Т.—Я вашихъ обсуждений на этотъ счетъ не знаю...

Секр.—Такъ узнайте... Испытайте, могу-ли я любить и быть вѣрнымъ...

М-те Т.—Ахъ, что это вы, какія глупости говорите! Какъ это я съ постороннимъ человѣкомъ могу въ такую логику входить...

Секр.—Такъ тогда-же я не буду постороннимъ, стало быть и логика не будетъ посторонняя (наклоняется къ ней). Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте! Экая шейка аппетитная! (Цѣлуетъ ее въ шею. Сагадзе, который стоитъ у окна, оборачивается въ это время и видитъ поцѣлующихъ фыркаетъ въ руку, толкая въ бокъ Гогишвили. Тотъ просыпается и смотритъ недоумѣлыми глазами. Сагадзе опять фыркаетъ).

М-те Т. (смотря на Сагадзе съ негодованіемъ).—Чего этотъ мужикъ ржетъ?

Секр.—Не обращайтесь вниманія!.. Дуракъ онъ, развѣ можетъ понимать тонкое, деликатное обхожденіе... (Цѣлуетъ ей руку. Сагадзе зажимаетъ ротъ рукой и выбѣгаетъ въ переднюю. Гогишвили опять дремлетъ). Можно еще? (хочетъ поцѣловать).

М-те Т. (отстраняясь).—Нѣтъ, ужъ тутъ не надо, при такой необразованности, еще могутъ выйти какія-нибудь недоразумѣнія... Вы ужъ лучше завтра вечеромъ ко мнѣ приходите... Вмѣстѣ въ тѣатръ пойдемъ... Очень хорошее завтра представленіе идетъ. Какъ эта опера называется—все забываю... „Лапланта“, что-ли... Придете?

Секр.—Еще бы! непременно. (Въ сторону) Гм... губа не дура... На мой счетъ въ театръ, а тамъ ужинъ, проводы... Это при моемъ-то жалованіи... Этакъ и безъ сапогъ останешься... Дудки! Посмотримъ еще, кто кого подведетъ...

М-те Т.—О чемъ вы это такъ задумались?

Секр. О завтрашнемъ счастьѣ...

М-те Т. (ударяетъ его вѣеромъ по плечу)—Какой ловилась! все съ куплиментами.

Явленіе 3-е.

Входитъ изъ дверей кабинета адвокатъ, а изъ передней Сагадзе. Адвокатъ одѣтъ изыскано, развязенъ, говоритъ скоро, не останавливаясь, во время разговора, то счищаетъ ногтемъ пылинки съ своего костюма, то переставливаетъ и убираетъ на столѣ. Подвиженъ и нервенъ.

Адвокатъ (подходя къ м-те Т. и протягивая ей обѣ руки).—Ахъ, драгоценнѣйшая, обворожительная Матрена Потаповна! Какъ поживаете? Простите великодушно, что заставилъ ждать... Всю ночь не спалъ, только въ 5 часовъ утра заснулъ... Все готовился къ защитѣ... Сегодня у меня важное дѣло въ судѣ... Пожалуйста въ кабинетъ (Дѣлаетъ жестъ рукой, предлагая ей идти впередъ. Сагадзе и Гогишвили подходятъ къ нему и кланяются).

Сагадзе. Адольфъ Бечеславичъ, пожалиста, говори съ нами нѣмножко!.. Два часа сидымъ... Вотъ онъ (указывая на Гогинвили) хорошо висипался..

Адв.—А пули принесли?

Сагадзе.—Вотъ пули... (достаеъ изъ-за пазухи деньги и передаетъ ему). Возьми, пожалиста, только скажи одно слово съ нами... Я еще свидѣтель нашель, хорошій свидѣтель...

Адв. (перебивая его).—Некогда, некогда, душа моя!.. Видишь дама!.. Place aux dames, какъ говорятъ французы. А вѣдь это народъ передовой, культурный...

Сагадзе (въ свою очередь перебивая).—Какой минэ дѣло французъ. Наши дѣло скажи! Ва!

Адв. (хлопая его по плечу).—Завтра, завтра приходите... Я сейчасъ долженъ въ судъ идти... Сегодня нѣкогда... (Убѣгаетъ вслѣдъ за м-ме Т. и захлопываетъ дверь).

Явленіе 4-е.

Тѣ же, кромѣ адвоката и м-ме Т. Сагадзе стоитъ нѣсколько секундъ, какъ пораженный, смотря на запертую дверь, Гогинвили почесываетъ затылокъ и вздыхаетъ.

Сагадзе (къ секретарю).—Баринъ! Это что такое? Два мѣсяца ходымъ, ходымъ—все завтра да завтра... Дэнга взялъ, кушалъ, а тѣпэръ завтра... Это хорошо, да?

Секр. А я то чѣмъ виноватъ (пожимаетъ плечами).

Сагадзе.—Знаемъ, баринъ, что твоя не биноватъ. А зачѣмъ Адольфъ Бечеславичъ такой чилувѣкъ, зачѣмъ напрасно водить, да! У насъ свой работа есть... три часа тутъ сидѣлъ...

Секр.—Ну, что-же дѣлать, приходите завтра!

Сагадзе.—Ва! завтра идемъ, опять скажитъ завтра! Хатабала!..

Гогнишвили (дотрогиваясь до руки Сагадзе).—Цамоды, кацо! Раари!.. Прощай, баринъ.

Секр. — Прощайте, братцы!

(Сагадзе хочетъ идти и вдругъ останавливается, раздражаясь хохотомъ).

Секр.—Чего ты? Что съ тобой?

Сагадзе.—Ва, баринъ, какъ ви хорошо дэвка цѣловать! Молодецъ, баринъ! Кочахъ! Когда я молодой билъ, тоже много дэвка цѣловать... Хорошо, юфъ! (Качаетъ головой и со смѣхомъ уходитъ, Гогнишвили за нимъ).

Явленіе 5-е.

Секретарь одинъ.

Секр. (потягиваясь и зѣвая).— Несчастные люди! Два мѣсяца каждый день ходятъ и не могутъ добиться толку... Взялъ всѣ деньги впередъ и забросилъ дѣло. Стыдно даже за него отвѣчать на ихъ вопросы все однимъ и тѣмъ же увѣреніемъ, что все будетъ сдѣлано во время... завѣдомо лгать... И вѣдь всегда такъ поступаетъ съ такими безотвѣтными кліентами: возьметъ деньги, спуститъ, а потомъ дѣла лежатъ, потому что денегъ нѣтъ на пошлины да на разные другіе расходы. А ихъ обманываетъ, завтраками кормить... Эхъ, жулики!..

Явленіе 6-е.

Входятъ м-ме Т. и адвокатъ.

Адв. (проводяя м-ме Т.).—Будьте покойны, драгоценнѣйшая! Будьте покойны! Только деньги принесите, а тамъ все какъ по маслу пойдетъ... Такъ прикрутимъ вашего благовѣрнаго, что онъ самъ будетъ предлагать алименты, только бы его оставили въ покоѣ... Положитесь на меня... Если я что сказалъ, то слово мое свято. Если возьмусь за дѣло, такъ ужъ и выиграю...

Только деньги нужны... Хе-хе-хе! (потираетъ руки и пріятно хихикаетъ). Безъ денегъ ничего не подѣлаешь... Расходы большіе... Такъ-то, милѣйшая!.. Простите! Я теперь тороплюсь въ судъ... Дѣло важное... (Жметъ ей руку обѣими руками и незамѣтно подвигаетъ къ выходу).

М-ме Т. (освобождаясь отъ него).—Позвольте! я еще не попрощалась съ молодымъ человѣкомъ (протягивая руку секретарю) До пріятнаго свиданія (дѣлаетъ глазки).

Адв. — Виноватъ, виноватъ! А каковъ онъ у меня молодець! (хлопаетъ секретаря по плечу). Кровь съ молокомъ, правда? Увлечься можно. Вы, смотрите, дорогая, берегите свое сердечко!.. Онъ настоящій сердцегрызъ. Хе-хе-хе!..

М-ме Т. (жеманно).—Мнѣ это даже рѣшительно все равно до ихней антересности... Какъ это вы меня понимаете, въ какомъ разсужденіи!.. даже обидно, право. (Дѣлаетъ видъ, что обижена и надуваетъ губки подѣтски).

Адв. Ну, ну, не сердитесь, божественная, Я, вѣдь, шучу. (Опять подталкиваетъ ее къ дверямъ, ведя за руку. *М-ме Т.* уходитъ).

Адв. (ей вслѣдъ).—До свиданья! Au revoir! (Возвращается въ пріемную) Уфъ! наконецъ то отдѣлался! Вотъ еще жеманная дурища! Жена простого машиниста, манглисская поселянка, а какую грандессу изъ себя корчитъ... А говорить-то какъ, какимъ дурачки-изысканнымъ жаргономъ!.. Нѣтъ, въ нашихъ странахъ такого безобразія не встрѣтите... Тамъ... (Входитъ Саломэ Комшишвили).

Явленіе 7-е.

Тѣ же и Саломѣ Комишшвили, красная, взволнованная, говорить скоро и громко, съ визгливыми нотами, сильно жестикулировать.

Саломѣ.—Гаспадинъ адвокатъ, пожалиста, пиши бумага скорѣй... Надо мировой судья подавать...

Адв.—Какую бумагу? Въ чемъ дѣло?

Саломѣ.—Такой дѣло, такой дѣло, безсовистнѣй... Судья сказалъ: прошеніе пиши, сюди приходи... Скорѣй, пожалиста, пиши, шинѣ чиримѣ!

Адв.—Да какое же дѣло? На кого вы жалуетесь, за что?

Саломѣ.—Ва! (показывая сломанный зонтикъ).— Вотъ зонтикъ, хуты манети, пять (показываетъ пальцами) манѣтъ купилъ... Изъ рука выривалъ, на земля бросалъ, „индушка“ сказалъ... Ва! это рази можно! (Секретарь смѣется, наклоняясь надъ бумагой).

Адв.—Кто? Садитесь! расскажите подробно, какъ было...

Саломѣ.—Ишелъ я на Головински... зонтикъ руки держалъ. Она хватилъ зонтикъ... вотъ такъ ломалъ (показываетъ, какъ ломалъ), на земля бросалъ... индушка ругалъ... Ва!.. Пиши, пожалиста, скорѣй!.. Пять манѣтъ не денга?.. Пропалъ пять манѣтъ!.. Еще индушка ругалъ... Какой индушка! Я честни женчинъ... У меня мужъ деревня есть... Ва!

Адв.—Все это хорошо...

Саломѣ (перебивая).—Зачѣмъ хорошо... Ва!.. Это рази хорошо индушка...

Адв. (перебивая).—Да, нѣтъ, позвольте!.. Кто васъ такъ обидѣлъ и за что?

Саломѣ.—Не знаимъ дохтуръ, не знаемъ—апицеръ, —военни...

Адв.—Да фамилія-то какъ? имя? сахели?

Саломэ.— Сахели!.. Майца! Картички даваль... картичка есть... (Вскакиваетъ и начинаетъ шарить по карманамъ, за поясомъ, за корсажемъ).— Ва! садари? гдѣ картичка? (Ищетъ и не находитъ).— Нѣту картички!.. Потряль...

Адв.— Ну, вотъ! Какъ же теперь прошеніе писать, на кого жаловаться, когда вы не знаете!.. За что же это онъ у васъ зонтикъ вырвалъ? Вѣрно вы его задѣли (объясняетъ мимикой).

Саломэ.— Немножко тутъ (указываетъ возлѣ глаза) царапилъ...

Адв.— Чуть не въ глазъ!..

• *Саломэ.*— Нѣтъ, глаза не трогилъ... Немножко тутъ кровь царапилъ.

Адв.— Хорошо немножко—до крови! Ну, вотъ, видите: зонтика держать не умѣете, а носите!..

Саломэ (обиженно).— Зачѣмъ не умѣимъ?.. Внизъ голова не держимъ...

Адв.— Да, а чуть человѣку глазъ не выкололи!.. Ну, какъ же ему было не вырвать и не сломать зонтикъ!.. Не мудрено, что и индюшкой назваль... Я удивляюсь, какъ онъ васъ еще не побилъ...

Саломэ.— Діахъ! Побилъ... Какъ смѣить!.. Я женчина... дама...

Адв.— Да, вѣдь и дамамъ не разрѣшается глаза колоть... Надо быть осторожнѣй... Это вамъ урокъ...

Саломэ.— Э, какой урокъ! что говоришь! Большое дѣло немножко царапилъ... зонтикъ пять манетъ заплатилъ... Много, пожалиста, не говори... Пиши скорѣй... Судья сказалъ: два часа здѣсь буду, послѣ домой пойдемъ...

Адв.— Не могу я писать, когда не знаю имени отвѣтчика... На кого жалобу подавать?

Саломэ.— Ва! Какой же вы адвокатъ, когда не зна-

ишь что писать... Хорошій адвокатъ все знать... все писалъ, что сказалъ — все писалъ.

Адв.—Да и я вамъ напишу, что вы говорите, да легче вамъ оттого будетъ?.. Все равно, мировой судья вернетъ вамъ прошеніе, потому, поймите, нѣтъ самаго главнаго: имени того, на кого вы жалуетесь. Поняли?..

Саломэ (разсерженно).—Ничего не понялъ... Когда не знаишь ничего писать, зачѣмъ на подъѣзди картички поставилъ—адвокатъ? Какой адвокатъ—пфи, кеціани!

Адв.—Ну, и идите искать такого, который напишетъ вамъ прошеніе безъ имени... Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ!..

Саломэ (уходя).—И пойду!.. Думаешь, нѣтъ? Большое дѣло. Только ви одинъ адвокатъ Тифлисъ.

Явленіе 8-е.

Адвокатъ и секретарь.

Адв. (ходя по комнатѣ).—Вотъ чудачка! пиши ей прошеніе неизвѣстно на кого... (Передразнивая). „Ни знаимъ дохтуръ, ни знаемъ апицеръ“... И этакая рохля—карточку потеряла... А тотъ-то каковъ джентльмэнъ—карточку сунулъ! Индюшкой обозвалъ—ну, и дѣйствительно возмутительно: чуть глаза не выколола—и можешь, дескать, жаловаться... Совсѣмъ по-рыцарски.

Секр.—Держу пари, что это кто-нибудь изъ вашихъ...

Адв.—Конечно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Такъ поступать можетъ только вполнѣ культурный человѣкъ... (Входитъ Абрамянцъ).

Явленіе 9-е.

Тѣ же и Абрамьянцъ.

Адв.—А-а-а! господинъ Абрамьянцъ, мое почтеніе! (протягиваетъ ему обѣ руки). Какъ поживаешь? Что скажешь, душа моя? Какой такой дѣло у тѣбѣ есть? (коверкаетъ слова, какъ туземцы).

Абр. (степенно). — Здравствуй, Адольфъ Бечеславичъ, какъ здоровье?

Адв.—Спасибо, спасибо... Какъ видишь, живъ и здоровъ... Что скажешь?

Абр. А вотъ какой дѣло: у васъ тогда мой исполнительный листъ остался—отдай, пожалиста, мнѣ...

Адв. (быстро мѣняя привѣтливый тонъ на сухой, дѣловой). —Какой исполнительный листъ? Когда остался!

Абр.—Когда ви мой дѣло велъ съ Геворковымъ...

Адв. (горячась).—Это девять-то лѣтъ тому назадъ? Да развѣ я обязанъ хранить всякую бумажку всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя велъ.

Абр.—Зачѣмъ серчаешь, Адольфъ Бечеславичъ? Я тебѣ кислый словъ не говорю. Отдай мнѣ мной бумага и я домой пошелъ...

Адв.—Нѣтъ у меня никакой бумаги...

Абр.—Есть, душа мой, есть. Поищи хорошенко...

Адв.—На что я ее прятать буду? На что она мнѣ?

Абр.—Тѣбѣ не нужно,—мнѣ нужно. Отдай, пожалиста.

Адв.—Вотъ извольте имѣть дѣло съ такимъ народомъ! Да они культурнаго человѣка систематически выживаютъ... Онъ имъ глаза мозолить, поперекъ горла становится... Они его и гонятъ, какъ дикаго звѣря...

Абр.—Постой, стой, Адольфъ Бечеславичъ! Кто тѣбѣ гонялъ будеть?.. Зачѣмъ я тѣбѣ гонялъ? Ты свой хлѣбъ кушилъ, я свой... Ты адвокатъ, я купецъ... Ты

свой дѣло дѣлать, я свой... Ты минэ не мѣшалъ, зачѣмъ я тѣбѣ гонялъ буду?

Адв.—Я съ вами, г. Абрамьянцъ, тогда честно кончилъ... Я не какой-нибудь жуликъ, чтобы деньги брать даромъ... Не подпольный адвокатъ... Мнѣ моя честь и совѣсть дороже вашихъ денегъ... Я и за-границей у лучшихъ юристовъ занимался... Меня всѣ знаютъ...

Секр. (въ сторону, махнувъ рукой).—Ну, пошла писать губернія! Завертѣлась мельница—теперь не скоро остановится... (Беретъ перо и начинаетъ писать).

Адв. (горячась все болѣе и болѣе).—Обо мнѣ вездѣ, гдѣ я ни защищалъ дѣла, самые лестные отзывы были отъ всѣхъ... Всѣ говорили, что я лучший адвокатъ...

Абр.—Постой, дай мнѣ мой слово сказать...

Адв. (не слушая его и не обращая вниманія).—Когда какое-нибудь крупное, выгодное дѣло, вы къ своимъ адвокатамъ идете, а къ намъ только тогда, когда оно выѣденнаго яйца не стоитъ. Мы тратимъ деньги, силы, здоровье для приобрѣтенія знаній... Изъ благоустроенныхъ, культурныхъ мѣстностей пріѣзжаемъ въ вашу дикую страну, чтобы развивать васъ, насаждать европейскую культуру, а вы насъ травите, какъ дикихъ звѣрей (Закашливается).

Секр. (въ сторону).—Прорвалась плотина... Нѣтъ теперь удержъ... Осѣдлалъ своего любимого конька...

Абр.—Адольфъ Бечеславичъ, постой немножко, дай мнѣ мой слово сказать!

Адв. (оправившись, не слушаетъ его).—Когда вы еще находились въ періодъ канибализма...

Абр.—Ва! Пускай твоя будетъ! Говори, что будемъ дѣлать! (Садится съ видомъ жертвы, обреченной на муку, и все время, пока адвокатъ говоритъ, мимикой выражаетъ покорность судьбѣ).

Адв. (продолжая).— Среди цивилизованныхъ людей законъ исполняетъ только одну формальность... Культурный человѣкъ честенъ уже потому, что считаетъ унижительнымъ для своего человѣческаго достоинства прибѣгать къ нелегальнымъ поступкамъ—поступкамъ, идущимъ въ разрѣзъ его просвѣщеннымъ идеямъ и убѣжденіямъ... Онъ честенъ и по традиціямъ прошлаго, и по натурѣ, и по принципу... Ничего этого нѣтъ у дикаря... Предки его грабежъ, разбой, хитрость и обманъ возводили въ своего рода культъ, которому и слѣдовали съ убѣжденнымъ фанатизмомъ неразвитаго ума. Съ такими воззрѣніями на пороки, т. е. пороки съ нашей точки зрѣнія, а по его понятіямъ это не пороки, а достоинство—онъ вырастаетъ. Этими воззрѣніями проникнуто все его существо и привить себѣ другія онъ не хочетъ и не можетъ по своей неспособности воспринимать высокія идеи (Снова закашливается).

Секр. (въ сторону).—Эка заврался-то! Надо положить этому конецъ. (Къ адвокату). Адольфъ Вечеславовичъ, что съ вами? Какъ вы поблѣднѣли! и смотрите, какъ подергиваются личные мускулы!..

Адв. (съ испугомъ).— Правда? Ахъ, Боже мой, какъ бы не случилась невралгія (Ходитъ молча по комнатѣ, стараясь успокоиться, выпиваетъ стаканъ воды).

Абр. (встаетъ и подходитъ къ письменному столу. Къ адвокату).—Кончилъ?.. Ну, тѣперь я свой слово скажу... Адольфъ Вечеславовичъ, душа мой, зачѣмъ ты мэнэ мучилъ?! зачѣмъ такъ много говорилъ? Я пришелъ тѣбѣ—давай мнѣ мой бумага... Я спасибо сказалъ... домой пошелъ... А ты говорилъ, говорилъ сколько много—себя мучилъ, миня мучилъ... Ва! Что говорилъ... Какой-такой культуръ-мультиръ—ничего не понимаемъ... Я человѣкъ простой—твой культуръ-мультиръ не знаемъ... Зачѣмъ напрасно мучилъ!.. Когда много говорить хочишь

ступай на судъ... Тамъ тѣбѣ денга давалъ за то, что говорилъ... Я тѣбѣ денга дамъ—мольчи, пожалуйста, давай бумага и пускай мини домой!.. Мнѣ дѣла ѣсть...

Адв.—Никакой бумаги у меня нѣтъ... Отстаньте... (Продолжаетъ ходить по комнатѣ).

Абр.—Не даешь?

Адв.—Нѣтъ у меня вашего исполнительнаго листа, говорю вамъ... Вы меня только измучили, до болѣзни довели...

Абр.—Не я тибѣ мучиль... Самъ сѣбѣ мучиль... Не даешь—что будемъ дѣлать!.. Нѣтъ и нѣтъ... Твоя воля... Кинжалъ рѣзить не будемъ... Прощай! Не хорошо такъ, Адольфъ Бечеславичъ! Я тѣбѣ всѣ денга давалъ, сколько просилъ... Я тѣбѣ дурной, кислый словъ никогда не сказалъ, а ты мэнэ обижалъ, какой штука сдѣлилъ!.. Не хорошо... Прощай... Бывай здоровъ... (Уходитъ. Въ дверяхъ сталкивается съ Шварцемъ. Кланяются другъ другу, извиняются и расходятся).

Явленіе 10-е.

Адвокатъ, секретарь и О. Ф. Шварцъ—солидный нѣмецъ, одѣтъ просто, но безукоризненно чисто, говоритъ медленно, отчетливо, какъ бы взвѣшивая каждое слово; довольно правильно выражается по-русски, только съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

Шварцъ (кланяясь).—Каспадинъ адвокатъ, посфольте мнѣ у васъ софѣтъ просить... Отто Фридриховичъ Шварцъ, сдѣшній тифлисскій 2-й гильдіи купецъ...

Адв. (протягивая ему руку).—Очень пріятно!.. Чѣмъ могу служить вамъ? Прошу садиться! (любезно предлагаетъ ему стулъ).

Шварцъ.—Благодарю вамъ... (смотритъ на часы).—Фоть я все по порядку буду расказифать... Я имѣю въ Тифлисъ одинъ пифной саводъ... Прошли годъ я нанилъ одинъ мастеръ-пифофаръ, по контрактъ на три годъ...

Прошли мѣсяць кончился одинъ годъ... Теперь мастеръ хочить уходить отъ миня, потому што другой саводчикъ ему больше шалованіе даетъ... Мошетъ онъ, мастеръ, по русски саконъ, уходить отъ мѣня?

Адв.—Если у васъ существуетъ контрактъ или письменный договоръ, то, конечно, онъ безнаказанно не можетъ нарушить условія... Контрактъ съ вами?

Шварцъ.—О, да, конечно! (вынимаетъ изъ бокового кармана контрактъ и подаетъ).—Фотъ!..

Адв. (читаетъ).—Ну, что же, контрактъ составленъ по всѣмъ правиламъ... Здѣсь обозначена неустойка, которую обязанъ уплатить одинъ изъ контрагентовъ, въ случаѣ нарушенія контракта. Стало-быть, вы можете предъявить искъ къ вашему мастеру и требовать съ него уплаты этой неустойки.

Шварцъ.—Да?.. Пошалуста, напишите прошеніе... я сегодня буду подавать мировой судья...

Адв. (обращаясь къ секретарю).—Напишите исковое прошеніе, на основаніи этого контракта...

(Секретарь беретъ контрактъ и готовится писать).

Шварцъ.—Фи, мнѣ посфоляетъ закурить одинъ сигаръ?..

Адв.—Пожалуйста!.. Не прикажете-ли папироску? у меня хорошія, дорогія (протягиваетъ открытый портсигаръ).

Шварцъ.—Нѣтъ, благодарю фась... Я всегда свой сигары курю. (Идетъ въ переднюю за сигарой).

Секр. (адвокату).—Надо-бы условиться съ нимъ насчетъ платы за прошеніе...

Адв.—Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Нѣмцы не любятъ такого недовѣрія... Онъ и самъ знаетъ, что всякій трудъ долженъ оплачиваться и умѣетъ его цѣнить... Вѣдь это культурный народъ, не то что наши дикари... Съ эти

ми нужно держать ухо остро... Пишите, пишите! (Уходит въ кабинетъ).

Входитъ нѣмецъ, аккуратно срѣзываетъ кончикъ сигары, закуриваетъ и садится въ ожиданіи прошенія.

Секр. (кончивъ писать, подходитъ къ дверямъ кабинета и кричить).— Адольфъ Вячеславовичъ, готово...

Адв. (выходя).— А, ну, отлично! (Прочитываетъ и подаетъ Шварцу). Потрудитесь подписать и можете сегодня же подать мировому судѣ! (Смотритъ на часы) Теперь только половина второго... Успѣете...

Шварцъ (прочитываетъ про себя прошеніе, подписывается, потомъ вынимаетъ изъ кармана часы, смотритъ на нихъ, какъ бы что-то соображая, затѣмъ складываетъ тщательно прошеніе и прячетъ его въ боковой карманъ, достаетъ кошелекъ, отсчитываетъ два рубля и кладетъ ихъ на столъ).— Фоть фашъ гонораръ... Благодарю фамъ!.. (Хочетъ идти)...

Адв. (пораженный).— Это что же!

Шварцъ (любезно).— Это фамъ за фашъ трудъ... Я ошечь хорошо порядки знаю... Я такъ думилъ: когда я къ доктору на квартиру иду, онъ мнѣ софѣтъ даетъ, рецептъ пишетъ—я ему одинъ рубль плачу... Фи мнѣ софѣтъ дали, прошеніе написали—я фамъ два рубля даю потому, што прошеніе два раса больши рецептъ...

Адв. (перебивая).— Но, вѣдь, это нищенское вознагражденіе! Я никогда за такую цѣну не пишу исковыхъ прошеній... Я не условливался съ вами, m-er Шварцъ, въ виду того, что вы, какъ представитель передовой, культурной націи, и сами сумѣете оцѣнить трудъ... Вы, стало быть, ни во что ставите наше образованіе и смѣшиваете насъ съ простыми писцами?!

Шварцъ.— О, да, я ошень карашо умѣю цѣнить трудъ и не могу смѣшивать фась съ писцомъ. Когда monsieur (указывая на секретаря) началъ писать,—я по-

смотрѣлъ на часы... Время онъ употребилъ рофно фдфое протифъ того, что докторъ употребляетъ на рецептъ... Фашъ софѣтъ саялъ меньше фремени, чѣмъ софѣтъ фрача, но такъ какъ вообще наша аудіенція продолжалась дольше, то я и расчиталъ платить фдфое... Што ше касается до обрасофанія, обрасофательнаго ценза, кватира, прислуга, фообче шиснь, то это фсе одно и то ше што медикъ, што юристь... Прафда, што медикъ нушно пять лѣтъ для окончанія курса, юристь шетыре, но я принималъ фо фниманіе, што и юристь мошетъ, по болѣсни или по другимъ какимъ уфаши-тельными обстоятельствомъ пробыть лишній годъ въ униферситетъ, а потому и срафнялъ. Я ошень надѣюсь, што фи не мошетъ бить на меня фъ претенси. Шестъ имѣю кланиться!.. (Уходитъ).

Явленіе 11-е.

Адвокатъ и секретарь.

Секр. (по уходѣ Шварца, раздражается хохотомъ). — Ай, да нѣмецъ! Вотъ такъ молодець! математически все высчиталъ...

Адв. (раздражительно). — Чему вы радуетесь?

Секр. — Мнѣ то что радоваться! Это вы должны быть довольны, что Шварцъ такъ блистательно доказалъ превосходство европейскихъ культурныхъ націй надъ некультурными азіатцами, какъ вы ихъ называете... Вѣдь нашимъ дикарямъ ничего подобного въ голову придти не можетъ. Они сами впередъ спрашиваютъ, что вы съ нихъ возьмете и, хотя торгуются, но платятъ все таки по вашему, а не по своему разсчету... А все же нѣмецъ правъ по существу и можетъ гордиться, что поступилъ вполне честно...

Адв.—Ахъ, не раздражайте меня своими разсужденіями! Это чортъ знаетъ что!

Секр. (въ сторону).—Надо окончательно доканать его. (Къ адвокату) Да, я и забылъ передать вамъ письмо отъ вашего коллеги Пшецинскаго (роется въ бумагахъ).

Адв. (съ живостью).—Отъ Пшецинскаго! наконецъ-то! Вѣрно увѣдомляетъ о высылкѣ денегъ... Ну, теперь мы разбогатѣмъ! Тысячу рублей сразу получимъ... Давайте же скорѣй письмо!

Секр. (подавая открытое письмо).—Вотъ оно!

Адв. (читаетъ).—„Милостивый государь, Адольфъ Вячеславичъ!“—Это что за „милостивый государь“! Онъ прежде никогда такъ не писалъ... и по-русски!.. что это значить!.. (пробѣгаетъ глазами письмо и хватается себя за голову). Ахъ, негодяй! мошенникъ!..

Секр. (все время наблюдавшій за нимъ).—Что, отказывается отъ платежа?

Адв. (внѣ себя).—Какъ вамъ это нравится! (читаетъ) „Милостивый государь, Адольфъ Вячеславичъ! Удивляюсь и не могу понять, о какихъ вы деньгахъ пишете мнѣ. Сколько мнѣ извѣстно, я вамъ ничего не долженъ и никакихъ дѣлъ съ вами не имѣлъ. Если у васъ были какія денежные отношенія съ моимъ кліентомъ г. Афтанбопуло, то къ нему и обращайтесь. Меня-же прошу оставить въ покоѣ, такъ какъ вести безцѣльную и бесполезную переписку не имѣю досуга“. Каково! Ну, не негодяй-ли! Самъ же просилъ меня взять на себя защиту дѣла Афтанбопуло въ тифлисской судебной палатѣ, такъ какъ на хожденіе въ палатѣ не имѣлъ права, и обѣщалъ за это выдѣлить изъ своего гонорара 1,000 руб. при свидѣтелѣ. Теперь же, когда я это дѣло блистательно кончилъ и кліентъ его разсчитался съ нимъ (что мнѣ достовѣрно извѣстно)

—онъ отказывается!.. и какъ еще нахально, грубо!..

Секр.—Да что-же у васъ съ нимъ не было письменнаго условія?

Адв.—Какое же условіе могло быть между такими пріятелями, какими мы были съ нимъ! Мыслимы ли формальности между друзьями! Я вѣрилъ ему, какъ самому себѣ... И вотъ результаты!.. (Снова хватается за голову и быстро ходитъ по комнатѣ).

Секр.—Да, это ужъ совсѣмъ по культурному!.. Но вѣдь вы же сказали, что Пшечинскій далъ обѣщаніе уплатить 1000 р. при свидѣтелѣ...

Адв.—Э, что это за свидѣтель! Его же другъ и пріятель, за 10 р. кого хотите продать и въ чемъ угодно присягнуть...

Секр.—Что, Адольфъ Вячеславичъ, будете теперь говорить, что только здѣшніе дикари способны на мошенничества и шантажъ! Съ дикарями-то, кажется, не было никогда такой исторіи...

Адв.—Ахъ, молчите, пожалуйста! и безъ васъ тошно (Убѣгаетъ).

Секр.—Ничего... По дѣломъ! Авось, теперь образумится и перестанетъ читать свои проповѣди о культурныхъ и некультурныхъ, съ его точки зрѣнія, націяхъ. А все таки досадно, что 1000 р. улетучились!.. Жди теперь своего жалованья Богъ знаетъ до какихъ поръ. Эхъ, жизни!..

Гр. Татищевъ.

СИЛУЭТЪ.

(Я. Ивашкевичу).

Обтянуть ситцемъ стройный станъ,
Головка въ пестромъ тавсакрави.
Вдоль блѣдныхъ щекъ, какъ пара змѣй,
Дрожать и вьются кольца кави.

Какъ ты мила, когда плывешь
Подъ рѣзкій звукъ зурны стыдливо,
А онъ съ тебя не сводитъ глазъ,
Твой другъ любимый и счастливый,

Твой другъ, затянутый въ бешметъ,
Съ пушкомъ задорнымъ надъ губою.
Съ какою смѣлостью въ очахъ
Слѣдитъ избранникъ за тобою!

Мгновенье,—вслѣдъ тебѣ стрѣлой
Летитъ онъ, страстью пламенѣя.
Ты, вспыхнувъ, заревомъ горишь,
Поднять смущенныхъ глазъ не смѣя...

То вдругъ улыбкою его
Изъ-подъ рѣсницъ обдашь украдкой,
То, вновь чужда, потупя взоръ,
Плывешь таинственной загадкой,

То оттолкнешь, то манишь вновь
Его своею ручкой бѣлой,
И словно ждешь—какъ далеко
Онъ залетитъ мечтою смѣлой...

Вотъ-вотъ настигнетъ онъ тебя!
Но нѣтъ:—скользнула ножкой стройной
Изъ круга вонъ, и вновь одна
Сидишь задумчивой, спокойной.

И кто-бъ сказалъ, что это ты
Такимъ живымъ огнемъ дышала,
И жилкой каждою жила,
И каждымъ нервомъ трепетала?!

Какъ будто жизнь въ тебѣ погасла!
Подернуть тусклой дымкой взглядъ—
И только кольца темныхъ кави
Вдоль блѣдныхъ щекъ еще дрожать.

Л. Кипіани.

Квишхетъ, 1900 г.

ВОДОПАДЪ*).

(Продолженіе).

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХІІ.

— А у насъ тутъ, Надинька, былъ большой споръ, —заговорила Травинская,—каждый защищалъ свою родину... мсье Бравинъ Петербургъ, Оля Москву, а мы всѣ Тифлисъ и вообще нашъ милый Кавказъ...

— А вы... вы тоже здѣсь родились?—спросилъ Бравинъ Надю какимъ-то несвойственнымъ его голосу вкрадчивымъ и даже немного робкимъ тономъ.

— Да... я изъ Тифлиса никуда не выѣзжала... кромѣ Кахетіи... т. е. собственно Телава,—отвѣчала Надя почти шопотомъ, запинаясь и не поднимая своихъ длинныхъ рѣсницъ.

— А Телавъ... это что же?... виновать, это тоже городъ?

*) См. „Кавк. Вѣстн.“, № 6.

— Маленькій городокъ... уѣздный... Тифлисской же губерніи, верстахъ въ ста отъ Тифлиса,—объяснила Травинская, видя, что Надя медлитъ отвѣтомъ.—Телавъ и его окрестности это одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ Кавказа... такъ называемая, Алазанская долина, родина кахетинскаго вина... Долина эта приводитъ въ восторгъ всѣхъ туристовъ.

— Дѣйствительно такой красоты я не встрѣчала ни въ Швейцаріи, ни въ Италіи,—подтвердила Родіонова.

— Вотъ поживете у насъ подольше, познакомитесь ближе съ Кавказомъ и Тифлисомъ и тогда вы навѣрно полюбите нашъ край,—обратилась Травинская къ Бравину съ любезно примирительной улыбкой и послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія добавила:—на многихъ изъ вновь пріѣзжихъ Тифлисъ сначала производилъ неблагоприятное впечатлѣніе, а потомъ они же дѣлались настоящими кавказцами и даже горячими приверженцами своеобразныхъ особенностей кавказской жизни. Сколько русскихъ, которыхъ судьба закинула сюда на службу, даже противъ ихъ желанія и которые первое время тосковали по родинѣ, а затѣмъ находили здѣсь себѣ вторую родину и, выйдя въ отставку, оставались здѣсь навсегда. Сколько такихъ отставныхъ военныхъ и чиновниковъ живетъ и въ Тифлисѣ, и въ другихъ городахъ Кавказа. Ихъ дѣти обращаются уже въ коренныхъ кавказцевъ, въ кавказскихъ патріотовъ... да вотъ и мы всѣ такіе же. Мой отецъ, мой дядя генераль Касьяновъ и масса другихъ... всѣ они своей родиной считаютъ Кавказъ и вы ихъ кровно обидете, если при нихъ скажете, что Кавказъ вамъ не понравился. У насъ здѣсь въ Тифлисѣ и поговорка есть: „Кура-вода выпьешь, нашъ будешь“.

Нина Владиміровна произнесла эту поговорку, засмѣявшись и подражая тому выговору, какимъ обыкно-

но говорятъ плохо владѣющіе русскимъ языкомъ зины.

— Это что же такое значить?—улыбнувшись въ бѣтъ на ея смѣхъ, спросилъ Бравинъ.

— Это значить, что кто пьетъ нашу воду, курную у, тотъ начинаетъ любить Кавказъ.

— Ну, значить я его никогда не полюблю,—разсмѣя Бравинъ,—потому что я воды вообще никогда не о.

— Да эта поговорка уже потеряла свое значеніе,—гѣтилъ Борисъ Касьяновъ;—она сдѣлалась анахронизмъ съ тѣхъ поръ, какъ открылъ дѣйствіе нашъ годской водопроводъ, питающійся, къ сожалѣнію, не родною, а родниковою водою изъ Авчалъ. Въ качествѣ иснаго я горячо настаивалъ на томъ, чтобы былъ усенъ водопроводъ, питающійся водою изъ Куры и енно потому, что курная вода имѣетъ драгоцѣнное дѣйство обращать чужихъ въ „нашихъ“; но --увы!--мнѣ вняли и свободомыслящее большинство, наши либелы, считающіе все это предразсудкомъ, взяли верхъ только потому, что авчальская вода чистая, а курная язная... И вотъ теперь сами каются. Съ тѣхъ поръ къ Кура-вода изъята изъ обращенія, чужіе люди такъ жими и остаются и ужъ нашими не дѣлаются.

— За то, душа моя, наше вино намъ осталось,—омко захохоталъ князь Ксанидзе;—кто насъ любитъ кто нашъ, тому наше вино полезно, а кто не нашъ, то нашему сердцу врагъ есть, тому въ голову наше хетинское вино такой ударъ даетъ, что совсѣмъ шапшъ ему будетъ.

— Ну, довольно, довольно!.. Боря... Нико... довольно вамъ пустяки болтать,—остановила Травинская;—закючаемъ съ мсье Бравинымъ миръ и давайте теперь о что нибудь играть... Пусть каждый предложитъ иг-

ру, а потомъ устроимъ баллотировку и выберемъ изъ этихъ игръ ту, которая получить больше голосовъ. Это будетъ очень весело. Ну, начинаемъ.

По поводу предложеній разныхъ игръ, а затѣмъ и по предмету баллотировки таковыхъ завязалась веселая и шумная болтовня. Бравинъ оказался знатокомъ всевозможныхъ салонныхъ игръ и предложилъ какую-то совершенно для всѣхъ остальныхъ новую игру, которая по причинѣ своей новизны и получила на баллотировкѣ путемъ подачи записочекъ наибольшее число голосовъ. Игра оказалась и остроумной, и живой, и очень развеселила молодежь. Неблагоприятное впечатлѣніе, которое произвелъ Бравинъ своими нападками на Кавказъ и Тифлисъ, значительно во время игры сгладилось, въ особенности у дамъ и барышень, благодаря его свѣтской бойкости и тому особаго рода шутивому остроумію, не переходящему границъ самаго строгаго приличія и изысканной вѣжливости, которое бываетъ присуще лишь опытнымъ свѣтскимъ людямъ. Только Борисъ Касьяновъ продолжалъ относиться къ Бравину иронически, да иногда въ мимолетныхъ тихихъ разговорахъ съ Тамарой Полтавиной подсмѣивался надъ петербургскимъ франтомъ Ковровъ. Травинской подъ маской любезности хозяйки также не всегда удавалось вполне скрыть то инстинктивно неприятное впечатлѣніе, которое съ первыхъ же минутъ знакомства произвелъ на нее Бравинъ. Прочимъ дамамъ и барышнямъ было весело, онѣ много смѣялись и потому въ концѣ концовъ рѣшили, что Бравинъ очень милый и пріятный молодой человѣкъ. Надя Джаджумова очень мало принимала участія въ общемъ оживленіи. Всякій разъ, когда по ходу игры до нее доходила очередь отвѣчать на какой либо вопросъ, отгадать что либо, сказать рифму и вообще принять какое-либо активное уча-

стіе въ игрѣ, она или вовсе отказывалась отъ своей очереди, отговариваясь неспособностью къ такого рода играмъ и тѣмъ задерживая живой и непрерывный ходъ игры, или же отдѣлывалась какимъ нибудь однимъ словомъ безо всякихъ претензій не только на остроуміе, но и на какую либо самую незатѣйливую изобрѣтательность. Не только смѣхъ ни разу не вырвался изъ ея дѣтскихъ губокъ, но даже и улыбка ни разу не озарила ея красиваго лица. Наоборотъ, чтобы скрыть то непреодолимое чувство застѣнчивости, которое окончательно связало ее, она придавала своему лицу строгое и скупающее выраженіе и тѣмъ самымъ показывала, что эта игра ее нисколько не интересуеетъ, что она рѣшительно ничего общаго не имѣетъ съ этими свѣтскими людьми, въ кругъ которыхъ она попала, и что ее не можетъ веселить эта ихъ пустая и праздная забава. Между тѣмъ гдѣ то тамъ, далеко внутри себя, Наденька сознавала, что въ сущности эта игра очень веселая и что именно при этой обстановкѣ ей могло бы быть очень весело, если бы только не эта противная ей робость и застѣнчивость, которыя сковали ей уста и которыя заставляютъ ее думать, что все, чтобы она не сказала, покажется и глупымъ, и неумѣстнымъ, и неловкимъ. И въ ней просыпалось чувство тоскливой на себя досады.

„Вѣдь и я могла бы,—думала она,—быть въ этой игрѣ и такой же оживленной, и такой же остроумной, какъ и другія... Совсѣмъ это не такъ трудно... стоитъ лишь развеселиться и гозорить все, что только взбредетъ на умъ, какъ это дѣлаютъ и всѣ другія. Тутъ вовсе не предъявляется какихъ-нибудь особенныхъ требованій, болтаютъ себѣ веселый вздоръ и больше ничего. Вѣдь не ученый же это диспутъ? Отчего же я не могу также, отчего же одна я сижу какой то наду-

той душой и только мѣшаю имъ веселиться. Понятно, что я должна имъ всѣмъ казаться такой скучной, неуклюжей и противной. Онъ (она имѣла при этомъ въ виду Бравина) навѣрно думаетъ обо мнѣ: „какая она дура“... да и остальные, вѣроятно, того же мнѣнія“.

Нѣсколько разъ она рѣшала сбросить съ себя этотъ до страданія доводящій гнетъ, войти въ игру, заговорить, засмѣяться, развеселиться. Она понимала, что въѣдь только начало трудно, а затѣмъ все пойдетъ само собой и нѣсколько разъ она уже готова была начать и даже подходящая остроумная фраза уже наворачивалась на ея языкъ, но всякій разъ ее останавливала мысль, что если бы съ самаго начала она отнеслась бы такъ къ игрѣ, то было бы прелестно и естественно, но теперь, послѣ того, какъ она уже цѣлый часъ сидѣла муміей, какъ то глупо и странно вдругъ заговорить, засмѣяться, сдѣлаться веселой и такъ вдругъ сразу перемѣниться безо всякой къ тому разумной причины. И ей думалось, что такая неожиданная перемѣна покажется всѣмъ неестественной и нелѣпой и она опять вся уходила въ свои тоскливыя размышленія, и опять молчала, придавая своему лицу строгое и холодно скучающее выраженіе. Вся эта внутренняя борьба настолько ее истомила, что она наконецъ отказалась отъ всякихъ попытокъ перемѣнить свое отношеніе къ этому свѣтскому развлеченію. Въ особенности такое рѣшеніе укрѣпилось въ ней послѣ того, какъ веселая болтовня, сопровождавшая игру, начала все чаще и чаще пересыпаться діалогами на французскомъ языкѣ, на которомъ Наденька говорила не особенно бойко. Когда первая игра замѣнилась другой, Наденька окончательно отказалась отъ участія въ ней, почему и Травинская вышла изъ игры и вступила за симъ съ Надей въ разговоръ о томъ, какъ она провела лѣто въ деревнѣ и чѣмъ

она, Надя, и ея мать занимались въ Кахетіи. Наденька отвѣчала ей короткими фразами, занятая все тѣми же тоскливыми мыслями о томъ, какою жалкою, несчастною и глупою она должна казаться этому бойкому и самоуверенному столичному льву.

„Ну, и Господь съ нимъ!—кружилось въ ея головѣ, —пусть думаетъ, что хочетъ. Вѣроятно, я его никогда болѣе и не увижу. А вотъ, если бы я великолѣпно говорила по-французски... какъ бы я могла вдругъ поразить его, заговоривъ бойко и остроумно... Фу, Боже мой, какія нелѣпыя мысли мнѣ въ голову лѣзутъ!“..

И она даже тряхнула своей головкой, чтобы выбросить изъ нея нелѣпыя мысли.

„Такимъ же онъ долженъ быть жалкимъ въ моихъ глазахъ, какою и я въ его глазахъ. Вотъ ужъ типъ настоящаго фата... И зачѣмъ онъ... нѣтъ... нѣтъ... да и посмотреть на меня. Навѣрно хочетъ заставить меня окончательно оробѣть и въ душѣ смѣется надо мной“.

И она дѣлала еще болѣе серіознымъ и хмурымъ свое лицо. Она не рѣшалась взглядывать на него и именно потому, что боялась встрѣтиться съ нимъ взоромъ, такъ какъ чувствовала на себѣ его мимолетные взгляды.

А между тѣмъ онъ... забавляя своихъ собесѣдницъ веселою болтовнею, онъ продолжалъ любоваться красотою Нади, отъ времени до времени бросая на нее быстрые взоры. Все то, что по ея мнѣнію должно было приводить его къ заключенію, что она глупа, скучна, неуклюжа и смѣшна, все это, наоборотъ, благодаря ея красотѣ и прирожденной граціи, заставляло его видѣть въ ней какое то особенно поэтическое созданіе, какую то дѣвушку не отъ міра сего, какихъ прежде онъ еще никогда не встрѣчалъ. Ему казалось, что какая то тайная дума смущаетъ эту красавицу, что въ чистую дѣв-

ственную душу ея, какъ въ душу лермонтовской Тамары, проникъ терзающій и обольщающій образъ современнаго демона и что этотъ демонъ это онъ самъ, Леонидъ Бравинъ. Все это разжигало въ немъ интересъ къ ней, заставляло биться его сердце и окрыляло его свѣтскую бойкость. Онъ разговаривалъ и смѣялся съ другими, но онъ имѣлъ въ виду только Надю, онъ рисовался передъ нею.

ХІІІ.

Мало-по-малу въ гостинную стали входить окончившіе уже играть въ карты старики и старухи и вся комната переполнилась гостями. Прекратила игры и молодежь; всѣ перемѣшались между собою и въ ожиданіи ужина толпились въ гостинной, раздѣлившись на группы, шумно разговаривая и смѣясь. Въ это время какъ разъ такъ случилось, что Надя и Бравинъ, оставленные всѣми прочими, очутились другъ передъ другомъ. Она стояла въ томъ же углу гостинной, гдѣ раньше сидѣла: онъ остался одинъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и подошелъ къ ней. Она понимала, что между ними неизбежно долженъ завязаться разговоръ и сердце ея трепетно стучало.

— Вы, кажется, не охотница до игръ... вы скучали?—спросилъ онъ тихимъ, осторожнымъ, но все-таки звучнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я не скучала... но я, правда, не люблю и не умѣю...

Голосъ ея дрожалъ, но тѣмъ не менѣе очаровать его своимъ мягкимъ, нѣжнымъ звономъ. Успѣлъ онъ полюбоваться и тѣмъ, какъ красиво шевелилась въ то время, когда она говорила, ея верхняя губа, открывая бѣлый жемчугъ ея ровныхъ зубовъ...

— Вы, вѣроятно, предпочитаете танцы?

— О нѣтъ... танцовать... танцовать я тоже не люблю...

„О, Боже мой!.. Что же это такое!..—подумала она, —все не люблю, да не люблю. Что же онъ обо мнѣ подумаетъ?“

И она быстро добавила:

— Я музыку люблю.

— Вы играете на фортепьяно?

— Я?.. да... я играю, но очень плохо... но я слушать люблю. Я съ мамой часто бываю на квартетныхъ собраніяхъ и въ симфоническихъ... въ концертахъ... иногда и въ оперѣ...

— Да, вѣдь здѣсь и опера есть... вѣроятно, очень плохая?

— Я другой не слышала.

— Вѣроятно и симфоническій оркестръ здѣсь плохенькій... Вотъ у насъ, въ Петербургѣ... какіе симфоническіе вечера бываютъ... просто восторгъ!.. Дивный оркестръ, все виртуозы и оркестръ громадный... эдакъ чelовѣкъ въ триста...

— Въ триста?!

— Да... иногда и больше... Дивно играютъ... Слушаешь и забываешь, что ты въ залѣ, что ты окруженъ громадною толпою... Кажется, будто уносишься въ какой-то волшебный, заоблачный міръ, гдѣ эти звуки живутъ, живутъ какъ одушевленные, страдающіе и радующіеся, любящіе и ревнующіе существа, полныя страсти и жизни.

Въ качествѣ автора я имѣю право сообщить читателю по секрету, что Леонидъ Бравинъ никогда въ Петербургѣ ни въ одномъ симфоническомъ собраніи не былъ, такъ какъ серьезной музыки онъ не понималъ и не любилъ и даже былъ убѣжденъ, что и другіе, вос-

торгающіеся ею, лишь притворяются, что ее любят и понимаютъ.

„Ну вотъ, вотъ... такъ и выходитъ... такъ и выходитъ, что онъ совсѣмъ не пустой свѣтскій фатъ“,—думала между тѣмъ Надя.

— А опера... а какая у насъ въ Петербургѣ опера... въ особенности итальянская... русская такъ себѣ, но итальянская... это просто наслажденіе.

— Я больше люблю русскую оперу...

— Это потому, что вы итальянской никогда не слышали...

— Нѣтъ у насъ и итальянская здѣсь бывала... въ особенности прежде...

— Да, но какая у васъ здѣсь, на окраинѣ, можетъ быть итальянская опера?! Патти, Николини, Мазини, Котони, Эверарди... вотъ кого вамъ надо послушать. Я не говорю... русская опера въ Петербургѣ тоже дѣлаетъ большіе успѣхи... Я самъ приверженецъ русской національной оперы и готовъ ей по мѣрѣ силъ своихъ покровительствовать, но все-таки русскимъ пѣвцамъ далеко еще до итальянцевъ. Вамъ нужно, вамъ необходимо поѣхать въ Петербургъ, послушать истинную, настоящую музыку... да и не одна музыка... Вы, вѣроятно, любите и живопись, и скульптуру... Петербургскій Эрмитажъ... о, сколько онъ можетъ дать наслажденія человеку съ развитымъ художественнымъ вкусомъ! Уговорите вашу мамашу, чтобы она повезла васъ въ Петербургъ. О, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы это случилось, когда я буду въ Петербургѣ и чтобы ваша мамаша позволила мнѣ быть вашимъ чичероне... Я такъ хорошо знаю Петербургъ, я показалъ бы вамъ все, все, все и... любовался бы вашимъ восторгомъ.

Онъ вдругъ опустилъ глаза и, нагнувъ голову, отступилъ на шагъ, какъ бы спохватившись, какъ будто ис-

пугавшись, что въ порывѣ увлеченія онъ сказалъ ей что-то лишнее, чего не слѣдовало бы говорить. Вся его почтительная поза съ опущенными внизъ глазами работливо говорила ей: „простите, ради Бога простите“.

Она вздрогнула при его послѣднихъ словахъ и, сама себѣ не отдавая отчета почему, вдругъ вскинула на него взоръ своихъ темныхъ, широко открывшихся глазъ, но въ ту же секунду опять опустила рѣсницы и въ волненіи закусилла нижнюю губку.

— Я... я... я сама бы хотѣла,—прошептала она послѣ нѣкотораго молчанія дрожащимъ голосомъ:—все это такъ интересно...

Надя замолчала, рѣшительно не зная, что еще сказать и какъ дальше продолжать этотъ разговоръ, а между тѣмъ продолжать его ей хотѣлось.

— Простите,—какъ бы опомнившись и придя въ себя, послѣ паузы почти шопотомъ заговорилъ Бравинъ;—простите... я люблю фантазировать... я увлекаюсь иногда... но именно съ вами... съ вами какъ-то хочется быть откровеннымъ, хочется сбросить съ себя эту свѣтскую маску, которая всѣмъ одинаково любезно улыбается. Я васъ совсѣмъ не знаю, но какъ-то вдругъ... вдругъ я почуялъ въ васъ родственную душу, которая способна понимать все прекрасное, все то, что чувствуется, сознается, но чего объяснить словами нельзя.

Онъ говорилъ, опустивъ внизъ голову, какъ бы понимая, что его красивое, самоувѣренное, цвѣтущее здоровьемъ лицо и въ особенности жесткій и холодный взглядъ его свѣтлыхъ глазъ, плохо гармонируютъ съ этою тихою, нѣжною рѣчью, съ этимъ томнымъ, вкрадчивымъ шопотомъ. Замолчавъ на нѣсколько секундъ, Бравинъ бросилъ на Надю мимолетный взглядъ и затѣмъ, опять направивъ взоръ свой внизъ и въ сторону, продолжалъ, немного возвысивъ тонъ:

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы...

Но на этотъ разъ Надѣ не довелось узнать его желаній, такъ какъ въ эту самую минуту къ нимъ подошла Травинская.

— Ужинать милости просимъ,—сказала она.—Мсье Бравинъ... пожалуйста... Наденька, пойдете.

И взявъ Надю подъ руку, Травинская повела ее въ столовую, куда пошли уже дамы, а за ними толпа мужчинъ, къ которой и присоединился Бравинъ.

XIV

Въ ярко освѣщенной столовой было тѣсно накрыто два большихъ стола и въ углу у самой стѣны еще одинъ маленькій столъ на шесть кувертовъ. Бравину пришлось сѣсть между княгиней Маро Каспѣвой и Родіоновой. Надя сидѣла напротивъ возлѣ Травинской, а съ другой ея стороны помѣстился совершенно случайно полковникъ Родіоновъ. За однимъ изъ большихъ столовъ, во главѣ котораго сидѣли съ одной стороны Полтавинъ, а съ другой Софья Луарсабовна, помѣстились преимущественно старики и пожилыя дамы; а за другимъ преимущественно размѣстилась молодежь съ Травинской во главѣ. За маленькій столъ, который старикъ Полтавинъ обыкновенно называлъ „музыкантскимъ“, сѣли самыя юныя изъ кузинъ: Тамара Полтавина и Лиза Лубанова и съ ними: Ковровъ, Борисъ Касьяновъ, князь Нико Ксанидзе и сынъ генерала Полтавина Паша Полтавинъ, молодой инженеръ путей сообщенія, который вернулся домой изъ театра къ самому ужину. Общій громкій веселый говоръ и смѣхъ наполнили просторную, но тѣсно набитую ужинающими столовую неумолкаемымъ шумомъ.

Бравинъ, несмотря на всю свою свѣтскую опытность, какъ то вдругъ опалѣлъ и растерялся среди этого непривычнаго для его уха шума и всеобщаго немолкаемаго говора и хохота, въ которомъ не было возможности разобрать отдѣльныхъ словъ. Вся картина этого ужина для Бравина казалась настолько своеобразной, что онъ весь отдался наблюденію, несмотря на то, что его хорошенькая сосѣдка, свѣтская и бойкая княгиня Каспѣева, не переставала занимать его кокетливымъ разговоромъ, капризно желая и этого новаго молодого человѣка, изящнаго и самоуувѣреннаго, причислить къ плеядѣ своихъ поклонниковъ. Столько заслуженныхъ генераловъ, изъ которыхъ большинство были вмѣстѣ съ тѣмъ и представителями старинныхъ княжескихъ родовъ; эти изящно, со вкусомъ и по послѣдней модѣ одѣтыя дамы и барышни, ихъ непринужденный свѣтскій тонъ, все это не оставляло въ Бравинѣ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что онъ попалъ въ такъ называемое высшее общество города. Съ чувствомъ нѣкотораго ожесточенія онъ сознавалъ, что далеко не произвелъ на это общество того поражающаго впечатлѣнія, о которомъ онъ мечталъ, когда, ѣдучи по трупамъ Кавказскихъ горъ, былъ убѣжденъ, что его везутъ на край свѣта, въ глухое захолустье, гдѣ появленіе такого выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ свѣтскаго человѣка, какъ онъ, дастъ начало чуть ли не новой эрѣ. Его приняли любезно и радушно, на молодыхъ дамъ и барышень онъ, разумѣется, произвелъ уже извѣстное впечатлѣніе, но тѣмъ не менѣе въ сущности на него не обращаютъ никакого особеннаго вниманія, его какъ то сразу втерли въ общую голпу, какъ будто бы онъ, Леонидъ Бравинъ, ничѣмъ не отличается вотъ отъ этихъ армейскихъ офицеровъ, изъ которыхъ вонъ одинъ даже кладетъ себѣ ножомъ

въ ротъ сардинку. Бравина какъ то обидало то, что эта своеобразная жизнь, несмотря на его появленіе, нисколько не измѣняясь, весело и непринужденно бѣжить по прежнему своимъ оригинальнымъ порядкомъ, ничуть не опасаясь критики и насмѣшки съ его стороны и какъ бы ему самому предлагая къ ней, къ этой совсѣмъ иной жизни, къ этимъ совершенно особеннымъ нравамъ, примѣниться и приноровиться. Онъ почему то былъ увѣренъ, что нравы провинціальныхъ салоновъ чопорны, сдержанны и явно обличаютъ претензію свѣтскихъ провинціаловъ усвоить себѣ манеры и образъ жизни петербургскаго свѣта, которыя для провинціи должны служить образцомъ приличія и аристократическаго тона. Поэтому онъ думалъ, что въ провинціи, а тѣмъ болѣе на такой далекой окраинѣ, въ предѣлахъ Азіи, его, какъ представителя высшаго петербургскаго свѣта (а таковымъ онъ не прочь былъ себя считать въ виду своего родства съ княземъ Литовцевымъ, съ рекомендательнымъ письмомъ котораго онъ и явился къ Полтавинымъ, и съ барономъ Ротъ-фонъ-Ротбахомъ) и какъ молодого человѣка съ выдающимися личными свѣтскими качествами, всѣ будутъ немного стѣсняться, опасаясь ударить передъ нимъ лицомъ въ грязь и потому сдерживая свою провинціальную распушенность. Бравину и въ голову не приходило, что провинція, въ особенности такая далекая, можетъ имѣть свою особую самобытность, можетъ любить ее и даже именно ею гордиться. Никуда прежде не выѣзжавшій изъ Петербурга Бравинъ думалъ, что въ провинціальныхъ салонахъ онъ встрѣтитъ тоже, что и въ салонахъ того ниже чѣмъ средняго петербургскаго чиновничества, въ которомъ онъ вертѣлся въ свои студенческіе годы, а именно чванную и требовательную корректность съ одной стороны и полную важнаго до-

стоинства экономическую сдержанность и расчетливость съ другой, т. е. другими словами обязательные фракы для мужчинъ и нарядные туалеты для дамъ, фарфоръ и серебро съ вензелями за чайнымъ столомъ, лишь для торжественныхъ случаевъ вынимаемые изъ подъ семи замковъ, чашка жидкаго чаю, одна горничная въ бѣломъ чепцѣ и передникѣ въ качествѣ прислуги, фунтовой куличъ изъ нѣмецкой булочки, разрѣзанный на ломтики съ такимъ расчетомъ, чтобы его могли отвѣдать 25 человѣкъ, спертый воздухъ въ маленькихъ комнатахъ квартиры въ третьемъ этажѣ, винтъ по тысячной для пожилыхъ, сдержанный разговоръ на французскомъ языкѣ для молодежи и въ видѣ единственнаго, кромѣ чая, угощенія неизмѣнный виноградъ, разорванный на такія вѣточки, что на каждой изъ нихъ насчитаешь не болѣе шести виноградинокъ. Бравинъ допускалъ, что можетъ быть въ Тифлисѣ наберется лишь два, три дома, похожихъ на тѣ другіе салоны выдающагося средняго и высшаго петербургскаго чиновничества, куда ему удалось попасть въ послѣдніе годы, благодаря своей теткѣ баронессѣ Ротъ-фонъ-Ротбахъ; а именно на салоны въ роскошно обставленныхъ просторныхъ квартирахъ бель-этажа съ важною французскою прислугою, съ винтомъ по двадцатой, съ богато сервированнымъ чайнымъ столомъ, съ разнообразными фруктами, конфетами и печеніями, съ солиднымъ, негромкимъ, монотоннымъ разговоромъ о предполагающихся государственныхъ мѣропріятіяхъ, съ почтительными разсказами объ интимной жизни всѣмъ извѣстныхъ высшихъ сановниковъ и аристократовъ. Но и въ этихъ салонахъ, нравы и тонъ которыхъ Бравинъ считалъ проявленіемъ самаго строгаго аристократизма, роскошно сервированный ужинъ предлагался гостямъ лишь на большихъ танцевальныхъ вечерахъ и сидѣли всѣ за

этимъ ужиномъ, полушопотомъ разговаривая, чинно, прямо и почти неподвижно, скованные туго затянутыми шнурами шоловыхъ корсетовъ и жесткимъ крахмаломъ фрачныхъ рубахъ. На обыкновенныхъ же журфиксахъ и на вечерахъ, являвшихся результатомъ приглашенія „на чашку чая“, угощеніе и въ этихъ салонахъ ограничивается лишь чайнымъ столомъ съ бутербродами, причемъ и эти послѣдніе, постепенно уменьшаясь въ своей величинѣ подъ вліяніемъ экономной моды, обратились въ такіе тощіе и маленькіе, такъ называемые, „сэндвичи“, что человекъ съ аппетитомъ съ успѣхомъ можетъ ихъ съѣсть нѣсколько десятковъ. А между тѣмъ тѣже фраки и полуоткрытые лифы безусловно обязательны и на этихъ вечерахъ „за просто“, послѣ которыхъ семейные люди, возвращаясь домой часа въ три ночи, обыкновенно утоляютъ свой аппетитъ холодными остатками отъ обѣда, а холостые молодые люди стучатся съ заднихъ секретныхъ подъѣздовъ въ рестораны, смотря по карману, „Медвѣдя“ или „Малого Ярославца“.

„А тутъ что-то совсѣмъ другое, что-то странное и непонятное,—думалъ Бравинъ, внимательно наблюдая за всѣмъ, что происходило вокругъ него.—Полтавины несомнѣнно люди богатые и принадлежащіе къ высшему обществу такого большого города, какимъ оказался Тифлисъ. И самъ онъ заслуженный генералъ, и гости всѣ такіе сановитые, генералы, князья и княгини; дамы прелестно одѣты... квартира большая, комнаты просторныя, на простомъ журфиксѣ и столько народу, и ужинъ такой... и это, стало быть, каждую недѣлю такъ. А между тѣмъ обстановка въ квартирѣ бѣдная... Въ гостиной, если отбросить эти азіатскія тахты и ковры, мебель какая-то старая, допотопная, топорной работы... въ столовой, здѣсь, самые дешевые вѣйскіе стулья, сервиров-

ка самая простая, стаканы толстаго, простого стекла, графины даже не всѣ одинаковые, а тамъ вонъ около хозяина и здѣшній простой глиняный кувшинъ стоитъ; тарелки фаянсовыя и даже не всѣ одинаковаго узора, никакихъ вензелей разумѣется... Прислуги много, но все это какіе-то неуклюжіе деньщики, да вонъ еще какой-то мѣстный туземный разбойникъ съ черной бородой бѣгаетъ въ бѣломъ бешметѣ. А штатскіе какіе, штатскіе гости... о фракахъ и помину нѣтъ... сюртуки и даже визитки... Масса всевозможныхъ закусокъ и всѣ тутъ же на столѣ разставлены... и всѣ передаютъ ихъ другъ другу, накладываютъ ихъ на одну и ту же тарелку и съ какимъ аппетитомъ ѣдятъ... даже дамы!.. Господи!.. что это за манеры такія!.. Лукъ... лукъ, зеленый лукъ ѣдятъ... и какую-то еще траву... вонъ, вонъ... этотъ офицеръ... прямо взялъ въ руки пучекъ травы и въ ротъ... А огурцы какъ ѣдятъ... Боже мой!.. вонъ этотъ генералъ прямо руками взялъ огурецъ и, не очистивши, положилъ его въ ротъ и жуетъ... и между закусками вдругъ простая селедка... сардинки въ жестянкахъ и колбаса съ чеснокомъ, которые въ порядочномъ домѣ даже и неприлично подавать. И ѣдятъ, вонъ и эти почтенныя дамы ѣдятъ... И позы, позы у всѣхъ какія непринужденныя... вонъ этотъ сановитый генералъ (взоръ Бравина упалъ на молчаливо, но звучно жевавшего князя Сусанова)... положилъ оба локтя на столъ и усиленно жуетъ... Боже, какой у него громадный носъ!.. И какъ всѣ громко говорятъ, кричатъ, смѣются, просто даже звенить въ ушахъ... А вонъ тамъ... о Боже мой!.. этотъ важный генералъ-адъютантъ взялъ свою сосѣдку за ухо..."

Дѣйствительно, князь Гумбатіонъ-Георгіани, весело разговаривая съ своей сосѣдкой Лидой Касьяновой и широко улыбаясь, потеребилъ ее за кончикъ хорошенькаго уха, громко при этомъ провозглашая:

— Охъ, Лида-джанъ, плутовка ты большая!..

Какъ разъ въ это время къ великому удивленію Бравина въ столовую внесли три громаднхъ блюда, на каждое изъ которыхъ была навалена цѣлая гора отвареннаго и дымящагося риса. Удивленіе его удвоилось, когда при этомъ одинъ изъ генераловъ, а именно князь Илико Джабриевъ, заоралъ во все горло:

— Па, па, па, па, па!!.. пловъ какой!.. Артемъ-джанъ, посмотри пловъ какой!.. ти дохтуръ, тибѣ нельзя...

Высокій фальцетъ князя Илико покрылъ всѣ голоса.

— Не безпокойся, князь, больше твоего съѣмъ,— смѣясь, отвѣчалъ докторъ Курдамировъ.— Столько ты векселей не выдавалъ, сколько я плова съѣмъ.

— Вай, вай, вай, вай!.. Если ти столко скушаешь, Артемъ Калустовичъ, мнѣ не хватить... Вайме, вайме!.. что мы будимъ дѣлать?..

— Не плачь, Илико,—сказалъ Юшкевичъ,— нѣмецкій желудокъ Федора Карловича плова не выноситъ и онъ тебѣ уступить свою порцію.

— О та, та... не моку,—отозвался Шварценбергъ,— у менэ каттаръ.

— Нѣтъ, а вотъ я вамъ доложу,—громко говоритъ въ тоже самое время Полтавинъ,—Ибрагимъ-бекъ самъ приготовляетъ пловъ, такъ это просто объяденіе, просто языкъ проглотишь... онъ намъ разъ въ походѣ приготовилъ.

— Разушился, Флатымиръ Пафличъ,—разведя руками, отвѣчалъ Таштемуръ-бековъ,—шовшѣмъ разушился... да и рисъ прежний нѣтъ.

Между тѣмъ весь столъ заставили маленькими блюдами съ разными принадлежностями для плова, которыя всѣ передавали другъ другу, причемъ со всѣхъ сторонъ только и слышалось: „Шакро, передай мнѣ фаршъ“:

„Лиза, дай, пожалуйста, каурму“; „пожалуйста, дайте мнѣ вотъ этого соуса вишневаго“; „а мнѣ икры“; „а мнѣ алучеваго соку“.

— Это что же это такое за блюдо?—наконецъ, немного придя въ себя отъ общаго шума, спросилъ Бравинъ княгиню Каспиеву.

— Это пловъ, мѣстное блюдо... очень вкусное... его ѣдятъ, вотъ, какъ видите, съ разными прибавленіями... это вотъ—каурма... баранина съ лукомъ и съ изюмомъ; это—алучевый сокъ... алуча, слива такая круглая, а это вотъ—фаршъ говяжій, а многіе ѣдятъ съ икрой. Вы чего же хотите?.. скажите, я вамъ передамъ.

Видя, что и другія дамы иногда передаютъ блюдо мужчинамъ, Бравинъ отвѣчалъ:

— Передайте, пожалуйста... вотъ фаршъ... это менѣе страшно, чѣмъ все остальное.

Онъ положилъ себѣ немного риса и фарша. Видя, что мужчины ѣдятъ это блюдо ложкой, а дамы вилкой, и зная, что въ порядочныхъ домахъ ложка существуетъ только для супа, Бравинъ взялъ вилку. Попробовавъ два раза, онъ положилъ вилку на тарелку. Блюдо ему показалось совершенно безвкуснымъ и онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на окружающихъ, которые, въ особенности мужчины, съ аппетитомъ уплетали пловъ, быстро посылая себѣ въ ротъ ложку за ложкой. Онъ думалъ, что хоть кто-нибудь обратитъ вниманіе на то, что онъ ничего не ѣстъ и не пьетъ, такъ какъ кахетинское вино ему пришлось не по вкусу, а никакого другого вина и вообще какого-либо другого питья, кромѣ воды, на столѣ не было. Но какъ разъ въ это время обѣ его сосѣдки, и Каспиева, и Родіонова, разговорились съ другими своими сосѣдами, первая съ Лубановымъ, который всегда любилъ присосѣдиться къ какой-либо изъ молодыхъ красивыхъ дамъ, а вторая съ Травинскимъ. Среди общаго шума и

говора и при общемъ увлеченіи пловомъ на Бравина и на то, что именно онъ ѣстъ и пьетъ, никто не обращалъ никакого вниманія и ему вдругъ стало до невыразимости грустно отъ чувства одиночества, отъ сознанія, что онъ заброшенъ куда-то далеко, на невѣдомую чужбину, гдѣ никому и дѣла до него нѣтъ, гдѣ всѣ веселятся и смѣются, точно какъ будто бы ему въ пику. Черезъ минуту это чувство грусти обратилось уже въ чувство озлобленія и ожесточенія.

„Нѣтъ, прямо, прямо это даже невѣжливо, неприлично!.. Все-таки я новый человѣкъ здѣсь, новый гость и все-таки я не кто-нибудь. Не могли же они въ самомъ дѣлѣ забыть меня... это они нарочно... это они хотятъ показать, что имъ дѣла нѣтъ до Петербурга, что они сами здѣсь хозяева и законодатели... Чортъ знаетъ что такое!.. кричатъ, орутъ, хохочутъ, ѣдятъ какую-то дрянь и въ усь себѣ не дуютъ!.. Дикари какіе-то!.. Тутъ культурному человѣку прямо мѣста нѣтъ... съ голоду его уморить могутъ!..“

— Послѣ плова надо воды, воды, непременно воды, — докторально на весь столъ провозгласилъ Кюрдамировъ, препроводивъ себѣ въ ротъ послѣднюю ложку плова и наливая полный стаканъ воды.

— Воды?! Какъ же это такъ?—удивился Юшкевичъ,—я при дамахъ никогда не умываюсь, да и умывальника нѣтъ.

Старики расхохотались. Одинъ только князь Илико Джабріевъ, не понявъ остроты, оторопѣлъ и серьезно спросилъ Юшкевича:

— Умываться!.. Ва!.. Станиславъ Казимирычъ, зачѣмъ тебѣ умываться надо?.. Ва!..

Отъ этого наивнаго вопроса расхохотались и дамы.

— Пить надо воду послѣ плова... пить, а не умы-

ваться,—прежнимъ докторальнымъ тономъ пояснилъ Кюрдамировъ.

— Ахъ, пить?... съ напускнымъ удивленіемъ протянулъ Юшкевичъ, наливая себѣ полный стаканъ вина;— такъ вы бы, Артемій Калустовичъ, такъ и сказали, а то васъ никто не понималъ, потому что воду обыкновенно не пьютъ, водой только умываются.

Тутъ только князь Джабріевъ понялъ въ чемъ дѣло и весь затрясся отъ звонкаго заразительнаго смѣха.

— Ахъ, да!... я совсѣмъ и забылъ,—заговорилъ Полтавинъ громко на всю столовую;—я васъ сегодня такимъ виномъ угощу, что вы языкъ прикусите. Мнѣ князь Мелхиседекъ, спасибо ему, изъ своего имѣнія, изъ Кахетіи, прислалъ дивное вино!... старое... выдержанное... Дамамъ и молодежи я этого вина не дамъ... Молодежь пусть пьетъ молодое вино, двадцатикопѣечное... ха-ха-ха!... а вамъ, старымъ пьяницамъ, знатокамъ, дамъ отвѣдать стаканчика по два... Всего двадцать бутылокъ онъ мнѣ, спасибо ему, прислалъ, а я, какъ вы знаете, на хорошее вино скупъ... теперь оно рѣдко попадается... я и одинъ никогда не пью, а только съ пріятелями, которые понимаютъ толкъ въ винѣ и пьютъ его съ благоговѣніемъ, какъ священный нектаръ.

„Вотъ тебѣ и разъ!... онъ мнѣ даже и хорошаго вина не дастъ,—продолжая злиться и кусая себѣ губы, думалъ Бравинъ.—И что это за мѣщанская манера такая... однимъ гостямъ давать хорошее вино, а другимъ дурное... За кого же они въ самомъ дѣлѣ меня то считаютъ?! Двадцать копѣекъ бутылка!... Это чортъ знаетъ что такое... Нѣтъ, я, кажется, сюда больше не хожу“.

— Эй, Залико!—крикнулъ Полтавинъ разбойнику въ бѣломъ бешметѣ съ черной бородой.

Залико быстро, скользя по полу чувяками, подбѣжалъ къ Полтавину и нагнулся надъ нимъ, приближая ухо къ губамъ своего барина.

— Принеси изъ погреба двѣ бутылки краснаго вина, что князь Мелхиседекъ мнѣ прислалъ,—приказалъ Полтавинъ ломаннымъ грузинскимъ языкомъ.

— Эти, что вчера изъ бурдючка разливали?—спросилъ Залико, гораздо менѣе ломая русскій языкъ, чѣмъ Полтавинъ ломалъ грузинскій.

— Ну, да, ну, да.

Залико беззвучно, какъ тѣнь, выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ну, теперь пора и за нашего губернскаго тулумбаша выпить,—сказалъ Полтавинъ, поднимая стаканъ, наполненный виномъ.—Илико-джанъ, твое здоровье!...

И Полтавинъ чокнулся съ княземъ Джабріевымъ.

— Это какая же должность?—спросилъ Бравинъ у княгини Каспѣевой.—Губернскій ту... ту... какъ генераль сказалъ?... Это не въ родѣ ли губернскаго предводителя дворянства?

— Нѣтъ,—смѣясь, отвѣчала княгиня Маро,— это его такъ въ шутку называютъ, потому что онъ вездѣ бываетъ тулумбашемъ, любитъ пить и большой кутила... а тулумбашъ... это у насъ здѣсь на Кавказѣ называется тотъ, кто за обѣдомъ или за ужиномъ... и вообще во время кутежа провозглашаетъ тосты и вообще управляетъ кутежомъ. Кто ему не подчиняется, того онъ можетъ оштрафовать, т. е. заставить выпить лишній стаканъ или два вина. Обыкновенно кого хотятъ, того и избираютъ тулумбашемъ, но если присутствуетъ князь Илико Джабріевъ, то ужъ онъ всегда тулумбашъ.

— Вотъ что!—злбно усмѣхнулся Бравинъ;—должность почетная и отвѣтственная.

— Ну, что-жъ, господа?!.. „мравалжаміеръ“ князю

Илико,—крикнулъ генералъ Касьяновъ. Молодежь... подхватывайте.

Всѣ, и молодые, и старики, и даже нѣкоторыя изъ дамъ и барышень дружно и громко запѣли грузинскую застольную пѣсню:

„Мравалжаміеръ, мравалжаміеръ!

Мертманъ инебось“.

Бравинъ окончательно оторопѣлъ.

— Это здѣсь всегда за столомъ поютъ?—спросилъ онъ у Родіоновой.

— Да,—отвѣчала она,—это мѣстный обычай, очень оживляющій всякую трапезу. Вы видите, вонъ и мой мужъ научился... тоже поетъ.

Въ отвѣтъ на этотъ хоръ князь Джабріевъ уже одинъ высокимъ фальцетомъ и страшно фальшиво заоралъ:

„Мадлобеливаръ, мадлобеливаръ!“

Онъ взялъ такъ высоко, что не могъ кончить и, взвизгнувъ, что называется, благимъ матомъ, закашлялся и наконецъ замолчалъ.

Взрывъ рукоплесканій и неистовыхъ криковъ „браво“ былъ отвѣтомъ на его пѣніе.

„До чего все это дико,—думалъ Бравинъ.—Надо имѣть ослиныя уши, чтобы слушать эту музыку. Право, они всѣ, кажется, ужъ напились“.

Началось провозглашеніе Джабріевымъ тоста за тостомъ, причемъ онъ каждый разъ кричалъ все громче и громче. Чоканье бокаловъ, взаимныя привѣтствія, шутки и смѣхъ, пѣніе „мравалжаміеръ“ на всѣ лады, все это наполнило комнату такимъ стозвучнымъ шумомъ, что Бравинъ даже пересталъ хорошо сознавать, гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ. Тѣмъ не менѣе онъ замѣтилъ, что Полтавинъ не далъ своего завѣтнаго вина даже самому генералъ-адъютанту князю Гумбатіонъ-Геор-

гіани, объявивъ, что онъ, князь Георгій Зурабовичъ, и винъ ничего не понимаетъ. Этотъ фактъ нѣсколько успокоилъ Бравина.

Послѣ цѣлаго ряда тостовъ князь Джабріевъ, обращаясь къ Софѣ Луарсабовнѣ Полтавиной, закричалъ:

— Софья Луарсабовна-джанъ... аллаверды!..

— Якшіоль,—отвѣтила согласно обычаю Полтавина.

— За здоровье вашего храброго, доброго, великодушнаго, какого другого нѣтъ, какому другому нигдѣ не найдешь, вашего мужа, нашего ховяина, Владимира Павловича... Будь здоровъ, Владиміръ Павловичъ. Ура!

Мощное „ура“ нѣсколькими раскатами прогремѣло по комнатамъ, а затѣмъ всѣ запѣли русскую заздравицу пѣсню:

„Чарочка моя, серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставленная.
Кому чару пить, кому здраву быть?
Пить чару, быть здраву“...

При этомъ всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, такъ что и Бравину пришлось сдѣлать тоже самое.

„Нашему Владиміру свѣтъ Павловичу.
На здоровьице ему наши буйныя
Головушки преклоняются.
Многая лѣта, многая лѣта“...

Полтавинъ раскланивался во всѣ стороны, тоже вставъ. Пропѣвъ, всѣ опять усѣлись на свои мѣста, съясь и шумя.

Послѣ плова на второе блюдо подали ростбифъ съ гарниромъ, а затѣмъ фрукты: виноградъ и груши.

„Что это, однако, за ужинъ такой!—мысленно пожалъ плечами Бравинъ.—Такъ много гостей, не „а-ля-фуршетъ“, а сервированный человѣкъ на сорокъ ужинъ и вдругъ ни бульона, ни рыбы, ни дичи... какія-то тра-

ктирныя закуски, два несчастныхъ блюда и даже безъ пирожного, а одни фрукты. Точно именинная попойка у гостиннодворскаго купца“.

Послѣ петербургскаго мяса тифлисскій ростбифъ показался Бравину плохимъ и при томъ ростбифъ былъ наръзанъ большими и толстыми кусками, что по мнѣнію Бравина было признакомъ дурного тона. Онъ еле еле съѣлъ полкусочка.

Надя Джаджумова тоже ничего не ѣла и почти ничего не говорила, кромѣ нѣсколькихъ фразъ въ отвѣтъ на вопросы Травинской. Она въ первый разъ въ жизни была на такомъ многолюдномъ и шумномъ ужинѣ и потому крайне стѣснялась и подобно Бравину тоже немного оторопѣла. Но ей, наоборотъ, было пріятно смотреть на общее веселіе; оно ее нисколько не злило, ей нравился этотъ непринужденный и задушевный тонъ, этотъ дружескій характеръ, которымъ былъ проникнутъ весь этотъ шумъ. Эти самые старики генералы, которые въ началѣ вечера казались ей такими страшными и важными, какъ то вдругъ въ ея глазахъ обратились въ простыхъ и обыкновенныхъ людей, полныхъ добродушія и веселости. Она съ радостью смотрѣла на свою мать, замѣчая, что она оживилась, какъ то вдругъ помолодѣла и сдѣлалась такою веселою, какою она ее уже очень давно не видѣла. Она пріятно удивилась, когда увидѣла, что ея всегда сдержанная и грустная мама даже поетъ вмѣстѣ съ другими „мравалжаміеръ“ и весело улыбается, видимо вспоминая свои лучшіе годы. Оживилась бы при такой обстановкѣ и сама Надя, если бы здѣсь не было Бравина, если бы онъ не сидѣлъ противъ нее. Какъ не былъ кратокъ разговоръ Нади съ Бравинымъ, тѣмъ не менѣе Бравинъ успѣлъ ее заинтересовать этимъ разговоромъ и ей было досадно, что его прервали на полусловѣ приглашеніемъ къ ужину.

„На этихъ вечерахъ совсѣмъ нельзя разговаривать,— думала она;—то играли въ эти глупыя игры, то опять безконечный ужинъ съ тостами, пѣніемъ и крикомъ. О, какъ я въ немъ ошиблась!... это совсѣмъ не пустой и чванный свѣтскій франтъ. Правда, и онъ свѣтскій чело-вѣкъ, бойкій и увѣренный въ себѣ. Онъ такъ остроумно поддерживаетъ всю эту пустую салонную болтовню, онъ даже за поясъ заткнетъ всѣхъ этихъ здѣшнихъ франтовъ, считающихъ себя образцомъ свѣтскости и аристократизма, но подъ этой внѣшней оболочкой въ немъ скрывается совсѣмъ другое, скрывается умъ и душа, способные увлекаться духовными интересами и понимать все прекрасное и возвышенное. И почему именно ко мнѣ онъ подошелъ, именно со мной затѣялъ не пустой свѣтскій, а болѣе осмысленный разговоръ?.. Точно онъ почуялъ во мнѣ родственную душу, способную понять его; точно хотѣлъ показать мнѣ себя такимъ, какимъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ кажется, какимъ ему нужно быть въ этомъ обществѣ. Ахъ!... и зачѣмъ этотъ разговоръ такъ быстро прервался... этотъ противный ужинъ!... Я овладѣла бы собой, я разговорила бы съ нимъ и онъ увидѣлъ бы, что я не дура, не свѣтская кукла, что я здѣсь чужая, что я ничего общаго не имѣю со всѣми этими расфранченными дамами. Вотъ и теперь... онъ сидитъ такой грустный и нахмуренный, точно совсѣмъ одинокій... Послѣ разговора со мной онъ какимъ-то совсѣмъ другимъ сталъ... какъ будто вспомнилъ что то совсѣмъ иное. Во время игръ онъ былъ веселымъ, а теперь... точно его сердитъ этотъ шумный пиръ, эти крики беззаботнаго веселія... Кто знаетъ, какія у него убѣжденія и о чемъ онъ теперь думаетъ, но чѣмъ то онъ озабоченъ... Онъ даже не можетъ какъ слѣдуетъ поддерживать разговора съ княгиней Маро, которая съ нимъ кокетничаетъ такъ же,

какъ и со всѣми. Она такая пустая и не симпатичная, эта княгиня Каспіева. Такой интеллигентный мужъ у нее, редакторъ газеты, а она такая пустая. Вонъ, вонъ... онъ еще болѣе нахмурился, онъ точно злится... Да... кто знаетъ, какія у него убѣжденія?... можетъ быть этотъ пиръ, эти звуки веселія раздражаютъ его? можетъ быть онъ думаетъ теперь о тѣхъ, кому не до веселія, кому трудно жить при нынѣшнихъ условіяхъ, кто несетъ крестъ, тяжелый крестъ“...

Такъ объясняла себѣ Надя то сердитое выраженіе, которое она, украдкой наблюдая за красивымъ лицомъ Бравина, чутко примѣтила.

Провозгласивъ тосты отдѣльно за каждого изъ стариковъ и за каждую изъ дамъ, а равно и за ихъ мужей, князь Джабриевъ уже къ концу ужина поднялъ бокалъ за всѣхъ присутствующихъ барышень вообще. Поднялся по обыкновенію шумъ всякаго рода пожеланій и затѣмъ пропѣто было „мравалжаміеръ“ на какой-то особенный, очень быстрый, мотивъ.

Бравинъ, приподнявъ стаканъ и поймавъ взглядъ Нади, наклонилъ голову, давъ ей понять и этимъ наклономъ головы, и этимъ приподнятымъ стаканомъ, что онъ пьетъ ея здоровье. Сердце ея дрогнуло и подъ вліяніемъ своихъ мыслей о томъ, что думаетъ Бравинъ, она неожиданно для самой себя вдругъ отвѣтила ему такимъ искреннимъ и сочувственнымъ взоромъ, что даже и его сердце тоже дрогнуло. Онъ глотнулъ вина и поставилъ стаканъ на мѣсто, мысленно воскликнувъ:

„Боже мой, какая она красавица!!.“

— Аллаверды къ предсѣдательницѣ молодого стола,—заоралъ опять неугомонный тулумбашъ,—къ Нинѣ Владиміровнѣ. За здоровье вновь пріѣзжаго молодого человѣка, фамиліи его не помню... добро пожаловать! Насъ полюбишь, нашъ будышь.

— Мсье Бравинъ, ваше здоровье,—провозгласила Травинская, поднявъ стаканъ.

Бравинъ всталъ и въ отвѣтъ на привѣтствія раскланялся во всѣ стороны. Несмотря на то, что князь Илико не позаботился даже узнать его фамиліи, а между тѣмъ къ концу тоста обратился къ нему на ты, Бравинъ все-таки былъ польщенъ вниманіемъ и его расходившаяся желчь еще болѣе улеглась. Онъ взглянулъ на Надю. Она подняла стаканъ. Взоры ихъ опять какъ бы влились другъ въ друга и сердца ихъ опять вздрогнули.

Видя, что всѣ закурили, Бравинъ также закурилъ, хотя и эта манера ему также показалась странной, такъ какъ въ тѣхъ петербургскихъ салонахъ, гдѣ онъ бывалъ, обыкновенно, за ужиномъ при дамахъ не курятъ, а закуриваютъ лишь послѣ ужина въ особой комнатѣ.

Затѣмъ князь Джабріевъ провозгласилъ общій тостъ за прочихъ холостыхъ молодыхъ людей, пожелавъ имъ всѣмъ поскорѣй жениться. Послѣ этого пропѣли „мравалжаміеръ“ опять на какой-то новый, имеретинскій, мотивъ, а затѣмъ Полтавинъ, поднявъ стаканъ, крикнулъ среди всеобщаго говора и шума:

— Теперь, господа, поблагодаримъ нашего веселого и милаго губернскаго тулумбаша. Илико-джанъ, будь здоровъ, душа моя! Живи еще полсотни лѣтъ, не слушаясь докторовъ, вообще, и Артемія Калустовича въ особенности, управляя кутежами и не признавая никакихъ другихъ микстуръ, кромѣ спирта и винограднаго сока. Слѣдуй примѣру нашего праотца Ноя, который прожилъ двѣсти лѣтъ. Ура!..

Дружное „ура“ опять прогремѣло нѣсколькими мощными раскатами. Когда оно смолкло и наступила, какъ это всегда бываетъ послѣ „ура“, минута общаго молчанія, громко и по обыкновенію нараспѣвъ заговорилъ князь Гумбатіонъ-Георгіани.

— Ну, а теперь для финала, какъ всегда, я скажу послѣдній, самый мною любимый и для всѣхъ самый важный тостъ. За здоровье того, кто любитъ кого; за здоровье тому, чье сердце принадлежитъ кому; выпьемъ вино, подумавши о томъ, кто думаетъ о комъ, и мысленно поцѣлуемъ того, кто мысленно цѣлуетъ кого. „Мравалжаміеръ!“

Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, допивъ остатки вина въ своихъ стаканахъ и пропѣли медленнымъ темпомъ послѣдній „мравалжаміеръ“, чѣмъ обыкновенно и заканчивался ужинъ. Полтавинъ широкимъ крестомъ перекрестился на висѣвшую въ углу большую икону и послѣ этого загремѣли отодвигаемые стулья. Всѣ толпою направились къ дверямъ.

Когда князь Гумбатіонъ-Георгіани провозгласилъ свой излюбленный тостъ, Бравинъ, быстро вникнувъ въ его смыслъ, опять поймалъ взглядъ Нади и наклонивъ голову, поднесъ стаканъ къ своимъ губамъ, явно показывая, что онъ пьетъ именно ея здоровье. Но на этотъ разъ Надя смутилась настолько, что не только не отвѣтила ему на этотъ вызовъ взоромъ, а наоборотъ опустила внизъ рѣсницы и даже слегка зарумянилась, что съ нею рѣдко случалось. Это не ускользнуло отъ глазъ опытнаго Бравина и едва замѣтная самодовольная улыбка пробѣжала по его крупнымъ губамъ.

„Неземное созданіе, существо не отъ міра сего, кажется, начинаетъ спускаться на землю,—подумалъ онъ;—но какая она красавица!... но вѣдь просто писаная красавица!“

Бравинъ думалъ, что послѣ ужина вечеръ еще немного продолжится, такъ какъ онъ привыкъ считать неприличнымъ раскланиваться и уходить сейчасъ же послѣ ужина. Поэтому онъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ онъ въ гостинной возобновитъ разговоръ

съ Надей. Пропустивъ впередъ дамъ, онъ замѣшкался въ столовой, докуривая свою папиросу и обдумывая тему предстоящаго разговора. Замѣтивъ, что изъ столовой всѣ уже вышли, онъ бросилъ папиросу въ недопитый стаканъ и вышелъ въ гостинную. Къ великому своему удивленію онъ, однако, увидѣлъ, что болѣе половины гостей, а въ томъ числѣ и Надя съ своею матерью уже ушли. Остальные тоже очень быстро раскланивались и уходили. Слѣдуя ихъ примѣру и Бравинъ, взявъ со стола свой клакъ, подошелъ къ Полтавиной, которая вмѣстѣ съ Травинской стояла въ дверяхъ, провожая уходящихъ, и отвѣсилъ ей граціозный, почтительный и серьезный поклонъ, какой обыкновенно отвѣшиваютъ начальнику послѣ дѣлового доклада.

— До свиданія, молодой человѣкъ,—любезно протянула ему руку Софья Луарсабовна;—если вамъ не показалось скучно, то милости просимъ къ намъ... у насъ каждую субботу вотъ также собираются. Пожалуйста, всегда будемъ очень рады... безъ церемоній и безъ особыхъ приглашеній.

Онъ молча, еще разъ шаркнувъ, поцѣловалъ ей руку и затѣмъ отвѣсилъ такой же корректный и серьезный поклонъ Травинской, но лишь съ меньшимъ наклономъ головы. Она протянула ему руку, но ничего не сказала и къ себѣ его не пригласила. Почтительно пожавъ руку Травинской, Бравинъ еще разъ поклонился Полтавиной и сказалъ:

— Его превосходительству прошу васъ передать мое глубочайшее почтеніе.

— Благодарю васъ,—отвѣчала Полтавина,—вы ужъ извините его... онъ всегда ужъ послѣ ужина прямо въ спальню идетъ.

Бравинъ еще разъ шаркнулъ, взглянувъ на обѣихъ, и вышелъ изъ комнаты.

— Прелестный молодой человекъ... такой воспитанный,—сказала Полтавина.

— А мнѣ онъ что то не по душѣ... впрочемъ, надо же присмотрѣться,—отозвалась Травинская.

П. Опочининъ.

(Продолженіе будетъ)

МОЛИТВА.

Спаситель мой, я такъ слаба,
Мнѣ не по силамъ эти муки,
Меня измучила борьба,
Я снова опускаю руки.

Ты видишь, робко предъ Тобой
Стою я, плача и страдая..
Мой міръ не миръ, а бредъ больной,
И жизнь томить меня земная.

Въ Тебѣ одномъ опять ищу
Давно ушедшаго покоя..
Я падаю, боюсь, ропщу,
Мнѣ нѣтъ опоры, нѣтъ устоя.

Спаситель мой, я такъ слаба,
Избавь меня отъ испытанья:
Меня измучила борьба,
Меня забыло упованье.

Т. П. Бекханова.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО НА КАВКАЗЪ*).

РАЗСКАЗЫ-ВОСПОМИНАНІЯ О ЧЕЧЕНСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ 1877 г.

Разсказъ третій.

Возстаніе ауховцевъ и салатавцевъ и юртъ-ауховское дѣло.

I.

Поѣздка въ ауховскіе аулы, прилежающіе къ Салатави, была совершена мною 27-го апрѣля, а 28-го, утромъ, мнѣ дали знать, что ночью въ Юртъ-Аухъ пріѣзжали ичкеринскіе хаджи, бесѣдовавшіе съ народомъ вплоть до утренней зарн. Принесшіи извѣстіе утверждали, что въ бесѣдѣ участвовали также человѣкъ десять-двѣнадцать акташъ-ауховскихъ стариковъ и что въ числѣ ихъ былъ Хаджибатырь. Последнему сообщенію я, впрочемъ, не повѣрилъ, зная осторожность ауховскаго мудреца и также то, что на него многіе готовы клеветать по злобѣ.

Какъ-бы ни было, но дни съ 27-го апрѣля по 1-е мая прошли относительно спокойно. Дѣло въ томъ, что, независимо отъ отсутствія въ эти дни въ сосѣдней Ичкеріи Алибека и его партіи (они находились, какъ уже извѣстно читателю на чеченской плоскости), 29-го апрѣля черезъ ауховскіе аулы, расположенные по Ярыкъ-су, прослѣдовалъ изъ Хасавъ-Юрта въ укрѣпленіе

*.) См. „Кавк. Вѣстн.“, № 6.

Кишень отрядъ войскъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ ротъ пѣхоты и четырехъ конныхъ орудій. Ночью съ 29-го на 30-е по тому же пути проѣхалъ начальникъ мѣстныхъ дѣйствующихъ войскъ, въ сопровожденіи двухъ сотенъ конной милиціи. 30-го, утромъ, отрядъ, въ составѣ 6-ти ротъ пѣхоты, 4-хъ орудій и 2-хъ сотенъ милиціи, двинулся къ Зандаку, оставивъ въ тылу у себя, въ укрѣпленіи Кишень, двѣ роты пѣхоты и два крѣпостныхъ орудія.

По пути къ Зандаку отрядъ имѣлъ небольшую перестрѣлку съ укрывшимися въ густомъ кустарникѣ ичкеринцами, но приблизившись къ аулу, онъ нашелъ его совершенно пустымъ. Жители успѣли покинуть свое родное гнѣздо и разсѣяться по окрестнымъ балкамъ и лѣсамъ. Простоявъ подъ Зандакомъ нѣсколько часовъ, отрядъ возвратился въ укрѣпленіе; затѣмъ на другой день, утромъ, онъ прослѣдовалъ въ Хасавъ-Юртъ.

Народъ, конечно, судорожно слѣдилъ за движеніемъ войска. Куда оно двинется изъ укрѣпленія, никто не зналъ и это заставило всѣ окрестные аулы притихнуть. Но вотъ разнеслось по горамъ, что солдаты снова ушли въ свою штабъ-квартиру и настроеніе населенія рѣзко измѣнилось.

Около меня измѣненіе это, прежде всего, выразилось тѣмъ, что милиционеры мои опять стали разбѣгаться. Одинъ изъ нихъ дерзко заявилъ мнѣ, что ему не до службы теперь, когда въ пору только оберегать свою голову и свое семейство, и уѣхалъ, не обративъ вниманія на мои угрозы. Другіе потребовали увольненія отъ службы подъ разными пустыми предлогами. Потомъ аульные старшины прислали ко мнѣ вѣстовщиковъ съ предупрежденіемъ, что Алибекъ возвратился въ Семсиръ и организуетъ большую партію, чтобы идти съ нею въ Аухъ. Потомъ изъ Салатавіи сообщили мнѣ, что Алмакъ и Дылымъ со всѣмъ готовы присоединиться къ мятежникамъ.

Какіе-то горцы 2-го мая около Дылыма ранили интендантскаго чиновника, ѣхавшаго изъ Хасавъ-Юрта въ укрѣпленіе Буртунай.

Затѣмъ, 3-го мая разнеслось, что Алибекъ ночью прибудетъ въ Акташъ-Аухъ и, проѣхавъ дальше, въ направленіи къ Дылыму, устроитъ на одной полянѣ совѣщаніе съ ауховскими и салатавскими стариками.

Слухъ, впрочемъ, не подтвердился, а вмѣсто того сдѣлалось извѣстнымъ, что имамъ правовѣрныхъ, находясь въ Ичкеріи, ведетъ переговоры съ военачальникомъ Султанъ-Мурадомъ по случаю возникшихъ между ними какихъ-то недоразумѣній.

Переговоры, какъ тогда же разъяснилось, окончились примиреніемъ главы возстанія съ его наибомъ, скрѣпленнымъ обоими присягою на коранѣ.

Ночью съ 5-го на 6-е мая какіе то смѣльчаки произвели нѣсколько выстрѣловъ въ укрѣпленіе Кишень близъ нижнихъ воротъ его. На другой день, утромъ, я поѣхалъ въ аулъ Кишень-Аухъ и произвелъ тамъ объ этой стрѣльбѣ обстоятельное разслѣдованіе. Результатовъ оно, однако, никакихъ не дало. По обстановкѣ дѣла, нужно было полагать, что стрѣляли именно кишень-ауховцы. Но сами эти ауховцы въ одинъ голосъ повторяли, что продѣлка устроена зандаковцами или, вообще, ичкеринцами, возымѣвшими намѣреніе скомпрометировать ихъ, кишень-ауховцевъ, передъ начальствомъ.

II.

Ко мнѣ пріѣхали 6-го мая ауховскіе старшины и салатавскій приставъ, капитанъ Шейхъ-Магома Даціевъ, салатавецъ родомъ, человекъ живой, подвижной, нѣсколько восторженный, любитель красивыхъ позъ и эффектныхъ сценъ. И приставъ, и старшины объявили мнѣ, что, слава Богу, въ настроеніи населенія произошелъ переломъ: прежнія симпатіи къ Алибеку и мятежникамъ смѣнились злобою противъ нихъ. Шейхъ-Магома говорилъ объ этомъ преувеличено-экзальтированнымъ тономъ, увѣряя меня съ горячимъ блескомъ въ глазахъ, что если бы „бунтовщики противъ великаго Царя и милостиваго правительства“ вздумали теперь сунуться на салатавскую или ауховскую землю, то ихъ навѣрное встрѣтили бы сильнымъ огнемъ и живо прогнали бы обратно „въ ичкеринскія трущобы“.

Ауховскіе старшины, кромѣ акташъ-ауховскаго хвастуна, шумѣвшаго и утверждавшаго, что не прогнать только нужно имама, а поймать, связать, и въ этомъ видѣ представить начальству, не проявляли особенной восторженности, но и они, видимо, были довольны благопріятной переменой въ положеніи дѣлъ. Даже политиканъ смотрѣлъ нѣсколько веселѣе и выражалъ надежды на скорое прекращеніе беспорядковъ.

Въ тоже время зандаковцы прислали своихъ стариковъ сначала ко мнѣ, а потомъ въ Хасавъ-Юртъ, съ просьбою простить имъ ихъ прегрѣшенія и вѣрить, что они не друзья, а заклятые враги дерзкихъ нарушителей порядка съ ихъ самозваннымъ имамомъ Альбика-Аджи...

Признаюсь откровенно, что тогда, въ моментъ излагаемыхъ

здѣсь событій, я не совсѣмъ понималъ, что все это значить... Въ настоящее время для меня ясно, что внезапный поворотъ въ настроеніи народа былъ результатомъ совокупнаго вліянія нѣсколькихъ причинъ.

Между этими причинами первую нужно признать ту, что ауховцы и салатавцы только теперь узнали всѣ печальныя для мятежниковъ послѣдствія шалинскаго погрома и вмѣстѣ съ тѣмъ поняли, что начальство намѣрено принять строгія мѣры. Вторая причина заключалась въ томъ, что количество войскъ на всѣхъ угрожаемыхъ пунктахъ нами было увеличено, что прогулки нашихъ отрядовъ въ горы участились и что вообще мы стали дѣйствовать энергичнѣе и увѣреннѣе.

Рядомъ съ этимъ весьма импонирующее дѣйствіе на народъ произвело и то, что, по дошедшимъ изъ Ичкеріи вѣстямъ, сами ичкеринцы рѣшительно отступились отъ своего имама, предложивъ ему собственной участи. Святоша въ зеленомъ халатѣ и бѣлоснѣжной чалмѣ съ длинною вуалью, по этимъ вѣстямъ, зашѣлъ въ своемъ лѣсу, какъ медвѣдь въ берлогѣ, и все его войско состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ не то фанатиковъ, не то искателей приключеній.

Тѣмъ не менѣе, въ ночь съ 7-го на 8-е имамъ сдѣлалъ попытку пробраться въ Алмакъ, имѣя при себѣ партію чело-вѣкъ въ 60. На его несчастіе салатавскій приставъ Шейхъ-Магома находился недалеко, въ Дылымѣ. Во время предупрежден-ный о дерзкомъ покушеніи семсирскихъ героевъ, онъ собрать охотниковъ, чело-вѣкъ полтора, и бросился съ ними навстрѣчу мятежникамъ. Алибекъ не рискнулъ помѣриться силами съ нашимъ приставомъ. Оставивъ Алмакъ въ сторонѣ, онъ пробрался окольною дорогою къ аулу Буртунаю, лежащему верстахъ въ 4-хъ отъ перваго аула и, по своему обыкновенію, затѣялъ переговоры съ аульнымъ обществомъ, которое отнеслось къ нему довольно благосклонно.

По этому случаю въ существовавшемъ тогда укрѣпленіи Буртунаѣ (оно находилось верстахъ въ 2—3-хъ отъ одноименнаго аула) произошелъ большой переполохъ. Не зная численности непріятеля и вполне основательно не довѣряя преданности окрестнаго населенія, гарнизонъ укрѣпленія приготовился къ упорной защитѣ. Всю ночь пѣхотинцы простояли „подъ ружьемъ“, а пушкари—около своихъ заряженныхъ орудій. Однако, все кончилось благополучно. Алибекъ и буртунаевцы не осмѣлились подойти къ нашему укрѣпленному пункту. Прогарцовавъ нѣсколько часовъ около буртунаевскаго аула, имамъ, подъ ут-

ро, благоразумно отретировался въ свою лѣсную штабъ-квартиру.

Въ Зандакъ 8-го мая прибылъ изъ Грознаго знаменитый чеченецъ, генераль-маіоръ Арцу Чермоевъ ¹⁾, съ цѣлью оказать свое вліяніе на умиротвореніе края.

Зандаковцы, по требованію генерала, 9-го мая собрались на сходку. Обращенными къ нимъ рѣчами генераль настолько подѣйствовалъ на умы своихъ слушателей, что послѣдніе рѣшили, во что бы то ни стало, добиться одного изъ двухъ: или уговорить Алибека добровольно выйти изъ лѣсу и отдаться въ руки начальства, или же захватить его силою.

Для исполненія этого рѣшенія немедленно снарядили экспедицію въ семсирскій лѣсъ, съ партією женщинъ и почетныхъ стариковъ впереди.

Женщины долго упрасивали имама, въ лицѣ высланныхъ имъ къ лѣсной опушкѣ парламентаровъ, смириться и прекратить бунтовать, ради спокойствія и благополучія ичкеринскаго народа... Онѣ плакали... Но сподвижники имама отвѣтили на ихъ слезы издѣвательствами по адресу трусливыхъ зандаковцевъ и грубою бранью по адресу русскихъ. Тогда народъ, отстранивъ женщинъ, направился въ лѣсъ съ мыслию исполнить вторую часть выработанной раньше программы. Но или въ немъ, народѣ, не было нужнаго энтузіазма, или онъ дѣйствовалъ не совсѣмъ искренно, или просто у него не хватило мужества, только нападеніе оказалось пустою и нѣсколько грустною шуткою. Встрѣченные обитателями семсирскаго лѣса ружейными выстрѣлами, толпы зандаковцевъ бросились вонъ изъ негостепріимнаго мѣста, кстати захвативъ съ собою подстрѣленнаго товарища ихъ, почетнаго человѣка Бейсултана.

11-го мая къ Зандаку, черезъ укрѣпленіе Кишень, прослѣдовалъ отрядъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Б. Когда отрядъ приближался къ аулу, жители послѣдняго выслали навстрѣчу ему депутацію съ изъявленіемъ полной покорности и готовности исполнять безпрекословно всѣ приказанія. Отрядъ расположился лагеремъ на возвышенности, съ которой, если бы

¹⁾ Генераль-маіоръ Чермоевъ умеръ въ концѣ 1895 года, въ г. Грозномъ. Жизнь этого ветерана многолѣтней борьбы нашей съ кавказскими народами, до окончательнаго подчиненія ихъ нашей власти, несомнѣнно полна глубокаго историческаго интереса. Очень жаль, что, какъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, послѣ смерти генерала не осталось никакихъ записокъ, по которымъ могла бы быть написана его біографія. Официальный же послужной списокъ—матеріалъ для этого крайне скудный.

понадобилось, можно было разгромить аулъ изъ орудій не болѣе, какъ въ часъ времени.

12-го мая я и прибывшіе ко мнѣ ауховскіе старшины, вку-
пѣ съ неизбѣжнымъ Хаджибатыромъ, ѣздили въ лагерь по тре-
бованію начальника его. Полковникъ Б. выслушалъ докладъ
старшинъ о превосходномъ настроеніи Ауха и потомъ, въ на-
шемъ присутствіи, разработалъ слѣдующій планъ предпрѣшенна-
го имъ нападенія на Семсирскій хуторъ. Въ назначенный день
и часъ партіи охотниковъ изъ ауховцевъ и салатавцевъ долж-
ны были сгруппироваться: одна (ауховцы)—на полянѣ *Мажгар*
(лежитъ на востокъ отъ Семсира) и другая (салатавцы)—на горѣ
Дорумъ (возвышается надъ Семсиромъ на югѣ). Въ то же время
съ другихъ сторонъ хуторъ должны были окружить зандаков-
цы и другіе ичкеринцы. Когда всѣ будутъ находиться на сво-
ихъ мѣстахъ, онъ, полковникъ Б., пушечнымъ выстрѣломъ по-
дастъ сигналъ къ нападенію на хуторъ и самъ двинется къ не-
му съ частью своего отряда.

Собрать охотниковъ изъ ауховцевъ и салатавцевъ было
возложено на меня. Мнѣ же было поручено, послѣ совѣщанія
съ салатавскимъ приставомъ, сообразить и донести, когда имен-
но мы будемъ готовы къ выполненію предначертаннаго плана.

По возвращеніи въ Кишень, я, прежде всего, отправилъ
нарочнаго за салатавскимъ приставомъ, а потомъ приступилъ
къ обсужденію со старшинами вопроса объ охотникахъ. Ак-
ташъ-ауховскій старшина поспѣшилъ заявить, что 200 охотни-
ковъ онъ выставитъ хоть завтра. Другой старшина выразилъ
надежду явиться на Мажгаръ съ 150-ю жителями. Остальные не
рѣшились заранѣе опредѣлить цифру охотниковъ, но обѣщали
прибыть на сборный пунктъ съ достаточнымъ числомъ своихъ
односельцевъ. Старшины были отпущены мною съ приказаніемъ
ожидать извѣщенія о днѣ и часѣ явки на сборный пунктъ.

III.

Утромъ, 13-го мая, ко мнѣ прискакали Хаджибатыръ и со-
общилъ, что „изъ Акташъ-Ауха убѣжало къ Алибеку человекъ
60, затѣмъ изъ Юртъ-Ауха и Дылыма тоже бѣжали десятки лю-
дей; далѣе онъ передалъ слухъ о намѣреніи шайки имама не на
шутку драться съ отрядомъ полковника Б. въ надеждѣ на под-
держку зандаковцевъ и другихъ ичкеринцевъ“¹⁾.

¹⁾ Помѣщенное между кавычками взято изъ письма моего къ началь-
нику Хасавъ-Юртовскаго округа, майору Шетихину (13-го мая, вечеромъ).

Черезъ нѣсколько часовъ явился акташъ-ауховскіи старшина и, чуть-ли не первый разъ съ момента возникновенія безпорядковъ, откровенно заявилъ, что жители безумствуютъ, что большинство ихъ требуетъ немедленнаго призыва Алибека и только незначительное меньшинство продолжаетъ колебаться еще; что онъ, старшина, не въ силахъ бороться съ разыгравшимися страстями. Разсказалъ онъ еще, что та же мутная волна страстей захватила и Юртъ-Аухъ, и нѣкоторые салатавскіе аулы, въ особенности, Алмакъ и Дылымъ. Въ Юртъ-Аухѣ, по его словамъ, появился отчаянный агитаторъ возстанія, нѣкто Джемау Чопалавовъ, сидѣвшій прежде въ Семсирѣ, а теперь вернувшійся въ родное селеніе, въ качествѣ посланца имама.

Въ заключеніе своего доклада о положеніи вещей онъ предъявилъ мнѣ полученное имъ утромъ, черезъ Дылымъ, посланіе двухъ буртунаевскихъ стариковъ-хаджи къ ауховскому народу. Посланіе было написано по-арабски и скрѣплено именными печатями Исмаила-Хаджи и Уста-Хаджи.

Вотъ переводъ текста посланія:

„Мы, буртунаевское аульное общество, пишемъ старшинамъ ауховскихъ обществъ. Кланяемся вамъ, а затѣмъ сообщаемъ для вашего свѣдѣнія: мы свои души продали за нашу вѣру и готовы выпить чашу смерти во славу Бога; мы начинаемъ бунтовать противъ русскихъ; мы уже извѣстили объ этомъ Алибека-Аджи и послали бумаги въ гумбетовскіи (Дагестанъ) аулъ. Мы пишемъ въ этихъ бумагахъ, что возстали противъ русскихъ. Еще разъ кланяемся вамъ“.

Въ полдень салатавскіи приставъ прислалъ мнѣ извѣщеніе, въ которомъ значилось: взбунтовавшійся Алмакъ водрузилъ на мечети значекъ, прогнавъ въ тоже время караулъ изъ салатавцевъ, поставленный на ичкеринской границѣ; кромѣ Алмака, возстали аулы Міатлы, Гостала, Дылымъ и другіе; не возстали только Чиркей и Зубуть, „которые хотятъ умереть за царя и отечество“^{*)}).

Въ семь часовъ вечера начальникъ округа Шетихинъ сообщилъ мнѣ письмомъ, что „между ауховцами и нѣкоторыми изъ салатавцевъ ходитъ такой планъ: допустивши отрядъ Б. углубиться въ горы, усилить Алибека внезапнымъ присоединеніемъ къ нему дылымовцевъ и алмаковцевъ, а съ другой стороны должны принять отрядъ ауховцы, и, заперевши отрядъ въ горахъ

*) Подлинное выраженіе донесенія Шейхъ-Магомы.

или уничтоживши его, если удастся, быстро двинуться на помощь, оставшуюся теперь безъ войскъ, и хозяйничать“...⁴⁾

Черезъ три часа я получилъ отъ него другое письмо, которымъ подтверждалось первое. Новаго въ этомъ письмѣ было лишь то, что по распространившимся слухамъ, горцы, со дня вѣдѣнья, ожидаютъ появленія какого-то новаго имама, который долженъ смѣнить собою Алибека-Аджи.

Чтобы читатель могъ составить себѣ вполне ясное представление о томъ, въ какомъ положеніи были 13-го и 14-го мая салатавскіе аулы и Акташъ и Юртъ-Аухъ, приведу еще одно письмо мое къ маіору Шетихину, писанное 14-го мая:

„Все горитъ подъ ногами... Акташъ, Юртъ, Дылымъ, Амакъ—быстро пустѣютъ. Значки, стрѣльба... Свѣдѣнія эти сейчасъ получилъ отъ ** (въ настоящемъ очеркѣ названъ Халак-батыромъ) и Атая (состоялъ помощникомъ ярыксу-ауховскихъ старшинъ), выстрѣлы слышалъ я самъ. Въ названныхъ аулахъ происходитъ оргія, превосходящая ту, что была въ Ичкеріи въ началѣ возстанія... Съ минуты на минуту ждуть Алибека; сношенія съ нимъ свободны. Члены его шайки подбиваютъ народъ увѣреніями, что на ихъ сторонѣ вся Салатавія. Правда это или ложь, разобраться трудно. Въ остальныхъ ауховскихъ аулахъ пока тихо, но на долго-ли?“

IV.

Случилось вообще то, что очень часто случается при пожарахъ, происходящихъ отъ, такъ называемыхъ, неизвѣстныхъ причинъ. Черезъ какую-нибудь трещину въ печкѣ или трубѣ огонь добирается до деревянной стѣны или балки, замазанной глиной, заштукатуренной и забѣленной. Стѣна или балка начинаетъ горѣть безъ пламени... тлѣетъ... обугливается... медленно, тихо. Съ самымъ незамѣтнымъ трескомъ. Вблизи появляется запахъ гари. Его слышать, но ему не придають значенія: „мало-ли отчего это можетъ быть? Ну, тряпка попала въ огонь, или угли въ печь не перегорѣли, какъ слѣдуетъ“... Между тѣмъ огонь пробирается по балкѣ или стѣнѣ все дальше и дальше. Но вотъ штука: турка, наконецъ, отвалилась, на тлѣющее дерево налетѣла струя свѣжаго воздуха, оно вспыхнуло—и внезапно появилось пламя

⁴⁾ Письмо ко мнѣ маіора Шетихина, помѣченное 13-го мая, 7 часовъ вечера.

⁵⁾ Въ Ярыксу-Аухъ, Банай-Аухъ и Кишень-Аухъ.

море пламени, охватившее зданіе снизу доверху... Причина пожара лежитъ далеко, но ближайшими поводами къ нему послужили отпаденіе штукатурки и свѣжій воздухъ... И въ пожарѣ, охватившемъ вдругъ, послѣ затишья, Аухъ и Салатавію, причины лежали далеко, во всемъ томъ, что описано въ предыдущихъ главахъ, и еще дальше, въ темпераментѣ и духѣ населенія. Что же касается ближайшихъ поводовъ, то они заключались въ слѣдующемъ.

Надежды Алибека водвориться въ Плоскостной Чечнѣ, послѣ полученныхъ имъ уроковъ, окончательно исчезли. Онъ не прочь былъ устроиться, до поры до времени, въ своей родной Ичкеріи, съ штабъ-квартирою въ Семсирѣ. Но какъ разъ въ это время, командующій войсками въ области и руководитель военныхъ операций противъ мятежниковъ, генералъ Свистуновъ, особенно энергично налегъ на ичкеринцевъ, требуя, чтобы они уничтожили семсирское гнѣздо и доставили ему Алибека, живого или мертвого. Требованіе свое онъ подкрѣпилъ движеніемъ въ самое сердце Ичкеріи довольно значительнаго военного отряда (5 батал. пѣхоты, конница, артилерія) со стороны укрѣпленія Ведень и предупрежденіемъ населенія, что шутить съ нимъ не будетъ: за недоставленіе имама онъ подвергнетъ его строгимъ репрессіямъ. Угрозы, подкрѣпленныя пушками и штыками, сильно перепугали ичкеринцевъ и они рѣшились дѣйствовать, но какъ? Попытка поймать Алибека, какъ извѣстно читателю, разъ уже окончилась для нихъ полнымъ фіаско. Да теперь они были въ нѣсколько иномъ настроеніи, чѣмъ тогда: они только трусили передъ войскомъ, но симпатіи ихъ лежали на сторонѣ гонимаго главы національнаго правительства. Оставалось одно: уговорить почтеннаго имама удалиться куда-нибудь съ родины и тѣмъ отвратить надвинувшуюся на нее грозу. Къ этому послѣднему способу дѣйствія они и прибѣгли. Началось усиленное паломничество въ Семсиръ разныхъ „почетныхъ“ изъ народа съ обильными приношеніями, въ видѣ муки, крупы, барановъ, съ обѣщаніями поддержки въ будущемъ и съ усиленными просьбами стушеваться въ настоящемъ. Алибекъ не устоялъ и далъ согласіе уйти. Дальнѣйшее поведеніе его опредѣлилось самимъ положеніемъ вещей. Такъ какъ на западъ и на сѣверъ, гдѣ стояли наши войска, бѣжать было нельзя, то онъ поневолѣ обратилъ взоры на востокъ и югъ, гдѣ лежали Аухъ и Салатавія. Кстати, въ этомъ направленіи можно было пробраться и въ Дагестанъ—страну, никогда не отказывавшую дотолѣ въ гостепріимствѣ авантюристамъ съ титуломъ имама. Рѣшивъ поступить

именно такимъ образомъ, Алибекъ и его посланцы подули на угли, давно уже тлѣвшіе въ облюбованныхъ ими мѣстахъ,—и пожаръ въ нихъ вспыхнулъ и разлился широкою рѣкою.

Вторымъ поводомъ необходимо признать ничтожное количество нашихъ войскъ, оперировавшихъ на восточной и юго-восточной границахъ Ичкеріи. Для дѣйствій въ восточномъ углу самой Ичкеріи, удерживанія въ повиновеніи ауховскаго и салатавскаго обществъ, огражденія отъ возможныхъ случайностей Хасавъ-Юрта и укрѣпленія Кишень и прикрытія восточнаго угла Большой Чечни и всей Кумыкской плоскости, для всѣхъ этихъ движеній, задерживаній, огражденій мы имѣли всего одинъ кабардинскій пѣхотный полкъ, подкрѣпленный артиллерією и иррегулярной кавалерією—казаками и туземной милицією. Начальнику этихъ войскъ поневолѣ приходилось перелетать съ своими тремя съ половиной пѣхотными баталіонами (двѣ роты составляли гарнизонъ укрѣпленія Кишень) съ мѣста на мѣсто, то группируя ихъ въ одномъ пунктѣ и оставляя открытыми всѣ другіе, то раздробляя эти слабыя силы на части и тѣмъ ставя себя въ невозможность дѣйствовать съ достаточною увѣренностью и рѣшительностью. Неудивительно поэтому, что, въ концѣ концовъ, внезапныя появленія горсти нашихъ войскъ въ томъ или другомъ пунктѣ и такія же внезапныя исчезновенія ея перестали производить на населеніе устрашающее дѣйствіе. Неудивительно и то, что въ народѣ начали распространяться слухи, будто-бы войскъ на Кавказѣ самое ничтожное количество, что солдаты трусливы и оружіе у нихъ никуда негодное, слухи, въ свою очередь, послужившіе, если не поводомъ, то стимуломъ къ внезапной вспышкѣ пожара. Ауховцы и салатавцы не на шутку довѣрились имъ, а потому и не могли уже устоять передъ соблазномъ помѣриться силами съ слабымъ противникомъ и легкой побѣдой надъ нимъ доказать, что они тоже стоятъ на высотѣ положенія, т. е., что они и истые мусульмане, и враги русскихъ, и способны бунтовать не хуже ихъ сосѣдей-ичкеринцевъ.

V.

Обо всемъ, что дѣлалось въ Аухѣ и Салатавіи, я и гражданскій начальникъ округа, маіоръ Шетихинъ, тотчасъ доводили до свѣдѣнія временнаго военного окружнаго начальника и начальника расположенныхъ въ округѣ войскъ, полковника Б., который стоялъ подъ Зандакомъ съ двумя баталіонами. Полков-

никъ Б. получалъ, конечно, свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и изъ другихъ источниковъ.

Съ цѣлью разобщить Аухъ и Салатавію съ Ичкеріею, а вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрыть и Кумыкскую плоскость отъ мятежниковъ, онъ рѣшилъ сняться съ своей позиціи и двинуться къ Акташъ-Ауху. Рѣшеніе было приведено въ исполненіе 14-го мая, утромъ, когда зандаковскій отрядъ внезапно прибылъ въ укрѣпленіе Кишень. Здѣсь начальникомъ отряда были получены дополнительныя свѣдѣнія о состояніи только что взбунтовавшихся селеній. Отраднago въ этихъ свѣдѣніяхъ было немного, но совокупность ихъ указывала, что Зандакъ продолжаетъ оставаться не менѣе важнымъ пунктомъ, чѣмъ Акташъ-Аухъ. Въ виду же того, что 15-го мая ичкеринскій отрядъ (подъ начальствомъ генерала Свистунова) долженъ былъ напасть на Семсиръ съ запада (отъ аула Даттахъ), присутствіе войскъ въ Зандакѣ—на пути отступленія мятежниковъ—представлялось прямо стратегическою необходимостью.

Положеніе вещей заставило полковника Б. въ тотъ же день возвратиться на свою прежнюю позицію. Одновременно съ тѣмъ онъ предписалъ подполковнику кабардинскаго полка Ш., находившемуся съ своимъ баталіономъ около аула Балансу, немедленно перейти въ укрѣпленіе Кишень и на другой день выступить въ Акташъ-Аухъ.

Вечеромъ баталіонъ подполковника Ш. былъ уже въ укрѣпленіи. Переночевавъ въ немъ, онъ на другой день, рано утромъ, собрался выступить къ назначенному ему пункту.

Но еще до его выступленія въ укрѣпленіе снова прибылъ полковникъ Б. съ однимъ баталіономъ пѣхоты (другой остался подъ Зандакомъ) и двумя сотнями конницы. Составленъ былъ одинъ отрядъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ горныхъ орудій, сотни казаковъ и сотни туземной милиціи. Полковникъ Б. сталъ во главѣ его и затѣмъ отрядъ двинулся къ намѣченной цѣли по „Пѣтуховской дорогѣ“.

Я получилъ приказаніе находиться при штабѣ отряда.

VI.

Кромѣ меня,—представителя мѣстной гражданской власти, —отрядъ сопровождали, въ качествѣ представителей мѣстнаго населенія, прибывшіе ко мнѣ утромъ акташъ-ауховскій старшина и его путеводная звѣзда---Хаджибатырь.

Движеніе по Пѣтуховской дорогѣ мы совершили безъ всякихъ случайностей и при отличной погодѣ.

Когда отрядъ находился верстахъ въ двухъ отъ Акташъ-ауха, Хаджибатыръ и акташъ-ауховскіи старшина поскакали впередъ—исполнить приказаніе начальника его, заключавшееся въ томъ, чтобы жители, безъ оружія, ожидали прихода войска на краю селенія.

Шагахъ въ 150 отъ аула отрядъ остановился на возвышенной площадкѣ. Съ нея легко было разсмотрѣть, что около послѣднихъ аульныхъ строеній собралась довольно большая толпа горцевъ и впереди ея красовались оба, извѣстные уже намъ, главаря аульнаго общества. Кромѣ главарей, всѣ остальные горцы были безъ оружія. Помню отлично, что ни на одномъ изъ нихъ не было также чалмы, головного украшенія всякаго хаджи, хотя самихъ хаджи въ толпѣ можно было насчитать десятка полтора.

Полковникъ Б. подъѣхалъ къ горцамъ въ сопровожденіи своего штаба. При его приближеніи всѣ они обнажили головы.

Поздоровавшись съ ними, начальникъ отряда сказалъ имъ небольшую рѣчь. Сущность ея заключалась въ томъ, что войска должны бояться не мирные жители, а мятежники. Если они, акташъ-ауховцы, будутъ оставаться въ повиновеніи, будутъ исполнять требованія начальства, будутъ держаться въ сторонѣ отъ мятежа, то войско не только не сдѣлаетъ имъ ничего худого, но, напротивъ, приметъ на себя заботу объ оградѣніи ихъ имущества и жизни отъ поползновеній со стороны дерзкихъ своевольниковъ. Рѣчь закончилась обращеніемъ къ народу съ приглашеніемъ, чтобы онъ занимался своими сельскими работами и ни во что, выходящее изъ круга его аульныхъ интересовъ, не вмѣшивался.

Отъ имени народа отвѣчалъ, конечно, Хаджибатыръ. Изъ отвѣта его вытекало, что акташъ-ауховцы—злѣйшіе враги всякихъ нарушителей порядка и самые пламенные приверженцы предержавныхъ властей; о возстаніи они, будто бы, никогда не помышляли, а теперь счастливы видѣть войско своего Царя на своей землѣ и подлѣ своего аула и привѣтствуютъ его, какъ желаннаго гостя.

Краснорѣчіе ауховской лисицы было остановлено начальникомъ отряда замѣчаніемъ, что, положимъ, не все обстоитъ такъ благополучно, какъ онъ расписываетъ. Но полковникъ Б. тутъ же добавилъ, что начальство готово все прежнее простить и забыть, если только народъ, взявшись за умъ, впредь будетъ

вести себя благоразумно и держаться вообще такъ, какъ подобаетъ вѣрноподаннымъ русскаго Царя.

— Будемъ такъ держаться!—крикнулъ Хаджибатыръ своимъ козлинымъ голосомъ.

— Будемъ!..—какъ эхо повторилъ народъ.

Полковникъ Б. приказалъ Хаджибатыру и акташъ-ауховскому старшинѣ присоединиться къ отряду, вмѣстѣ съ пятью почетными стариками, а затѣмъ отрядъ двинулся черезъ аулъ къ рисовавшемуся вдаль, за рѣчкой, Юртъ-Ауху. Въ это время съ мѣста, гдѣ стояли штабные, съ помощью бинокля, легко было разглядѣть, что и около Юртъ-Ауха стоитъ толпа народа, подобно акташъ-ауховцамъ, ожидающая приближенія войска.

Отрядъ прослѣдовалъ по узкимъ улицамъ аула, спустился по чрезвычайно крутому и длинному склону горы къ Акташу, переправился черезъ него и потомъ поднялся на почти горизонтальный открытый мысъ, лежащій при слияніи рѣкъ Акташа и Сала-су.

Толпа юртъ-ауховцевъ все стояла около своего аула. Но когда между нею и отрядомъ разстояніе уменьшилось приблизительно до одной версты, она стала какъ будто таять. Прошли минуты двѣ—три и отъ нея не осталось никакого слѣда, словно она испарилась въ воздухъ.

Полковникъ Б. отправилъ акташъ-ауховскихъ стариковъ впередъ съ порученіемъ склонить юртъ-ауховцевъ выйти къ нему безъ всякихъ опасеній. Отрядъ, между тѣмъ, подошелъ къ аулу и остановился. Долго изъ нашихъ посланныхъ никто не появлялся; наконецъ, они показались всѣ вмѣстѣ. Хаджибатыръ былъ взволнованъ и на лицѣ его лежала тѣнь смущенія.

— Боятся они солдатъ, полковникъ! боятся и больше ничего!—нашелся онъ доложить начальнику отряда.—Я зову ихъ, дураковъ, а они въ лѣсъ убѣгаютъ...

Мы видѣли, дѣйствительно, что на возвышенной полянѣ, разстилающейся по другую сторону аула, то и дѣло появляются или одиночные люди, или цѣлыя группы людей и убѣгаютъ въ окрестные кустарники и балки.

Такъ какъ надвигался вечеръ, то дольше нельзя было ждать. Сотнѣ конницы приказано было обскать аулъ съ нагорной стороны (другая сторона подходила къ Саласу) и занять позицію на противоположной сторонѣ его. Когда это было исполнено, другая сотня карьеромъ пронеслась по главной, очень длинной и, какъ обыкновенно въ аулахъ, кривой и узкой улицѣ. Потомъ двинулась и пѣхота съ артиллеріею.

Аулъ, какъ будто, вымеръ. Въ одномъ мѣстѣ перекресткѣ леѣй стоялъ какой-то согбенный старикъ, чуть-ли не слѣпой. Въ одномъ дворѣ, около сарая, копошилась какая-то старуха; больше никого не было видно. Не помню, лаяли-ли на насъ дворовыя собаки...

За ауломъ отрядъ вышелъ на безлѣсную лощину между двумя большими скатами противоположныхъ возвышенностей. Изъ скатовъ одинъ оказался положе и больше другого. Въ этомъ скатѣ отрядъ и выбралъ себѣ позицію, на которой расположился на ночлегъ. Сзади у него былъ аулъ, впереди шла дорога на Алмакъ, обрамленная мелкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ, переходившимъ вдали въ строевой лѣсъ; справа разстилалось изрѣзанное балками поле и дальше тянулся берегъ Акташа, а слѣва тутъ же шелъ крутой спускъ къ Саласу, съ порою на Дылымъ, рисовавшеюся на другой сторонѣ рѣки вдоль русла ея, подъ отвѣсною скалою.

Расположился отрядъ четырехугольниковъ (каре) и разбилъ палатки.

Въ окрестные кустарники и балки были посланы актыауховцы съ порученіемъ уговорить схоронившихся трусовъ возвратиться въ свои жилища. Тѣ изъ юртъ-ауховцевъ, чьи убѣжища были открыты посланными, какъ будто склонились на увѣщанія и, дѣйствительно, направились въ аулъ; однако, съ наступленіемъ ночи, какъ оказалось потомъ, они снова убѣжали изъ него въ кусты и балки.

Солдаты поужинали и пропѣли вечернія молитвы. Надвинулась ночь, туманная и темная. Начальство распорядилось отъсительно цѣли, часовыхъ-- и все понемногу успокоилось.

Н. Семеновъ

(Окончаніе будетъ).

Очерки изъ исторіи Грузіи и присоединеніе ея къ Россіи *).

(Продолженіе).

XII.

Съ Иракліемъ II, правителемъ соединенныхъ царствъ Кахетіи и Карталиніи, наступаетъ для Грузіи новая эпоха, приведшая ее въ концѣ-концовъ къ желаемому миру. Продолжаются нашествія персовъ и турокъ, продолжаются, какъ прежде, вторженія лезгинъ, но Грузія все больше и больше находитъ защиты со стороны Россіи, пока наконецъ сѣверный колоссъ не беретъ всего дѣла въ свои мощныя руки и не вырываетъ древнюю христіанскую страну изъ-подъ тяжкаго магометанскаго ига. То была эпоха подъема народнаго духа, религіознаго и нравственнаго возрожденія, воскресшихъ надеждъ, и Ираклію своими личными доблестями былъ истиннымъ выразителемъ этой эпохи.

Еще въ тѣ времена, когда онъ царевичемъ жилъ при персидскомъ дворѣ и былъ съ шахомъ Надиромъ въ походѣ противъ Индіи, гдѣ оказалъ шаху большія услуги, онъ поражалъ восточнаго повелителя равнодушіемъ, съ которымъ смотрѣлъ на богатства сказочной страны и на почести, которыми его окружили. Это былъ человѣкъ идеи, и шахъ, умѣвшій выбирать и цѣнить людей, дорожилъ совѣтами Ираклія даже въ важныхъ военныхъ дѣлахъ и охотно слѣдовалъ имъ. Говорятъ, что мнѣнія

*) См. „Кавк. Вѣстн.“, № 6.

Ираклія пользовались большимъ уваженіемъ даже у индійскихъ жрецовъ, браминовъ и факировъ, и что нѣкоторыя изреченія его обратились въ пословицы. Какъ воинъ, Ираклій былъ по-истинѣ рыцаремъ, народнымъ идеаломъ царя и полководца. Имя его скоро сдѣлалось настолько славнымъ и грознымъ, что къ покровительству Ираклія стали прибѣгать сосѣдніе владетели.

Сдѣлавшись въ 1762 году единодержавнымъ правителемъ Кахетіи и Карталиніи, Ираклій въ первое время былъ поставленъ въ чрезвычайно благопріятныя условія. На престолѣ Персіи былъ Керимъ-ханъ, дружественный Ираклію; царь, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, усмирилъ лезгинъ и курдовъ, обложилъ данью мятежнаго ганжинскаго хана, принудилъ и Гуссейнъ-Али-хана эриванскаго платить ему обычную дань, покрылъ страну укрѣпленіями, которыхъ ему приписывается до 60, и много заботился о ея внутреннемъ процвѣтаніи.

Это время почитается также эпохою возрожденія наукъ въ Грузіи. По смерти царицы Тамары вскорѣ послѣдовали нашествія Чингисъ-хана и его преемниковъ, которые искоренили здѣсь всякую умственную дѣятельность; не науки, а смерть или плѣнъ ожидали каждаго. Въ такое страшное время, конечно, нельзя было думать о заведеніи публичныхъ училищъ и распространеніи знаній. Затѣмъ татары уступили мѣсто персіанамъ, туркамъ, лезгинамъ и Грузія, по-прежнему, или защищалась, или горѣла въ междоусобныхъ браняхъ, обливалась кровью, страдала въ плѣну. Только въ XVIII столѣтіи царь Ираклій II, съ помощью католика Антонія, принялъ мѣры къ народному образованію. Самъ Ираклій былъ, такъ сказать, Августомъ, а Меценатомъ—католикъ Антоній. Послѣдній имѣлъ страсть къ наукамъ и особенно любилъ національную свою литературу, для сохраненія которой отъ истребленія онъ сталъ собирать древнія книги, разсѣяныя по Грузіи.

Имеретинскимъ царемъ въ то время былъ Соломонъ I, съ своей стороны, тоже занимавшійся внутреннимъ устройствомъ царства и поставившій себѣ задачею освободить страну изъ-подъ власти турокъ, подвергавшихъ его отечество бѣдствіямъ жесточайшаго рабства. Безъ войскъ и почти безъ денегъ онъ началъ кровавую борьбу противъ притѣснителей и неоднократно наносилъ пораженіе значительнымъ силамъ ихъ среди лѣсовъ и неприступныхъ мѣстъ, которыми богата его родина. Турки, испытавшіе силу воли Соломона и опасаясь его возрастающаго могущества, прибѣгли къ обычному ихъ орудію, къ интригѣ, и возмутили противъ царя его подданныхъ.

Изгнанный и лишенный престола, Соломонъ съ немногими людьми, оставшимися вѣрными ему, скитался въ лѣсахъ. Въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, онъ обратился наконецъ за помощью къ наемному лезгинскому войску и при его содѣйствіи опять овладѣлъ престоломъ.

Столица Имеретіи осталась, однако же, въ рукахъ у непріятеля; а пока турки сидѣли въ Кутаисѣ и Поти, власть Соломона не могла утвердиться въ краѣ на прочномъ основаніи. Въ такомъ положеніи Соломонъ обратился къ покровительству Императрицы Екатерины II, которая въ то время объявила войну Турціи (1768). Большую часть своихъ войскъ Турція должна была отправить на Дунай; въ Имеретіи же, такъ же какъ по всему побережью Чернаго моря, остались лишь небольшіе гарнизоны. Дороги къ Батуму и Трапезонту, къ этимъ важнѣйшимъ рынкамъ Азіатской Турціи, оставались открытыми. Турки, очевидно, не ожидали съ этой стороны нападений, и потому противникъ могъ легко очутиться передъ воротами Скутари и Царьграда. Императрица хотѣла воспользоваться выгодами такого положенія, просьба Соломона была уважена и въ Имеретію былъ отправленъ значительный отрядъ, состоявшій изъ томскаго пѣхотнаго полка, четырехъ эскадроновъ конницы и 500 казаковъ при 12 орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Тотлебена. Онъ первый изъ русскихъ генераловъ перешелъ Кавказскій хребетъ, преодолевъ большія трудности, въ то время, когда еще о военно-грузинской дорогѣ не было и помину. Соединившись съ Иракліемъ и Соломономъ, согласившимися дѣйствовать вмѣстѣ, Тотлебенъ вскорѣ очистилъ Имеретію, Мингрелію и Грузію отъ турокъ. Окончивъ военныя дѣйствія, русскій отрядъ всеною 1772 года возвратился на Кавказскую линію.

Между тѣмъ оказанною русскимъ преданностью остался недоволенъ султанъ и хотѣлъ было предать Грузію опустошенію. Но вскорѣ, въ 1774 году, послѣдовалъ русско-турецкій Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, по условіямъ котораго Кахетія и Карталинія признаны были независимыми, и султану пришлось отказаться отъ своихъ притязаній. (Этотъ же миръ освободилъ отъ притязаній Турціи также Имеретію и Мингрелію, которыя должны были управляться собственными владѣтелями). Тогда онъ прибѣгнувъ къ своему старому средству сталъ вооружать лезгинъ противъ Грузіи, и Карталинія періодически стала наводняться хищниками, доходившими до самаго Тифлиса и уводившими въ плѣнъ женщинъ и дѣтей для продажи туркамъ и персамъ. Къ тому же въ Персіи умеръ расположенный къ Ираклію шахъ Ке-

римъ-ханъ, за заслуги Ираклія не притѣснявшій Грузію. Новый властитель Ирана, Али-Мурадъ, потребовалъ покорности отъ царя; но Ираклій, съ одной стороны, утомленный войнами, а съ другой стороны, не желая болѣе подчиняться коварнымъ правителямъ Персіи и предвидя всю невозможность противустоять съ слабыми своими силами окружавшимъ его со всѣхъ сторонъ врагамъ, рѣшилъ отдать свое царство въ подданство единовѣрной Россіи, о чемъ, благодаря дальновиднымъ замысламъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина, уже велись переговоры.

Рѣшаясь на присоединеніе Грузіи, Екатерина, конечно, не искала увеличенія своего и безъ того обширнаго государства она руководилась въ данномъ случаѣ желаніемъ спасти несчастную единовѣрную страну, столько страдавшую отъ иноземнаго магометанскаго владычества и внутреннихъ смутъ. Но, впрочемъ, утверждаютъ, что, создавая по ту сторону Кавказскихъ горъ сильное христіанское государство и угрожая этимъ Турціи, она имѣла въ виду осуществленіе приписываемой ей грандіозной политической программы—изгнаніе турокъ изъ Европы и возстановленіе на развалинахъ Оттоманской Порты Византійской имперіи (такъ называемый греческій проектъ).

Пrelиминарный актъ присоединенія Грузіи подписанъ былъ представителями обоихъ государствъ въ Георгіевскѣ 24-го іюля 1783 года. Этимъ актомъ впервые установлены фактическія вассальныя отношенія Грузіи къ Россіи. Предыдущія сношенія, восходящія до временъ царствованія Іоанна III и отличавшіяся характеромъ почти исключительно личныхъ переговоровъ между монархами, не имѣли прочнаго политическаго значенія, обнаруживая лишь постоянную духовную связь между единовѣрными народами. Благопріятныя сношенія Россіи съ Грузіей побуждали многихъ грузинъ переселяться въ Москву и Петербургъ на постоянное жительство, но подданство царства являлось только номинальнымъ и нимало не помогало ей поддерживать свою автономію. Вслѣдъ за монголами и турками, персіане въ XVII вѣкѣ до того поработили Грузію, что, по свидѣтельству путешественниковъ, трудно было отличить ее отъ остальныхъ провинцій персидскаго шаха. Единственнымъ препятствіемъ къ окончательному поглощенію грузинской національности магометанствомъ оставалась христіанская религія, неприкосновенно хранимая народомъ въ то время, когда высшія сословія, цари и князья, Грузіи уже заимствовали отъ кизилбашей не только языкъ, но и персидскіе нравы, обычаи и даже магометанскія собственныя имена. Тегеранъ сдѣлался тогда мѣстомъ жительства грузинской аристокра-

тіи и метрополією грузинскаго царства; но благодаря договору, заключенному Иракліємъ съ Императрицею Екатериною и разработанному въ Георгіевскѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ и руководствомъ Потемкина, была устранена сила дальнѣйшаго персидскаго вліянія на Грузію и центръ тяжести грузинской жизни былъ, такимъ образомъ, передвинутъ обратно изъ Тегерана въ Тифлисъ.

Основанія и сущность этого договора заключались главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) Царь карталинскій и кахетинскій отказывался отъ всякой зависимости отъ Персіи, или иной державы, признавая надъ собою верховную власть и покровительство только Россіи, которая съ своей стороны ручалась за цѣлость и сохраненіе владѣній царя Ираклія, не только настоящихъ, но и тѣхъ, которыя современемъ будутъ пріобрѣтены „и прочнымъ образомъ за нимъ утверждены“. 2) Цари, вступая наслѣдственно на царство, должны испрашивать у Всероссійскихъ Императоровъ утвержденія съ инвеститурою въ семь достоинствъ и, въ присутствіи русскаго министра, приносить присягу „на вѣрность и усердіе къ Россійской имперіи и на признаніе верховной власти и покровительства Всероссійскихъ Императоровъ“. 3) Ираклій и его преемники обязывались не имѣть никакихъ сношеній съ сосѣдями „безъ предварительнаго соглашенія“ съ главнымъ пограничнымъ начальствомъ и русскимъ министромъ, при нихъ аккредитованнымъ, „а когда отъ нихъ (т. е. окрестныхъ владѣтелей) пріѣдутъ посланцы, или присланы будутъ письма, оныя принимая, совѣтоваться съ главнымъ пограничнымъ начальникомъ и съ министромъ Его Императорскаго Величества о возвращеніи таковыхъ посланцевъ и о надлежащей имъ, владѣтелямъ, отвѣди“.

Съ своей стороны Россія обѣщала царю Ираклію полную защиту, считая своими врагами и непріятелями того, кто будетъ врагомъ его и подвластныхъ ему народовъ. Постановлено сохранить наслѣдственныя права на престолъ, какъ самого царя Ираклія, такъ и его наслѣдниковъ, предоставивъ ему и его наслѣдникамъ внутреннее управленіе народомъ вполнѣ независимымъ образомъ, съ воспрещеніемъ тамошнему русскому военному и гражданскому начальству вмѣшиваться въ какія-либо распоряженія.

Католикосъ грузинскій признанъ состоящимъ въ числѣ русскихъ архіереевъ „въ восьмой степени, именно, послѣ Тобольскаго“, и ему пожалованъ навсегда титулъ члена святѣйшаго синода.

Кромѣ того, секретными статьями положено было, что царь карталинскій и кахетинскій Ираклій II „сохранитъ дружбу и доброе согласіе съ царемъ имеретинскимъ Соломономъ, дабы сіи единовѣрные и единого происхожденія народы пребывали между собою въ дружествѣ и совершенномъ согласіи въ отраженіи соединенными силами всякаго покушенія на ихъ свободу, спокойствіе и благоденствіе“. Россія, „для охраненія владѣній карталинскихъ и кахетинскихъ отъ всякаго прикосновенія со стороны сосѣдей и для подкрѣпленія войскъ царя на оборону“, обѣщала ввести въ Карталинію и Кахетію два баталіона пѣхоты съ 4-мя орудіями и, въ случаѣ войны, защищать Карталинію и Кахетію отъ враговъ.

Вслѣдъ затѣмъ командовавшій кавказскими войсками Потемкинъ отправилъ въ Грузію два баталіона кавказскихъ егерей и 4 орудія подъ общею командою полковника Бурнашева. Войска вступили въ Тифлисъ 3-го ноября и были восторженно встрѣчены огромными толпами народа.

Появленіе русскихъ войскъ въ Грузіи переположило всю Анатолію и Малую Азію. Это было событіе, въ которомъ суетвѣрные мусульмане видѣли зловѣщій призракъ близкаго паденія своего могущества. Блистательные успѣхи русскихъ въ Крыму, на Дунаѣ, у подножія Балканъ и Кавказа, и вотъ теперь движеніе русскихъ войскъ въ Грузію—все это напоминало пылкимъ сынамъ ислама о Гогѣ и Магогѣ, имѣющимъ разрушить благословенныя мусульманскія царства, и заставляло обращать взоры туда, за эту бѣлую стѣну Кавказа, за которой начинался для южнаго человѣка уже міръ призраковъ... „Машаллахъ!“,— восклицали мусульмане,—„должно быть, и въ самомъ дѣлѣ удивительная сторона этотъ загадочный сѣверъ!“

А между тѣмъ, какъ весь азіатскій міръ тревожно волновался въ предвидѣніи важныхъ событий, въ Тифлисъ ожидали только прибытія полковника Тамары, назначеннаго полномочнымъ министромъ при дворѣ Ираклія, чтобы обнародовать государственный актъ, по которому Грузія становилась на вѣчныя времена подъ защиту и покровительство Россіи. Знаменательное событіе это совершилось 24-го января 1784 года. Но Ираклію, уже достигшему глубокой старости, еще предстояли на закатѣ дней своихъ тяжкія испытанія отъ внутреннихъ раздоровъ многочисленнаго семейства. Вахтангъ, сынъ его отъ перваго брака, скончался; Георгію, рожденному отъ второго, слѣдовало престолю; но Ираклій женился въ третій разъ на дочери Дадіани—Дареджанѣ, и шесть сыновей отъ этого супружества завистливо смя-

трѣли на многочисленное семейство Георгія, состоявшее изъ 9 сыновей, которые отстраняли ихъ отъ престола. Честолюбивая супруга Ираклія, имѣвшая на него сильное вліяніе, старалась доставить престолъ старшему сыну своему Іулону, послѣ Георгія, который не обѣщалъ быть долговѣчнымъ. Она убѣдила царя заблаговременно раздать удѣлы дѣтямъ, потому что не ожидала милости отъ его наслѣдниковъ: это было виною несогласій и разоренія столицы свирѣпымъ Ага-Магометъ-ханомъ персидскимъ.

ХІІІ.

Въ длинномъ ряду бѣдствій, испытанныхъ Грузіей въ ея тысячелѣтней исторической жизни, послѣднимъ было нашествіе персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана въ 1795 году. Когда, за 10 лѣтъ передъ тѣмъ, Грузія вступила подъ покровительство Россіи, въ Персіи, до того времени заправлявшей судьбами ея, открылись внутренніе смуты и раздоры, начавшіеся съ самого момента смерти Надиръ-шаха и возобновившіеся съ новою силою послѣ расположеннаго къ Грузіи Керимъ-шаха. Сильнѣйшій изъ претендентовъ, Ага-Магометъ-ханъ, изъ фамиліи Каджаровъ, становится въ 90-хъ годахъ единымъ повелителемъ Ирана, и первымъ его дѣломъ, по истребленіи въ Персіи всѣхъ своихъ враговъ, было напомнить Грузіи ея измѣну шахамъ.

Ага-Магометъ-ханъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ восточныхъ государей, но несомнѣнно также, что это былъ злодѣй, самую свою судьбою подготовленный къ человѣконенавистничеству.

Нѣкогда дѣдъ его, ханъ гиланскій, былъ убитъ Надиръ-шахомъ, а самъ онъ превращенъ въ евнуха и обреченъ вести жалкую жизнь при дворѣ персидскихъ шаховъ. И уже тамъ постоянно росли въ его сердцѣ ненависть и мстительность. Наружность его отражала его злой и мрачный характеръ. Маленькій ростомъ и сухощавый, Ага-Магометъ-ханъ издали казался мальчикомъ 14 или 15 лѣтъ. Сморщенное и безбородое лицо дѣлало его похожимъ на старую дряблую тѣломъ женщину, а выраженіе чертъ лица придавало ему ужасный видъ при неудовольствіи или гнѣвѣ, что случалось весьма часто. Ненависть и злоба сверкали въ глубоко впавшихъ глазахъ его, которые, при внутреннемъ волненіи, какъ будто обливались багровымъ блескомъ. Пронизывающій взглядъ Ага-Магометъ-хана охватывалъ трепетомъ тѣхъ, на кого онъ смотрѣлъ, а презрительная улыбка

ка тонкихъ и постоянно сжатыхъ губъ шаха выражала полное и глубокое презрѣніе ко всему окружающему его.

Высокая, остроконечная шапка, изъ черныхъ смушекъ, покрывала его бритую голову, придавая мертвенный видъ желтому, безбородому и морщинистому лицу, свидѣтельствовавшему о томъ противоестественномъ увѣчьи, которое, будучи нѣкогда совершенно надъ ребенкомъ, сдѣлало изъ него въ зрѣломъ возрастѣ ненавистника всего человѣчества. Изуродованный тѣлесно, шахъ сталъ извергомъ нравственнымъ. Бренные останки Надиръ-шаха, виновника увѣчья Ага-Магомета, сложилъ онъ подъ плиты корридора, ведущаго въ сераль, чтобы имѣть возможность ежедневно попирать прахъ, ему ненавистный; точно также желалъ-бы онъ уложить въ одну гробницу весь родъ человѣческій, чтобы цѣлое человѣчество презрительно попирать ногою.

Властолюбіе, скупость и въ особенности мщеніе были отличительными чертами его жестокаго характера. Своею жестокостью онъ превосходилъ всѣхъ бывшихъ правителей Персіи,— и слово пощады, милости, человѣколюбія никогда не срывалось съ устъ этого властителя-евнуха. Въ то же время это былъ человѣкъ высокаго ума, желѣзной энергіи и необыкновенной гордости.

Изувѣченный на шестомъ году жизни, будущій властитель Персіи, лишившись способности къ чувственнымъ наслажденіямъ, которыя на востокѣ истощали силы душевныя и тѣлесныя, сталъ искать для себя иной пищи. Съ самаго малолѣтства имъ овладѣли честолюбіе и мысль о возвышеніи, которую онъ преслѣдовалъ всю свою жизнь съ рѣдкимъ постоянствомъ и съ неутомимымъ стремленіемъ. Сухой тѣломъ, Ага-Магометъ-ханъ приучилъ себя къ воздержанію и къ дѣятельной жизни. Восемнадцати лѣтъ онъ уже велъ борьбу съ претендентами на персидскій престолъ.

Счастіе, возвысившее попеременно Надиръ-шаха и Керимъ-шаха до степени властелиновъ Персіи, ослабило то религіозное уваженіе къ царственному дому, которое такъ сильно охраняло слабыхъ правителей Персіи изъ дома Софи. Каждый, предводительствуя нѣсколькими преданными лицами, думалъ и надѣялся достигнуть престола. Санъ государя былъ такъ часто похищаемъ, что не внушалъ къ себѣ уваженія народа. Ага-Магометъ-ханъ былъ на пути къ престолу тогда, когда въ Персіи господствовала полная анархія. Слабость государства, недостатокъ въ рѣшительныхъ и энергическихъ людяхъ способствовали возвы-

шенію Ага-Магометъ-хана и его утвержденію на престолѣ. Пожертвовавъ родными братьями и родственниками, изъ которыхъ однихъ умертвилъ, а другихъ изувѣчилъ, Ага-Магометъ-ханъ успѣлъ не только захватить власть въ свои руки, но думалъ распространить ее на сопредѣльных хановъ и утвердить на всемъ пространствѣ древняго владѣнія персовъ. Грузіи, которую шахъ, конечно, считалъ отложившеюся своею провинціею, приходилось испытать месть за сношенія съ русскою державою.

Побѣдивъ внутреннихъ своихъ враговъ и стремясь сдѣлаться шахомъ персидскимъ, Ага-Магометъ-ханъ приступилъ къ сбору войскъ. Главнымъ пунктомъ сбора назначенъ былъ Ардевилъ, гдѣ былъ устроенъ складъ провіанта; другимъ складочнымъ мѣстомъ назначенъ былъ Тавризъ. Собравъ войска, Ага-Магометъ-ханъ вслѣдъ затѣмъ провозгласилъ себя шахомъ всей Персіи и заявилъ свои притязанія на Эриванъ и Ганжу, ханы которыхъ за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ признали надъ собою и своимъ народомъ власть царя Грузіи. Онъ требовалъ покорности хановъ, угрожая въ противномъ случаѣ разореніемъ ихъ областей и избіеніемъ жителей.

Вскорѣ послѣ этого шахъ вступилъ въ сопредѣльные Грузіи магометанскія ханства, требуя покорности, и большинство ихъ не смѣло противиться грозному властителю Ирана. Только одинъ владѣтель Карабага, Ибрагимъ-ханъ, наотрѣзъ отказался принять пословъ шаха и, укрѣпившись въ Шушѣ, приготовился къ оборонѣ.

Дѣйствія Ага-Магометъ-хана подъ Шушею не увѣнчались успѣхомъ. Постояннымъ нападеніемъ небольшими партіями шушинцы беспокоили войска персидскія, отгоняли у нихъ скотъ и тѣмъ причиняли значительный вредъ непріятелю. При томъ и положеніе шушинской крѣпости представляло не мало затрудненій къ тому, чтобъ овладѣть ею. Высоко, до самыхъ облаковъ поднималась гранитная цитадель, построенная между утесистыхъ горъ и скалъ, образующихъ между собою одинъ только узкій проходъ, который брать открытою силою было почти невысказуемо. Съ вершины отвѣсной скалы, гдѣ стоялъ ханскій дворецъ, открывались великолѣпные виды: къ югу взоръ обнималъ далекое пространство черезъ лѣсистыя горы и знойныя долины вплоть до Аракса, извивавшагося серебристой лентой у темной цѣпи Карабага; къ сѣверу сверкали громады снѣжныхъ горъ, обозначая предѣлы Грузіи. И ханъ, и карабагцы, справедливо гордясь неприступностью этого мѣста, смѣялись надъ хвастов-

ствомъ Ага-Магометъ-хана, сказавшаго разъ, что онъ ногайской кавалеріи забросаетъ шушинское ущелье.

Слухъ о томъ, что Ага-Магометъ-ханъ окружилъ уже шушинскую крѣпость и отправилъ отрядъ къ Эривани, заставилъ Ираклія собрать наскоро свои войска и на первый разъ, на основаніи заключенныхъ условій, пригласить имеретинскаго царя къ совокупному дѣйствію съ грузинами. Союзный трактатъ этотъ былъ заключенъ въ 1790 году, въ Тифлисъ, между царемъ Грузіи и Имеретіи и владѣтелями Мингреліи и Гуріи.

„Мы, говорится въ трактатѣ, будучи единовѣрный народъ, глаголющий единымъ языкомъ, и сыны единыя католической церкви, благоумыслили водворить въ отечествѣ нашемъ вѣрный покой, распространить исповѣдуемую въ ономъ религію и возстановить любовь, къ каковой приглашаютъ насъ христіанскій законъ и тѣсный союзъ родства“.

По трактату этому грузинскій царь обѣщалъ: 1) всѣхъ враговъ договаривающихся признавать своими врагами; 2) принять верховное попеченіе надъ царемъ имеретинскимъ и владѣтелями мингрельскимъ и гурійскимъ; 3) заботиться о нихъ такъ, какъ прилично попечительному отцу о своихъ дѣтяхъ; 4) въ случаѣ вторженія непріятеля въ предѣлы союзниковъ, Ираклій долженъ былъ отражать ихъ или своими силами, или ходатайствомъ, или же, наконецъ, пріисканіемъ помощи у сосѣдей; 5) своимъ ходатайствомъ доставить договаривающимся покровительство Россіи. Съ своей стороны, опекаемые обѣщались: 1) признать надъ собою „отцепопечительную“ верховную власть Ираклія; 2) признавать врагомъ того, кто будетъ врагомъ Ираклія; 3) заботиться о спокойствіи грузинскаго царства и, по мѣрѣ силъ своихъ, быть его защитниками; заботиться о благоденствіи царя Грузіи и его семейства; 4) при непріятельскихъ вторженіяхъ, быть послушными въ предлагаемыхъ совѣтахъ и признательными за ходатайство.

Вскорѣ послѣ заключенія этого трактата, союзники обратились съ общею просьбою о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи.

„Отъ давнихъ временъ мы желали, писали они, и отъ высочайшаго двора къ намъ всегда черезъ посланниковъ писано было о соединеніи насъ царей всея Иверіи. Чего для мы нынѣ между собою вѣчнымъ трактатомъ соединились, согласясь положить и утвердить, чтобы намъ, царямъ и владѣльцамъ, по евангелію закона и православія, единодушно рабски служить и повиноваться В. И. В., какъ православной монархинѣ. Всѣ вообще

христіане усерднѣйше просимъ, дабы подтвердить сіе наше вѣчное соединеніе и принять во Всеавгустѣйшее Ваше покровительство, сходственно такъ, какъ благоденствуетъ нынѣ Грузія. Но какимъ средствомъ или силою намъ сіе оказано быть можетъ, сіе мы, всѣ христіане, предаемъ премудрому матернему В. В. благопопеченію и просимъ единодушно принять насъ, рабовъ своихъ, соединенныхъ царей и владѣльцевъ, къ услугамъ, подъ сѣнь скипетра вашего и освободить насъ изъ-подъ ига магометанскія власти“.

Вторженіе персіанъ дало поводъ къ тому, чтобы союзный трактатъ привести въ исполненіе и подтвердить дѣломъ. Ираклій просилъ помощи у имеретинскаго царя Соломона. Помощь была прислана немедленно, но она была весьма незначительна—всего 2,000 человекъ.

Между тѣмъ въ Тифлисѣ распространилось новое извѣстіе, что шахъ, миновавъ Шушу, вступилъ уже въ ганджинское ханство. Дѣйствительно, Ага-Магометъ-ханъ, видя невозможность овладѣть неприступными твердынями Шуши, обошелъ ее стороной и двинулся прямо на Грузію. Ганджа и Эривань, бывшія подъ властью грузинскаго царя, стали подъ шахскія знамена и все, что встрѣчалось на пути побѣдоносныхъ его войскъ, покорялось, а непокорное предавалось огню и мечу. Несмотря на то, Ираклій отвергъ всѣ требованія шаха и готовился къ оборонѣ.

10-го сентября 1795 года Ага-Магометъ-ханъ расположился лагеремъ въ семи верстахъ отъ Тифлиса. Онъ окружилъ себя рвами и насыпалъ земляные валы, въ обезпеченіе отъ нечаянной атаки грузинъ. Шахъ думалъ, что грузины не отдадутъ ему дешево Тифлисъ и употребятъ всѣ средства къ его защитѣ.

Авангардъ шаха былъ разбитъ грузинами наголову. Изъ Тифлиса полетѣли во всѣ стороны гонцы съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Народъ ликовалъ; но радость была преждевременна, такъ какъ эта неудача передового отряда не помѣшала непріятелю на слѣдующій же день двинуться на приступъ къ городу.

Будучи укрѣпленъ и имѣя на своихъ стѣнахъ до 35 орудій, Тифлисъ могъ бы противопоставить персіанамъ серьезное сопротивленіе, и, по крайней мѣрѣ, отсрочить свое паденіе на нѣкоторое время. Но внутреннія смуты мѣшали необходимому въ такихъ случаяхъ единодушію: царевичи, враждовавшіе съ отцомъ, не слушали призыва царя и не спѣшили изъ своихъ уѣздовъ на помощь столицѣ. А въ городѣ между тѣмъ была вызвана паника неосторожностью царицы. При вѣсти о нашествіи враговъ, народъ собрался передъ дворцомъ и умолялъ царя не ос-

тавлять города на истребленіе персамъ, обѣщая биться до послѣдней капли крови; царь далъ также обѣтъ умереть съ своимъ народомъ, и поставлена была стража у всѣхъ воротъ, чтобы никого не выпускать изъ города. Но царица, по совѣту приближенныхъ, испросила позволеніе себѣ и десяти почетнымъ семействамъ выѣхать изъ Тифлиса. Какъ только узнали о томъ жители, повсюду проникло подозрѣніе, что царь, спасая семейство, не надѣется защитить столицу; толпами бѣжалъ народъ во всѣ стороны, какъ можно дальше отъ родной столицы, оставляя дома свои и святыню на произволъ врагамъ. Тѣмъ не менѣе Ираклій храбро выступилъ навстрѣчу врагамъ. Началось кровопролитное сраженіе. Авангардъ грузинъ подъ начальствомъ царскаго внука, царевича Іоанна, дравшійся съ ранняго утра, потерялъ много убитыми и сталъ было отступать, когда на подкрѣпленіе къ нему явился царевичъ Вахтангъ, посланный Иракліемъ съ отборнымъ войскомъ изъ кизихцевъ, пшавовъ и хевсуръ. Тогда авангардъ возобновилъ сраженіе и, получивъ новую помощь, посланную царемъ подъ начальствомъ Мачабелова, самъ перешелъ въ наступленіе. Этотъ Мачабеловъ былъ въ свое время извѣстный поэтъ-импровизаторъ. Взявъ свой чонгуръ (нѣчто напоминающее гитару), онъ пропѣлъ передъ войсками нѣсколько вдохновенныхъ строфъ и кинулся впередъ съ такою стремительностью, что его отрядъ проникъ до самыхъ знаменъ персидскихъ, изъ которыхъ многія были взяты грузинами, на глазахъ самого Ага-Магометъ-хана.

„Я не помню,—проговорилъ тогда властитель Ирана,—чтобы когда-нибудь враги мои сражались съ такимъ мужествомъ“. Находившаяся въ резервѣ мазандеранская пѣхота получила приказаніе двинуться на приступъ. Ираклій съ своей стороны ввелъ въ дѣло свои послѣдніе и немногочисленные резервы, и большая часть изъ нихъ погибла въ этой отчаянной и неравной борьбѣ съ многочисленнымъ непріателемъ.

Сраженіе продолжалось съ утра до поздняго вечера. Три раза персіане были отбрасываемы грузинами отъ стѣнъ города и три раза возобновляли приступъ, пока, наконецъ, не заставили грузинъ начать отступленіе. Ираклій въ отчаяніи не хотѣлъ покинуть поля сраженія.

— Каждый изъ твоихъ подданныхъ,—говорили царю его окружающіе,—знаетъ твою храбрость, знаетъ, что ты пренебрегаешь жизнью для пользы народа и отечества; но если уже суровая судьба измѣнила намъ, то не увеличивай своею смертью торжества непріятелей. Ты нуженъ для отечества.

Царь не слушалъ увѣщаній; а между тѣмъ персіане заходили въ тылъ и, занимая всѣ дороги, ведущія въ городъ, грозили отрѣзать отступленіе. Тогда Ираклій съ отчаяніемъ бросился на враговъ и на вѣрное погибъ бы, если бы внукъ не спасъ своего знаменитаго дѣда: съ 300 человекъ царевичъ Іоаннъ врубился въ толпу персіанъ и вырвалъ своего дѣда почти изъ рукъ ихъ.

Тогда непріятель съ новою силою бросился на приступъ и ворвался въ Тифлисъ, оставленный жителями. Ираклій черезъ авлабарскій мостъ бѣжалъ къ берегамъ Арагвы.

Съ удаленіемъ Ираклія битва не прекратилась, но кипѣла въ узкихъ и кривыхъ улицахъ Тифлиса. Царевичъ Давидъ твердо держался на своей позиціи и нѣсколько разъ опрокидывалъ нападавшихъ персіанъ. Но когда онъ замѣтилъ, что толпы ихъ занимаютъ весь городъ, что царь покинулъ свою столицу, то рѣшился отступить къ сѣверу въ горы. Узкими и крутыми тропинками проникъ онъ туда и черезъ три дня прибылъ на Арагву, съ намѣреніемъ не покидать своего дѣда, пока персіане не уйдутъ во-свояси.

Ага-Магометъ-ханъ овладѣлъ Тифлисомъ, который подвергся всѣмъ ужасамъ варварскаго нашествія. Городъ съ его дворцами и храмами обращенъ былъ въ груды пепла и развалинъ. Жители Тифлиса подверглись наистовымъ жестокостямъ. Митрополитъ тифлисскій Досіѣей заперся съ духовенствомъ въ Сіонскомъ соборѣ, но персіане выломали двери, сожгли иконостасъ, раскидали святыню, перебили священниковъ, и самого старца-митрополита сбросили въ быструю Куру съ террасы его собственнаго дома. Цѣлыхъ шесть дней, съ 11-го по 17-е сентября, персіане предавались въ городѣ всевозможнымъ неистовствамъ: насиловали женщинъ, рѣзали плѣнныхъ и убивали грудныхъ младенцевъ, перерубая ихъ пополамъ съ одного размаха только для того, чтобы испытать качество своихъ сабель.

Узнавъ о существованіи въ Тифлисѣ царскихъ бань, Ага-Магометъ-ханъ отправился осмотрѣть ихъ. Построенныя изъ твердаго камня и мрамора, онѣ понравились ему своимъ устройствомъ и богатствомъ. Онъ съ охотою и удовольствіемъ нѣжилъ въ нихъ, искалъ въ теплыхъ струяхъ минеральной воды исцѣленія отъ своего недуга, но не нашелъ и въ гнѣвѣ приказалъ разрушить бани.

Въ общемъ погромѣ не была пощажена и самая святыня. Персіане поставили на авлабарскомъ мосту икону Іверской Богоматери и заставляли грузинъ издѣваться надъ нею, бросая ос-

лушниковъ въ Куру; рѣка вскорѣ покрылась трупами. Около тысячи грузинъ было уведено въ рабство.

Тоже самое было въ окрестностяхъ Тифлиса. Во Мли персіане не оставили камня на камнѣ; только знаменитый Млискій соборъ—этотъ памятникъ древняго величія Грузіи—поженъ былъ благодаря заступничеству нахичеванскаго хана, слѣдуетъ осквернять святыню и гробъ царей",—сказалъ онъ ему отряду, и храмъ остался нетронутымъ.

Помощь имеретинъ была столько же гибельна для Грузіи, сколько и самое вторженіе непріятеля. Мало того, что имеретинны бѣжали отъ непріятеля, они, кромѣ того, на пути своего бѣгства грабили, разоряли Карталинію и вводили въ плѣнъ тысячи беззащитныхъ семействъ.

Между тѣмъ Императрица, получивъ извѣстіе объ опустошеніи Тифлиса персіанами, приказала графу Гудовичу двинуться войсками въ Грузію. Въ то время, какъ два баталіона русскихъ войскъ поспѣшно двигались подъ командою полковника Сырокнева на помощь къ Ираклію, вѣсть о томъ, что они перешли уже горы, заставила шаха отступить изъ Грузіи на Муганскую степь. Русскій же отрядъ, дойдя до Душета и узнавъ, что Ага-Магометъ-ханъ ушелъ въ Персію, возвратился обратно по Кавказскую линію.

Укрывавшіеся въ лѣсахъ за Душетомъ и Анануромъ жители Тифлиса и другихъ мѣстъ стали выходить въ селенія. Вокругъ Ананурѣ собралось огромное кочующее поселеніе. Пришельцы не имѣя помѣщенія, проводили день и ночь подъ открытымъ небомъ, въ ненастную погоду, безъ одежды и пропитанія. Каждый изъ нихъ не досчитывался кого-нибудь въ своей семьѣ: отецъ потерялъ сына, сынъ не зналъ, гдѣ и что случилось съ отцомъ, матери лишились дочерей, жены мужей, и со всѣхъ сторонъ стоны и вопли оглашали улицы Ананура.

Существуетъ трогательный разсказъ о пребываніи царя въ полуразрушенномъ ананурскомъ монастырѣ, когда, разбитый и всѣми покинутый, онъ долженъ былъ искать въ немъ убѣжища. Въ одной ветхой кельѣ, стоявшей въ углу монастырской оградѣ, можно было встрѣтить человѣка, сидѣвшаго лицомъ къ стѣнѣ и покрытаго простымъ овчиннымъ тулупомъ. Человѣкъ этотъ, нѣкогда гроза всего Закавказья, былъ царь Грузіи, Ираклій II. Подлѣ него находился старый единственный слуга, армянинъ.

— Кто тамъ сидитъ въ углу?—спрашивали проходившіе.

— Тотъ, котораго ты видишь,—со вздохомъ отвѣчалъ армянинъ.

нинъ, — быть нѣкогда въ большой славѣ и имя его уважалось во всей Азіи. Онъ былъ лучшимъ правителемъ своего народа. Какъ отецъ, онъ старался о благоденствіи его и въ теченіе сорока лѣтъ, до сего времени, умѣлъ сохранить цѣлость царства своего; но старость, лишившая его силъ, положила всему преграду и конецъ. Чтобъ отвратить раздоры и междоусобія въ семействѣ своемъ, могущія послѣдовать послѣ его смерти, онъ думалъ сдѣлать послѣднее добро народу своему, и для лучшаго управленія раздѣлилъ царство по частямъ между сыновьями. Несчастный царь Ираклій ошибся въ своихъ надеждахъ. Ага-Магометъ-ханъ, бывшій евнухомъ Тамась-Кули-хана (Надиръ-шаха), въ то время, когда Ираклій носилъ званіе военачальника Персіи, пришелъ нынѣ побѣдить его немощную старость. Собственные дѣти отказались помочь ему и спасти отечество, потому что ихъ было много, и всякій изъ нихъ думалъ, что будетъ стараться не для себя, а для другого. Царь Грузіи принужденъ былъ прибѣгнуть къ царю Имеретіи за помощью; но если ты былъ въ Тифлисѣ, то, конечно, видѣлъ весь позоръ, какой представляло тамъ имеретинское войско. Ираклій съ горстью людей сражался со ста тысячами и лишился престола оттого, что былъ оставленъ безъ жалости дѣтьми своими, — и кому же на жертву? — евнуху, человѣку, который прежде раболѣпствовалъ предъ нимъ!... Померкла долготѣнная слава его, столица обращена въ развалины, а благоденствіе народа его въ погибель. Вотъ, подъ сею стѣною, видишь ты укрывающагося отъ всѣхъ людей славнаго царя Грузіи безъ помощи и покрытаго только овчинною кожею!.. Царедворцы и всѣ находившіеся при немъ ближніе его природные подданные, которыхъ онъ покоилъ и питалъ на лонѣ своемъ во всемъ изобиліи, оставили его; ни одинъ изъ нихъ, никто не послѣдовалъ за своимъ владыкою, кромѣ меня, несчастнаго, бѣднаго армянина“...

Разгромъ Ага-Магометъ-ханомъ Грузіи, стоявшей уже подъ покровительствомъ Россіи, былъ прямымъ оскорбленіемъ достоинства великой державы, прямымъ вызовомъ, — и война съ Персіей была рѣшена. Главнокомандующимъ русскихъ войскъ, отпавленныхъ противъ Персіи, назначенъ былъ молодой графъ Валеріанъ Зубовъ. Въ короткое время войска наши заняли Дербентъ, Баку, Шемаху, Сальяны, Ганджу и все пространство по берегу Каспійскаго моря до Куры; потомъ перешли Араксъ и расположились на Муганской степи, имѣя открытымъ путь къ Тегерану. Передовые отряды наши появились уже у Гиляна. Жъ сожалѣнію, смерть Императрицы Екатерины II оставила не-

доконченнымъ такъ блистательно начатое дѣло. Императоръ Павелъ I, по вступленіи на престолъ, сдѣлалъ распоряженіе немедленномъ возвращеніи войскъ въ свои предѣлы.

Извѣстіе о вступленіи на престолъ Императора Павла I ставило царя Ираклія отправить въ Петербургъ, въ началѣ 1797 года, князя Герсевана Чавчавадзе, въ качествѣ полномочнаго министра. Посланникъ явился къ нашему двору съ двумя грамотами, въ которыхъ грузинскій царь, поздравляя Императора съ восшествіемъ на престолъ, говорилъ, что отправилъ сего посланнаго „для изъявленія поверженія моего, дома моего, купно и всего царства моего высокому Вашему Императорскому Величеству покровительству“. Въѣхавъ съ тѣмъ Ираклій просилъ о присылкѣ 4 тысячъ человѣкъ русскаго войска для защиты Грузіи и „церквей отъ разрушенія, христіанъ отъ гнѣванія“ Ага-Магометъ-ханомъ, угрожавшимъ новымъ разореніемъ, посылавшимъ Ираклію свой указъ или фирманъ, „которому, по словамъ хана, вся вселенная повинуется“.

Желаніе и просьбы царя Ираклія были отчасти исполнены. Два баталіона подъ начальствомъ подполковника Спѣшова назначены въ Грузію, что вызвало общую радость въ странѣ.

Коронованіе Императора Павла I и пребываніе его по этому случаю въ Москвѣ остановили на нѣкоторое время переговоры нашего двора съ грузинскимъ посломъ. Только въ концѣ мѣсяцъ князь Чавчавадзе могъ представить свои просьбы Императору. Онъ просилъ: 1) принять Грузію подъ покровительство Россіи; 2) утвердить наслѣдникомъ престола, по назначенію самого Ираклія, сына его отъ перваго брака Георгія „и дать народу всероссійскій законъ для управленія государствомъ, дабы онымъ исторгнуть нѣкоторыя вкравшіяся издревле азіатскія несправедливости судопроизводства, служащія во вредъ и противность православному христіанскому исповѣданію“. Ираклій просилъ о принятіи его сыновей и внуковъ въ русскую службу и отъ имени народа, просилъ приказать русскимъ войскамъ оставаться въ Грузіи до тѣхъ поръ, пока не прекратятся въ ней смуты и разоренія.

Ираклій, въ котораго все Закавказье вѣрило, какъ въ защитника непобѣдимого, нуждался теперь въ русскомъ войскѣ, какъ для собственной защиты, такъ и для защиты своего народа и царства. По словамъ князя Чавчавадзе, грузинамъ было необходимо русское войско, „какъ бы нѣкій щитъ“, какъ освобожденіе жителей для ихъ спокойной и безопасной жизни. Оно не-

обходимо было и для укрощенія тѣхъ, которые захотѣли бы поколебать или нарушить общую тишину и спокойствіе.

Грузинскій посолъ не успѣлъ еще получить отвѣта отъ нашего правительства, какъ вся Грузія была крайне встревожена извѣстіемъ о новомъ движеніи къ ея предѣламъ Ага-Магометъ-хана. Къ счастью, гроза разразилась надъ однимъ Карабагомъ. Грозный, мстительный властитель Персіи не могъ забыть оскорбленія, нанесеннаго его достоинству тѣмъ, что ничтожный ханъ шушинскій осмѣлился не покориться его власти и не хотѣлъ признавать его шахомъ всей Персіи. Многочисленное персидское войско въ 1797 году снова появилось на Араксѣ, и начались новыя разоренія карабагскихъ жителей. Ибрагимъ-ханъ шушинскій, оставивъ свои владѣнія, со всѣмъ семействомъ и нѣсколькими беками бѣжалъ. Двѣ тысячи всадниковъ, подъ начальствомъ лучшихъ военачальниковъ, были посланы въ погоню за Ибрагимомъ; хотя они и настигли бѣжавшаго при переправѣ черезъ рѣку Тертеръ, но Ибрагимъ-ханъ, послѣ упорнаго дѣла, успѣлъ разбить персіанъ и скрыться въ горахъ.

Тогда Ага-Магометъ-ханъ занялъ безъ боя столицу Карабага, Шушу, и поселился въ прекрасномъ ханскомъ дворцѣ, въ одной небольшой комнаткѣ, недоступной для посторонняго взора. Любимые его нукеры Аббасъ-бекъ и Сафаръ-Али помѣстились въ другой комнатѣ, отдѣленной корридоромъ.

Угрюма была комната шаха, безъ всякой мебели. Лишь на полу разостланъ былъ богатый коверъ, чтобы предохранить ноги властелина отъ прикосновенія къ каменнымъ плитамъ, да у стѣны стояла знаменитая въ то время походная кровать шаха, служившая ему и постелью, и треномъ. Ткань, густо усеянная жемчугомъ и драгоценными камнями, покрывала эту кровать вплоть до пола, а по срединѣ дорогого олѣяла было оставлено незашитое поле изъ пурпуроваго бархата, обозначавшее мѣсто шахскаго сидѣнья. Тутъ обыкновенно возсѣдалъ шахъ съ поджатыми подъ себя ногами, одѣтый въ широкую шубу, крытую богатою шалью краснаго цвѣта.

Передъ дворцомъ толпились персіяне, а на площади стояла бивуакомъ гвардія шаха. Все было тихо въ Шушѣ, все боялось нарушить спокойствіе повелителя и потревожить его чуткое ухо. Между тѣмъ Шушѣ суждено было сдѣлаться мѣстомъ гибели жестокаго шаха; наступалъ конецъ его деспотизму, чаша терпѣнія подвластныхъ его переполнилась.

Былъ уже восьмой день со времени занятія шушинской крѣпости. Вечеромъ, когда Ага-Магометъ-ханъ молился, въ комнату его вошелъ Садыхъ-ханъ, начальникъ всей персидской кавалеріи, и молча всталъ у порога. Шахъ прервалъ молитву, лицо его было зловѣще.

— Какъ ты осмѣлился, ничтожный рабъ, явиться передо мною незванный?—спросилъ его разгнѣванный шахъ.

— Недостойный рабъ твой исполняетъ волю своего повелителя, переданную мнѣ устами Сафаръ-Али,—отвѣчалъ тотъ дрожащимъ голосомъ и низко кланяясь.

Шахъ позвалъ Сафара.

— Когда я тебѣ приказывалъ звать Садыхъ-хана?—спросилъ шахъ вошедшаго.

— Съ полчаса тому назадъ.

— Лжешь, собака!—вскричалъ шахъ, направляя дуло пистолета въ грудь своего нукера, но тотчасъ же опустить его.

— Не дерзнетъ червь ничтожный лгать передъ Богомъ небеснымъ и передъ солнцемъ его земнымъ! Можетъ быть злой духъ обманулъ мое ухо, и я не понялъ приказанія моего повелителя... Жизнь раба шахскаго въ рукахъ твоихъ.

— Если уши твои не умѣютъ слушать, такъ они мнѣ не нужны... Ступай! пусть ихъ отрѣжутъ!

Надъ Сафаръ-Али немедленно исполнили приговоръ повелителя...

Наступила ночь; но шахъ не спалъ: вперивъ взоръ въ слабое пламя лампы, онъ мечталъ объ увеличеніи своего могущества. Вдругъ онъ нахмурился, приподнялся на локоть и сталъ прислушиваться. Ему показалось, будто слышатся шопотъ и тихія рыданія. Тревожно онъ кликнулъ своихъ нукеровъ. Они вошли. Сафаръ-Али былъ блѣденъ, какъ привидѣніе; голова его была повязана окровавленными платками; Аббасъ-бекъ вошелъ съ потупленными взорами...

— Ты смѣешь плакать, какъ женщина,—сказалъ шахъ Сафару,—когда тебѣ должно радоваться о великой милости, даровавшей тебѣ жизни!... А ты, Аббасъ, осмѣлился громко разговаривать около моей опочивальни и мѣшать моему сну!... Вы оба лишніе на землѣ, и съ восходомъ солнца падутъ ваши головы. Есть еще нѣсколько негодяевъ, подобныхъ вамъ. Завтра наряжу страшный судъ надъ всѣми и изъ череповъ вашихъ сооружу минаретъ, выше минарета Шамхорскаго... Вы слышали? Ступайте!...

Была ночь на пятницу, обыкновенно посвящаемая молитвѣ, и шахъ по необходимости отложилъ исполненіе своего приговора до утра. Уснулъ шахъ, но не спали его нукеры, знавшіе, что приговоръ шаха неизмѣненъ. Нукерамъ приходилось или терпѣливо ожидать своей участи и на утро разстаться съ жизнью, или порѣшить съ виновникомъ своихъ несчастій; они рѣшились на послѣднее. Вооруженные кинжалами, тихо вошли они въ корридоръ и остановились передъ шелковымъ занавѣсомъ, закрывавшимъ входъ въ спальню властелина. Глубокая тишина, неподвижность повелителя свидѣтельствовали о его крѣпкомъ снѣ. Осторожно коснулся Аббасъ занавѣса; зашелестилъ шелкъ. Окостенѣла рука испуганнаго нукера, дыханіе замерло въ груди его, а сердце забилося такъ сильно, какъ будто хотѣло разбудить спящую жертву. Убійцы обмѣнялись взглядами. Въ этихъ взглядахъ выразилась борьба двухъ чувствъ, всегда нераздѣльных въ человѣкѣ: чувства страха и самосохраненія. Но борьба длилась недолго: чувство самосохраненія восторжествовало. Рука Сафаръ-Али смѣлѣе сжала занавѣсъ, и быстрый взглядъ его проникъ во внутренность спальни. Огонекъ изъ серебряной лампы проливалъ слабое мерцаніе на шаха, погруженнаго въ глубокій, спокойный сонъ. Безъ шума скользнула по мягкому ковру нога, обутая въ шерстяной чулокъ. Двое убійцъ, какъ грозныя видѣнія, стали у кровати обреченнаго ихъ мщенію. Блеснулъ кинжалъ и глубоко вонзился въ грудь спящаго.

Шахъ приподнялся. Приложивъ руки къ груди, онъ остановился на убійцахъ угасающій взоръ и произнесъ: „Несчастный, ты убилъ Иранъ!“—То были послѣднія слова шаха. Взоръ его погасъ, голова безжизненно упала на подушки.

Все имущество шаха разграблено было его чиновниками и войсками, которыя вслѣдъ затѣмъ оставили Шушу и удалились въ Персію.

Со смертію Ага-Магометъ-хана, Императоръ Павелъ I, бывшій вообще противъ присоединенія Грузіи къ Россіи, призналъ бесполезнымъ имѣть войска въ Грузіи и приказалъ вывести ихъ на линію. Въ сентябрѣ 1797 года нашихъ войскъ въ Грузіи уже не было, и царь Праклій лишился опоры для отраженія внѣшнихъ враговъ и уничтоженія внутреннихъ раздоровъ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не получалъ отъ нашего правительства никакого отвѣта на свои просьбы. Эта медленность въ рѣшеніи просьбъ заставила кн. Герсевана Чавчавадзе обратиться съ письмомъ къ самому Императору Павлу и спросить его:

угодно-ли ему подтвердить прежніе трактаты? Онъ ссылаясь на трактатъ 1783 года, по которому положено при грузинскомъ царѣ содержать два баталіона русскихъ войскъ съ 4-мя орудіями, а такъ какъ они были выведены, то онъ и просилъ возвратить ихъ въ Грузію.

Тѣмъ временемъ скончался царь Иракліи.

Въ долинѣ рѣки Алазани, среди множества садовъ и виноградниковъ, ее охватившихъ, стоитъ городъ Телавъ, нѣкогда бывшій столицею Кахетинскаго царства. Бѣлыя церкви и башни города, перемежанныя съ густою зеленью деревьевъ, виднѣются издалека. Проѣхавъ предмѣстье, разбросанное на холмѣ, также окруженномъ группою садовъ, еще и нынѣ бросается въ глаза довольно большая телавская крѣпость, выдающаяся впередъ круглымъ своимъ бастіономъ. На площади, посреди крѣпости, стоятъ и донинѣ древнія стѣны каменнаго зданія, господствующаго надъ всѣми остальными. Крѣпость эта царская, а самое зданіе—бывшій дворецъ царей Кахетіи. Дворецъ состоялъ нѣкогда изъ обширной, богато украшенной залы (по срединѣ), къ которой прилежали по бокамъ малые покои и галлерей въ азіатскомъ стилѣ; 11-го января 1798 года въ этой залѣ грузины собрались оплакивать кончину своего царя Ираклія II.

Послѣ Тифлиса любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ Ираклія былъ Телавъ, съ которымъ соединялись лучшія его воспоминанія. Тамъ, будучи еще царемъ кахетинскимъ, онъ приобрѣлъ себѣ военную славу и народную любовь. Долгое время всему Закавказью было извѣстно, что Телавъ резиденція грознаго царя Кахетіи. Живя въ Телавѣ, Иракліи соединилъ подъ своею властью оба царства—Карталинское и Кахетинское. II вотъ прошли 52 года царствованія Ираклія, и онъ опять возвращается въ тотъ же Телавъ, но только для того, чтобы дожить здѣсь остатокъ дней своихъ, чтобы „лить горькія слезы въ тишинѣ о горестяхъ родины.

Грустно протекли послѣдніе дни престарѣлаго вѣнценосца. Лишенный наружнаго величія и блеска, онъ умеръ среди стона народа, плакавшаго на развалинахъ домовъ своихъ, „надъ трупами дѣтей, женъ, мужей и отцовъ своихъ“. Онъ умеръ тогда, когда вся Грузія стонала отъ послѣдняго вторженія Ага-Магометъ-хана и отъ начавшихся раздоровъ въ царскомъ семействѣ. Страна нуждалась въ томъ, чтобы во главѣ ея стоялъ человекъ энергическій и съ такимъ сильнымъ характеромъ, какой былъ у покойнаго грузинскаго царя.

Въ старинномъ, нѣкогда столичномъ городѣ Мичетѣ, въ соборѣ Двѣнадцати Апостоловъ, какъ разъ напротивъ царскихъ дверей, лежитъ понынѣ простая мраморная плита, указывающая мѣсто, гдѣ покойся прахъ царственнаго труженика.

М. Глушаковъ.

(Продолженіе будетъ)

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ на Кавказѣ *).

(1818—1829).

(Продолженіе).

Изъ Тифлиса Грибоѣдовъ выѣхалъ 28-го января 1819 года въ Персію. Вотъ что пишетъ онъ о своемъ отъѣздѣ Бѣгичеву: „Послѣ пріятельскаго завтрака, мы оставили Тифлисъ. Я вездѣ нахожу пріятелей, или воображаю себѣ это, но дѣлю въ томъ, что многіе насъ провожали, въ томъ числѣ и Я*. (Якубовичъ), и жалѣли, кажется, о моемъ отъѣздѣ“. Передъ отъѣздомъ Грибоѣдовъ, по его словамъ, „по утру обскакалъ весь городъ и сдѣлалъ всѣмъ прощальные визиты“.

Путь отъ Тифлиса Грибоѣдову, видимо, нравился, несмотря на то, что „часто приходилось скользить по оледенѣлымъ протокамъ, обрываться и вязнуть въ зыбучихъ снѣгахъ“ и вообще преодолевать массу трудностей.

Уже на первомъ переходѣ поэтъ восхищается картинами природы. „Дорого бы я далъ за живописца, — говоритъ онъ объ одномъ изъ такихъ видовъ, — никакими словами нельзя изобразить вчерашнихъ паровъ, которые во все утро кругъ горы стлались, солнце ихъ позлащало и они тогда, какъ кипящее огненное море... потомъ свились въ облака и улеглись у подножья даль-

*) См. „Кавк. Вѣстн.“, № 6.

нихъ горъ. Между ними черная скала Пеписьъ плавала въ видѣ башни; долго она то скрывалась отъ насъ, то появлялась“...

У сел. Демурчиша Грибоѣдову очень понравился великолѣпный каменный мостъ черезъ рѣку Храмъ и каравансарай при немъ.

Въ семь дней путешественники сдѣлали 248 верстъ; 2-го февраля караванъ прибылъ въ Эриванъ.

Здѣсь Мазаровичу и Грибоѣдову былъ сдѣланъ торжественный и любезный пріемъ во дворцѣ сердаря. Пріемъ этотъ мастерски описанъ поэтомъ въ его письмѣ къ Бѣгичеву.

Изъ Эривани Грибоѣдовъ выѣхалъ 7-го февраля. День былъ пасмурный и ненастный, шелъ снѣгъ. Дорога обледенѣла и представляла массу трудностей для передвиженія... Однако, все это не мѣшало поэту вести путевыя записки и писать стихи „Музамъ я уже не лѣнивый служитель,—пишетъ онъ Бѣгичеву изъ Нахичевана,—пишу мой другъ, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть“.

Постѣ пятидневнаго утомительнаго пути Грибоѣдовъ прибылъ, наконецъ, въ Тегеранъ. Здѣсь миссія пробыла три мѣсяца, а потомъ основалась въ Тавризѣ, резиденціи наслѣдника престола Аббасъ-Мирзы, руководившаго внѣшнею политикою государства.

Живя въ Тавризѣ, Грибоѣдовъ всецѣло отдался службѣ и изученію персидскаго языка, на которомъ въ послѣдствіи могъ изъясняться свободно.

Познакомился онъ довольно хорошо и съ персидской литературой, нравами и обычаями персіанъ.

Въ превосходной характеристикѣ Грибоѣдова, какъ дипломата, Берже обрисовываетъ Александра Сергѣевича съ самой лучшей стороны.

Дѣятельность секретаря миссіи отличалась тѣмъ благоразуміемъ и тактомъ, которые вызвали со стороны Ермолова полное одобреніе.

Вотъ, что пишетъ о немъ „проконсулъ“ Кавказа Мазаровичу: „Мнѣ пріятно замѣтить попеченіе Грибоѣдова о возвратившихся солдатахъ и не могу отказать ему въ справедливой похвалѣ, въ исполненіи возложеннаго вами на него порученія, гдѣ благороднымъ поведеніемъ своимъ вызвалъ неблаговоленіе Аббасъ-Мирзы и даже грубость, въ которыхъ не менѣе благо-

*) „А. С. Грибоѣдовъ“ („Русск. Стар.“, октябрь 1874 г.).

родно остановилъ его, давъ ему уразумѣть достоинство русскаго чиновника“.

Выражая свой взглядъ на тотъ образъ дѣйствій, котораго необходимо было держаться въ сношеніяхъ съ Персіей, Ермоловъ, между прочимъ, пишетъ Грибоѣдову: „Мнѣ столько же пріятно уважать дѣятельность вашу по службѣ, какъ и благоразуміе, которымъ вы оную сопровождаете. Благодаря васъ, я нахожу нужнымъ объясниться по нѣкоторымъ предметамъ“. Далѣе идетъ объясненіе.

„Въ заключеніе скажу вамъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ относительно Персіи мы должны руководиться прямою и твердостью и поведеніе наше должно имѣть основаніемъ точное и строгое соблюденіе трактата. Вижу изъ бумагъ, что поступки ваши, въ отсутствіе повѣреннаго въ дѣлахъ, во всемъ благоразумно согласованы съ сими правилами и мнѣ остается только принести вамъ справедливую похвалу“.

Денежныя обстоятельства Грибоѣдова во все это время были не блестящи и ограничивались однимъ жалованьемъ по должности. А между тѣмъ расходы, неизбѣжные при его сравнительно роскошной жизни въ Тавризѣ, были велики.

Сознавая это и по ходатайству Мазаровича, А. П. Ермоловъ просилъ въ 1819 году черезъ графа Нессельроде о повышеніи по службѣ состоящихъ при миссіи чиновниковъ: секретаря Грибоѣдова, переводчика Беглярова, актуаріуса Амбургера и прапорщика Лорисъ-Меликова. Но прошло два года со времени перваго ходатайства, а Грибоѣдовъ все еще не былъ удостоенъ награды. Тогда, послѣ довольно рѣзкаго письма къ П. Г. Дивову, Ермоловъ снова обратился къ посредничеству графа Нессельроде и на этотъ разъ ходатайство его было уважено. А. П. Ермоловъ особенно восхвалялъ Грибоѣдова:

„Способности сего чиновника,—писалъ онъ,—весьма полезны по службѣ и если прочіе удостоились награды, то В. С. какъ начальника, смѣю увѣрить, что сей несравненно болѣе имѣетъ на то права. Онъ знаетъ хорошо и въ правилахъ персидскій языкъ и уже занимается въ переводѣ при Мазаровичѣ важнѣйшихъ бумагъ. Прошу всепокорнѣйше исходатайствовать ему все милостивѣйшую награду, ибо, кромѣ заслугъ его, одно пребываніе между персіанами, столь долгое, можетъ уже обратить на него вниманіе“.

Коварная политика, которой Персія продолжала держаться въ отношеніи насъ, и покровительство, оказываемое ею враждебнымъ намъ бѣглымъ ханамъ Дагестана и нашихъ закавказскихъ

владѣній: Сурхай-хану казикумухскому, Мустафѣ-хану ширванскому, Шихъ-Али-хану дербентскому и кубинскому и царевичу Александру, сыну грузинскаго царя Ираклія, бѣжавшимъ въ Персію, въ связи съ нескончаемыми заботами по разнымъ вопросамъ, остававшимся не рѣшенными со времени заключенія Гюлистанскаго трактата, ставили нашу миссію въ положеніе далеко не за-видное.

Дѣла было много и Грибоѣдову нѣкогда было думать о занятіяхъ внѣ служебныхъ, а тѣмъ еще менѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда Мазаровичъ отлучался изъ Тавриза и поэтъ оставался одинъ лицомъ къ лицу съ Аббасъ-Мирзою и окружающими его вельможами, мало къ намъ доброжелательными.

Грибоѣдовъ, стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ и твердый въ характерѣ, невольно внушалъ къ себѣ уваженіе и умѣлъ сдерживать въ должныхъ границахъ обращеніе не только вельможей персидскихъ, но и самого Аббасъ-Мирзу.

Относительно жизни Грибоѣдова въ Персіи за эти два года не имѣется никакихъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе изъ письма его къ Катенину въ февралѣ 1820 года видно, что жизнь поэта была довольно дѣятельной.

„Вотъ годъ съ нѣсколькими днями, какъ я сѣлъ на лошадь изъ Тифлиса и пустился въ Иранъ, секретарь бродячей миссіи. Съ тѣхъ поръ не нахожу самого себя. Какъ это дѣлается? Человѣкъ по 70 верстъ верхомъ скачетъ каждый день, весь день, разумѣется, и скачетъ по два мѣсяца сряду подъ знойнымъ персидскимъ небомъ, по снѣгамъ въ Кавказѣ и промежутки отдохновенія недѣли двѣ, много три на одномъ мѣстѣ. Положимъ, что я еще не совсѣмъ съ ума сошелъ, различаю людей и предметы, среди которыхъ движусь: прошедшимъ годомъ, какъ я дѣйствовалъ и что со мною сшутила судьба, опишу коротко.

Весною мы прибыли въ Тейранъ. Я не успѣлъ обозрѣться, только что разъ поскитался въ развалинахъ Раговъ Мидійскихъ, раза три въ Касрѣ-Каджарѣ въ Кегаристанѣ и въ другихъ окрестностяхъ Фетали-шаховой столицы. Жаръ выгнать насъ на лѣтнее кочевье въ Султанейскую долину съ царемъ-царей и его дворомъ; что за люди вокругъ его, что за нравы, въ годъ чего не согласишься! Изъ Султаней мы въ концѣ августа попали въ Тавризъ. Не все еще.

Передъ Султанеей въ Абгарѣ по сю сторону отъ Казбина пожили нѣсколько во время рамазана, смотрѣли восточную трилогию: страсти угодника Алиа... Въ Ахендѣ въ горахъ Кафланку, тоже не надолго остановились... Изъ Табриза я въ началѣ сен-

тября отправился въ Чечню къ Алексѣю Петровичу (Ермолову), за новыми наставленіями. Нашелъ его, какъ и прежде, необыкновенно умнымъ, хотя и недружелюбнымъ. Онъ воюетъ, мы миръ блюдемъ. Наконецъ, опять въ Табризѣ. Владѣтельный султанъ Аббасъ-Мирза, при которомъ мы честь имѣемъ находиться и, въ скобкахъ сказать, великій мой недоброжелатель, вызвалъ изъ Лондона оружейныхъ мастеровъ, шорниковъ и всякихъ рабочихъ,—собирается заводить университеты. Ты видишь, что и здѣсь въ умахъ потрясеніе. Землетрясеніе всего чаще. Хоть то хорошо, коли о здѣшнемъ городѣ сказать: провались онъ совсѣмъ, такъ точно иной разъ провалится.

Не воображай меня, однако, слишкомъ жалкимъ. Къ моему скуку я умѣлъ примѣшивать разнообразіе, распредѣлялъ часы, скучаю попеременно: то съ Луганомъ персидскимъ, за который не принимался съ сентября, то съ дѣловыми бездѣльями, то въ разговорахъ съ товарищами. Веселость утрачена, не пишу стиховъ, можетъ и творилось: да читать некому, сотруженники не русскіе“.

Въ первый же годъ по пріѣздѣ въ Персію, Грибоѣдовъ обратилъ вниманіе на освобожденіе русскихъ плѣнныхъ и переселеніе ихъ въ Россію вмѣстѣ съ бѣглецами, проживавшими въ Персіи со времени кампаніи 1803 года.

Въ челоѣколюбивомъ намѣреніи своемъ онъ не замедлил встрѣтить массу препятствій, которыя ему удалось преодолѣть съ большими усиліями.

По приказанію сына Фетхъ-Али-шаха, Наибъ-Султана, для возмущенія народа противъ русской миссіи, были пущены входу подметныя письма. Плѣнныхъ, изъявившихъ согласіе вернуться въ Россію, подвергали истязаніямъ, подкупали, чтобы они оставались въ Персіи, запугивали ихъ наказаніями, ожидающими ихъ будто на родинѣ.

Грибоѣдовъ продолжалъ настаивать на своемъ намѣреніи и, наконецъ, преодолѣлъ всѣ затрудненія. Ему поручено было проводить отрядъ русскихъ плѣнныхъ въ русскіе предѣлы, причемъ Грибоѣдовъ въ этомъ трудномъ походѣ не разъ подвергался опасности лишиться жизни, отъ озлобленныхъ персіанъ, возбужденныхъ подметными письмами Наибъ-Султана. Но въ теченіе двухъ лѣтъ ненависть персидскаго правительства затихла и Грибоѣдову удалось пріобрѣсти къ себѣ расположеніе обоихъ сыновей шаха Аббасъ-Мирзы и Наибъ-Султана, и даже былъ пожалованъ персидскій орденъ Льва и Солнца 2-й степени.

Характеръ Грибоѣдова окончательно сложился въ эти два

года жизни въ Персіи: попрежнему добродушный, но нервный, раздражительный, онъ утратилъ юношескую беззаботность и сильно скучалъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій, какъ видно и изъ письма къ Катенину, Грибоѣдову не радостно жилось въ Тавризѣ.

На оборотѣ чернового письма, неизвѣстно къ кому относящагося къ этому времени, мы встрѣчаемъ набросокъ просьбы по начальству объ увольненіи и набросокъ этотъ свидѣтельствуешь, какъ тяжела была жизнь его въ Тавризѣ, имѣвшая характеръ словно почетной ссылки.

„Познанія мои,—пишетъ онъ въ этомъ наброскѣ,—заклучаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезнымъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли,—говоритъ Ривароль,—чѣмъ мы болѣе просвѣщенны, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему обществу. Но именно для того, чтобы пріобрѣсти познанія, прошу объ увольненіи меня отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину, вмѣсто того, чтобы выставлѣть причиной нездоровье, или разстройство домашнихъ дѣлъ, обыкновенныя уловки, которымъ никто не вѣритъ“.

Но однообразная жизнь вдали отъ родины, въ тоскливомъ одиночествѣ, принесла Грибоѣдову и свою долю пользы. Хотя Грибоѣдовъ и заявляетъ въ письмѣ къ Катенину, что онъ не пишетъ стиховъ потому, что читать некому, но это оказывается не совсѣмъ вѣрно. Если вѣрить Булгарину, Грибоѣдовъ, мечтая въ 1821 году о Петербургѣ и Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ и знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ, легъ спать въ кіоскѣ въ саду и видѣлъ сонъ, представившій ему родину. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей рассказываетъ о новой комедіи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ нея. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ „Горя отъ ума“ и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта“.

Весьма возможно, что нѣкоторую связь съ этой легендой имѣетъ черновое письмо, написанное Грибоѣдовымъ, повидимому, къ А. А. Шаховскому:

„Вхожу въ домъ, въ немъ праздничный вечеръ. Хозяинъ и хозяйка, Поль съ женою меня принимаютъ въ дверяхъ. Пробѣ-

гаю первый залъ, вездѣ освѣщеніе, то тѣсно между людьми, просторно. Попадаются многія лица, одно какъ будто моего ли, другія тоже знакомы; дохожу до послѣдней комнаты—наша на народу: кто за ужиномъ, кто за разговоромъ; вы такъ сидѣли, наклонившись къ кому-то, шептали. И ваша возлѣ васъ. Необыкновенно пріятное чувство и не новое, а по воспоминанію мелькнуло во мнѣ, я воротился; вы изъ той-же комнаты ходите ко мнѣ навстрѣчу. Первое ваше слово: „Вы-ли это, А. С. Какъ переѣздили? Узнать нельзя. Пойдемте со мною“, ушелъ далеко отъ постороннихъ въ уединенную комнату... Тутъ долго ко мнѣ приставали съ вопросами, написалъ-ли я что-нибудь для васъ? Вынудили у меня признаніе, что я давно отшатнулся, отклонился отъ всякаго письма, охоты нѣтъ—нѣтъ, вы досадовали.—Дайте мнѣ обѣщаніе, что напишите!—Что же вамъ угодно?—Сами знаете.—Когда же будетъ готово?—Черезъ годъ непременно?—Обязываюсь.—Черезъ годъ, клятву дайте! И я далъ ее съ трепетомъ. Въ эту минуту малорослый человѣкъ, въ близкомъ отъ меня разстояніи, но котораго я, конечно слѣпой, не довидѣлъ, внятно произнесъ эти слова: „не губить всякій талантъ“... А вы, обернувшись къ человѣку: „покажите, кто здѣсь?“... Онъ поднялъ голову, ахнулъ, съ визгомъ бросился ко мнѣ на шею... Дружески меня душитъ.—Катенька! Я пробудился, хотѣлось опять забыться тѣмъ же пріятным сномъ. Не могъ. Всталъ, вышелъ освѣжиться. Чудное небо! Нигдѣ звѣзды не свѣтятъ такъ ярко, какъ въ этой скучной Персіи... Наконецъ, вѣтеръ подулъ сильнѣе, ночная стужа разбудила мое безпамятство, затеплилъ свѣчу въ моей хаминѣ, сажусь писать и живо помню мое обѣщаніе; *во снѣ дано—на яву исполняется*“.

Письмо это наводитъ на мысль, что съ Грибоѣдовымъ действительно, случилось нѣчто вродѣ того, о чемъ разсказываетъ Булгаринъ. Совѣсть поэта, встревоженная тѣмъ, что за служебными дѣлами онъ забросилъ свой талантъ и поэтическія занятія, навѣяла на него сонъ, во время котораго онъ далъ друзьямъ обѣщаніе написать комедію и во исполненіе клятвы, данной во снѣ, принялся за свой трудъ.

Въ концѣ 1821 года А. С. Грибоѣдову удалось, наконецъ, выбраться изъ Тавриза. Онъ былъ посланъ въ Тифлисъ для сообщенія Ермолову о вспыхнувшей войнѣ между Персіей и Турціей.

На пути съ Грибоѣдовымъ случилось серіозное несчастіе: онъ упалъ съ лошади и сломалъ въ двухъ мѣстахъ себѣ руку. Вслѣдствіе неудачно поданной первымъ встрѣчнымъ косте-

правомъ помощи, ему по прїѣздѣ въ Тифлисъ пришлось произвести новый искусственный переломъ руки для поправленія неправильно сросшихся костей.

Болѣзнь послужила Грибоѣдову предлогомъ упросить Ермолова оставить его при себѣ въ качествѣ личнаго секретаря по иностранной части.

Главнокомандующій, высоко-цѣнившій талантъ и дипломатическія способности Грибоѣдова, вошелъ объ этомъ съ особымъ ходатайствомъ.

Вотъ что писалъ „проконсулъ Кавказа“ гр. Нессельроде:

„Секретарь миссіи нашей при тегеранскомъ дворѣ тит. сов. Грибоѣдовъ на пути отъ Тавриза сюда имѣлъ несчастье переломить себѣ въ двухъ мѣстахъ руку и, не нашедши нужныхъ въ дорогѣ пособій, долженъ былъ по необходимости обратиться къ первому встрѣчному, который могъ дать ему помощь, и оттого произошло, что, по прибытіи въ Тифлисъ, надлежало ему худо справленную руку переломить въ другой разъ. До сего времени, почти не владѣя оною, не можетъ онъ обойтись безъ искуснаго врачеванія и силъ средствъ, будучи лишеннымъ въ Персіи, никакъ не можетъ онъ туда отправиться.

Съ сожалѣніемъ долженъ я удалить его отъ занимаемаго мѣста, но зная отличныя способности сего человѣка и желая воспользоваться пріобрѣтенными имъ въ знаніи персидскаго языка успѣхами, я прошу В. С. покорнѣйше честь имѣю, опредѣлить его при мнѣ секретаремъ по иностранной части. Во-первыхъ, пользование находящимися здѣсь минеральными водами возвратитъ ему здоровье и онъ при склонности его къ изученію восточныхъ языковъ, начавъ уже заниматься арабскимъ языкомъ, какъ основаніемъ всѣхъ прочихъ, имѣетъ здѣсь всѣ средства усовершенствовать свои познанія; во-вторыхъ, и что почитаю я главнѣйшимъ предметомъ, современемъ можете поручить ему заведеніе школы восточныхъ языковъ...

Просьба Ермолова была уважена, Грибоѣдовъ получилъ просимое назначеніе и былъ произведенъ, кромѣ того, 3-го января 1822 года въ чинъ коллежскаго ассесора.

П. Б.

(Продолженіе будетъ).

КАВКАЗЪ И ЕГО ПРОМЫШЛЕННОСТЬ*).

1) Рельефъ страны. Климатъ. Растительность и животный міръ. Населеніе и его бытъ.

Къ юго-востоку отъ Европейской Россіи на широкомъ Понто-Каспійскомъ перешейкѣ, соединяющемъ Европу съ Азіей, расположены 10 губерній и областей, составляющихъ, подъ именемъ Кавказскаго края **), одну изъ наиболѣе интересныхъ частей Россійской Имперіи. Составляя только около 2% общей площади Россіи, Кавказъ, тѣмъ не менѣе, является, по устройству поверхности, природѣ, климату, растительности и населенію, наиболѣе разнообразной ея окраиной. Нигдѣ въ Россіи, на такомъ небольшомъ, сравнительно, пространствѣ не сосредоточено столько различныхъ формъ рельефа, отгѣнковъ климата, богатства флоры и фауны и въ особенности разнообразія народностей, какъ въ предѣлахъ Кавказскаго края. Въ границахъ этой страны, расположенной на широтѣ южной Европы, встрѣчаются мѣстности, лежащія ниже уровня океана, высокія прохладныя на-

*) Статья эта составляетъ часть капитальнаго труда, издаваемаго Департаментомъ торговли и мануфактуръ подъ названіемъ „Окраины Россіи“

**) Мы не относимъ къ Кавказскому краю отдѣленную отъ него нынѣ и въ административномъ отношеніи Ставропольскую губернію (занимающую болѣе 60-ти тыс. кв. килом. и содержащую 876 тыс. жителей), которая по общему типу своему принадлежитъ къ Новороссійской области, но, конечно, имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ смежнымъ съ нею кавказскимъ подгорьемъ.

горья и покрытыя вѣчными снѣгами вершины, далеко превышающія, по своимъ размѣрамъ, высочайшія горы Европы.

Кавказскій край оmyвается на западѣ, на протяженіи около 900 километровъ, Азовскимъ и Чернымъ морями, а на востокѣ, на еще большемъ протяженіи, Каспійскимъ моремъ, отдѣляющимъ Кавказъ отъ среднеазиатскихъ владѣній Россіи и лежащимъ почти на 26 метр. ниже уровня океана. Южная граница Кавказа является въ то же время южной границей Имперіи съ Турціей и Персіей; протяженіе турецкой границы, отъ Чернаго моря до горы Арарата составляетъ около 570 километровъ, а персидской—отъ горы Арарата, до Каспійскаго моря свыше 820 километровъ. Такимъ образомъ, у вершины этой прославленной библейской горы, поднимающей свою бѣлоснѣжную голову надъ желтыми нагоріями Арменіи, сходятся владѣнія Россіи, Турціи и Персіи. Кавказскій край занимаетъ около 412,000 кв. километровъ и такимъ образомъ немногимъ уступаетъ, по пространству, Италіи и Румыніи, вмѣстѣ взятымъ; 47% этого пространства падаетъ на три области (Кубанскую, Терскую и Дагестанскую), расположенныя на сѣверной сторонѣ Кавказскаго хребта, а остальные 53% на 7 губерній и областей (Тифлисскую, Бакинскую, Елисаветпольскую, Эриванскую, Кутаисскую, Карскую и Черноморскую), лежащія къ югу отъ хребта.

Кавказскій хребетъ, прорѣзывающій весь Кавказскій край въ діагональномъ направленіи, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и занимающій своими безчисленными отрогами около одной трети всей страны, обусловливаетъ общепринятое дѣленіе ея въ отношеніи рельефа и природы на три части: Предкавказье, лежащее къ сѣверу отъ хребта, Кавказскій хребетъ или собственно Кавказъ, обнимающій всю площадь, занятую хребтомъ и его отрогами и Закавказье, расположенное къ югу отъ Кавказскаго хребта до турецкихъ и персидскихъ предѣловъ.

Предкавказье, характеризующаясь значительнымъ развитіемъ ровныхъ или слегка волнистыхъ пространствъ, является въ сѣверной, наиболѣе равнинной части, продолженіемъ степей, занимающихъ весь югъ и юго-востокъ Европейской Россіи; въ средней части его, между верхнимъ теченіемъ Кубани, Терека и Кумы обширное пространство занимаетъ плоская, расплывчатая возвышенность, извѣстная подъ именемъ Ставропольскаго поднятія (до 730 метровъ надъ уровнемъ моря), раздѣляющая предкавказскія равнины на двѣ, нѣсколько отличныя одна отъ другой, части—западную и восточную. Западная часть Предкавказья по теченіямъ Кубани и Еи представляетъ ровную степную, слег-

ка покату ю къ Азовскому морю, площадь, орошенную долами многочисленными медленно текущими рѣками, съ плодородною черноземной почвой, вполне пригодную для остьдлой жизни. Лишь съ приближеніемъ къ Ставропольскому поднятію и только на югѣ за Кубанью, гдѣ уже начинаются первыя предгорья Кавказскаго хребта, рельефъ мѣстности, становится разнообразнѣе; появляются болѣе значительныя высоты, балки глубже впадаютъ въ почву и безбрежный горизонтъ черноморскихъ степей суживается. Восточная часть Предкавказья, до Терекъ и низовій Сулака, представляется въ сущности такою же степью, но только степь эта очень бѣдна водой и потому безжизненна. Почва ея состоитъ изъ глинъ и песковъ, мѣстами сыпучая, изобилуетъ солонцами и, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей по берегамъ рѣкъ, непригодна для остьдлой жизни, а въ горахъ гдѣ совершенно безлюдна. Рѣкъ здѣсь очень мало и нѣкоторыя изъ нихъ не доходятъ до Каспійскаго моря, изсякая въ оврагахъ и болотахъ (Кума), озера же содержатъ, обыкновенно, горькосоленую, негодную для употребленія воду. Юго-восточный уголъ восточнаго Предкавказья занимаетъ обширное, низменное, покрытое болотами пространство, расположенное по низовьямъ Терека и Сулака. Въ общемъ, восточная часть Предкавказья лежитъ значительно ниже западной и многія мѣстности ея расположены ниже уровня океана. Характеръ предкавказскихъ равнинъ, въ общемъ, повсюду одинаковъ, ибо плоскія увалы съ глубокими и довольно крутыми лощинами, обрывистые берега рѣкъ и небольшія разбросанныя, здѣсь и тамъ, почти не нарушаютъ цѣльности степного ландшафта. Южная часть Предкавказья, значительно приподнятая за Кубанью, въ окрестностяхъ Пятигорска и за Терекѣ, располагается непосредственно у предгорій Кавказскаго хребта и представляетъ рядъ болѣе или менѣе возвышенныхъ холмистыхъ равнинъ, мѣстами съ весьма плодородной почвой и сохранившимися кое-гдѣ лѣсами, придающими мѣстности, обильно орошенной рѣками и ручьями, стекающими съ горъ, разнообразный и живописный видъ. Къ югу отъ этихъ пространствъ возвышаются передовыя гряды Кавказскаго хребта, за которыми сверкаютъ вѣчными снѣгами его высочайшія цѣпи и вершины.

Кавказскій хребетъ, пересѣкающій непрерывной гигантской стѣной весь Понто-Кавказскій перешеекъ, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, отъ Чернаго до Каспійскаго моря, состоитъ изъ водораздѣльнаго гребня (отдѣляющаго воды Кубани, Терека, Сулака и Самура, орошающихъ Предкавказье, отъ бассейновъ Ри-

на, Ингура и Куры, расположенныхъ въ Закавказьѣ) сопровождающихъ его второстепенныхъ хребтовъ, волнообразныхъ передовыхъ возвышенностей, горныхъ группъ и множества болѣе или менѣе значительныхъ отроговъ, которые, отходя по обѣ стороны отъ водораздѣльнаго хребта и сталкиваясь съ другими, образуютъ мѣстами обширныя горныя страны. Водораздѣльный хребетъ, въ отличіе отъ другихъ составныхъ частей Кавказскаго хребта, носитъ названіе Главнаго хребта, всю же горную систему вмѣстѣ принято называть Большимъ Кавказомъ въ отличіе отъ Малаго Кавказа, наполняющаго своими нагорьями всю юго-западную часть Кавказскаго края. Вся система Кавказскаго хребта занимаетъ приблизительно около 140,000 кв. километр., изъ коихъ большая половина приходится на сѣверный болѣе развитый склонъ. Западная оконечность хребта подходитъ къ г. Анапѣ на берегу Чернаго моря, а восточная заканчивается горой Ильхи-дагъ, недалеко отъ Баку. Хотя разстояніе по прямому направленію между этими двумя точками—около 1,200 килом., но вслѣдствіе извилинъ Главный хребетъ тянется, въ видѣ непрерывнаго водораздѣла, почти на 1,600 килом. Передъ глазами путешественника, проѣзжающаго по владикавказской желѣзной дорогѣ, въ теченіе болѣе сутокъ развертывается на южномъ горизонтѣ чудная панорама горныхъ вершинъ, увѣнчанныхъ вѣчными снѣгами и сливающихся на западѣ и востокѣ съ небосклономъ. Ширина хребта въ западной и восточной частяхъ около 220 километровъ, въ центральной не болѣе 100 километровъ. Эта же центральная часть хребта представляется наиболѣе высокой и здѣсь сосредоточены самыя значительныя его вершины, изъ коихъ потухшій вулканъ Эльбрусъ (5,540 метр.) является высочайшей не только Кавказскаго хребта, но и всего Кавказскаго края. По высотѣ Кавказскій хребетъ значительно превосходитъ Альпы: въ немъ насчитывается болѣе 20-ти пиковъ значительно выше Монблана, высочайшей вершины западной Европы. Передовыя возвышенности, сопровождающія Главный хребетъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ характера непрерывныхъ цѣпей, но представляютъ короткіе хребты, кряжи или горныя группы, связанные съ водораздѣльнымъ хребтомъ отрогами и прорванные во многихъ мѣстахъ глубокими ущельями рѣкъ, которыя, начинаясь въ Главномъ хребтѣ и прорвавшись черезъ передовыя возвышенности, спускаются на предгорія и выходятъ на равнину. Такимъ образомъ, почти на всемъ протяженіи къ водораздѣльному хребту примыкаетъ рядъ высокихъ котловинъ, въ большинствѣ случа-

евъ, озернаго происхожденія, замкнутыхъ съ одной стороны высотами водораздѣла, а съ другой—отдѣльными группами передовыхъ возвышенностей, которыя по высотѣ нерѣдко превосходятъ Главный хребетъ. Съ сѣверной стороны водораздѣла преобладаютъ поперечныя котловины, а съ южной, кромѣ западной оконечности хребта, продольныя; изъ первыхъ въ особенности замѣчательна долина верхняго теченія Терека или знаменитое по своей грандіозности, Дарьяльское ущелье, по которому у подошвы огромнаго потухшаго вулкана Казбека (4,940 метр.) проходитъ военнo-грузинская дорога, сообщающая Владикавказъ съ Тифлисомъ. Сѣверный склонъ Кавказскаго хребта достигаетъ наибольшаго развитія въ окрестностяхъ Эльбруса, гдѣ отъ него отдѣляется расплывчатая ставропольская возвышенность и въ особенности въ восточной части хребта, гдѣ многочисленные и весьма значительные по высотѣ и длинѣ отроги и второстепенныя цѣпи образуютъ обширную дикую горную страну—Дагестанъ (страна горъ). Какъ и всѣ азіатскіе горные хребты, Кавказскій хребетъ не отличается удопроходимостью; лишь на западной и восточной оконечностяхъ его имѣются удобные и низкіе перевалы, доступные круглый годъ для сообщенія. На всемъ остальномъ громадномъ протяженіи, за исключеніемъ Мамисонскаго (2,820 метр.) и Крестоваго (2,390 метр.) проходовъ, пути черезъ хребетъ представляютъ выючныя или даже пѣшеходныя тропы, нерѣдко недоступныя въ теченіе большей части года. Изъ всѣхъ переваловъ наибольшее значеніе имѣютъ: Крестовый, черезъ который проходитъ превосходное военнo-грузинское шоссе и затѣмъ только что названный Мамисонскій, черезъ который возможно колесное сообщеніе Владикавказа съ Кутайсомъ. Высота снѣжной линіи на Кавказскомъ хребтѣ не вездѣ одинакова; на западѣ подъ вліяніемъ болѣе влажнаго климата она почти на цѣлый километръ ниже, чѣмъ на востокѣ, гдѣ климатъ значительно суше и чувствуется вліяніе раскаленныхъ закаспійскихъ пустынь. До недавняго времени полагали, что Кавказскій хребетъ бѣденъ ледниками, но новѣйшія изслѣдованія показали, что мнѣніе это не вѣрно и что по числу ледниковъ, ихъ площади и размѣрамъ Кавказскій хребетъ почти не уступаетъ Альпамъ. Число всѣхъ ледниковъ въ системѣ Кавказскаго хребта, по всей вѣроятности, не менѣе 1,000, а нѣкоторые изъ нихъ (Бизинги, спускающійся съ вершинъ Шхара и Дыхъ-тау и др.) не уступаютъ по размѣрамъ Алечскому глетчеру.

Пространство, занятое Кавказскимъ хребтомъ и его отрогами, представляетъ безконечное разнообразіе почвъ, климатовъ,

здовательно и условій сельскаго хозяйства. Въ глубокихъ нахъ и ущельяхъ преобладаетъ производство весьма разнообразныхъ хлѣбовъ и другихъ растений, которыя чѣмъ выше, становятся менѣе разнообразны и заканчиваются ячменемъ и рожью, еще созрѣвающими на высотѣ 2,400 метр. въ станѣ. Обширныя горныя пастбища, лежащая какъ въ полостѣ въ, такъ и выше ее, благопріятствуютъ скотоводству; однако, значительная площадь, занятая крутыми склонами, скалавѣчными снѣгами, вовсе не пригодна ни для культуры, ни же для разведенія скота. Украшеніемъ Кавказскаго хребта отъ его лѣса, сильно уже порѣдѣвшіе, но тѣмъ не менѣе ами еще представляющіе замѣчательныя, по разнообразію дѣ (южный склонъ хребта) и красотѣ, насажденія.

Закавказье, расположенное къ югу отъ Кавказскаго га, представляетъ въ орографическомъ отношеніи двѣ части, стую и низменную. Гористая часть страны, за исключеніемъ няго юго-востока, гдѣ въ предѣлы Россіи заходятъ отроги идскаго Альбруса, представляетъ обширное нагорье, съ разанными на немъ и по окраинамъ его цѣпами и группами, занимающее, подъ названіемъ Малаго Кавказа, всю южную и центральную части Закавказья. Располагаясь между нами Куры, Аракса, Ріона и Чороха и простираясь съ сѣ-запада на юго-востокъ почти на 600, а по перпендикулярнаправленію на 300 километровъ, Малый Кавказъ являе-райнимъ сѣвернымъ звеномъ ряда нагорій, идущаго черезъ азійскій материкъ, и, примыкая на западѣ и юго-западѣ къ азійскому плоскогорью, заключаетъ въ себѣ сѣверную, плоскогорья Армянскаго. Единственнымъ связующимъ звеномъ нагорій Малаго Кавказа съ Главнымъ Кавказскимъ хреб-являются невысокія Сурамскія горы, которыя отдѣляютъ ынъ Куры отъ бассейна Ріона и, преграждая вмѣстѣ съ ими горами путь влажнымъ вѣтрамъ, дующимъ съ Чернаго дѣляютъ Закавказье на двѣ весьма различныя по климату, тельности и природѣ части: восточную и западную. Черезъ искія горы, по тоннелю въ 4 километра длины, проходитъ казская желѣзная дорога. Малый Кавказъ представляетъ въ неніи рельефа два типа: нагорья, приподнятыя на высоту отъ до 2,000 метр. надъ уровнемъ моря, и горныя страны, расположенныя по окраинамъ нагорій тамъ, гдѣ эти послѣднія спускаются къ низменностямъ. Нагорья, то холмистыя, то почти я, обыкновенно болѣе или менѣе обособлены рядами возвышенностей и хребтовъ, причемъ отдѣльныя вершины, изъ ко-

ихъ многія—потухшіе вулканы, поднимаются за предѣлы снѣговой линіи. Изъ вершинъ въ особенности замѣчательны огромные вулканическіе массивы Арарата (5,100 метр.) и Алагеца (4,030 метр.). На плоскогорьяхъ и въ котловинахъ разбросаны здѣсь и тамъ озера, нерѣдко достигающія весьма значительной величины; такъ, озеро Гокча, расположенное въ восточной части Малаго Кавказа, въ замкнутой котловинѣ, окруженной амфитеатромъ потухшихъ вулкановъ, занимаетъ около 1,400 кв. километровъ. Рѣки текутъ здѣсь медленно и кое гдѣ образуютъ заболоченныя пространства. Почва нагорій, представляющая продуктъ разрушенія лавъ и другихъ эруптивныхъ породъ, является во многихъ мѣстностяхъ настоящимъ черноземомъ и отличается продородіемъ, что въ связи съ прохладнымъ климатомъ обуславливаетъ мѣстами пышное развитіе лѣтомъ травъ и успѣшное занятіе скотоводствомъ, а въ болѣе низкихъ мѣстахъ благоприятствуетъ культурѣ зерновыхъ хлѣбовъ. Лѣсовъ, за очень рѣдкими исключеніями, на плоскогоріи нѣтъ вовсе. Окраины его, спускаясь множествомъ отроговъ и контрофорсовъ къ долинамъ рѣкъ или низменностямъ, образуютъ изрѣзанныя ущельями, изобилующія обрывами, крутыми склонами и стремнинами, нерѣдко лѣсистыя, горныя страны. Озеръ въ нихъ нѣтъ вовсе; рѣки текутъ быстро, образуя пороги и водопады; почва, климатъ, растительность, культурныя растенія и условія жизни населенія весьма разнообразны, въ зависимости отъ рельефа и положенія мѣстности надъ уровнемъ моря.

Меньшую часть Закавказья занимаютъ низменности и сравнительно низменныя равнины, которыя располагаются по берегамъ морей, занимаютъ значительную площадь въ бассейнѣ р. Ріона и въ особенности развиты въ юго-восточной части Закавказья, гдѣ большая часть средняго и нижняго теченія р. Куры и низовья Аракса представляютъ обширныя степныя пространства. Ріонская низменность пользуется влажнымъ климатомъ и потому мѣстами заболочена, изобилуетъ лѣсомъ и довольно густо населена; что же касается равнинъ восточнаго Закавказья, то онѣ безлѣсны и густо населены лишь у подошвы горъ, гдѣ имеются обильные источники воды для орошенія, являющагося въ этой части страны необходимымъ условіемъ успѣшнаго произрастанія культурныхъ растеній. Остальное пространство представляетъ ровныя или слегка волнистыя маловодныя степныя площади. Почва ихъ, мѣстами сильно солонцеватая, состоитъ изъ глинъ и другихъ озерно-рѣчныхъ образований; скудная растительность, слагающаяся изъ степныхъ травъ, колючихъ полуку-

старниковъ и камышей въ мѣстностяхъ застоя водъ, при наступленіи лѣтнихъ жаровъ, выгорають, а полукочевое населеніе уходитъ со своими стадами въ горы. Степи восточнаго Закавказья оживляются лишь позднею осенью, когда выпадающіе дожди пробуждаютъ растительность; въ это время сюда спускаются стада горъ скотоводы и пасутъ свои стада въ теченіе осени, зимы и ранней весны, послѣ чего, съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ и засухи, жизнь въ степяхъ снова замираетъ. Такимъ образомъ, степи Закавказья, за исключеніемъ мѣстностей, гдѣ существуетъ орошеніе и земледѣліе, служатъ для скота зимними пастбищами, между тѣмъ какъ нагорья и горы выше предѣла лѣсовъ даютъ кормъ стадамъ поздней весною и лѣтомъ. Таковы, въ общемъ, условія рельефа Закавказья. Для полноты характеристики можно указать, что въ пяти губерніяхъ (Тифлисская, Кутаисская, Елисаветпольская, Эриванская и Бакинская) этой части Кавказскаго края 2,1% расположены ниже уровня океана (0 до 26 метр.).

19,6 %	отъ	0 до	150 метр.
7,2 "	"	150 "	300 "
14,2 "	"	300 "	600 "
15 "	"	600 "	1200 "
20,2 "	"	1200 "	1800 "
15,4 "	"	1800 "	2400 "
4,4 "	"	2400 "	3000 "
1,3 "	свыше	3000 метр.	

Самой низменной является Бакинская губернія, 60% коей расположено до 150 метр. надъ уровнемъ моря, и самой возвышенной—Эриванская, свыше 50% площади коей лежитъ выше 300 метр. надъ уровнемъ океана; очень большія высоты (болѣе 3000 метр.) сгруппированы преимущественно въ Кутаисской губерніи (3,6%).

Вулканическая дѣятельность въ предѣлахъ Кавказскаго края сосредоточивалась главнымъ образомъ въ предѣлахъ Малаго Кавказа, нагорья котораго, сложенные преимущественно изъ изверженныхъ породъ, покрытыя лавами и вулканическими туфами, засыпанныя обидіаномъ, шлаками и пр., служили главнымъ поприщемъ. Дѣятельность эта, выразившаяся нѣкогда въ обильномъ изверженіи огромныхъ лавовыхъ потоковъ и мощныхъ отложеній (до 150 метровъ) трахитовъ и другихъ вулканическихъ породъ, въ настоящее время почти затихла, оставивъ послѣ себя ряды потухшихъ вулкановъ, разбросанныхъ здѣсь и тамъ въ нагорьяхъ.

яхъ Малаго Кавказа. На Главномъ Кавказскомъ хребтѣ вулканическая дѣятельность была въ особенности сильна въ центральной части хребта, гдѣ Эльбрусь и Казбекъ залили огромныя пространства изверженными ими лавами. Грязевые вулканы обыкновенны на обѣихъ оконечностяхъ хребта, на Таманскомъ и Апшеронскомъ полуостровахъ, а землетрясенія до сихъ поръ, время отъ времени, сотрясаютъ многія мѣстности Закавказья.

Въ гидрографическомъ отношеніи почти весь Кавказскій край принадлежитъ бассейнамъ Чернаго съ Азовскимъ и Каспійскаго морей. Черное море, омывающее западный берегъ Кавказскаго края на протяженіи свыше 700 килом., отличающагося большою глубиной даже у береговъ и полнымъ отсутствіемъ мелей и острововъ, представляетъ, однако, очень мало удобныхъ стоянокъ для судовъ. Лучшая изъ нихъ, великолѣпный Новороссійскій заливъ, подвержена сильному сѣверо-восточному вѣтру (бора), Сухумскій заливъ и Потійскій портъ открыты огромному волненію, развиваемому западными вѣтрами, а батумская бухта тѣсна и недостаточно защищена отъ волнъ. Остальныя стоянки представляютъ еще меньшія удобства и открыты вѣтрамъ многихъ румбовъ. Почти то же самое можно сказать о Каспійскомъ морѣ, на которомъ, однако, вслѣдствіе существованія у береговъ камней, мелей и острововъ, плаваніе еще болѣе затруднительно. Важнѣйшими гаванями здѣсь являются Петровскъ и Баку, имѣющія въ торговомъ отношеніи первостепенное значеніе.

Распределеніе рѣкъ на поверхности Кавказскаго края въ общемъ довольно равномерно. Рѣки, начинающіяся въ Главномъ Кавказскомъ хребтѣ, питаются въ большинствѣ случаевъ ледниками; въ верховьяхъ своихъ рѣки эти несутся съ шумомъ и пѣной въ глубокихъ, узкихъ ущельяхъ, катятъ камни, образуютъ водопады и только по выходѣ изъ горъ на равнины пріобрѣтаютъ болѣе спокойное теченіе. Рѣки, берущія начало въ нагорьяхъ Малаго Кавказа, въ своемъ верхнемъ и среднемъ теченіи значительно отличаются отъ рѣкъ первой категоріи; питаются въ верховьяхъ своихъ родниками (Кура, Араксъ) и болотами или вытекая изъ озеръ, онѣ, вслѣдствіе небольшого уклона, текутъ медленно и извилисто; съ приближеніемъ къ окраинѣ плоскості и къ окаймляющимъ его горамъ теченіе рѣкъ становится стремительнымъ, берега—высокими и скалистыми, и рѣки, прорѣзывая горныя страны, расположенныя по окраинамъ нагорій, быстро сбѣгаютъ на равнину. Нижнее теченіе большинства кавказскихъ рѣкъ имѣетъ одинаковый характеръ; рѣка медленно течетъ по почти горизонтальной плоскости въ низкихъ, часто

ющихся, а кое-гдѣ едва сдерживаемыхъ дамбами (р. Терекъ) гахъ, дѣлится на рукава и при впаденіи образуетъ болѣе менѣе значительную, покрытую болотами, озерами и камыш-дельту. Количество воды въ рѣкахъ Кавказскаго края сильно мѣняется въ зависимости отъ снѣговъ, періодовъ дождей и разливы бываютъ въ особенности опустошительны въ низотѣ, гдѣ половодіе нерѣдко причиняетъ страшныя бѣдствія (р. Къ) и заливаешь огромныя пространства (рр. Кура и Араксъ). Сильные ливни, выпадающіе въ мѣстностяхъ со скудной растительностью и легко размываемой почвой, чрезвычайно увеличиваютъ количество воды въ почти пересыхающихъ лѣтомъ руслахъ, которыя, въ такихъ случаяхъ, быстро переполняются во-уносящей камни, обломки скалъ, глину и песокъ, и образуютъ огромныя потоки грязи, нерѣдко погребающіе подъ собой и цѣлыя селенія. Замерзаніе рѣкъ весьма непродолжительное, бываютъ годы, когда въ Закавказьѣ большинство рѣкъ не замерзаетъ вовсе.

Большая часть западной половины Предкавказья занята бассейномъ р. Кубани. Начинаясь изъ ледниковъ Эльбруса, Кубань течетъ сначала на сѣверъ, потомъ на западъ и на Таманскомъ полуостровѣ впадаетъ въ море двумя рукавами, изъ коихъ главный направляется въ Черное море, а второстепенный — въ Азовское. Длина рѣки 820 килом., площадь бассейна — около 60,000 килом. Судостроеніе, хотя и съ большими затрудненіями, можетъ производиться до Екатеринодара и даже нѣсколько выше (около килом. отъ устья). Свои многочисленныя притоки Кубань принимаетъ исключительно съ лѣвой стороны, обращенной къ Кавказскому хребту.

Другая крупная рѣка Сѣвернаго Кавказа — Терекъ, орошающій его восточную часть, беретъ начало также изъ ледниковъ Кавказскаго хребта невдалекѣ отъ Казбека и, прорвавшись черезъ грандіозное Дарьяльское ущелье на равнину у Владикавказъ, поворачиваетъ на востокъ и впадаетъ двумя рукавами въ Каспійское море. При впаденіи Терекъ образуетъ огромную, покрытую болотами дельту. До поворота на востокъ рѣка принимаетъ притоки съ обѣихъ сторонъ, послѣ же него — только справа, со стороны, обращенной къ горамъ. Длина Терека — 581 килом., площадь бассейна — 44,000 кв. килом.; въ низовьяхъ рѣка пригодна для сплава. Юго-восточная часть Предкавказья и береговая полоса между горами и Каспійскимъ моремъ орошается множествомъ небольшихъ рѣчекъ и двумя довольно значительными рѣками Сулакомъ и Самуромъ. Обѣ эти

рѣки орошаютъ Дагестанскую область, и первая изъ нихъ, своими четырьмя притоками, текущими въ мрачныхъ скалистыхъ ущельяхъ, проникаетъ въ самую нѣдра Дагестана, одной изъ замѣчательнѣйшихъ горныхъ странъ Кавказа.

Большая часть Закавказья принадлежитъ бассейнамъ Ріона и Куры съ Араксомъ, причемъ бассейнъ послѣдней обнимаетъ болѣе 75% этой части Кавказскаго края. Начинаясь изъ родниковъ на высокихъ плоскогорьяхъ къ юго-западу отъ Карса и протекая медленно мимо Ардагана, Кура направляется затѣмъ на сѣверо-востокъ и спускается съ плоскогорья по живописному Боржомскому ущелью. Повернувъ около Гори на юго-востокъ и пройдя около г. Тифлиса, рѣка замедляетъ теченіе, вступаетъ въ степныя равнины восточнаго Закавказья и, принявъ справа Араксъ, впадаетъ двумя рукавами въ Каспійское море. Араксъ, огибающій огромной дугой южное Закавказье и составляющій на значительномъ протяженіи границу Россіи съ Персіей, беретъ начало въ предѣлахъ Турціи на высокомъ нагорьѣ, недалеко отъ истоковъ Евфрата. Длина Куры—1,330 килом., площадь бассейна—188,000 кв. килом.; длина Аракса—1,020 килом., а площадь бассейна—97,000 кв. килом. Изъ лѣвыхъ притоковъ Куры замѣчательна Алазань, орошающая одну изъ наиболѣе богатыхъ мѣстностей Закавказья, знаменитую своими виноградниками и винами Кахетію. Кура судоходна отъ впаденія Алазани, на протяженіи болѣе 600 килом., въ нижнемъ же теченіи ея судоходство отличается значительнымъ оживленіемъ; здѣсь ежегодно проходятъ до 3,000 разнаго рода судовъ и лодокъ. Западное Закавказье орошается, помимо множества рѣчекъ и небольшихъ рѣкъ, стекающихъ съ южныхъ склоновъ Кавказскаго хребта въ море, довольно значительной системой р. Ріона (Фазисъ древнихъ), занимающей Колхидскую низменность, и нижнимъ теченіемъ р. Чороха, протекающаго по живописной горной странѣ, образованной восточной оконечностью Понтійскаго хребта, и впадающаго около гор. Батума въ Черное море.

Кавказскій край въ общемъ не богатъ озерами; большинство озерныхъ бассейновъ, какъ было указано, сосредоточено въ плоскогоріи Малаго Кавказа (оз. Геокча и др.); что же касается Главнаго Кавказскаго хребта, то онъ почти совершенно лишенъ озеръ и грандіозные пейзажи его нѣдръ не разнообразятся обогащеніемъ зеленыхъ склоновъ и снѣжныхъ вершинъ въ зеркалѣ водъ.

Вся восточная половина Кавказскаго края, а въ особенности Закавказья, въ виду недостаточнаго количества осадковъ, нуждается въ искусственномъ орошеніи и во многихъ мѣстахъ

ствѣ существованіе оѣдлаго населенія и различныхъ отраслей земледѣлія тѣсно связано съ наличностью ирригаціи. Для питанія оросительныхъ каналовъ служатъ какъ главныя рѣки этого района края—Кура, Араксъ, Терекъ, Сулакъ, такъ и въ особенности второстепенныя ихъ притоки, а также ручьи и рѣчки, стекающіе съ горъ и нерѣдко разбираемые на орошеніе полей и садовъ до послѣдней капли. Въ бассейнахъ Куры и Аракса, въ теченіе всего ирригаціоннаго періода, съ марта по октябрь, расходуется на орошеніе болѣе 200 куб. метр. въ секунду; изъ этого количества 88% даютъ рѣки и ручьи, 10,5% родники и болота и 1,5% подпочвенныя воды, выводимыя наружу подземными каналами (кягризъ). Площадь орошенныхъ земель въ восточной части Кавказскаго края достигаетъ приблизительно 2 милліоновъ гектаровъ, изъ коихъ нѣсколько больше милліона находится въ Закавказьѣ, остальное же количество орошается изъ Сулака, Терека, Самура и проч. къ сѣверу отъ Главнаго Кавказскаго хребта. Какъ ни значительно это пространство, оно составляетъ не болѣе половины той площади, которая можетъ быть орошена при устройствѣ новыхъ ирригаціонныхъ сооружений; въ особенности много можно оросить въ юго-восточной части Закавказья, въ Муганской и Мильской степяхъ, гдѣ слѣды ирригаціонныхъ каналовъ свидѣтельствуютъ о существовавшей здѣсь нѣкогда обширной оросительной сѣти. Болѣе или менѣе успѣшныя попытки устройства большихъ благоустроенныхъ каналовъ, рассчитанныхъ на орошеніе обширныхъ пространствъ, немногочисленны; къ одной изъ наиболѣе значительныхъ принадлежитъ сооруженіе Маріинскаго канала въ Караязской степи близъ Тифлиса, орошающаго площадь въ 14 тыс. гектар. Огромное большинство существующихъ ирригаціонныхъ каналовъ устроено средствами и знаніями жителей, которые въ этомъ отношеніи, какъ и вездѣ на востокѣ, достигли сравнительно благопріятныхъ результатовъ; въ особенности достойна удивленія ирригація въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ вода проводится на десятки верстъ по желобамъ, высѣченнымъ въ скалистыхъ склонахъ горъ и проч. Оросительный періодъ въ бассейнѣ Куры начинается въ мартѣ, когда начинается поливка садовъ, огородовъ, люцерны и хлѣбовъ. Въ апрѣлѣ производится поливка всѣхъ культуръ, въ концѣ мая убираютъ хлѣба, продолжаютъ поливать сады, огороды, бахчи (дыни и арбузы), люцерну, кунжутъ, хлопчатникъ, клещевину и проч., причемъ расходъ воды сокращается на половину. Въ началѣ сентября орошеніе прекращается и только озимые посѣвы

ячменя и пшеницы поливаютъ въ октябрѣ. Ячмень и пшеницу обыкновенно поливаютъ въ періодъ роста 3 раза, сады 6 разъ, виноградники отъ 2 до 3-хъ разъ и хлопчатникъ иногда до 5 разъ.

Сравнительно южное положеніе Кавказскаго края, расчлененіе поверхности его хребтами, поднимающимися до 5.700 метровъ надъ уровнемъ моря, на обособленныя, иногда почти замкнутыя области, направленіе Главнаго хребта, загораживающаго, подобно гигантской стѣнѣ, Закавказье отъ вліянія сѣверныхъ вѣтровъ, сосѣдство не замерзающихъ морей и раскаленныхъ въ теченіе лѣта стѣней—обуславливаютъ чрезвычайное разнообразіе климатическихъ условій этой страны. Помимо разнообразія, характерной чертой климата Кавказскаго края является увеличеніе колебаній температуры и уменьшеніе количества выпадающей влаги по мѣрѣ движенія съ запада на востокъ. Чѣмъ дальше отъ Чернаго моря, тѣмъ лѣтніе жары и зимніе холода интенсивнѣе, количество дождей, въ особенностъ лѣтомъ, уменьшается, снѣговая линія на горахъ повышается, и климатъ, въ общемъ, становится суше и континентальнѣе. Эта особенностъ выражена рѣзче всего въ Закавказьѣ, западная часть коего, находящаяся подъ вліяніемъ Чернаго моря и окаймленная горами, представляетъ существенное отличіе, въ этомъ отношеніи, отъ центральныхъ и восточныхъ степныхъ областей страны. Правильностъ этихъ измѣненій климата нѣсколько нарушается на берегахъ Каспійскаго моря, которые вообще теплѣе и въ особенностъ на крайнемъ юго-востокѣ Закавказья (Ленкорань), гдѣ на восточныхъ, обращенныхъ къ морю, склонахъ Талышинскихъ горъ выпадаетъ много дождя (1.188 мм.), но гдѣ всетаки разница между температурой наиболѣе теплаго и холоднаго мѣсяцевъ на нѣсколько градусовъ выше, чѣмъ, на примѣръ, въ Батумѣ. Разница эта выступаетъ еще рѣзче, если принять во вниманіе, что Ленкорань почти на 3° южнѣе Батума. Ниже приводятся главнѣйшія данныя относительно климата нѣкоторыхъ типичныхъ мѣстностей Кавказскаго края. Изъ нихъ Екатеринодаръ можетъ служить для характеристики степей Предкавказья, Владикавказъ—подгорной полосы Предкавказья. Батумъ—Западнаго Закавказья, Тифлисъ—центрального и Баку—восточнаго; климатическія условія Эривани и Карса характеризуютъ климатъ нагорій, на которыхъ расположены эти города.

	Высота надъ ур. моря въ метрахъ.	Средняя температура.			Разница между ср. темпер. сам. хол. и сам. те- плаго м.	Годовое количе- ство осадк. въ мил.
		Января.	Юля.	Года.		
Екатеринодаръ . .	90—	2,1	25,2	12,1	27,3	500
Владикавказъ . .	684—	5,2	20,7	10,1	25,9	826
Батумъ.	3	5,9	24,0	15	18,1	2.400
Тифлисъ	409	0,2	24,5	12,7	24,3	489
Баку.	—8	3,4	26	14,5	22,6	247
Эривань	994	7,7	24,7	11,3	32,4	344
Карсъ	1742—	16,2	17,3	3,8	33,5	456

Кавказскій край заключенъ между годовыми изотермами $+10^{\circ}$ и $+16^{\circ}$; первая изъ нихъ проходитъ по сѣверной его границѣ, а вторая касается южной. Климатъ степной части Предкавказья походитъ на климатъ южно-русскихъ степей съ тою лишь разницею, что онъ нѣсколько теплѣе вообще и, въ частности, на западѣ, въ бассейнѣ Кубани влажнѣе, чѣмъ на востокѣ по Тереку и Сулаку. Сѣверныя предгорья Кавказскаго хребта, въ особенности на западѣ и въ центрѣ страны, при болѣе прохладной температурѣ, обильно орошаются дождями съ мая по июль, что весьма благопріятно для земледѣлія. Закавказье, защищенное съ сѣвера Кавказскимъ хребтомъ, значительно теплѣе Сѣвернаго Кавказа; въ особенности мягкимъ климатомъ отличаются приморскія мѣстности западной его части. Средняя температура Батума равняется приблизительно средней температурѣ Ниццы и Лиссабона, причемъ въ самыя холодныя зимы температура здѣсь не опускается ниже $6-7^{\circ}$ нуля и то на короткое лишь время. Бываютъ годы, когда заморозковъ не бываетъ вовсе. Въ равнинныхъ частяхъ восточнаго Закавказья климатъ также довольно умѣренъ, хотя все-таки болѣе рѣзокъ, чѣмъ въ западномъ Закавказьѣ. Лѣто, жаркое повсюду на Кавказѣ, отличается наиболѣе возвышенной температурой именно въ этой части края; при безоблачномъ небѣ термометръ нерѣдко показываетъ до 40° въ тѣни. Даже въ Эривани, лежащей на высотѣ почти въ тысячу метровъ, температура лѣтомъ поднимается до 36° , а въ Карсѣ, расположенномъ почти вдвое выше, до 31° въ тѣни. Несмотря на сравнительно высокую температуру лѣтомъ, климатъ нагорной части Закавказья, въ общемъ, гораздо суровѣе, чѣмъ равнинной; въ наиболѣе возвышенной области Мала-

го Кавказа, между Эриванью, Карсомъ и Ардаганомъ, зима по суровости не уступаетъ среднимъ и даже сѣвернымъ губерніямъ Европейской Россіи; мѣстами выпадаютъ обильные снѣга, господствуютъ мятели и морозы достигаютъ болѣе 30° (Ардаганъ—35,4°, Карсъ—33,8°). Средняя годовая температура этихъ мѣстностей нѣсколько ниже годовой въ С.-Петербургѣ, лежащемъ почти на 20 градусовъ далѣе къ сѣверу. Распределение осадковъ въ предѣлахъ Кавказскаго края представляетъ еще болѣе разнообразіа, чѣмъ распределение температурныхъ условий, причемъ и въ этомъ отношеніи замѣчается извѣстная правильность: увеличеніе осадковъ по направленію къ горамъ и уменьшеніе ихъ съ запада на востокъ. На сѣверной степной окраинѣ края выпадаетъ не болѣе 300 милл. въ годъ; по среднему теченію Кубани и Терека осадки возрастаютъ до 400—500 милл., а на предгорьяхъ до 950 милл., въ то же время съ удаленіемъ отъ Чернаго моря они становятся все скуднѣе и скуднѣе. Западное Закавказье, какъ уже было указано, отличается обиліемъ дождей, выпадающихъ здѣсь преимущественно осенью и зимой въ количествѣ 1—2½ метровъ. Батумъ въ этой части Закавказья является не только самымъ дождливымъ мѣстомъ въ Россіи, но и не уступаетъ самымъ дождливымъ мѣстностямъ въ Европѣ у южной подошвы Альпъ. Здѣсь иногда въ сутки выпадаетъ значительно больше, чѣмъ въ Баку за цѣлый годъ, а въ трое сутокъ (1885 годъ) около 80% годового количества дождя въ Парижѣ. Въ центральномъ Закавказьѣ и далѣе на востокъ осадки сильно уменьшаются: въ Тифлисѣ выпадаетъ 490 м., въ Елисаветполѣ—260 м., въ Баку—250 м., и, наконецъ, въ Аралыхъ (у подошвы Арарата), мѣстности наиболѣе бѣдной осадками, всего 158 м., т. е. въ 16 разъ менѣе, чѣмъ въ Батумѣ. Нагорья орошаются нѣсколько лучше; здѣсь выпадаетъ отъ 350 до 660 миллиметровъ. У восточной подошвы Талышинскихъ горъ, въ Ленкорани, количество осадковъ (1.188 м.) снова увеличивается и эта мѣстность по своей природѣ напоминаетъ западное Закавказье.

Высокая лѣтняя температура, наблюдающаяся въ большинствѣ мѣстностей Кавказскаго края, въ связи съ роскошной во многихъ мѣстахъ растительностью, обильными осадками и существованіемъ болотъ (рисовые посѣвы, камыши) и пр. создаютъ благопріятныя условія для возникновенія малярійныхъ лихорадокъ, распространенныхъ почти повсемѣстно въ низменныхъ мѣстностяхъ края и наблюдающихся даже на высотѣ 1 тыс. метровъ надъ уровнемъ моря. Въ особенности сильны и часты лихорадки на Черноморскомъ побережьи и въ окрестностяхъ ри-

совыхъ полей въ восточномъ Закавказьѣ, гдѣ заболѣванія ими принимаютъ очень тяжелыя формы. Изъ другихъ болѣзней можно указать на существующую кое-гдѣ проказу, зобъ и кретицизмъ въ высокогорныхъ мѣстностяхъ и годовикъ (Алепскій прыщъ), эндемическій въ гор. Елисаветполѣ.

Растительность Кавказскаго края столь же разнообразна, какъ разнообразны его рельефъ и климатическія условія. Переходы отъ теплыхъ и влажныхъ низменностей къ холоднымъ нагоріямъ съ скуднымъ количествомъ дождей и отъ сухихъ степныхъ и солонцеватыхъ пространствъ, страдающихъ отъ недостатка влаги, къ высокимъ вершинамъ, поднимающимся далеко въ снѣжную область, обуславливаютъ не только разнообразіе растительныхъ формъ, но и различную группировку ихъ въ формации въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края. Равнинныя области Предкавказья, являясь, въ отношеніи своей растительности, непосредственнымъ продолженіемъ степей юго-восточной Россіи, представляютъ ровныя или волнистыя пространства, здѣсь и тамъ прорѣзанныя лощинами стоковъ и балками; онѣ покрыты степными травами, среди коихъ преобладаютъ ковыль (*Stipa*) и другіе виды степныхъ злаковъ (*Festuca* и пр.), полынь, нѣкоторыя губоцвѣтныя, солянковыя и бобовыя и т. п. Скудная древесная флора ютится по берегамъ рѣкъ и въ глубокихъ балкахъ, гдѣ имѣется болѣе влажности и защита отъ вѣтровъ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ видовъ небольшихъ деревьевъ и кустарниковъ. Въ низовьяхъ рѣкъ обильно растутъ камыши. Весной, послѣ таянія снѣговъ и съ наступленіемъ тепла, степи зеленѣютъ нѣжными травами, среди коихъ развиваются многочисленные цвѣты. Тюльпаны, піоны, шафранъ, ирисы и другія луковичныя растенія покрываютъ степь яркимъ ковромъ цвѣтовъ, но уже съ половины мая цвѣты и нѣжныя травы засыхаютъ, на мѣсто ихъ развиваются грубыя степныя травы и степь постоянно принимаетъ тусклый сѣроватый колоритъ, оживляемый лишь мѣстами серебристыми полосами султановъ ковыля. Съ наступленіемъ осеннихъ дождей степь, хотя и на короткое время, снова зеленѣетъ.

Тотъ же, приблизительно, характеръ имѣетъ растительность степей восточнаго Закавказья, съ тою лишь разницею, что въ составъ ея входятъ новыя формы (каперсы, астрагалы, *Peganum Harmala*, лакричникъ, тамарискъ, *Gypsophila*, *Alhagi camelorum*, *Nitraria Schoberi* и пр.), среди коихъ различные виды полыни и представителей семейства *Chenopodiaceae* и *Salsolaceae* занимаютъ видное мѣсто. Вслѣдствіе ранняго наступленія жаровъ весной и мягкости зимъ весенній расцвѣтъ растительности здѣсь

короче, а осенній значительно длиннѣе, чѣмъ въ Предкавказьѣ. Съ выпаденіемъ осеннихъ дождей, закавказскія степи покрываются вновь сравнительно нѣжными травами, которыя въ болѣе теплыхъ мѣстахъ зеленѣютъ почти всю зиму, давая кормъ многочисленнымъ стадамъ полукочевыхъ скотоводовъ.

Сѣверные склоны Главнаго Кавказскаго хребта покрыты лѣсной растительностью, которая въ особенности роскошна на западѣ въ бассейнѣ Кубани. Здѣсь, въ мало доступныхъ мѣстностяхъ, сохранились до сихъ поръ великолѣпныя насаждения бука, дуба, граба, клена, липы, вяза, яблони, груши, сосны, восточной ели, кавказской пихты (*Abies Nordmanniana*) и проч. Внутреннія части Дагестана, вслѣдствіе скудости осадковъ, бѣдны лѣсами. Лѣса на хребтѣ идутъ до $2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ тыс. метр.; выше ихъ прелѣла горы поросли кавказскимъ рододендромъ, азаліей (*Azalea pontica*) и другими мелкими кустарниками, надъ которыми до снѣжныхъ полей разстилаются горные луга, нерѣдко покрытые роскошными травами. Южный склонъ Кавказскаго хребта, покрытый въ большинствѣ также лѣсами, представляетъ наибольшее разнообразіе въ составѣ растительности на западѣ, гдѣ появляются многія формы, свойственныя своеобразной флорѣ западнаго Закавказья. Эта часть Кавказа, напоминающая Японію по теплomu климату и обилію осадковъ, представляетъ въ сущности, за исключеніемъ культурныхъ пространствъ, первобытные лѣса, опутанные дикимъ виноградомъ и другими ліанами, растущіе иногда на болотистой почвѣ, а потому почти непроходимые. Лѣса эти, являющіеся по своему характеру отголосками отдаленной третичной эпохи, состоятъ изъ множества широколиственныхъ, частью вѣчнозеленыхъ, формъ, пышно развивающихся въ особенности на предгоріяхъ и склонахъ горъ. Букъ, съѣдобный каштанъ, грабъ, нѣсколько видовъ дубовъ, клены, ольха, *Zelcowa crenata*, *Pterocarya caucasica*, *Phyllirea Vilmoriniana*, *Buxus sempervirens*, лавръ, лавровишня (*Prunus laurocerasus*), три вида рододендровъ, азалія, *Ficus carica*, *Diospyros lotus*, *Ilex*, *Vaccinium arctostaphylos*, *Arbutus andrachne*, *Daphne pontica*, ель, пихта, пинія (*Pinus pinea*) и десятки другихъ формъ, перевитыя виноградными лозами, толщиною въ руку, плющами, различными видами *Clematis*, *Periploca graeca*, *Smilax* и др., образуютъ непроходимыя чащи, въ нѣдрахъ коихъ царствуютъ вѣчный мракъ и сырость. Характерной принадлежностью ландшафта Колхиды являются также заросли огромныхъ папоротниковъ, колючей ежевики (*Rubus fruticosus*) и бузины (*Sambucus Ebulus*); борьба съ этими зарослями, истребленіе коихъ весьма затруднительно, составляетъ

непрерывную заботу земледѣльца въ этой части Кавказскаго края. По ту сторону горъ, преграждающихъ путь влажнымъ вѣтрамъ съ Чернаго моря, флора уже не представляетъ той роскоши развитія; многія формы, въ особенности вѣчнозеленыя, исчезаютъ и замѣняются другими. Пихта и ель не растутъ восточнѣе Тифлиса, сосна—Елисаветполя, а букъ замѣняется различными видами дубовъ. Лѣса встрѣчаются здѣсь лишь на склонахъ горъ, окаймляющихъ нагорья, такъ какъ и послѣднія, и низменные равнины обыкновенно безлѣсны. Изъ характерныхъ растений этой области можно назвать дубы, грецкій орѣхъ, мелколистный кленъ, восточный грабъ (*Carpinus orientalis*), древовидные можжевельники (*Juniperus excelsa, foetidissima*), тамариски, фисташки (*Pistacia mutica*), *Eleagnus*, тополи, *Celtis*, *Paliurus aculeatus*, *Zizyphus*, многочисленные астрагалы, *Acantholimon* и пр. Сосна въ юго-западной части Карсской области, на границѣ съ Турціей, образуетъ обширные лѣса и поднимается до 2.800 метр. надъ уровнемъ моря. Особый типъ растительности, нѣсколько напоминающій колхидскую флору, но съ примѣсью персидскихъ формъ и почти безъ вѣчнозеленыхъ деревьевъ, представляетъ восточный склонъ Талышинскихъ горъ. Въ лѣсахъ здѣсь растутъ: каштанolistный дубъ, платанъ, *Parrotia persica*, *Acacia Julibrissin*, *Gleditschia caspica*, *Alnus cordifolia* и снова появляются: *Zolcowa crenata*, *Pterocarya caucasica*, папоротники, заросли колючей ежевики и проч.

Растительность нагорій состоитъ преимущественно изъ травянистыхъ растений съ примѣсью значительнаго количества колючихъ астрагаловъ, душистыхъ губоцвѣтныхъ, сложноцвѣтныхъ, *Xanthium spinosum*, *Peganum Harmala* и другихъ степныхъ травъ.

Въ фаунистическомъ отношеніи Кавказъ представляетъ большой интересъ; въ этой странѣ сталкиваются двѣ фауны: одна кавказская, близкая къ средиземноморской и среднеазиатской, а другая пришлая, состоящая изъ представителей болѣе сѣверныхъ странъ, занявшихъ Кавказъ въ ледниковый періодъ. Степныя пространства Предкавказья являются продолженіемъ южно-русскихъ степей съ ихъ характерными грызунами и другими степными животными. Въ намышахъ по рѣкамъ очень обыкновенны кабаны, а въ заросляхъ фазаны (*Phasianus colchicus*), распространенные, впрочемъ, по всему Кавказу. Въ ущельяхъ Главнаго Кавказскаго хребта живетъ вымирающій зубръ (*Bison europaeus*, въ верховьяхъ Кубани), рѣчной бобръ, серны и туры (*Capra caucasica*, *Capella rupicapra*, *Ovis cyclocer-*

gos) олени, множество бурыхъ медвѣдей, кавказскій тетеревъ, (Tetrao Mlokosiewiczii), горная индѣйка (Megaloperdix caucasica), ягнятникъ (Gypaetus barbatus), орлы, грифы и пр. Фауна степей Закавказья, въ общемъ, сходна съ Предкавказской, съ тою лишь разницею, что здѣсь встрѣчаются нѣкоторые виды, характерные для среднеазиатскихъ пустынь; мелкіе грызуны нерѣдко размножаются въ огромномъ количествѣ и причиняютъ сильныя опустошенія дикой и культурной растительности (Муганская степь). Изъ животныхъ, характерныхъ для Закавказья, можно назвать: кабана и бураго медвѣдя, причиняющихъ мѣстами большой вредъ посѣвамъ, шакала, гіену, дикобраза, рысь, барса, тигра (Ленкоранскій уѣздъ, Бакинской губерніи), Antilope subgutturosa и т. п. Изъ птицъ замѣчательны: розовый скворецъ, истребляющій саранчу, персидскій соловей (Luscinia Hafizi), голубой дроздъ, турачъ (Attagen francolinus), горная куропатка, фазанъ и проч. Изъ насѣкомыхъ въ Закавказьѣ очень часто встрѣчается тарантулы, скорпіоны и фаланги, а также множество комаровъ и москитовъ, лѣтомъ отравляющихъ существованіе во многихъ мѣстностяхъ восточнаго Закавказья.

Съ этнографической точки зрѣнія Кавказскій край еще болѣе интересенъ и едва-ли какая-либо мѣстность на земномъ шарѣ можетъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Нигдѣ на такомъ, сравнительно небольшомъ, пространствѣ не скучено столько разноплеменныхъ и разноязычныхъ народовъ, изъ коихъ многіе нигдѣ не встрѣчаются, кромѣ Кавказа. Въ теченіе многихъ вѣковъ Кавказскій перешеекъ, а въ особенности Кавказскія горы, служили убѣжищемъ для племенъ, тѣснимыхъ съ сѣвера и съ юга другими, болѣе сильными. Загнанные невзгодами въ нѣдра горъ, племена эти осѣдали и группировались у подошвы Кавказскаго хребта, ассимилировали существовавшее тамъ населеніе и, такимъ образомъ, въ теченіе тысячелѣтій образовалась та пестрая мозаика народностей, которую мы видимъ нынѣ въ предѣлахъ края. Первобытные обитатели Кавказскаго края намъ неизвѣстны; древнѣйшія наслоенія его населенія почти совершенно сглажены временемъ и историческими событіями и только сравнительно недавнія измѣненія въ составѣ жителей этой страны, не прекратившіяся и по нынѣ, могутъ быть болѣе или менѣе точно отмѣчены. Послѣднія значительныя перемѣны въ этнографическомъ составѣ населенія Кавказа имѣли мѣсто сравнительно недавно, когда, подъ влияніемъ замиренія страны и присоединенія новыхъ областей, въ предѣлы края постѣдовалъ усиленный приливъ русскихъ, произошло пе-

реселеніе грековъ, армянъ и выселеніе западно-горскихъ народовъ или такъ называемыхъ черкесовъ въ Турцію. Ближайшее ознакомленіе съ Кавказомъ показало, что населеніе его далеко не такъ многоязычно, какъ полагали древніе писатели, но что оно всетаки обнимаетъ не менѣе 40—50 народностей, изъ коихъ многія существуютъ только на Кавказѣ и называются поэтому кавказскими народами. Изученіе этихъ народностей, представляющихъ выдающійся интересъ въ отношеніи языка, нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, мировоззрѣній, быта и пр., едва только затронуто и ближайшія изслѣдованія въ этой области обѣщаютъ богатѣйшіе результаты.

Изъ этой массы народовъ, населяющихъ Кавказскій край, далеко не всѣ имѣютъ одинаковое значеніе въ экономическомъ строѣ этой страны. Нѣкоторые изъ нихъ, крайне малочисленные, обитающіе въ трудно доступныхъ горахъ и ущельяхъ и часто не понимающіе своихъ сосѣдей, живутъ совершенно обособленно, а иногда, вслѣдствіе бѣдности занимаемой ими страны, еле влачатъ свое существованіе; другіе, занимающіе значительныя области, пригодныя для земледѣлія, скотоводства, садоводства и проч., болѣе или менѣе дѣятельно занимаются различными отраслями народнаго труда и участвуютъ въ обмѣнѣ его произведеній.

Все населеніе Кавказа, не включая въ него Ставропольскую губернію, составляетъ, по всеобщей переписи 1897 г., 8.372.000 жителей обоого пола (по 20 жителей на 1 квад. кл.).

Русскіе, составляя около 25% всего населенія края, занимаютъ сплошныя и значительныя пространства только въ Кубанской и Терской областяхъ Предкавказья и отчасти въ Черноморской губерніи: въ Закавказьѣ они живутъ разбросанно среди инородцевъ, составляя мѣстами (Эриванская, Кутаисская губерніи и пр.) едва замѣтную примѣсь къ туземному населенію. Впрочемъ, кое-гдѣ и въ Закавказьѣ (Тифлисская губ. и Карсская область) имѣются довольно значительныя русскія сельскія поселенія. Русская колонизація, начинавшаяся еще въ 1567 году постройкой, на рукавѣ р. Терека, крѣпости Терки, съ теченіемъ времени охватила все Предкавказье, занятое нынѣ, въ особенности въ западной и центральной частяхъ, почти сплошной массой русскаго населенія. Помимо кубанскихъ и терскихъ казаковъ, составляющихъ значительную часть населенія Кубанской и Терской областей, здѣсь живетъ очень много переселенцевъ изъ южной Россіи. Что же касается русскихъ поселеній по ту сторону Кавказскихъ горъ, возникшихъ лишь око-

ло 1835 г., то большинство ихъ образовано сектантами (духоборы, молокане, субботники и пр.). Русскіе занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ, скотоводствомъ и садоводствомъ, а также составляютъ довольно замѣтную часть городского населенія, состоя на службѣ въ войскахъ, администраціи и пр.

Армяне, живущіе преимущественно въ Эриванской, Елисаветпольской и Тифлисской губерніяхъ, но встрѣчающіеся во всѣхъ частяхъ Кавказскаго края, составляютъ около $12\frac{1}{2}\%$ всего населенія. Благодаря своей предприимчивости и склонности къ торговлѣ, армяне, живущіе въ городахъ, сосредоточили въ своихъ рукахъ большую часть промышленности и торговли всего края, значительная часть населенія коего находится отъ нихъ въ зависимости. Сельское армянское населеніе занимается главнымъ образомъ земледѣліемъ. Національное чувство армянъ развито весьма значительно и поддерживается религіей, главою коей (католикосъ) живетъ въ Эчміадзинѣ, недалеко отъ Ара-рата и г. Эривани.

Грузины въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всѣ картвельскіе народы (грузины, имеретины, гурійцы, мингрельцы, лазы, сванеты, тушины, пшавы, хевсуры, аджарцы и проч.) занимаютъ почти всю Кутаисскую губернію и большую часть Тифлисской, составляя въ общемъ около $15\frac{1}{2}\%$ всего населенія Кавказскаго края. Большая часть грузинскихъ народностей исповѣдуетъ православіе и занимается хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, винодѣліемъ, шелководствомъ и отчасти ремеслами; торговой и промышленной дѣятельностью грузины, за исключеніемъ имеретинъ, населяющихъ восточную часть Кутаисской губерніи, почти вовсе не занимаются.

Значительную, а мѣстами и главную составную часть населенія восточнаго Закавказья, составляютъ татары, живущіе преимущественно въ Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и отчасти въ Тифлисской губерніяхъ. Исповѣдывая исламъ (большая часть шіиты, меньшая—сунниты) и составляя, въ общемъ, до 15% всего населенія края, татары раздѣляются, по образу жизни, на осѣдлыхъ—земледѣльцевъ и полукочевыхъ—скотоводовъ; послѣдніе, занимаясь въ обширныхъ размѣрахъ скотоводствомъ, ежегодно совершаютъ со своими стадами перекочевки: весной въ горы съ низменностей, а осенью обратно. Закавказскіе полукочевые татары, отличаясь грубыми нравами, являются вмѣстѣ съ курдами (до $1,3\%$, въ Эриванской и Елисаветпольской губерніяхъ, въ Карсской области и пр.), самымъ безпокойнымъ элементомъ въ краѣ и склонны къ воровству.

грабежамъ и разбоямъ. Нравы осѣдлыхъ татаръ, а въ особенности городского населенія, значительно мягче и носятъ слѣды сильнаго персидскаго вліянія.

Весьма своеобразной и довольно крупной по численности (до 10% всего населенія Кавказскаго края) является, такъ называемая, восточно-горская группа кавказскихъ народностей, обитающая въ южной части Терской области, въ Дагестанѣ и отчасти на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Къ ней относятся: чеченцы, кистины, ингуши, многочисленные горцы Дагестана (лезгины) и удины. Суровая природа (трудно доступныя ущелья, скалистыя горы, дремучіе лѣса и проч.), бѣдность и обособленность обитаемыхъ этими народами странъ глубоко отразились на ихъ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ и выработали въ нихъ воздержанность, воинственность и любовь къ свободѣ. Огромное большинство этихъ народностей—магометане-сунниты. Они занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ, ремеслами, но вслѣдствіе уединеннаго положенія ихъ мѣстообитанія, стоятъ въ сторонѣ отъ общественной и экономической жизни Кавказскаго края. Не менѣе интереса представляетъ западно-горская группа народовъ (абхазцы, кабардинцы и пр.), живущихъ (въ количествѣ около 2,8% всего населенія) въ Кубанской и Терской областяхъ, въ Черноморской и въ Кутаисской губерніяхъ, занимающихся земледѣліемъ и скотоводствомъ и исповѣдывающихъ исламъ. Центральную часть Главнаго Кавказскаго хребта занимаютъ осетины (2,1%), одинъ изъ наиболѣе изученныхъ народовъ Кавказа; они населяютъ бѣдную гористую страну, исповѣдуютъ исламъ и православіе и занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Изъ остальныхъ народовъ можно указать на кочевниковъ-ногайцевъ (Терская область), земледѣльцевъ-кумыковъ (Терская и Дагестанская области), татовъ, турокъ-османовъ, туркменъ, карапаховъ, грековъ, айсоровъ, евреевъ, цыганъ, нѣмецкихъ колонистовъ и проч.; большинство ихъ занимается различными отраслями сельскаго хозяйства.

Въ отношеніи религіи большая половина населенія Кавказскаго края, какъ видно изъ изложеннаго,—христіане, а именно православные, меньшая—мусульмане; небольшая часть жителей исповѣдуетъ іудейство (евреи), а еще меньшая—язычество (курды-іезиды и проч.).

По образу жизни, значительное большинство населенія относится къ осѣдлому. Кочевые народы (ногайцы) обитаютъ въ степныхъ мѣстностяхъ Предкавказья, живутъ въ палаткахъ и занимаются почти исключительно скотоводствомъ, а полукоче-

вые, мѣняющіе мѣсто своего обитанія въ зависимости отъ времени года и состоянія кормовъ для скота, живутъ въ восточной и въ центральной частяхъ Закавказья и ведутъ преимущественно скотоводческое хозяйство (часть татаръ, курды); часть этихъ народовъ круглый годъ проводитъ въ шатрахъ. Что касается осѣдлыхъ жителей, то огромное большинство ихъ занимается различными отраслями земледѣльческаго труда.

Большая часть населенія Кавказскаго края занимаетъ сравнительно низменные части страны, примѣрно до высоты 1,000 метровъ надъ уровнемъ моря; тѣмъ не менѣе многочисленныя поселенія и даже города (Карсъ, Ардаганъ) встрѣчаются на высотахъ почти вдвое большихъ, высочайшее же жилище человека (сел. Курушъ въ Дагестанѣ) на Кавказѣ находится на высотѣ 2.550 метровъ надъ уровнемъ моря, т. е. болѣе чѣмъ на 500 метровъ выше, чѣмъ въ Альпахъ.

2) Земледѣліе и его условія. Садоводство. Виноградарство и винодѣліе. Шелководство. Скотоводство.

Кавказъ—страна преимущественно земледѣльческая. До настоящаго времени, въ огромномъ большинствѣ мѣстностей Кавказскаго края, промышленность развита слабо и земледѣліе является главнымъ источникомъ народнаго благосостоянія. Какъ обширныя равнинныя и подгорныя мѣстности Предкавказья, такъ плодородной, во многихъ мѣстахъ черноземной почвой, такъ и большинство районовъ Закавказья, съ весьма разнообразнымъ по своему составу и происхожденію почвами, представляютъ благодаря мягкому климату и достаточному количеству выпадающей влаги, условія вполне благоприятныя для производства весьма разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Лишь низменности восточнаго Закавказья, гдѣ дождей выпадаетъ недостаточно, поставлены въ необходимость вести ирригаціонное хозяйство, и потому въ этой части края упорядоченіе существующихъ ирригаціонныхъ системъ и устройство новыхъ имѣетъ важное востепенное значеніе.

Производство хлѣбныхъ растений является почти повсемѣстно на Кавказѣ главнѣйшей отраслью сельскаго хозяйства, несмотря на то, что во многихъ мѣстностяхъ края климатическія другія условія вполне благоприятствуютъ развитію иныхъ, весьма разнообразныхъ культуръ. Культуры эти, представляя важное значеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья, почти совершенно исчезаютъ на Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ по-

тно, за немногими исключениями, на первомъ планѣ стоитъ веденіе хлѣбныхъ злаковъ.

Въ предѣлахъ Кавказскаго края, столь разнообразнаго въ личныхъ своихъ частяхъ по климатическимъ, почвеннымъ и номическимъ условіямъ, естественно ожидать весьма большо-разнообразія въ системахъ и способахъ веденія зяѣства. Дѣйствительно, системы эти не только различаютъ въ различныхъ частяхъ, областяхъ и губерніяхъ края, но весьма часто даже въ одной и той же мѣстности, чаще всего въ зависимости отъ высоты ея надъ уровнемъ моря, представляютъ существенныя отличія.

Степныя и предгорныя пространства Предкавказья, вслѣдствіе обилія земли и сравнительно рѣдкаго населенія, до настоящаго времени, въ большинствѣ случаевъ, являются мѣстностями гдѣ преобладаетъ залежная, а кое-гдѣ на лѣсистыхъ предгоріяхъ и лѣсопольная система. Значительно менѣе распространено трехпольное и еще болѣе рѣдко при культурѣ табака, масличныхъ растений и т. п., встрѣчаются болѣе производительныя и совершенныя системы. Удобреніе полей, въ виду естественнаго богатства почвы, встрѣчается весьма рѣдко.

Закавказье, въ отношеніи системъ и способовъ веденія землѣлія, какъ и въ отношеніи климатическихъ условій, распадается на двѣ части: западную и восточную. Обиліе лѣсовъ, важное значеніе и широкое развитіе садовыхъ культуръ (виноградарство), почти полное отсутствіе пастбищной и выгонной земли, вслѣдствіе быстрого заростанія ея растительностью, и весьма большое количество пахотныхъ и вообще обработанныхъ земель въ крестьянскомъ надѣлѣ являются характерными чертами западнаго Закавказья. Въ низменныхъ мѣстностяхъ, затопляемыхъ разливами рѣкъ и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени пользующихся возвратомъ питательныхъ веществъ, извлекаемыхъ изъ почвы посѣвами, изъ года въ годъ на томъ же полѣ воздѣлывается одно и то же растение (обыкновенно кукуруза); иногда, вмѣстѣ съ кукурузой, сѣются и другіе хлѣба (пшеница и т. п.), между которыми устанавливается болѣе или менѣе правильное чередованіе, но всѣ они, занимая ничтожную часть пашни, не нарушаютъ характерной черты мѣстнаго полеводства, въ которомъ воздѣлывается кукуруза. Удобреніе въ такихъ низменныхъ мѣстностяхъ практикуется весьма рѣдко и касается лишь ближайшихъ, болѣе доступныхъ участковъ. Истощенная продолжительнымъ пользованіемъ земля оставляется, на болѣе или менѣе продолжительное время, въ парѣ. Вся остальная часть западнаго Закавказья

казья представляет въ отношеніи системъ земледѣлія значительное разнообразіе; здѣсь встрѣчается множество переходовъ отъ господствовавшей въ прежнее время и сохранившейся мѣстами до сихъ поръ лѣсопольной системы къ однопольной, трехпольной, зерновой съ удобреніемъ и безъ него и, наконецъ, къ многопольной съ посѣвомъ кормовыхъ травъ (кукуруза, райграсъ *Lolium perenne* и т. п.). Наиболѣе распространеннымъ средствомъ возстановленія плодородія почвы является ея отдыхъ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда скота имѣется достаточно, — удобреніе хлѣвнымъ навозомъ. Мѣстами, въ теплыхъ низменностяхъ, чаще всего въ случаѣ недостатка земли, на одномъ и томъ же полѣ производятся два посѣва въ лѣто; такъ, послѣ уборки ячменя или пшеницы, около половины іюня, сѣютъ кукурузу, которая въ такомъ случаѣ нерѣдко (смотря по высотѣ мѣстности) не созреваетъ и даетъ только зеленый кормъ и солому. Иногда, послѣ уборки посѣяннаго весной ячменя сѣютъ кукурузу, послѣ которой засѣваютъ озимую пшеницу; на слѣдующій годъ послѣ уборки озимой пшеницы сѣютъ сейчасъ же кукурузу, которая обыкновенно созреваетъ.

Восточное Закавказье, въ отношеніи системъ и условій земледѣлія, сильно отличается отъ западнаго. Весьма небольшое пространство лѣсовъ, значительный процентъ пахотныхъ земель (по отношенію ко всей культурной площади) и небольшой — дождь, довольно обширныя пастбища и, наконецъ, почти полное отсутствіе мѣстное существованіе меньшаго или большаго пространства поливныхъ земель — являются наиболѣе характерными чертами восточнаго Закавказья. Въ низменной части восточнаго Закавказья, гдѣ культуры ведутся только при помощи искусственнаго орошенія, весь строй земледѣлія опредѣляется размѣрами поливныхъ средствъ данной мѣстности. Если ирригаціонная вода имѣется въ изобиліи въ теченіе всего растительнаго періода, то обыкновенно разводятся сады, огороды, рисъ, а также цѣнные промышленныя растения (хлопокъ, кунжутъ, табакъ и т. п.); если водой для орошенія полей можно располагать только осенью и весной, то земледѣльцу приходится ограничиваться культурой остальныхъ культур (риса) хлѣбовъ и то только на такомъ пространствѣ, на которое хватаетъ воды. Мѣстами, гдѣ воды довольно, а земли мало, послѣ уборки ячменя и пшеницы, поливные участки тоже обращаются подъ посѣвы дынь, арбузовъ и огороды. Наиболѣе характерными растениями разсматриваемаго района являются рисъ и пшеница, затѣмъ указанная промышленная кукуруза и, наконецъ, мѣстами, посѣвы кормовыхъ травъ (люцер-

парцета). При обилии оросительныхъ средствъ, посѣвы въ течение нѣсколькихъ, а иногда многихъ лѣтъ производятся на одномъ и томъ же мѣстѣ, причемъ возстановленіе плодородія почвы совершается или путемъ орошенія, или культурой многолетнихъ кормовыхъ травъ (люцерна) или, наконецъ, удобреніемъ навозомъ или золой, оставшейся послѣ его сжиганія (на плыво). Въ тѣхъ же низменныхъ орошаемыхъ мѣстностяхъ, гдѣ вода имѣется въ достаточномъ количествѣ только весной и лѣтнемъ, преобладаютъ различныя формы зерновой и залежной системъ, въ зависимости отъ количества поливной воды; если во время указанныхъ временъ года достаточно, то хлѣба (пшеница) и высѣваются ежегодно на однихъ и тѣхъ же участкахъ, или только въ течение нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего земля отдыхаетъ годъ или два; если же воды мало, то значительная часть полей периодически отдыхаетъ болѣе продолжительное время. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ количества воды, эксплуатируется меньшая или большая часть поля, часть котораго остается подъ паромъ и подъ залежъ не ради возстановленія плодородія, а вслѣдствіе недостатка воды. Приблизительно тѣ же условія земледѣлія существуютъ въ низовьяхъ рѣки Куры на затапливаемыхъ разливомъ мѣстахъ; при затопленіи такіе мѣста ежегодно засѣваются, въ противномъ случаѣ они оставляются подъ стѣпной травой или служатъ покосомъ.

На неполивныхъ земляхъ восточнаго Закавказья системы хозяйства являются, въ большинствѣ мѣстностей, въ нѣсколькихъ формахъ: залежной, выгонной, зерновой и травяной. Залежная система распространена во многихъ мѣстностяхъ, обуславливаясь какъ многоземельемъ, такъ и неблагоприятными почвенными условіями; тѣмъ не менѣе она почти вездѣ уже замѣняется различными формами зерновой системы и слѣдовательно теряетъ свой вѣкъ. Различныя формы залежной системы различаются срокомъ отдыха земли и продолжительностью непрерывнаго пользованія ею. Лѣсопольное хозяйство, въ виду небольшой площади лѣсовъ, распространено лишь кое-гдѣ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Бакинской губ. Выгонная система хозяйства распространена въ нагорной части страны тамъ, гдѣ еще возможна культура хлѣбовъ и гдѣ, при обилии выпадающей влаги, отдыхаетъ часть поля быстро покрывается хорошей травой. Зерновая система, замѣнившая въ большинствѣ случаевъ залежную и потому имѣющая весьма широкое распространеніе въ восточномъ Закавказьѣ, представляется въ весьма разнообразныхъ формахъ; здѣсь можно встрѣтить, въ зависимости отъ различныхъ

условій, одно, двухъ, трехъ и много-польную зерновую систему, съ навознымъ удобреніемъ и чернымъ паромъ или безъ нихъ, улучшенную травостѣянiемъ, или же, наконецъ, безъ онаго. Въ нѣкоторыхъ русскихъ селеніяхъ Тифлискаго уѣзда, расположенныхъ на возвышенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ культура хлѣбовъ подвержена случайностямъ, жители вовсе не занимаются хлѣбопашествомъ и обращаютъ всю землю въ сѣнокосы; урожаи съна обыкновенно получаютъ хорошіе и, при обезпеченномъ сбытѣ его, такая травяная система хозяйства является наиболѣе выгодной и цѣлесообразной.

Переходя къ обзору техники земледѣлія, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что усовершенствованныя земледѣльческія орудія (плуги, косилки, жнеи, молотилки и т. п.), получившія уже довольно широкое распространеніе въ Предкавказьѣ (преимущественно въ Кубанской области), встрѣчаются, пока, какъ исключеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья, и то почти исключительно въ видѣ плуговъ, которыми пахутъ мѣстами преимущественно русскіе, нѣмцы-колонисты и значительно рѣже—туземцы. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, обработка почвы и въ особенности уборка и молотьба хлѣбовъ производятся у туземцевъ Закавказья мѣстными громоздкими и иногда крайне примитивнаго устройства орудіями. При обработкѣ почвы въ Закавказьѣ употребляется чаще всего весьма разнообразнаго устройства соха и тяжелый туземный плугъ (для подъема почвы и глубокой пахоты). Туземный (грузинскій) плугъ представляетъ весьма громоздкое, дорогое и тяжелое орудіе, работающее неудовлетворительно и требующее огромной рабочей силы; для вспашки такимъ плугомъ приходится впрягать, въ зависимости отъ почвы и другихъ причинъ, отъ трехъ до 12 паръ быковъ или буйволовъ (русскіе поселенцы пахутъ иногда на лошадяхъ). Естественно, что только рѣдкій земледѣлецъ-крестьянинъ имѣетъ возможность снарядить плужную запряжку, огромное же большинство крестьянъ вынуждено для этой цѣли образовать особыя артели или товарищества, члены которыхъ такъ или иначе участвуютъ въ дѣлѣ снаряженія плуга для пахоты; одинъ изъ членовъ даетъ плугъ, другой—скотъ, третій—упряжь, четвертый, не имѣющій вовсе скота, является погонщикомъ и т. п. Иногда случается, что полного плуга никто изъ членовъ выставить не въ состояніи; тогда лемехъ доставляетъ одинъ хозяинъ, ножъ—другой, деревянные части—третій, и т. п. Такое товарищество формируется на определенное число дней, въ теченіе коихъ, на извѣстныхъ, установленномъ

обычаемъ основаніяхъ, поочередно пашутся участки члестелы, которая послѣ окончанія срока распадается. Для глыбнаго разрыхленія почвы и заѣлки сѣмянъ употреблены различные виды боронъ и волокушъ, состоящихъ изъ обыкновенной доски, поставленной ребромъ и приводимыя въ движеніе животными. Въ гористыхъ мѣстностяхъ и повсемѣстно въ Кутаисской губерніи распространена ручка, которой пропалываются посѣвы, обрабатываются и даже поля, если для другихъ орудій, приводимыхъ въ движеніе силой животныхъ, они не доступны. Способы обработки почвы весьма разнообразны и въ общемъ, несмотря на незначительное количество затрачиваемаго труда, не удовлетворительны, въ значительной степени, объясняется несовершенствомъ пахотныхъ орудій. Вспаха поля, на тяжелыхъ почвахъ, при подъемѣ цѣлины или залежи, производится туземнымъ плугомъ, а на поливныхъ земляхъ и, при обработкѣ болѣе легкихъ почвъ,— разнообразнаго сохой.

Сборка полевыхъ растений производится въ Закавказьѣ обыкновенно серпами (чаще съ гладкимъ лезвиемъ) и рѣже конышами. Иногда хлѣбъ выдергивается руками. Для перевозки урожая употребляется обыкновенно арба (двухколесная телега), а въ гористыхъ мѣстностяхъ и сани; по плохимъ горнымъ тропинкамъ всего перевозятъ хлѣбъ на вьюкахъ, а въ мѣстностяхъ совершенно недоступныхъ для скота, земледѣльцы при перевозкѣ весь урожай на себѣ, иногда цѣною большихъ усилий и труда.

Молотьба хлѣба въ большинствѣ мѣстностей Закавказья производится на току, устраиваемомъ на полѣ или передъ домомъ посредствомъ особаго первобытнаго орудія—молотильной доски. Молотильная доска имѣетъ продолговатую форму и съ одного конца загнута вверхъ, на подобіе саней; нижняя сторона ее усажена въ нѣсколько рядовъ острыми кусочками камня. При молотьбѣ, къ приподнятому концу доски запрягаются лошади или буйволы, которые таскаютъ ее по разнотравью на току снопамъ, причемъ острыми камнями выбиваютъ зерно изъ колосьевъ. На доску, для увеличенія ея тяжести, накладываются погонщики, усаживаются дѣти и женщины, а на доску кладутся камни. При такомъ способѣ молотьбы, солома остается на току, образуя такъ называемый саманъ, важнѣйшее кормовое средство для скота въ зимнее время. Зерно отвѣвается на сито и очищается отъ примѣсей (камней, мякины и т. п.) на

рѣшетахъ. Мѣстами молотѣба производится ногами животныхъ, которыхъ гоняють по снопамъ хлѣба. Въ послѣднее время въ Предкавказьѣ сильно распространились паровыя молотилки. Обмолоченный хлѣбъ хранится въ ямахъ, или въ особыхъ, устроенныхъ для этого, помѣщеніяхъ (амбары, плетневые мазанки и т. п.).

Въ предѣлахъ края, въ виду разнообразныхъ климатическихъ и иныхъ условий, воздѣлывается множество (до 40) полевыхъ растений, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣють весьма ограниченное распространеніе, другія же, напротивъ, встрѣчаются почти повсемѣстно и представляютъ большое значеніе для края.

Первое мѣсто въ полеводствѣ принадлежитъ пшеницѣ, которая, въ видѣ озимой и яровой, разводится въ обширныхъ размѣрахъ во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Кавказскаго края, имѣетъ важное продовольственное значеніе и служить предметомъ вывоза за границу. Хлѣбъ этотъ почти повсюду занимаетъ первое мѣсто въ полеводствѣ, за исключеніемъ лишь низменныхъ частей Кутаисской губерніи и нѣкоторыхъ мѣстностей Терской области, гдѣ преобладаетъ культура кукурузы. Озимая пшеница господствуетъ въ низменныхъ мѣстностяхъ, яровая же—въ нагорныхъ, гдѣ ее сѣють еще на высотѣ 2.000 метр.; въ предгорной полосѣ высѣвается какъ озимая, такъ и яровая. Озимая пшеница сѣется какъ на поливныхъ, такъ и на неполивныхъ земляхъ, яровая же преимущественно на земляхъ неорошаемыхъ. Сортовъ пшеницы разводится множество, причемъ они наиболѣе разнообразны въ Закавказьѣ; наиболѣе цѣнные сорта пшеницъ Кавказскаго края относятся къ твердымъ (желтая—въ Закавказьѣ, кубанка—въ Предкавказьѣ). Урожаи пшеницы получаютъ въ общемъ удовлетворительные (10—16 гектол. съ гектара), а иногда и весьма хорошіе (20—40 гектол.); озимая пшеница обыкновенно урожайнѣе яровой. Лучшіе урожаи пшеницы бывають въ низменной орошенной части восточнаго Закавказья, гдѣ мѣстами хлѣбъ этотъ даетъ до 40 гектол. съ гектара, а кое-гдѣ на затопляемыхъ водами Куры поляхъ до 54 гектол. Всего въ краѣ собирается до 6 миллион. гектол. яровой и до 22,6 миллионѣвъ гектол. озимой пшеницы.

За пшеницей, по значенію для всего края, слѣдуетъ ячмень (озимый и яровой), который имѣетъ болѣе обширное, чѣмъ пшеница, вертикальное распространеніе; въ нагорной полосѣ онъ разводится повсемѣстно и, созрѣвая даже на высотѣ 2.400 метр., является въ такихъ мѣстахъ господствующимъ или

единственнымъ культурнымъ растеніемъ. Менѣе, чѣмъ въ
ихъ мѣстахъ, распространены посѣвы ячменя въ Кутаис-
ской губерніи, въ Терской и Дагестанской областяхъ. Яровой
ячмень разводится безъ орошенія и господствуетъ въ нагор-
ныхъ мѣстностяхъ, а озимый, высѣваемый при орошеніи и безъ
орошенія, преобладаетъ на низменности. Урожаи колеблются
отъ 9 гектол. (высокогорныя мѣстности) до 38 гектол. съ гек-
тара (низменныя мѣста Эриванскаго у.). Общій сборъ ячменя
достигаетъ 12 миллион. гектол. Ячмень въ большинствѣ мѣстно-
сти Кавказскаго края составляетъ главный кормъ для лошадей.

Главнымъ райономъ воздѣлыванія кукурузы является за-
кавказье (Кутаисская губернія), гдѣ это растеніе, за-
ключеніемъ нагорныхъ мѣстностей, повсюду представляетъ
нѣйшій, а мѣстами единственный хлѣбъ. Поэтому, благосо-
стояніе этой части края въ значительной степени зависитъ отъ
успѣха кукурузы, зерно которой представляетъ здѣсь важнѣй-
шее пищевое средство для населенія (кукурузный хлѣбъ) и имѣ-
етъ первостепенное торговое значеніе (экспортъ за границу);
шли и оболочки початковъ, а иногда и зерно служатъ кор-
момъ для скота. Изъ другихъ районовъ Кавказскаго края, куль-
тура кукурузы распространена въ Терской и Кубанской обла-
стяхъ, а также въ Тифлисской губерніи; въ остальныхъ мѣст-
ностяхъ ея сѣютъ мало, а кое-гдѣ кукуруза совсѣмъ не встрѣ-
чается въ полеводствѣ. Кукуруза высѣвается съ конца марта
концемъ мая и даетъ, въ среднемъ, съ гектара 18 гектол., при
орошеніяхъ отъ 10 (Терская область и нагорныя мѣста Кутаис-
ской губерніи) до 43 гект. (низменныя мѣста Кутаисской губ.).
Всего собирается въ краѣ до 8½ миллион. гектол. кукурузы,
изъ коихъ до 6 приходится на Кутаисскую губернію.

Рисъ, требующій для созрѣванія высокой температуры и
большого количества воды, представляетъ растеніе, характерное
для низменныхъ и обладающихъ значительнымъ запасомъ ирри-
гаціонной воды мѣстностей юго-восточнаго Закавказья. Наиболь-
шее количество риса производится въ Бакинской, Эриванской и
Исаветпольской губерніяхъ. Рисъ высѣвается въ апрѣлѣ или
маѣ, смотря по мѣстности, и даетъ, въ среднемъ, около 35—
40 гектол. съ гектара; въ отдѣльныхъ случаяхъ урожаи полу-
ются въ полтора раза выше (Эриванская губ.). Сортовъ риса
водится нѣсколько. Въ окрестностяхъ Батума, благодаря
обильнымъ осадкамъ, рисъ кое-гдѣ сѣется безъ орошенія, подъ
дождь. Сборъ риса достигаетъ 2,6 миллион. гектол., изъ ко-
ихъ около половины получается въ Бакинской губерніи.

Просо разводится въ предѣлахъ Кавказскаго края въ двухъ видахъ—собственно просо и гоми. Просо (*Panicum miliaceum*) высѣвается въ весьма значительныхъ количествахъ въ Предкавказьѣ (въ особенности въ Терской области) и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья, причемъ здѣсь культура его распространена болѣе всего въ Елисаветпольской губерніи. Просо разводится какъ въ низменныхъ, такъ и въ нагорныхъ мѣстностяхъ, при орошеніи и безъ него. Съ гектара получается отъ 8 до 27 гектол. Гоми (*Panicum italicum*) сѣется довольно часто въ Кутаисской губерніи. Крутая каша изъ проса служитъ довольно важнымъ подспорьемъ въ пищѣ туземцевъ западнаго Закавказья. Сборъ проса достигаетъ 2,6 милл. гектол.

Культура ржи значительно распространена только въ Предкавказьѣ, главнымъ образомъ, въ мѣстностяхъ, занятыхъ сплошнымъ русскимъ населеніемъ. Въ Закавказьѣ хлѣбъ этотъ встрѣчается рѣдко и высѣвается только въ нагорныхъ мѣстностяхъ, гдѣ не удастся пшеница. Изъ 2 милліоновъ гектол. ржи, получаемой въ предѣлахъ Кавказскаго края, лишь менѣе 60 тыс. гектол. приходится на Закавказье.

Полба (*Triticum amyleum*), гречиха и овесъ сѣются только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края. Посѣвы полбы встрѣчаются въ весьма незначительныхъ размѣрахъ и въ Предкавказьѣ, и въ Закавказьѣ (подгорная полоса), но нигдѣ хлѣбъ этотъ существеннаго значенія не имѣетъ; общій сборъ его едва превышаетъ 12 тыс. гектолитр. Культура гречихи довольно распространена у русскаго населенія Предкавказья (главнымъ образомъ въ Кубанской и Терской областяхъ), въ Закавказьѣ же растеніе это встрѣчается весьма рѣдко и высѣвается только русскими поселенцами. Сборъ гречихи достигаетъ 80 тыс. гектол. Овесъ въ обширныхъ размѣрахъ культивируется только въ Предкавказьѣ; въ другихъ мѣстностяхъ посѣвы его распространены весьма мало, такъ какъ для корма лошадей идетъ повсемѣстно ячмень. Изъ 2½ милліоновъ гектол. овса, собираемаго въ краѣ, только 40 тыс. гектол. приходится на Закавказье, остальное же количество собирается въ Кубанской и Терской областяхъ.

Культура картофеля, разводимаго въ довольно значительномъ количествѣ въ Кубанской области и вообще въ Предкавказьѣ, по ту сторону хребта, распространена пока мало; въ Закавказьѣ картофель сѣется преимущественно на огородахъ и русскими поселенцами; впрочемъ, мѣстами производство картофеля приняло уже болѣе значительные размѣры и ведется на поляхъ. Всего собирается до 3,4 милліоновъ гектол. картофеля, изъ ко-

всего около 400 тыс. гектол. получается въ Закавказьѣ

Если изъ валового сбора всѣхъ этихъ хлѣбовъ исключить на посявъ и количество хлѣба, потребное для продовольствѣ мѣстнаго населенія, то получатся все-таки весьма значительные избытки, которые вывозятся обыкновенно за границу.

Изъ бобовыхъ растений въ предѣлахъ Кавказскаго края одится нѣсколько видовъ (горохъ, *Cicer arietinum*, *Lathyrus us*, *Phaseolus Mungo*, *Trigonella foenum graecum*, *Lupinus allobia*—*Dolichos monochalis* и т. п.), но всѣ они за исключеніе гороха и въ особенности лобіи (*Dolichos monochalis*) встрѣчаются лишь мѣстами и большого значенія не имѣютъ.

Масличные растенія также весьма разнообразны. Подсолникъ разводится въ значительныхъ размѣрахъ въ Предкавказьѣ для масла, такъ и для лакомства его сѣмечками. Ленъ тивируется на Сѣверномъ Кавказѣ (около 1 милліона гектол.) Закавказьѣ, гдѣ культура его (на масло) распространена нагорной полосѣ Эриванской губ. и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Культура сурепки, рыжика, рѣпака, конопли, мака, манции (*Lalemantia iberica*) встрѣчается въ небольшихъ размахъ мѣстами въ Закавказьѣ, причемъ конопля, кромѣ сѣмянъ, является также волокна для канатовъ и веревокъ. Нѣсколько значеніе имѣютъ въ низменныхъ мѣстностяхъ восточна-кавказья клещевина (*Ricinus communis*) и въ особенности сѣ (*Sesamum indicum*). Въ послѣднее время въ теплыхъ мѣстахъ Закавказья, благодаря мѣрамъ министерства земледѣлія, стало распространяться разведеніе земляного орѣха (*Agropyrogaea*), дающаго отличное масло и вкусное лакомство.

Изъ прядильныхъ растений по значенію на первомъ мѣстѣ уетъ поставить хлопчатникъ, культура котораго распростра- въ Закавказьѣ, преимущественно въ Эриванской, Бакин- , Елисаветпольской и Кутаисской губерніяхъ. Разведеніе чатника представляетъ одну изъ древнѣйшихъ культуръ За- азья, но до недавняго времени здѣсь повсемѣстно разводил- уземный видъ этого растенія (*Gossyrium herbaceum*), не от- ющійся ни урожайностью, ни качествомъ своего волокна. то 20 лѣтъ тому назадъ въ Закавказьѣ были произведены тки акклиматизаціи Upland'a (*Gossyrium hirsutum*), которая олько были успѣшны, что въ настоящее время мѣстный азі- й хлопчатникъ болѣе чѣмъ на половину вытѣсненъ послѣд- . Въ Закавказьѣ производится около 11½ милл. килогр. ка (чистаго волокна), причемъ около половины этого коли-

чества даетъ Эриванская губернія, гдѣ культура хлопчатника сильно распространилась, вытѣснивъ мѣстами даже пшеницу, ячмень, рисъ и т. п. Съ гектара получается болѣе 240 килогр. чистаго волокна. Въ послѣднее время, благодаря мѣрамъ, принятымъ министерствомъ земледѣлія, хлопководство стало развиваться въ низменныхъ частяхъ Бакинской и Елисаветпольской губ., гдѣ условія для хлопчатника благоприятны, чѣмъ въ Эриванской губерніи.

Производство табака, а именно турецкихъ сортовъ его, имѣетъ для нѣкоторыхъ мѣстностей Кавказскаго края существенное значеніе. Опыты, предпринятые министерствомъ земледѣлія, показали, что выращиваемые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья дюбеки и другіе высшіе сорта табака нисколько не уступаютъ оригинальнымъ турецкимъ. Табачныя плантаціи въ Предкавказьѣ сосредоточены главнымъ образомъ въ Кубанской области, гдѣ получается въ среднемъ до 11½ милл. килогр., и въ Закавказьѣ—въ Кутаисской и Тифлисской губерніяхъ, дающихъ до 3 милл. килогр. табака.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бакинской губерніи, въ незначительныхъ размѣрахъ, существуетъ также культура шафрана и марены (*Rubia tinctoria*). Шафранъ разводится въ Бакинскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 12 селеніяхъ этимъ занимаются нѣсколько болѣе полуторы тысячи дворовъ, получая до 3.230 килогр. сухого продукта. Фунтъ перваго сорта продается по 5—6 р., второго 3—3 р. 50 к.; шафранъ сбывается частью въ Тифлисѣ, преимущественно же въ Персію. Культура марены, нѣкогда весьма развитая въ восточномъ Закавказьѣ, въ настоящее время, вслѣдствіе распространенія ализариновыхъ красокъ, находится въ упадкѣ и сохранилась лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ въ той же Бакинской губерніи.

Посѣвы кормовыхъ травъ (райграсъ—*Lolium perenne*, люцерна, *Ervum Ervilia*, эспарцетъ, и т. п.) ведутся во многихъ мѣстностяхъ Закавказья, причемъ наибольшее значеніе въ восточной части послѣдняго имѣетъ культура люцерны, а въ западной разведеніе райграса. Люцерна разводится на сособыхъ огороженныхъ участкахъ и въ садахъ вблизи селеній и даетъ сборъ въ теченіе 5—7 лѣтъ. Въ теченіе лѣта въ низменныхъ мѣстностяхъ получается до 4-хъ укосовъ, а въ нагорныхъ—при краткости періода роста—два укоса. Съ одного гектара собирается сухого сѣна отъ 4 до 5 тыс. килогр., а въ отдѣльныхъ случаяхъ почти вдвое больше.

Немаловажное значеніе въ большинствѣ низменныхъ и теп-

лыхъ мѣстностей Кавказскаго края имѣютъ также бахчи, т. е. поливные участки, предназначенные для разведенія арбузовъ, дынь, тыквъ и огурцовъ. На такихъ участкахъ, кромѣ указанныхъ растений, иногда разводятся также лукъ, капуста и другія овощи, которыя, однако, чаще всего, составляютъ предметъ огородной культуры. На огородахъ же и въ садахъ иногда можно встрѣтить посадки арбузовъ, дынь и огурцовъ, но въ значительныхъ размѣрахъ производятся онѣ только на бахчахъ, занимающихъ обыкновенно самые плодородные участки земли и часто находящихся въ извѣстномъ чередованіи съ другими полевыми культурами. Въ особенности большое значеніе имѣютъ бахчи въ восточномъ Закавказьѣ, гдѣ мѣстами производство арбузовъ и дынь громадно, удовлетворяя не только мѣстному, въ лѣтнее время весьма значительному спросу (важный пищевой продуктъ), но и являясь предметомъ довольно оживленной торговли съ городами. Дыни и арбузы разводятся въ довольно значительномъ количествѣ сортовъ, изъ которыхъ нѣкоторые обладаютъ превосходнымъ вкусомъ и представляютъ весьма интересныя особенности при культурѣ. Такъ, напр., нѣкоторые сорта дынь во время роста засыпаются на извѣстный срокъ землей и т. п.

Садоводство въ предѣлахъ Кавказскаго края является однимъ изъ наиболѣе важныхъ, древнѣйшихъ и повсемѣстныхъ занятій сельскаго населенія. Возникновеніе садовой культуры въ краѣ слѣдуетъ отнести ко временамъ глубокой древности, тѣмъ болѣе, что многія весьма важныя плодовые породы (виноградъ и др.) во многихъ мѣстностяхъ растутъ дико, а слѣдовательно введеніе ихъ въ культуру не представляло особыхъ затрудненій. Изъ различныхъ отраслей садоводства болѣе всего распространено и представляется наиболѣе важнымъ плодоводство, т. е. разведеніе плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Несмотря на важность плодоводства для края, нельзя сказать, чтобы положеніе этой отрасли сельскаго хозяйства было удовлетворительно. Приемы культуры и выборъ сортовъ являются далеко не всегда рациональными, а размѣры производства во всякомъ случаѣ не соответствуютъ естественнымъ, въ общемъ весьма благоприятнымъ для садовой культуры, условіямъ Кавказскаго края. Способы заготовки фруктовъ впрокъ въ большинствѣ случаевъ весьма примитивны, а огневая сушка плодовъ пока встрѣчается очень рѣдко. Садоводство распространено почти повсемѣстно, гдѣ только этому не мѣшаетъ климатъ, и отдѣльныя садовыя насажденія встрѣчаются на высотѣ 1.200 и даже 1.500 метр. надъ уровнемъ моря. Вслѣдствіе климатиче-

скихъ условий, сады восточнаго Закавказья и даже восточной части Предкавказья требуютъ въ теченіе лѣтняго времени искусственной поливки, между тѣмъ какъ на западѣ страны довольствуются атмосферной влагой. Въ виду тѣхъ же климатическихъ причинъ, садовая культура Предкавказья не отличается большимъ разнообразіемъ и ничѣмъ не разнится отъ культуры южной степной полосы Европейской Россіи, между тѣмъ какъ въ Закавказьѣ, въ особенности въ западной его части, климатъ мягокъ, а морозы рѣдки, садовыя насажденія представляютъ большое разнообразіе; здѣсь произрастаютъ всѣ плоды Средней и Южной Европы, до маслины, апельсина и лимона включительно, нѣкоторыя японскія плодовые растенія (*Diospyros kaki*, *Eriobotrya japonica*), эвкалипты, акаціи, камелии, магноліи, пробковый дубъ, самыя нѣжныя хвойныя растенія, юкки и пр.; даже многіе виды пальмъ, успѣшно зимуютъ въ саду, составляютъ украшеніе здѣшнихъ садовъ. Характерной чертой многихъ мѣстностей Кавказа является присутствіе въ садахъ множества дикихъ плодовыхъ деревьевъ, которыя, безъ всякаго ухода или при самомъ незначительномъ даютъ насѣню значительное количество фруктовъ; такіе полу-лѣса, полусады встрѣчаются во множествѣ на сѣверномъ Кавказѣ (на предгорьяхъ) и въ западномъ Закавказьѣ, и, при существующихъ въ этихъ мѣстностяхъ пріемахъ садовой культуры, нѣтърудно бываетъ опредѣлить, гдѣ кончается перевитая виноградными лозами лѣсная чаща и гдѣ начинается культурное насажденіе. Въ зависимости отъ преобладанія тѣхъ или другихъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ и смотря по мѣстности на Кавказѣ, можно различать: сады виноградныя или виноградники, гдѣ господствуетъ виноградная лоза; сады фруктово-виноградныя, гдѣ рядомъ съ виноградными насажденіями встрѣчаются и плодовые деревья; сады фруктовые, въ которыхъ преобладаютъ фруктовыя деревья, а также сады или плантажи шелковичныя, гдѣ разводится шелковица для ягодъ и для шелководства. Въ садахъ, кромѣ плодовыхъ насажденій, весьма часто встрѣчаются посѣвы овощей, кормовыхъ травъ и т. п. и въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ восточнаго Закавказья—посадки тополя; ивы, вяза и другихъ древесныхъ породъ, разводятся чаще всего для полученія матеріала для построекъ и подѣлки и рѣже съ декоративною цѣлью. Наконецъ, въ западномъ Закавказьѣ садовыя земли мѣстами являются въ то же время и пахотными полями, на которыхъ сѣютъ кукурузу, просо и другія растенія.

Изъ всѣхъ отраслей плодоваго садоводства наиболѣе важное значеніе для Кавказскаго края представляетъ виноградарство, а также тѣсно связанное съ послѣднимъ винодѣліе. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что винодѣліе на Кавказѣ приурочено къ виноградарству только тамъ, гдѣ преобладаетъ христіанское населеніе; въ мѣстностяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ виноградъ потребляется или въ свѣжемъ видѣ, или въ видѣ сушеного (изюмъ), или, наконецъ, идетъ на приготовленіе напитковъ, не содержащихъ спирта (Дагестанская область и т. п.). Культура виноградной лозы распространена во всѣхъ областяхъ и губерніяхъ Кавказскаго края, хотя и не вездѣ равномерно, что зависитъ какъ отъ климатическихъ и другихъ причинъ, такъ и оттого, что разведеніе этого растенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Предкавказье) стало дѣломъ обычнымъ лишь въ послѣднее время. Вертикальное распространеніе винограда на Кавказѣ также весьма обширно; виноградная лоза идетъ далеко въ горы и на высотѣ 1,350 метр. (Карсская область) еще даетъ зрѣлые плоды. Древнѣйшимъ центромъ культуры винограда является, повидимому, родина этого растенія—западное Закавказье, гдѣ дикія лозы достигаютъ громаднхъ размѣровъ и, опутывая въ видѣ лѣанъ лѣсныя деревья, приносятъ плоды безъ всякаго ухода человѣка. Способовъ культуры лозъ нѣсколько; изъ нихъ наиболѣе распространены два: при одномъ лозы пускаютъ виться по деревьямъ, при другомъ лозу обрѣзываютъ болѣе или менѣе коротко и подвязываютъ къ тычинамъ. Въ Предкавказьѣ лозы на зиму закрываются повсемѣстно, а въ Закавказьѣ—только въ болѣе высокихъ мѣстностяхъ, гдѣ морозныя зимы могли-бы повредить растенію. Въ западной части Кавказскаго края, гдѣ осадковъ выпадаетъ много, виноградники довольствуются атмосферной влагой, въ восточной же, въ большинствѣ мѣстностей, разводятся при искусственномъ орошеніи. Среди множества мѣстныхъ сортовъ винограда встрѣчается много очень хорошихъ какъ для винодѣлія, такъ и для стола. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, саперави, дающій очень густо окрашенное вино, распространяется даже за границей, вытѣсняя подобный ему французскій сортъ Tienturier. Мѣстные сорта во многихъ мѣстностяхъ западнаго Закавказья замѣнены американскимъ сортомъ изабелла, который даетъ очень плохое вино, но болѣе успешно противостоитъ грибнымъ болѣзнямъ, являющимся, въ виду теплаго и влажнаго климата, настоящимъ бичемъ мѣстнаго виноградарства. Западно-европейскіе сорта, а въ особенности французскіе, распростране-

ны главнымъ образомъ въ крупныхъ промышленныхъ хозяйствахъ и растутъ здѣсь очень хорошо. Значительное распространение филлоксеры въ Западномъ Закавказьѣ вызвало необходимость введенія американскихъ лозъ, для чего министерствомъ земледѣлія устроены нѣсколько крупныхъ питомниковъ этихъ лозъ и цѣлая сеть болѣе мелкихъ опытныхъ. Способы выдѣлки вина и уходъ за нимъ въ большинствѣ мѣстностей Кавказскаго края отличаются примитивностью (во многихъ мѣстахъ вина содержатся въ зарытыхъ въ землю кувшинахъ); тѣмъ не менѣе, почти во всѣхъ винодѣльныхъ районахъ края есть благоустроенныя частновладельческія хозяйства, гдѣ винодѣліе поставлено вполне рационально; къ такимъ хозяйствамъ относятся, напримѣръ, отлично оборудованныя, съ великолѣпными виноградниками и подвалами, удѣльные имѣнія въ Кахетіи и около Новороссійска (Цинондали, Напареули, Мукузани, Абрау) и пр. Вина многихъ районовъ Кавказа (Кахетія, сѣверная часть Черноморской губерніи и т. п.) обладаютъ прекрасными качествами и въ значительной степени способствовали вытѣсненію изъ употребленія иностранныхъ винъ въ Европейской Россіи. Урожай вина, въ зависимости отъ различныхъ условій, колеблется весьма значительно, достигая отъ 12 до 60 и даже болѣе гектолитровъ съ гектара. Самые высокіе урожай даютъ поливные виноградники, но вино ихъ не всегда отличается хорошими качествами. Площадь виноградниковъ въ предѣлахъ Кавказскаго края достигаетъ приблизительно 115—125 тысячъ гектаровъ, изъ коихъ 85% сосредоточено въ Закавказьѣ, а около 15% въ Предкавказьѣ. На Сѣверномъ Кавказѣ въ особенности много вина получается по Тереку, причемъ болѣе половины его въ виду низкихъ качествъ перекуривается на спиртъ. Въ Закавказьѣ наиболѣе крупными винодѣльными центрами являются Тифлисская губ., а именно Кахетія (долина р. Алазани), славящаяся своими винами, и Кутанская губ. Большая часть кавказскихъ винъ, получаемыхъ въ количествѣ около 1—2 милліона гектолитровъ, потребляется населеніемъ на мѣстѣ; часть ихъ вывозится въ Европейскую Россію и, наконецъ, часть перекуривается на спиртъ.

Груши и въ особенности яблони принадлежатъ къ числу весьма распространенныхъ плодовыхъ деревьевъ Кавказскаго края, разводимыхъ во множествѣ, преимущественно мѣстныхъ сортовъ. Нѣжные иностранные сорта вполне успешно разводятся лишь въ болѣе прохладныхъ мѣстностяхъ Закавказья, между тѣмъ какъ на Сѣверномъ Кавказѣ они часто страдаютъ и нерѣдко гибнуть отъ рѣзкихъ колебаній температуры, частыхъ гра-

добитій, вѣтровъ и т. п. Какъ яблоки и груши, такъ и другіе фрукты западнаго Закавказья значительно уступаютъ, по своимъ качествамъ, фруктамъ Закавказья восточнаго, что, по всей вѣроятности, слѣдуетъ поставить въ зависимость отъ болѣе сухого и жаркаго климата послѣдняго.

Абрикосы и персики распространены, во множествѣ сортовъ, почти повсемѣстно въ болѣе теплыхъ мѣстностяхъ края, но лучшіе по качеству плоды получаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточнаго Закавказья (Нахичеванскій уѣздъ, Эриванской губ.), гдѣ въ особенности превосходны различные сорта персиковъ. Абрикосы и персики употребляются въ свѣжемъ и сушеномъ видѣ. Абрикосовыя деревья достигаютъ большихъ размѣровъ и служатъ для всевозможныхъ подѣлокъ, гдѣ требуется прочность, свойственная этой породѣ. Изъ другихъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ распространены вишня, черешня и различные сорта сливъ, а также айва (*Cydonia*); малина, крыжовникъ и барбарисъ встрѣчаются сравнительно рѣдко. Черешня и различные виды сливъ растутъ дико въ большинствѣ мѣстностей края и мѣстами образуютъ цѣлыя заросли. Гранатникъ (*Punica granatum*) въ довольно большихъ размѣрахъ культивируется въ Елисаветпольской губ., а въ дикомъ видѣ встрѣчается почти повсемѣстно.

Каштанъ (*Castanea*) образуетъ лѣсныя заросли въ западномъ Закавказьѣ, но почти нигдѣ не встрѣчается въ культурномъ состояніи. Грецкій орѣхъ (*Juglans regia*) растетъ въ дикомъ и культурномъ видѣ, достигая огромной величины; орѣховый наплывъ вывозится за границу. Мелкіе орѣхи (*Corylus avellana*, *colugna*) встрѣчаются повсемѣстно въ лѣсахъ, а кое-гдѣ составляютъ предметъ культуры. Кизиль (*Cornus mascula*) является однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ плодовыхъ деревьевъ Закавказья. Миндаль и фисташка (*Pistacia vera*) разводятся въ небольшомъ количествѣ мѣстами въ восточной части Закавказья, а финиковое дерево (*Ficus carica*) растетъ дико и культивируется почти повсемѣстно въ Закавказьѣ, причемъ плоды его идутъ въ пищу главнымъ образомъ въ свѣжемъ видѣ. Маслина, встрѣчающаяся въ одичаломъ состояніи кое-гдѣ въ западномъ Закавказьѣ, разодится въ довольно обширныхъ размѣрахъ только въ двухъ мѣстностяхъ этой части края, въ Ново-Аѳонскомъ монастырѣ, нѣскольکو сѣвернѣе Сухума, на берегу Чернаго моря и около гор. Арзина, въ Артвинскомъ округѣ, Кутаисской губерніи, по теченію рѣки Чороха. Для улучшенія и распространенія этой культуры министерствомъ земледѣлія въ послѣднее время учреждены мас-

личный питомникъ въ г. Артвинѣ. Лимоны и апельсины разводятся кое-гдѣ лишь въ самыхъ теплыхъ мѣстностяхъ прибрежной полосы, отъ г. Сухума до Батума. Возникающая культура мандариновъ обѣщаетъ большой успѣхъ въ этомъ районѣ.

Громадное значеніе для всего Закавказья имѣетъ шелковица (*Morus alba, nigra*), которая во множествѣ сортовъ разводится въ весьма обширныхъ размѣрахъ и приноситъ различными своими частями большую пользу населенію. Листья бѣлой шелковицы идутъ на выкормку шелковичныхъ червей; изъ листьевъ же получается желтая краска для окраски шерсти и шелка; которой подвязываются виноградныя лозы; вѣтки идутъ на плетения и на тычины для виноградниковъ; древесина— на всевозможныя полѣлки; плоды употребляются въ пищу въ свѣжемъ состояніи или же въ видѣ сиропа, получаемого путемъ выварки сока, изъ нихъ дѣлаютъ уксусъ и проч.

Съ культурой шелковичнаго дерева тѣсно связано шелководство, одинъ изъ весьма важныхъ и древнѣйшихъ промысловъ кавказскаго населенія, имѣющій въ особенности большое значеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья. До распространенія болѣзней шелкопряда въ 60-хъ годахъ, производство шелка въ Закавказьѣ было весьма значительно, послѣ чего оно сильно сократилось. Въ настоящее время вслѣдствіе различныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, шелководство въ краѣ вновь возрождается, и количество сырыхъ коконовъ, получаемыхъ нынѣ въ предѣлахъ Кавказа, не менѣе 6½, милл. килогр. Для производства научныхъ изслѣдованій въ области шелководства, приготовления целлюлярной грены и контроля надъ греной, привозимой изъ за-границы, учреждена кавказская шелководственная станція въ г. Тифлисѣ. Приемы оживленія грены, замариванія коконовъ и размотки шелка въ большинствѣ случаевъ примитивны и несовершенны; тѣмъ не менѣе въ послѣднее время въ дѣлѣ шелководства замѣчаются быстрые успѣхи; въ особенности значительно улучшилась техника шелкомотанія, которымъ, кромѣ множества весьма несовершенныхъ туземныхъ станковъ, занимается около 20 паровыхъ шелкомоталенъ въ Закавказьѣ. За покрытіемъ мѣстныхъ нуждъ (на кустарныя издѣлія и т. п.) шелкъ сбывается, главнымъ образомъ, въ Москву.

Наконецъ, къ числу садовыхъ культуръ, получившихъ замѣтное развитіе кое-гдѣ въ западномъ Закавказьѣ, слѣдуетъ отнести разведеніе чайнаго деревца. Предпринятые уже довольно давно опыты, въ этомъ отношеніи, увѣнчались полнымъ успѣхомъ и въ послѣднее время привлекли вниманіе крупныхъ пред-

принимателей, устроившихъ обширныя чайныя плантаціи и фабрики. Изъ этихъ предпринимателей необходимо отмѣтить К. С. Попова, въ имѣніяхъ коего, въ окрестностяхъ Батума, подъ чайными насажденіями имѣется до 160 гект., и удѣльное вѣдомство, устроившее невдалекѣ отъ г. Батума, въ долину р. Чаквы, обширное опытное хозяйство, для испытанія различныхъ японскихъ и китайскихъ культуръ, а въ томъ числѣ и чая; подъ плантаціями этого растенія насчитывается до 140 гект. Въ обоихъ хозяйствахъ имѣются паровыя фабрики для механической обработки чайнаго листа. Качество чая, получаемого въ Батумскомъ районѣ, вполне удовлетворительно. Разведеніе чая можетъ имѣть значительную будущность въ западномъ Закавказьѣ, гдѣ выборъ культурныхъ растеній, вслѣдствіе теплаго и влажнаго климата, довольно затруднителенъ.

Переходя къ огородничеству, слѣдуетъ замѣтить, что производство огородныхъ растеній для мѣстныхъ нуждъ развито почти повсемѣстно въ краѣ, причемъ въ наиболѣе значительныхъ размѣрахъ оно встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ Закавказья, гдѣ мѣстное населеніе потребляетъ огромное количество овощей и зелени для приправы кушаній и въ свѣжемъ видѣ. Огороды устраиваются обыкновенно недалеко отъ жилищъ, часто въ садахъ между деревьями, пока послѣднія молоды и не слишкомъ затѣняютъ землю. На огородахъ разводится множество растеній, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ было указано, составляютъ также предметъ полевой культуры (арбузы, дыни, тыквы, лукъ, картофель и т. п.); почти исключительно въ огородахъ встрѣчаются: различные сорта гороха и фасоли, томаты, бадриджаны (*Solanum melanogena*), бами (*Hibiscus esculentus*), рѣдька, рѣпа, морковь, свекла, топинамбуръ (*Helianthus tuberosus*), чеснокъ и различные сорта лука, далѣе крессъ-салатъ, сельдерей, укропъ, петрушка, эстрагонъ, мята, *Coriandrum sativum*, множество сортовъ стручковаго перца, *Oscum basilicum*, капуста, латукъ и т. п. Въ городскихъ и пригородныхъ огородахъ выборъ растеній еще болѣе разнообразенъ. Огородничество въ краѣ почти исключительно ведется для мѣстныхъ нуждъ и пока промышленнаго значенія не имѣетъ; тѣмъ не менѣе, въ виду значительной потребности мѣстнаго населенія въ овощахъ и зелени, размѣры его довольно значительны.

Выше уже было указано, что сельское населеніе Кавказскаго края не только занимается плодоводствомъ, но пользуется также плодами дикихъ плодовыхъ растеній, въ изобиліи встрѣчающихся въ лѣсахъ и заросляхъ Кавказскаго края. Къ такимъ

растеніямъ относятся: дикія яблони, сливы, черешни, орѣхи, ежевика (*Rubus fruticosus*), пинія (*Pinus Pinea*), унаби (*Zizyphus vulgaris*) и проч.

Кромѣ плодовыхъ деревьевъ или кустарниковъ, весьма важное значеніе для нѣкоторыхъ мѣстъ Закавказья имѣютъ также нѣкоторые другіе дикорастущіе деревья, кустарники, или даже травы, которые, доставляя различныя полезныя части (листья, цвѣты, корни и т. п.), находящія себѣ обезпеченный сбытъ, даютъ порой довольно значительный заработокъ мѣстному населенію. Такъ, напр., во многихъ мѣстахъ Кутаисской губ. сельскіе жители собираютъ листья дикорастущаго лавра (*Laurus nobilis*), идущіе, какъ извѣстно, въ различныя кушанья. Тамъ же дико растетъ небольшое дерево (*Staphylea colchica*), цвѣты котораго идутъ въ соленье и представляютъ любимый салатъ въ постные дни. Въ западномъ же Закавказьѣ важный промыселъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ составляетъ сборъ листьевъ кустарной черники (*Vaccinium arctostaphylos*), кои приготавливаются на подобіе чайныхъ и служатъ суррогатомъ низшихъ сортовъ настоящаго чая. Въ восточномъ Закавказьѣ жители нѣкоторыхъ мѣстностей собираютъ листья, вѣтки и плоды кустарниковъ *Rhus cotinus* и *R. coriaria*, дающіе прекрасный матеріалъ для дубленія кожъ, а также для выдѣлки желтой, черной и красной красокъ. Въ томъ же районѣ въ послѣднее время пріобрѣла существенное значеніе, такъ называемая, солодко-вая промышленность, т. е. сборъ солодковаго корня и вывозъ его за границу, преимущественно въ Соединенные Штаты и въ Англію. Промышленность эта возникла не болѣе 15 лѣтъ тому назадъ въ степныхъ мѣстностяхъ восточнаго Закавказья, гдѣ въ изобиліи растетъ дико *Glycyrrhiza glabra*, растеніе, изъ корня коего добывается лакрица. Въ короткое время возникло нѣсколько заведеній для прессовки корня и отправки его за границу, и вывозъ этого продукта достигъ весьма значительныхъ размѣровъ. Нѣсколько позже были открыты заводы для полученія лакрицы на мѣстѣ. Въ 1889 году было добыто болѣе 16 милліоновъ килогр. солодковаго корня, а въ 1890 году 38 мил. килогр. Въ настоящее время вывозъ сухого корня, кромѣ лакрицы, достигаетъ отъ 6½ до 8 мил. килогр., стоимостью въ полмилліона рублей.

Кавказскій край, заключая въ своихъ предѣлахъ весьма разнообразныя виды и формы земледѣльческой культуры, представляетъ въ то же время благоприятныя условія для обширнаго скотоводства. Малонаселенныя, а мѣстами, вслѣдствіе

недостатка ирригаціонныхъ водъ, и совершенно непригодныя для земледѣлія степныя пространства Предкавказья и восточнаго Закавказья, а равно роскошныя горныя пастбища, покрывающія на значительномъ пространствѣ возвышенныя мѣстности страны, въ связи съ климатическими условіями, позволяющими въ большинствѣ случаевъ содержать скотъ продолжительное время на подножномъ корму, благопріятствуютъ разведенію всѣхъ видовъ скота, которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края является почти единственнымъ и, во всякомъ случаѣ, главнымъ источникомъ благосостоянія населенія. Такимъ образомъ, различныя формы пастбищной системы землепользованія въ предѣлахъ Кавказскаго края приурочены къ двумъ обширнымъ районамъ: степному и горному; представляя нѣкоторыя существенныя различія, эти формы, тѣмъ не менѣе, тѣсно связаны между собой и обуславливаются климатическими, почвенными, бытовыми и иными условіями указанныхъ районовъ. Въ Предкавказьѣ въ наиболѣе чистомъ видѣ пастбищная система землепользованія развита у кочевыхъ и полукочевыхъ народовъ, обитающихъ степныя пространства на сѣверовостокѣ; въ остальныхъ мѣстностяхъ скотоводство, являясь весьма важной отраслью сельскаго хозяйства, болѣе или менѣе тѣсно связано съ земледѣліемъ и въ послѣднее время вслѣдствіе развитія послѣдняго, распашки степей и другихъ причинъ, имѣетъ стремленіе къ сокращенію. Въ Закавказьѣ пастбищное хозяйство значительно развито у полукочевыхъ народовъ въ юговосточной степной части страны. Низменныя степныя пространства, вслѣдствіе жаркаго засушливаго лѣта и при отсутствіи ирригаціонныхъ водъ, являются пригодными только для пастбы скота, и то только въ извѣстное время года, а именно ранней весною, осенью и даже зимой. Въ лѣтнее время эти, такъ называемыя, зимнія пастбища, спаленныя жаркими лучами солнца, представляются совершенно безлюдными и пустынными, такъ какъ все населеніе со своими стадами, въ виду выгорания травъ, уходитъ въ горы, гдѣ имѣется кормъ. Осенью, съ наступленіемъ дождей, безлюдныя пространства оживляются, степь покрывается травами и безчисленными стадами кочевниковъ, которые остаются здѣсь на подножномъ корму вплоть до наступленія слѣдующаго лѣта. Въ остальной части степи, гдѣ имѣется ирригаціонная вода, здѣсь и тамъ имѣются поля и ведется земледѣліе, которое, въ случаѣ достатка воды, быстро расширяется и совершенствуется въ смыслѣ системъ и приемовъ, захватывая на счетъ пастбищъ все большія и большія пространства. Такимъ образомъ, въ

большинствѣ мѣстностей степной части восточнаго Закавказья пастбищная система хозяйства представляется господствующей только при настоящихъ условіяхъ. Съ развитіемъ орошенія она, ранѣе или позже, должна будетъ уступить мѣсто другимъ, болѣе интенсивнымъ способамъ землепользованія, а именно различнымъ формамъ земледѣлія.

На высокихъ горныхъ или на, такъ называемыхъ, лѣтнихъ пастбищахъ, занимающихъ обширныя пространства какъ на Кавказскомъ хребтѣ, такъ и на нагорьяхъ Малаго Кавказа, непригодныхъ въ большинствѣ случаевъ для земледѣлія, вслѣдствіе суроваго климата, господствуетъ, какъ и въ степяхъ, пастбищное хозяйство, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что время пользования пастбищемъ здѣсь совершенно другое, а именно лѣто. Расположенныя на значительныхъ высотахъ, выше предѣла лѣсовъ, горныя луга отличаются суровымъ климатомъ; въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ здѣсь царствуетъ зима, выпадаетъ обильный снѣгъ, свирѣпствуютъ бури и мятели. Съ наступленіемъ короткаго лѣта горныя пастбища становятся неузнаваемыми; чистый горный воздухъ, прозрачная, какъ хрусталь, холодная вода, а главное—обильная и роскошная травяная растительность, на которой быстро отъѣдаются истощенныя зимней безкормицей животныя, привлекаютъ сюда съ низменностей скотоводовъ, которые, располагаясь во временныхъ жилищахъ, пасутъ стада, занимаются производствомъ молочныхъ продуктовъ, и пребываютъ на пастбищахъ до тѣхъ поръ, пока наступившіе заморозки и ненастіе не заставятъ ихъ со своими стадами, женами, дѣтьми и всѣмъ домашнимъ скарбомъ двинуться снова въ путь и спуститься на низменность. Такимъ образомъ, кочевое и полукочевое населеніе, главнѣйшимъ занятіемъ котораго является скотоводство, пзъ года въ годъ со своими стадами, подчиняясь необходимости доставлять имъ кормъ, совершаетъ передвиженія: съ наступленіемъ лѣта—въ горы на лѣтнія пастбища, а съ наступленіемъ осени—въ низменности, на пастбища зимнія. Горныя пастбища, вслѣдствіе непригодности (суровый климатъ) большинства ихъ для культуры даже наиболѣе выносливыхъ растений, едвали могутъ служить какимъ либо другимъ цѣлямъ и подвергнуться сокращенію, которое ожидаетъ зимнія пастбища, расположенныя въ низменностяхъ; обширныя пространства, занятыя ими, навсегда останутся достояніемъ скотоводства и мѣстомъ широкаго примѣненія пастбищной системы землепользованія.

Пастбищная система, столь распространенная въ указанныхъ

двухъ районахъ—стенномъ и горномъ и обусловленная естественными условіями послѣднихъ, господствуетъ, однако, иногда въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе при обиліи воды въполнѣ возможно и практикуется въ широкихъ размѣрахъ частью населенія. Такое явленіе, замѣчаемое мѣстами въ губерніяхъ восточнаго Закавказья, объясняется чисто бытовыми особенностями. Кочевое или полукочевое населеніе такихъ мѣстностей настолько свыклось съ кочевымъ образомъ жизни, настолько привыкло къ своему исконному занятію—скотоводству, что несмотря на всѣ условія, благопріятствующія земледѣлію, занимается имъ мало и неохотно. Впрочемъ, нужно замѣтить, что вслѣдствіе увеличенія населенія, расширенія культурныхъ площадей и множества другихъ причинъ, стѣсняющихъ передвиженія и пастбищную систему землепользованія, кочевое населеніе восточнаго Закавказья начинаетъ мало-по-малу осѣдать, производить посѣвы и вообще переходить къ инымъ, болѣе интенсивнымъ способамъ пользованія землей. Такой переходъ отъ полукочевого быта къ осѣдлому, въ различныхъ стадіяхъ его развитія, замѣчается повсюду въ восточномъ Закавказьѣ. Во всей остальной части края, гдѣ населеніе давнымъ-давно осѣло и занимается производствомъ хлѣбовъ или садоводствомъ, скотоводство или отступаетъ на второй планъ, или, тѣсно связанное съ земледѣліемъ, имѣетъ съ послѣднимъ почти равное значеніе. Тѣмъ не менѣе, при правильномъ пользованіи огромными (площадь лѣтнихъ пастбищъ—болѣе 3 милл. гектаровъ, а площадь зимнихъ—до 1.900,000 гектар.) пастбищами Закавказья, скотоводству этой страны предстоитъ широкая будущность. То же можно сказать о Предкавказьѣ, гдѣ мѣстности мало пригодныя для земледѣлія, но благопріятствующія скотоводству, занимаютъ громадныя пространства.

Табуннымъ коневодствомъ славились издавна многія мѣстности края (Кубанская область, Елисаветпольская губ. и т. п.): но вслѣдствіе распашки земель и различныхъ другихъ неблагопріятныхъ условій, эта отрасль животноводства постепенно падаетъ и сокращается. Весьма извѣстныя нѣкогда на сѣверномъ Кавказѣ породы: черноморская, калмыцкая и ногайская утратили свой типъ или исчезли подъ вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ условій съ заселеніемъ Предкавказскихъ степей. Изъ породъ лошадей, разводимыхъ въ краѣ, нынѣ наиболѣе извѣстны: кабардинская—въ Предкавказьѣ и карабахская—въ южной части Закавказья. Разсадникомъ кабардинской породы являются равнины Кабарды въ Терской области, а карабахской—южная часть Елисаветпольской губерніи (Карабахъ). Карабахскія лоша-

ди, прототиномъ коихъ послужили арабскіе производители,—исключительно золотистой масти, отличаются хорошимъ сложеніемъ, быстротою бѣга, но не особенно выносливы. Кромѣ того, въ Закавказьѣ извѣстны казахскія, тушинскія и курдскія лошади. Всѣ эти породы преимущественно верховыя. Общее число конскаго населенія въ предѣлахъ края нѣсколько превышаетъ 1.025,000 головъ. Ослы и мулы (около 120 тыс.) почти повсемѣстно имѣютъ второстепенное значеніе, хотя послѣдніе, при своей выносливости и умѣнии ходить по горнымъ тропинкамъ, иногда цѣнятся весьма высоко.

Крупный рогатый скотъ имѣетъ большое значеніе въ Предкавказьѣ и въ западной части Закавказья; на востокѣ послѣдняго онъ уступаетъ по важности мелкому. Вслѣдствіе разнообразія топографическихъ, кормовыхъ и другихъ условій края, скотъ на Кавказѣ весьма разнообразенъ и главнымъ образомъ состоитъ изъ различныхъ разновидностей кавказской породы, лучшими представителями которой является скотъ осетинскій и карабахско-казахскій. На сѣверномъ Кавказѣ, кромѣ того, разводится скотъ черкасскій, калмыцкій и ногайскій. Въ Закавказьѣ, при огромномъ преобладаніи мѣстнаго скота (грузинскій, хевсурско-осетинскій и пр.), у русскихъ поселенцевъ попадаетъ тотъ же черкасскій, а на крайнемъ юго-востокѣ, на границѣ съ Персіей, и горбатый зебу. Скотъ доставляетъ молоко, мясо, приплодъ (телятъ на Кавказѣ рѣжутъ только въ городахъ и то рѣдко), рабочую силу и наконецъ навозъ, который идетъ на удобреніе и на топливо (въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ Сѣвернаго Кавказа и Закавказья). Обыкновенными зимними кормовыми средствами является различныхъ сортовъ сѣно (степное, горное, кормовыя травы), саманъ, солома и кукурузные стебли; рѣдко, какъ, напр., въ западномъ Закавказьѣ, гдѣ пастбищъ почти нѣтъ, скоту приходится иногда питаться древесной листвою и вѣтками; еще рѣже его кормятъ такими интенсивными кормами какъ ячмень, жмыхи, кукуруза и т. п. Содержаніе скота весьма разнообразно: и у кочевниковъ, и у полукочевыхъ народовъ онъ почти круглый годъ находится на подножномъ корму; у осѣдлыхъ жителей для него имѣются особыя помѣщенія, и онъ пользуется лучшими уходомъ (въ особенности рабочей скотъ).

Разведеніе буйволовъ распространено преимущественно въ низменныхъ теплыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ буйволъ не выдерживаетъ холодовъ. Животное это для земледѣльца замѣняетъ воловъ и коровъ; оно доставляетъ большую рабочую силу и молочные продукты, которые мѣстами цѣнятся выше, чѣмъ по-

лучаемые отъ коровъ; словомъ, достоинства буйвола значительны и вполне окупаютъ его недостатки. Содержаніе буйволовъ и уходъ за ними въ большинствѣ мѣстностей довольно тщательны и во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ за обыкновеннымъ скотомъ. Удойливость буйволици велика и продолжительна; молоко ея богато жиромъ и содержитъ его до 7%. Изъ молока выдѣлывается масло, которое мѣстами подкрашивается и сбывается за коровье. Общее число рогатаго скота и буйволовъ въ краѣ нѣсколько превышаетъ 5 миллионовъ головъ.

Овцеводство является самой важной отраслью животноводства на Кавказѣ и имѣетъ большое значеніе въ степяхъ Сѣвернаго Кавказа и въ восточномъ Закавказьѣ. Въ Предкавказьѣ въ значительномъ количествѣ разводятся тонкорунныя овцы и отчасти курдючныя, въ Закавказьѣ же повсемѣстно господствуютъ весьма разнообразныя мѣстныя породы (тушинская овца, пшавская, карачаевская, грузинская и т. п.), отличающіяся главнымъ образомъ способностью къ откорму и вкуснымъ мясомъ, но нерѣдко дающія также довольно тонкую и нѣжную шерсть. Баранина составляетъ самую обыкновенную мясную пищу на Кавказѣ, а овечье молоко наравнѣ съ коровьимъ потребляется на производство весьма разнообразныхъ молочныхъ продуктовъ. Въ нѣкоторыхъ, преимущественно горныхъ, мѣстностяхъ въ довольно большихъ размѣрахъ разводятся козы. Общее число овецъ и козъ въ предѣлахъ Кавказскаго края достигаетъ 12½ миллион. штукъ.

Свиноводство развито мѣстами въ Предкавказьѣ, а также въ Кутаисской губерніи; въ восточномъ Закавказьѣ, гдѣ преобладаетъ мусульманское населеніе, число свиней весьма невелико, а мѣстами ихъ вовсе нѣтъ. Всего на Кавказѣ насчитывается свиней до 700 тысячъ головъ.

Наконецъ, разведеніе верблюдовъ въ особенности распространено въ степныхъ восточныхъ частяхъ Предкавказья и Закавказья, хотя вообще эта отрасль скотоводства, вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія и другихъ причинъ, находится въ упадкѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время верблюдовъ стали заводить въ Кубанской области и даже въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Европейской Россіи (Орловская, Херсонская и т. п.).

Между продуктами скотоводства наибольшее значеніе имѣютъ шерсть и молочные продукты.

Шерсть частью вывозится въ Европейскую Россію и за границу, частью же потребляется на мѣстѣ для выдѣлки весьма разнообразныхъ кустарныхъ издѣлій (ткани, ковры, бурки и т. п.),

изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются прекраснымъ достоинствомъ и цѣнятся дорого (дагестанскія сукна). Большое значеніе имѣетъ для края также и молочное хозяйство. Утилизациа молока (козьяго, коровьяго, козьяго и буйволиного) производится весьма разнообразно, а въ способахъ приготовленія масла и въ особенности сыровъ кавказскіе народы сдѣлали большіе успѣхи. Если гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ на земномъ шарѣ можно встрѣтить такое разнообразіе молочныхъ продуктовъ вообще и сыровъ въ частности, какъ на Кавказѣ; способы приготовленія ихъ чрезвычайно различны, а нѣкоторые изъ молочныхъ продуктовъ вѣстны только въ предѣлахъ Кавказа и нигдѣ болѣе. Изъ этихъ продуктовъ достаточно будетъ указать на кефиръ, знаменитый напитокъ, приготовляемый въ верховьяхъ р. Кубани (Абхазскій край) изъ молока, подвергнутаго броженію посредствомъ особаго грибка, и извѣстный своими цѣлебными свойствами. Производство швейцарскихъ сыровъ, которымъ безуспѣшно подражаютъ въ другихъ странахъ, въ послѣднее время утвердилось въ край окончательно. Сыръ, приготовляемый мѣстами на Северномъ Кавказѣ и въ особенности въ Тифлисской губерніи, сколько не уступаетъ лучшимъ оригинальнымъ швейцарскимъ сырамъ и пользуется огромнымъ спросомъ; къ сожалѣнію, этотъ, пока, выдѣляется въ небольшомъ количествѣ, около 260 тыс. килогр. въ годъ.

Нѣкоторое значеніе для страны, въ ряду другихъ отраслей животноводства, имѣетъ также и пчеловодство. Кавказскій край представляетъ много благопріятныхъ условій для занятія пчеловодствомъ, но промышленнаго значенія оно почти нигдѣ не имѣетъ, являясь, въ большинствѣ случаевъ, или занятіемъ любителей, или нѣкоторымъ (кое-гдѣ и значительнымъ) подспорьемъ въ народномъ хозяйствѣ. Пчеловодствомъ занимаются во многихъ мѣстностяхъ и довольно значительныя пастбища встрѣчаются какъ въ Предкавказьѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья. Дикія пчелы водятся въ Закавказьѣ почти повсемѣстно, причемъ особенно часто попадаютъ въ Абхазіи (Кутаисской губ.), гдѣ въ дуплахъ деревьевъ можно найти запасы дикаго меда въ нѣсколько пудовъ, добываемаго обыкновенно мѣстными жителями. Меда получается нѣсколько сортовъ, изъ коихъ болѣе замѣчательны: такъ называемый, каменный (бѣлый, очень плотный), встрѣчающійся въ Озургетскомъ у., Кутаисской губерніи и пьяный, производящій нѣчто въ родѣ опьяненія, собираемый пчелами съ цвѣтовъ лавровишни (*Prunus laurocerasus*) и азалии (*Andromeda pontica*) въ Батумскомъ и Артвинскомъ округахъ, Кутаисской губерніи.

устарная и фабрично-заводская промышленность. Горный, оид и другіе промыслы. Рыболовство. Пути сообщенія. Торговля.

Уединенное положеніе Кавказскаго края, малоземелье кресскаго населенія въ Закавказьѣ, суровыя и продолжительныя горныхъ частей края, обиліе сырыхъ продуктовъ (шерсть, шелкъ, дерево и пр.), а также бытовыя и историческія условія способствовали развитію въ странѣ многихъ отраслей кустарной промышленности, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ немаловажное значеніе для мѣстнаго населенія. Болѣе существенную роль въ этомъ отношеніи играетъ обработка шерсти, въ особенности распространенная въ восточныхъ частяхъ края и сосредоточенная главнымъ образомъ въ рукахъ женщинъ-мусульманокъ. Изъ шерсти выдѣлываются: войлокъ, сукна и другія ткани, бурки, веревки, ковры и пр. Ковропроизводство развито преимущественно въ Бакинской и саветпольской губерніяхъ у азербейджанскихъ татаръ и цыганъ; главнымъ центромъ производства считается г. Шуша. Изъ разнообразныхъ ковровъ изготовляются паласы (ковры въ ворса), переметныя сумки и другія этого рода ковровыя издѣлія, производство коихъ развито почти вездѣ, гдѣ существуетъ овцеводство. Коверъ въ быту туземца имѣетъ очень важное значеніе, играя роль мебели, постели, занавѣса и пр.; годный оборотъ ковроваго производства въ одномъ Закавказьѣ, вѣроятно, достигаетъ болѣе милліона рублей. Кавказскія ковры составляютъ предметъ значительнаго вывоза въ Европскую Россію. Сукна и ткани изъ шерсти, а иногда изъ туго (Sarga caucasica) нуха ткются преимущественно въ центральной и восточной частяхъ края; въ особенности славятся ими тканями нѣкоторыя мѣстности Дагестана. Во многихъ мѣстахъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта развито изводство бурокъ, являющихся, вмѣстѣ съ огромными овчинными шапками (папахами), необходимыми принадлежностями кожда туземца, войлоковъ и проч. Кустарное производство шелковыхъ тканей, платковъ и вязаныхъ издѣлій изъ шелка, а также вышиваніе шелкомъ, развито въ небольшихъ размѣрахъ многихъ мѣстностяхъ, а въ особенности въ Шемахѣ, Бакинскій губерніи, и въ Кутаисской губерніи. Какъ эта отрасль кустарной промышленности, такъ и въ особенности бумажно-ткацкаго дѣла обнаруживаетъ упадокъ за невозможностью конкурировать съ фабричными издѣліями, привозимыми изъ Европей-

ской Россіи. Мѣстами распространено также производство издѣлій изъ дерева, мѣди, желѣза, серебра, глиняной и иной посуды и т. п. Металлическія производства развиты преимущественно въ Тифлисской и Бакинской губерніяхъ и въ Дагестанѣ; этотъ послѣдній районъ славится также керамическими и деревянными издѣліями, выдѣлкой холоднаго оружія и серебряныхъ съ чернью, а также костяныхъ и роговыхъ съ серебряною и золотою насѣчкой предметовъ украшенія.

Фабрично-заводская промышленность развита въ предѣлахъ Кавказскаго края сравнительно слабо, несмотря на обиліе и разнообразіе сырыхъ земледѣльческихъ продуктовъ, удобное положеніе между двумя морями и богатство полезными ископаемыми. Въ большинствѣ случаевъ промышленность эта имѣетъ кустарный или ремесленный характеръ и сосредоточивается преимущественно на производствѣ предметовъ первой необходимости весьма не требовательнаго, въ общемъ, населенія. Лишь въ сравнительно недавнее время нѣкоторыя отрасли промышленности вслѣдствіе особо благопріятныхъ условій, возникли и развились до весьма значительныхъ размѣровъ. Къ такимъ отраслямъ относится нефтяная промышленность, которая, сосредоточиваясь на добычѣ нефти и выработкѣ изъ нея разнообразныхъ продуктовъ, имѣетъ не только общегосударственное, но и міровое значеніе. Нефть, выходы коей извѣстны во многихъ мѣстностяхъ по обѣ стороны Кавказскаго хребта, добывается главнымъ образомъ вблизи г. Баку, на Апшеронскомъ полуостровѣ, а также въ Терской области, близъ г. Грознаго, и въ Кубанской области. Въ 1898 г. на нефтяныхъ промыслахъ въ окрестностяхъ Баку добыто 8 милліоновъ тоннъ нефти, въ окрестностяхъ г. Грознаго—300 тысячъ тоннъ и въ Кубанской области 23 тонны (1897 г.). Такимъ образомъ, въ предѣлахъ Кавказскаго края добывается свыше 8,3 милліон. тоннъ нефти, т. е. на 2 милліона тоннъ болѣе, чѣмъ въ Сѣверной Америкѣ, еще недавно занимавшей первое мѣсто по добычѣ этого продукта на земномъ шарѣ. Всѣхъ скважинъ, дающихъ нефть, насчитывается на Бакинскихъ промыслахъ болѣе 1.100, съ общей глубиной свыше 320 километровъ; изъ нѣкоторыхъ скважинъ нефть нерѣдко выбрасывается гигантскими фонтанами. Согласно требованіямъ русскаго и международнаго рынковъ изъ нефти вырабатывается три типа фабрикатовъ: освѣтительные, смазочные матеріалы и мазутъ или нефтяные остатки. Къ первому типу относятся легкіе продукты перегонки (бензинъ и пр.), освѣтительныя масла съ высокой температурой вспышки

соларовыя масла, астралинъ и пр.) и, наконецъ, главный продуктъ производства—керосинъ. Ко второму типу относятся легкія и тяжелыя смазочныя масла, а къ третьему—не только нефтяные остатки, но и вообще всѣ остальные продукты, служащіе для топлива. Общая производительность всѣхъ 64 работавшихъ въ 1898 году въ Баку заводовъ составила: керосина $1\frac{1}{2}$ милл. тоннъ, смазочныхъ маселъ—164 тысячи тоннъ, бензина до 5 тысячъ тоннъ, масляныхъ остатковъ—18 тыс. тоннъ и нефтяныхъ остатковъ 3.900 тыс. тоннъ. Такимъ образомъ, главными продуктами производства являются керосинъ и нефтяные остатки; изъ общаго количества керосина, около $\frac{1}{3}$ остается на внутреннее потребленіе, остальное же вывозится за границу; нефтяные остатки потребляются внутри гоеударства на топливо и для переработки на смазочные матеріалы и проч. Грозненскіе нефтяные промыслы въ Терской области, хотя и не оправдали, пока, возлагавшихся на нихъ ожиданій, все же должны быть признаны довольно богатыми; средняя суточная производительность действующихъ скважинъ въ Грозномъ (11 въ 1897 г.) составляетъ до 50 тыс. килогр. нефти, въ Баку же всего 25 тыс. килогр. Изъ остальныхъ болѣе крупныхъ фабрично-заводскихъ предприятий слѣдуетъ отмѣтить: ящичные заводы (въ Батумѣ), выдѣлывающіе посуду для керосина, вывозимаго за границу, цементные (около Новороссійска), винокуренные (винокурение производится изъ хлѣбнаго зерна, изъ виноградныхъ сусла и выжимокъ, изъ ягодъ шелковицы и другихъ плодовъ), бумагопрядильни (одна въ Тифлисѣ, другая строится въ Баку), табачныя (въ Тифлисской, Кутаисской губерніяхъ и Кубанской области), рисоочистительныя (въ Баку для обдѣлки персидскаго риса), шелкомотальныя (главнымъ образомъ въ Елисаветпольской и Эриванской губерніяхъ) и спичечныя фабрики, мельницы, маслобойныя, сахароваренныя, кожевенныя, мѣдноплавильныя заводы и проч. Сумма производства всѣхъ 20.000 фабрикъ и заводовъ края (изъ которыхъ большинство имѣетъ кустарно-ремесленный характеръ) вняется примѣрно 70 милл. рублей въ годъ, причемъ нѣсколько менѣе половины этой суммы приходится на производства по работкѣ нефти. Общее число рабочихъ около 67 тыс. человекъ.

Въ предѣлахъ Кавказскаго края извѣстны мѣсторожденія ожества самыхъ разнообразныхъ полезныхъ ископаемыхъ (золото, серебро-свинцовая, свинцовая, мѣдная, цинковая, сурьмяная, кобальтовая, никкелевая, ртутная, марганцовая, слѣзня и мышьяковая руды, сѣрный колчеданъ, сѣра, графитъ, каменный уголь, горючій сланецъ, торфъ, нефть, озокер-

ритъ, поваренная и глауберова соль, квасцы, гипсъ, мраморъ, асбестъ, литографскій и цементный камень и проч.), изъ которыхъ, однако, лишь немногія разрабатываются въ значительныхъ мѣрахъ. Помимо нефти, наиболѣе развита добыча марганцовыхъ рудъ, мѣди, каменнаго угля, поваренной соли, свинца, глауберовой соли и сѣры. Марганцовыя руды добываются главнымъ образомъ въ Шоранскомъ уѣздѣ, Кутаисской губерніи; промышленность эта, возникшая около 20 лѣтъ тому назадъ, достигла нынѣ значительнаго развитія: въ 1897 году въ Кутаисской губерніи добыто 200 тысячъ тоннъ марганцовыхъ рудъ. По количеству добычи этихъ рудъ Россія занимаетъ нынѣ первое место на земномъ шарѣ. Большая часть руды вывозится въ Польшу и Голландію. Каменный уголь встрѣчается главнымъ образомъ въ западной части края; въ 1897 г. на Кавказѣ, преимущественно въ Кутаисской губерніи, добыто 21.300 тоннъ каменнаго угля. Мѣсторожденія каменной соли занимаютъ обширныя пространства въ Карсской области и въ Эриванской губерніи, гдѣ расположенъ извѣстный Кульпинскій (село Кульпы) промыселъ, одинъ изъ древнѣйшихъ на земномъ шарѣ: въ старинныя времена въ этихъ мѣстахъ были находимы каменные молотки и др. орудія каменнаго вѣка. Добыча соли на пяти промыслахъ этихъ мѣстностяхъ составила (1898 г.) около 34.000 тоннъ. Кроме того, изъ соленыхъ озеръ Бакинской губерніи, Дагестанской и Терской областей получено самосадочной соли около 16.400 тоннъ. Глауберова соль добывается въ Тифлисской губерніи въ размѣрѣ около 2½ тыс. тоннъ. Мѣсторожденія медныхъ рудъ извѣстны во многихъ мѣстностяхъ, но добыча и выплавка мѣди сосредоточена главнымъ образомъ въ Елизаветпольской губерніи, и именно на двухъ крупныхъ заводахъ (Кедабекъ и Калакентъ), расположенныхъ въ Елизаветпольскомъ уѣздѣ. На 11 заводахъ, дѣйствовавшихъ въ 1898 г. на Кавказѣ, выплавлено около 3 милл. килогр. металла, изъ коихъ около 75% приходится на упомянутые два завода. Добыча серебряныхъ и свинцовыхъ рудъ производится преимущественно въ Терской области; здѣсь на Алагирскомъ заводѣ въ 1897 году серебра было выплавлено 65 килогр., а свинца—болѣе 70 тыс. килогр. всего на Кавказѣ серебряныхъ и серебро-свинцовыхъ рудъ добыто въ этомъ же году 8.300 тоннъ. Мѣсторожденія стрымовыхъ рудъ разрабатываются въ Тифлисской губ., въ Терской области и въ особенности въ Дагестанской области, гдѣ добывается до 2.120 тоннъ руды и выплавляется до 400 тоннъ сѣры. Наконецъ, въ небольшомъ количествѣ добывается кобальтовая (Ели-

саветпольская губ.), ртутная (Дагестанская область) и желѣзная (Елисаветпольская губ.) руды, а также графитъ (Терская область). Золото, для добычи коего нѣкогда былъ предпринять въ Колхиду знаменитый походъ аргонавтовъ, въ настоящее время не добывается на Кавказѣ.

Помимо полезныхъ ископаемыхъ Кавказъ очень богатъ минеральными источниками, встрѣчающимися во многихъ мѣстностяхъ края. Изъ нихъ пользуются обширной извѣстностью, такъ называемыя, Кавказскія минеральныя воды, расположенныя въ Пятигорскомъ округѣ, Терской области. Здѣсь, въ виду бѣлоснѣжной пирамиды Эльбруса, на сравнительно небольшомъ пространствѣ сосредоточено множество самыхъ разнообразныхъ цѣлебныхъ источниковъ, изъ коихъ сѣрнощелочные находятся въ Пятигорскѣ, желѣзистые въ Желѣзноводскѣ, щелочные въ Ессентукахъ и углекислые въ Кисловодскѣ. Всѣ группы источниковъ соединены желѣзной дорогой, примыкающей у ст. Минеральныя воды къ владикавказской, устроены сравнительно хорошо и посѣщаются большимъ числомъ больныхъ. Изъ источниковъ въ особенности извѣстенъ въ Кисловодскѣ Нарзанъ (богатырь), сильный холодный углекислый источникъ, вода котораго представляетъ прекрасный напитокъ. Изъ другихъ минеральныхъ водъ на Кавказѣ пользуются большою извѣстностью щелочные источники въ Боржомѣ, расположенномъ въ живописномъ лѣсистомъ ущельѣ, по которому Кура спускается съ нагорій Малаго Кавказа, а равно слабые сѣрные источники въ Абасъ-Туманѣ, лежащемъ невдалекѣ отъ Ахалциха на высотѣ около $1\frac{1}{2}$ т. метр. надъ уровнемъ моря въ ущельѣ горнаго хребта, опоясывающаго сѣверо-западную часть нагорій Малаго Кавказа. Оба эти курорта отлично устроены и привлекаютъ многочисленныхъ посѣтителей, а Боржомская вода получила въ качествѣ столоваго напитка большое распространѣнiе.

Лѣса Кавказскаго края, во многихъ мѣстностяхъ сильно порѣдѣвшiе вслѣдствiе безпощаднаго истребленiя и потравъ скотомъ, все еще представляютъ мѣстами значительное богатство, какъ по цѣнности составляющихъ породъ, такъ и по великолѣпному ихъ росту. Въ трудно доступныхъ удаленныхъ отъ населенныхъ мѣстъ горныхъ долинахъ можно встрѣтить превосходныя насажденiя, въ которыхъ запасъ древесной массы на десятинѣ достигаетъ 2.000 куб. метр. Площадь лѣсовъ на Кавказѣ болѣе $7\frac{1}{2}$ милліоновъ гектаровъ, изъ коихъ около 30% приходится на Сѣверный Кавказъ, а около 70% на Закавказьѣ. Наибольшая площадь занята лѣсомъ въ Кубанской об-

ласти и въ Кутаисской губерніи (1.840 и 1.650 тысячъ гектаръ) наименьшая въ Эриванской, гдѣ лѣса занимаютъ не болѣе 1 тыс. гектар. Что же касается лѣсности, то первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Черноморской губерніи, гдѣ лѣсомъ занято 55,7% всей площади, и Кутаисской, гдѣ подъ лѣсомъ состоитъ 46,5%; остальные губерніи значительно менѣе лѣсисты. Наименѣе лѣсиста Эриванская губернія (3,1%) и Карская область (8,7%). Эксплоатація лѣса на Кавказѣ въ общемъ развита довольно слабо: въ низменныхъ и болѣе доступныхъ мѣстностяхъ лѣса сильно истреблены, а въ горныхъ районахъ вслѣдствіе недоступности ихъ и отсутствія дорогъ, эксплуатація лѣса или совсѣмъ невозможна, или же требуетъ устройства особыхъ дорого стоящихъ приспособленій. Въ виду сего крайне мало лѣсопромышленныхъ предпріятій на Кавказѣ имѣется сейчасъ немного; изъ нихъ можно упомянуть обширное лѣсное борозженское имѣніе (Тифлисской губ.) Великаго Князя Михаила Николаевича, гдѣ хорошо организованъ сбытъ лѣса и различныхъ лѣсныхъ продуктовъ, и недавно возникшее предпріятіе купца Максимова, имѣющее цѣлью эксплуатацію лѣсовъ въ бассейнѣ р. Кодора (Кутаисской губ.). Производительность 108 лѣсопиленныхъ заводовъ Тифлисской и Кутаисской губерній не превышаетъ 1.100 тысячъ рублей, а трехъ фанерныхъ фабрикъ (2 въ Тифлисѣ), являющихся сравнительно крупными промышленными заведеніями, 410 тысячъ руб. Значительное количество лѣса идетъ на дрова, колья для винограда, бочки, колеса, посуду и другія этого рода издѣлія, составляющія предметъ кустарной промышленности нѣкоторыхъ лѣсныхъ районовъ. Вслѣдствіе отсутствія и дороговизны мѣстнаго лѣса, значительное количество лѣсныхъ матеріаловъ для потребностей края привозится съ Волги черезъ Астрахань въ Петровскъ и Баку, а равно изъ Херсона и даже изъ заграницы въ Батумъ, гдѣ лѣсъ идетъ преимущественно на выдѣлку ящиковъ, въ которыхъ вывозится за границу керосинъ. Изъ мѣстныхъ лѣсныхъ породъ наибольшую цѣнность представляетъ самшитъ (*Buxus sempervirens*), превосходныя насажденія коего сохранились лишь мѣстами въ казенныхъ лѣсахъ Черноморской и Кутаисской губерній; древесина самшита вывозится за границу и стоитъ около 1 рубля за 16 килогр. Второе мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи грецкій орѣхъ (*Juglans regia*), доставляющій древесину и очень цѣнный орѣховый наплывъ, затѣмъ идетъ уже сильно истребленный каштанъ (*Castanea vesca*), дзельква (*Zelcowa crenata*), коего сохранившіися тиссъ (*Taxus baccata*) и проч.

Рыболовство въ предѣлахъ Кавказскаго края производится какъ у береговъ омывающихъ его морей—Азовскаго, Чернаго и Каспійскаго, такъ и въ низовьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ эти моря (Терекъ, Сулакъ, Кура, Ріонъ, Кубань и проч.) и имѣетъ довольно важное значеніе въ экономіи страны. Значительное число населенія, живущаго въ низовьяхъ означенныхъ рѣкъ, находитъ себѣ заработокъ на рыбныхъ промыслахъ, а цѣнность улововъ на кавказскихъ водахъ достигаетъ нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Въ Каспійско-Терскомъ районѣ вылавливается до 1,6 милліон. килогр. рыбы, въ Каспійско-Куринскомъ—до 36 милл. килогр., въ Азовско-Кубанскомъ—свыше 16 милл. килогр. и въ Крымско-Кавказскомъ—до 25 милл. килогр.; если исключить изъ послѣдняго района около 18 милл. килогр., приходящихся собственно на крымскіе берега, то окажется, что общее количество рыбы, вылавливаемой на кавказскихъ водахъ, достигаетъ слишкомъ 72 милл. килогр. Ловятся главнымъ образомъ: бѣлуга (*Acipenser huso*), осетръ (*Ac. Güldenstaedtii*), шипъ (*Ac. Schypa*), севрюга (*Ac. stellatus*), лосось (*Salmo caspius*), сомъ (*Silurus glanis*), судакъ (*Lucioperca sandra*), карпъ (*Cyprinus carpio*), лещъ (*Abramis brama*), тарань (*Leuciscus rutilus*), кефаль (*Mugil*) и пр. Вылавливаемая рыба, даетъ икру, клей, балыкъ, а главнымъ образомъ соленый товаръ, имѣющій обширный районъ распространенія. Способы улова рыбы весьма разнообразны. Изъ внутреннихъ водъ замѣчательно рыболовствомъ озеро Гокча, въ которомъ живетъ четыре вида лососевыхъ и два вида карповыхъ рыбъ, встрѣчающихся только въ этомъ озерѣ. На Черномъ и Каспійскомъ моряхъ въ небольшихъ размѣрахъ существуетъ ловъ дельфина и тюленя.

Промысловая охота развита на Кавказѣ слабо; на всемъ протяженіи края это занятіе является скорѣе спортомъ, чѣмъ промысломъ, и промышленники-охотники среди мѣстнаго населенія встрѣчаются не часто. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ и значительнаго спроса на нѣкоторые виды дичи, послѣдняя по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, вблизи городовъ и населенныхъ мѣстъ, подверглась, за послѣднее время, сильнѣйшему истребленію. Фазаны, турачи (*Attagen*), олени и джейраны, еще недавно очень обыкновенные въ большинствѣ мѣстностей края, во многихъ районахъ стали рѣдкостью. Предметами промысловой охоты служатъ всѣ населяющія Кавказъ животныя, идущія въ пищу или дающія шкуры и мѣхъ, начиная перепеломъ и кончая медвѣдемъ, барсомъ и тигромъ.

Пути сообщенія на Кавказѣ въ послѣднее время съ

устройствомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, значительно улучшились, но тѣмъ не менѣе еще далеко не находятся въ соотвѣтствіи съ торговыми и другими потребностями края. Потребность въ удобныхъ путяхъ сообщенія тѣмъ болѣе велика, что большая часть страны наполнена болѣе или менѣе значительными возвышенностями, въ виду чего естественные пути въ большинствѣ мѣстностей края плохи, а во многихъ горныхъ районахъ доступны только для верхового и вьючнаго движенія. Черезъ огромный Кавказскій хребетъ, раздѣляющій, подобно гигантской стѣнѣ, на двѣ части весь край, протекаетъ, для сообщенія сѣвернаго Кавказа съ Закавказьемъ, на протяженіи почти 1.500 километровъ, всего лишь одинъ удобный путь—военно-грузинская дорога, соединяющая Владикавказъ съ Тифлисомъ. Вліяніе этихъ неблагоприятныхъ условій нѣсколько ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что Кавказскій край съ востока и запада омывается морями, но моря эти представляютъ сравнительно мало удобныхъ стоянокъ и разстояніе отъ береговъ до внутреннихъ частей страны всетаки очень велико. Широтное, въ общемъ, направленіе Главнаго Кавказскаго хребта обуславливаетъ направленіе существующихъ главныхъ желѣзнодорожныхъ линій, изъ коихъ одна, владикавказская, прорѣзываетъ все Предкавказье съ запада на востокъ, а другая, закавказская, проходитъ въ томъ же направленіи, черезъ все Закавказье, отъ Чернаго до Каспійскаго моря. Лишь въ послѣднее время началась постройка желѣзныхъ дорогъ подъ значительнымъ угломъ къ существующимъ магистральямъ; такими линіями являются дороги Петровскъ—Баку и Тифлисъ—Карсъ. Въ настоящее время вся желѣзнодорожная сѣть въ предѣлахъ Кавказскаго края имѣетъ протяженіе около 3.300 километровъ. Магистральной линіей въ Предкавказьѣ является владикавказская желѣзная дорога, связывающая Ростовъ-на-Дону съ Владикавказомъ и далѣе съ Петровскомъ на Каспійскомъ морѣ (1.000 килом.), съ вѣтвями отъ ст. Тихорѣцкой на Новороссійскъ (280 килом.), отъ ст. Кавказской на Ставрополь (160 килом.) и отъ ст. Минеральныя воды до Пятигорска, Желѣзноводска и Кисловодска (72 килом.). Къ той же узловой ст. Тихорѣцкой примыкаетъ желѣзнодорожная линія на Царицынъ (550 килом.), протекающая по Кубанской области на протяженіи почти 60 километровъ и построенная съ цѣлью дать прямой выходъ волжскимъ и частью сибирскимъ хлѣбнымъ грузамъ къ Черному морю. Закавказская желѣзная дорога, соединяющая Батумъ на Черномъ морѣ (черезъ Сурамскія горы тоннель слишкомъ въ 4 килом.) съ Тифлисомъ, главнымъ администра-

тивнымъ и умственнымъ центромъ края, и далѣе съ Баку, лежащимъ на берегу Каспійскаго моря (930 килом.), отдѣляетъ вѣтви на Поты, Кутаисъ и Тквибули (каменноугольныя копи), Чіатури (добыча марганцовыхъ рудъ), Сурамъ, Боржомъ и Сураханы; общее протяженіе вѣтвей болѣе 220 километровъ. Въ послѣдніе годы построены двѣ очень важныя линіи. Одна изъ нихъ, начинаясь отъ Петровска, идетъ на югъ, по берегу Каспійскаго моря, до Баку, и соединяетъ, такимъ образомъ, закавказскую дорогу съ общей сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Другая желѣзнодорожная линія соединяетъ Тифлисъ съ Карсомъ и въ будущемъ, вѣроятно, будетъ продолжена на Эривань и Джульфу и далѣе въ Персію—на Тавризъ и Тегеранъ. Въ ближайшемъ будущемъ предполагено построить линіи: отъ Тифлиса въ долину рѣки Алазани (Кахетія) и по берегу Чернаго моря на соединеніе новороссійской вѣтви владикавказской желѣзной дороги съ Сухумомъ и далѣе съ закавказской магистралью; наконецъ, существуетъ проектъ постройки желѣзной дороги черезъ центральную часть Главнаго Кавказскаго хребта. Постройка перечисленныхъ желѣзнодорожныхъ линій имѣла огромное значеніе для развитія Кавказскаго края, разработки его природныхъ богатствъ и сближенія съ русскими и иностранными рынками. Движеніе по этимъ линіямъ постоянно возрастаетъ и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, казенная закавказская желѣзная дорога, являются одними изъ наиболѣе доходныхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Главнѣйшіе результаты эксплуатаціи этой линіи (въ 1896 году) выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: перевезено пассажировъ 2,345 тысячъ, грузовъ—2 $\frac{1}{2}$ мил. тоннъ, валовой доходъ составилъ 19 милліоновъ рублей, чистый доходъ—10 милліоновъ рублей, или на версту дороги—9 $\frac{1}{2}$ тысячъ рублей. Главнѣйшими грузами являются: керосинъ и другіе нефтяные продукты—1.230 милл. килогр., марганцовая и другія руды—540 милл. килогр., хлѣбные грузы—115 милліоновъ килогр. и проч. Почти также успѣшно работаетъ и частная владикавказская дорога; въ томъ же году перевезено пассажировъ 1.854 тысячи, грузовъ—3 $\frac{1}{2}$ милліоновъ тоннъ; валовой доходъ составилъ 18 $\frac{3}{4}$ милліоновъ руб., чистый доходъ—8,2 милл. руб., или на версту дороги—6,8 тысячъ рублей. Важнѣйшіе грузы: пшеница и другіе хлѣбные грузы, маслянистыя сѣмена, лѣсъ, нефтяные грузы, каменный уголь и пр.

Изъ колесныхъ путей наиболѣе важное значеніе имѣетъ знаменитая своими красотоми природы военно-грузинская дорога, представляющая превосходное шоссе (около 220 километровъ),

соединяющее Владикавказъ съ Тифлисомъ. По этой дорогѣ, являющейся кратчайшимъ путемъ сообщенія внутреннихъ районовъ Закавказья съ Европейской Россіей, происходитъ весьма оживленное пассажирское и довольно значительное грузовое движеніе. Другими важными грунтовыми дорогами являются пути: отъ станціи Акстафа закавказской желѣзной дороги на Александрополь, Эривань и Джульфу, отъ Тифлиса до Телавы и Сигнаха (въ Кахетію) и затѣмъ на Закаталы и Нуху, отъ ст. Евлаха до Шуши и пр.

Рѣки Кавказскаго края, какъ пути сообщенія, имѣютъ ничтожное значеніе; исключеніе составляетъ среднее и нижнее теченіе р. Куры, по которой производится довольно оживленный сплавъ лѣса и плаваніе небольшихъ рѣчныхъ судовъ и лодокъ. Весьма важными путями сообщенія являются омывающія берега Кавказа моря. Главнѣйшіе пункты Каспійскаго побережья связаны срочными пароходными рейсами съ персидскими портами, съ Красноводскомъ, откуда начинается среднеазиатская желѣзная дорога, и съ Астраханью, а слѣдовательно, и съ Волгой, а Черноморское побережье Кавказа соединено такими же рейсами пароходовъ съ портами Южной Россіи (Одесса, Севастополь), съ анатолійскимъ берегомъ Турціи и Константинополемъ. Кроме того, русскіе и иностранные пароходы (австрійскаго Ллойда, Messageries maritimes) поддерживаютъ правильное сообщеніе между Батумомъ и портами Средиземнаго моря до Марселя включительно.

Торговые обороты Кавказскаго края со времени окончательнаго его замиренія, проведенія желѣзныхъ дорогъ, оживленія морскихъ сношеній и проч. достигли весьма значительныхъ размѣровъ и продолжаютъ быстро увеличиваться, причемъ довольно значительная часть ихъ приходится на обменъ товаровъ съ иностранными государствами. Цѣнность общаго грузооборота Кавказскаго края по заграничной торговлѣ составляетъ слишкомъ 88½, милліоновъ рублей (1897 годъ), изъ коихъ до 34 милліоновъ рублей приходится на ввозъ, а около 54½, милліоновъ рублей—на вывозъ. Въ этомъ грузооборотѣ наибольшее значеніе имѣетъ Черноморское побережье Кавказа съ главнѣйшими портами: Ейскъ и Темрюкъ на Азовскомъ морѣ, и Новороссійскъ, Поти и Батумъ—на Черномъ. На Каспійскомъ морѣ главное значеніе принадлежитъ Баку и Астарѣ, а на всей сухопутной границѣ съ Турціей и съ Персіей—Джульфѣ, лежащей на пути въ Тавризмъ и Тегеранъ. Изъ Ейска (3,4 милл. руб.) и Темрюка (1,4 милл. руб.) вывозятся почти исключительно хлѣ

ба, а именно пшеница и ячмень. Новороссійскъ (15 милл. руб.) отправляетъ за границу, главнымъ образомъ, пшеницу и другіе хлѣба, масличныя сѣмена, жмыхи, шерсть и небольшое количество нефтяныхъ продуктовъ, поступающихъ сюда изъ Грознаго. Изъ Поти (3,2 милл. руб.) вывозятся: марганцовая руда (174 тыс. тоннъ), кукуруза, дерево пальмовое и орѣховое и проч. Крупнѣйшимъ центромъ Черноморскаго побережья Кавказа по отпускной торговлѣ является Батумъ (22,1 милл. руб.), откуда преимущественно вывозятся (наливомъ и въ ящикахъ) нефтяные продукты (940.000 тоннъ, главнымъ образомъ керосинъ), поступающій сюда въ вагонахъ-цистернахъ изъ Баку. Въ настоящее время, въ видахъ облегченія отпуска за границу нефтяныхъ и другихъ грузовъ, встрѣчающихъ нынѣ затрудненія при перевозкѣ по закавказской желѣзной дорогѣ, казною строится керосинопроводъ, предназначенный для перекачки керосина. Участокъ керосинопровода отъ Батума до ст. Михайлово (у восточной подошвы Сурамскаго хребта) уже почти готовъ; къ дальнѣйшей постройкѣ керосинопровода до Тифлиса и Баку будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени. Изъ остальныхъ, вывозимыхъ черезъ Батумъ грузовъ, слѣдуетъ отмѣтить: солодковый корень, марганцовую руду, дерево орѣховое и пальмовое, шерсть, шелкъ, кукурузу, ковры (главнымъ образомъ транзитъ изъ Персіи и средней Азіи) и т. п. Значительно слабѣе развитъ граничный отпускъ на Каспійскомъ морѣ, по которому производится вывозъ въ Персію. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ Баку (9,6 милл. р.), откуда вывозятся: сахаръ и сахарный песокъ, папиросы, металлы и металлическія издѣлія, мануфактуры, нефтяные продукты и проч. Огромное большинство этихъ товаровъ получается въ Европейской Россіи; такъ, напримѣръ, весь сахаръ привозится изъ внутреннихъ губерній, такъ какъ на Кавказѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного сахарнаго завода. Изъ Астарты (0,6 милл. р.) вывозятся въ Персію преимущественно разнообразныя издѣлія. Отпускная торговля по сухопутной границѣ сравнительно не велика и достигаетъ по цѣнности не болѣе 2 миллионъ руб.; самымъ оживленнымъ пунктомъ является Пджульфа.

По ввозу первое мѣсто, на Черномъ морѣ, занимаетъ Батумъ (7 миллионъ рублей), куда привозятся, главнымъ образомъ, доски (для керосиновыхъ ящиковъ), желѣзо, жсть (для керосиновыхъ ящиковъ) и другіе металлы, сѣра и другіе химическіе продукты, гончарныя издѣлія, чай (транзитъ въ Баку и Среднюю Азію) и проч. Новороссійскъ получаетъ товаровъ

изъ заграницы всего на 3,7 милл. руб., причемъ ввозятся преимущественно металлы и металлическія издѣлія, машины, кирпичи и гончарныя издѣлія, апельсины и проч. Привозъ товаровъ по Каспійской границѣ немногимъ менѣе, чѣмъ по Черноморской. Въ Баку (6½ милл. руб.) и Астара (1,8 милл. руб.) привозятся изъ Персіи: рисъ обдѣланный, лѣсъ, уголь, хлопокъ, сухіе фрукты и орѣхи, шерстяныя издѣлія, а черезъ Джульфу, которая по привозу, какъ и по вывозу, занимаетъ самое бойкое мѣсто въ ряду другихъ пунктовъ на сухопутной Кавказской границѣ,—шерсть и шерстяныя издѣлія.

Вывозъ направляется преимущественно въ Персію, Великобританію, Турцію, Голландію и Францію; привозъ товаровъ имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, изъ Персіи, Великобританіи, Франціи, Румыніи и т. п. Товарообмѣнъ Кавказскаго края съ Европейской Россіей весьма значителенъ, но трудно поддается точной регистраціи; въ Европейскую Россію вывозятся, главнымъ образомъ, керосинъ и другіе нефтяные продукты (мазутъ и проч.). Помимо нефтяныхъ грузовъ, въ Европейскую Россію вывозится весь собираемый въ краѣ хлопокъ, затѣмъ шерсть, шелкъ, вино, ковры, кожи, мѣдь и пр. Привозъ изъ Европейской Россіи складывается, главнымъ образомъ, изъ мануфактурныхъ товаровъ, металлическихъ издѣлій, посуды, сахара, чая и лѣса.

Вслѣдствіе своего географическаго положенія и богатой природы Кавказскій край съ древнѣйшихъ временъ служилъ поприщемъ встрѣчи европейскихъ и азіатскихъ народовъ и привлекалъ предприимчивыхъ людей, жаждавшихъ обогащенія или славы. Исторія Кавказа, теряясь во мракъ вѣковъ, переплетается на зарѣ своей съ преданіями и мифами глубокой старины и нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ событій приурочиваются сказаніями многихъ народовъ къ различнымъ мѣстностямъ Кавказа (остановка ковчега послѣ потопа на Араратѣ, Прометей, походъ аргонавтовъ въ Колхиду и т. п.). Въ историческое время край этотъ, въ теченіе десятковъ вѣковъ, представлялъ арену непрерывной и нерѣдко чрезвычайной ожесточенной борьбы между мѣстными и пришлыми завоевателями и народами—борьбы, которая, то затихая на короткое время, то вспыхивая съ новой силой, продолжалась съ небольшими перерывами почти до нашихъ дней. Древніе персы, евреи, греки, римляне, готы, аланы, гунны, арабы, сельджуки, хазары, монголы, генуезцы, турки и множество другихъ, намъ почти неизвѣстныхъ народовъ господствовали на Кавказѣ и оставили слѣ-

воего болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія. Со
ой половины XVI вѣка сношенія русскихъ съ Кавказъ
краемъ становятся болѣе частыми и завершаются зами-
емъ Кавказа и присоединеніемъ его къ Россіи, послѣ чего
этотъ вступаетъ въ новую эру мирнаго процвѣтанія и
омического развитія. Нелегко, однако, далось Россіи это
брѣтеніе: около ста лѣтъ тому назадъ сердце Закавказья—
ія была присоединена къ имперіи, но лишь 63 года спустя,
ѣ упорнаго сопротивленія, сложило оружіе послѣднее не-
рное племя и Кавказъ, цѣною огромныхъ жертвъ и усилій,
ь замиренъ окончательно. Мирное развитіе Кавказскаго
, вначалѣ подвигавшееся чрезвычайно медленно и встрѣ-
лее въ этой, обездоленной вѣковыми войнами, странѣ не
препятствій, въ послѣднюю четверть вѣка, вслѣдствіе по-
йки сѣти желѣзныхъ дорогъ, улучшенія путей, устройства
говъ, усиленія русскаго элемента и другихъ благопріятныхъ
овій пошло быстрыми шагами впередъ; земледѣльческая куль-
улучшилась и появились новыя ея отрасли; добыча горъ-
богатствъ, а въ особенности нефти и марганцовыхъ рудъ,
тигла огромныхъ размѣровъ; въ краѣ возникла крупная фа-
чно-заводская промышленность и нѣкоторые другіе новыя
народнаго труда. Мало по малу Кавказъ не только всту-
въ весьма дѣятельныя сношенія съ Европейскою Россіей,
и завоевалъ себѣ прочное и почетное мѣсто на международъ-
ь рынкѣ.

Кн. В. Масальскій.

Генералиссимусъ Суворовъ*).

Его жизнь, дѣятельность и значеніе.

(къ столѣтію со дня смерти 6-го мая 1800—1900 г.).

Статья третья.

VI. Суворовъ—командующій войсками.

Штурмъ Измаила—11 денабря 1790 г.

Вторая турецкая война тянулась уже четвертый годъ, а близкій конецъ не предвидѣлся. Политическая обстановка 1790 года была для Россіи крайне неблагоприятною: на югѣ шла борьба съ Турціею, на сѣверѣ—со Швеціею, на западѣ составилъ враждебный намъ союзъ между Польшею, Англіею и Пруссіею. Единственный усердный союзникъ Екатерины II австрійскій императоръ Іосифъ II умеръ и Австрія, тяготясь войной, заключила съ Портою перемиріе и приступила къ переговорамъ и о самомъ мирѣ.

Лѣтомъ 1790 года эта мрачная обстановка измѣнилась въ пользу Россіи, такъ какъ со шведскимъ королемъ Густавомъ удалось заключить миръ, а адмиралъ Ушаковъ разбилъ турецкій

*). См. „Кавк. Вѣстн.“ № 6.

флотъ на Черномъ морѣ близъ Гаджибея, а въ средѣ союзниковъ начались серьезныя разногласія изъ-за дѣлежа будущихъ приобрѣтеній.

Удачный исходъ мирныхъ переговоровъ со Швеціею позволилъ Екатеринѣ II обратить все свое вниманіе на войну съ Турціей. Императрица считала, что необходимо было теперь же начать здѣсь болѣе рѣшительныя и энергичныя операціи, иначе при пропускѣ удобной минуты покровительствовавшія туркамъ европейскія державы успѣютъ вступить за Турцію.

Потемкинъ рѣшилъ воспользоваться оставшимся до зимы временемъ, чтобы овладѣть крѣпостями по нижнему Дунаю. Два отряда съ помощію гребной флотиліи должны были завладѣть всѣми турецкими укрѣпленными пунктами, уничтожить рѣчныя непріятельскія суда и вообще очистить низовья Дуная съ прибрежьями. Въ концѣ ноября небольшія крѣпости Килія, Тульча и Исакча находились въ рукахъ русскихъ и турецкія гребныя флотиліи были истреблены. Оставалось овладѣть грозной твердыней—Измаиломъ, считавшимся неприступнымъ.

Крѣп. Измаилъ находилась почти у самаго устья Дуная и въ 1790 г. была сильно укрѣплена иностранными инженерами. Главный валъ крѣпости до 6 верстъ общаго протяженія былъ вышиною 3—4 сажени, а ровъ шириною 6 и глубиною 3—5 с. мѣстами былъ наполненъ водою глубиною до плечъ. Сила гарнизона около 35—40 тыс. человекъ, въ томъ числѣ 8 т. конницы, 17 т. янычаръ и нѣсколько тысячъ татаръ. Комендантомъ Измаила былъ старый, посѣдѣвшій въ бояхъ. Айдоли-Мехметъ-паша, человекъ въ высшей степени рѣшительный, твердый и дѣльный. Султанъ обѣщалъ всему гарнизону, что если Измаилъ будетъ взятъ русскими, то *оставшіеся въ живыхъ защитники будутъ преданы смертной казни*. Боевыхъ припасовъ въ крѣпости было въ изобиліи, продовольствія на 1½ мѣсяца.

Къ тому же по своему положенію Измаилъ, какъ говорятъ поэты:

На берегу рѣки Дуная,
Какъ неприступная скала,
Дорогу къ туркамъ заграждая,
Твердыня грозная была.

Преграждая путь нашей арміи и служа оплотомъ для турецкой, Измаилъ не могъ быть обойденъ русскими войсками при ихъ вторженіи въ Добруджу. По выраженію Потемкина, Измаилъ „вязалъ руки для предпріятій дальнихъ“.

Такимъ образомъ Измаилъ представлялъ изъ себя крѣпость чрезвычайно важную по значенію и весьма сильную, хорошо вооруженную и снабженную какъ продовольственными, такъ и боевыми припасами, обороняемую многочисленнымъ храбрымъ гарнизономъ съ опытнымъ и рѣшительнымъ комендантомъ во главѣ.

Три такихъ условіяхъ скорое овладѣніе Измаиломъ представляло задачу крайне трудную, а между тѣмъ овладѣть крѣпостью было крайне необходимо не только по соображеніямъ военнымъ, но и по политическимъ. Рѣшительный успѣхъ надъ турками, паденіе грозной твердыни, запиравшей намъ свободный доступъ въ предѣлы Оттоманской имперіи, могли съ одной стороны еще въ зачаткѣ разрушить замыслы противъ насъ коалиціи, а съ другой стороны ускорить и заключеніе мира, о которомъ уже шли переговоры съ турками и котораго такъ сильно желала русская Императрица. Словомъ, надо было окончить войну сильнымъ ударомъ—взять Измаилъ и тѣмъ самымъ рѣшить участь войны въ нашу пользу.

Однако, дѣла наши подъ Измаиломъ шли очень тихо. Надо замѣтить, что къ концу ноября наши войска были расположены на театрѣ военныхъ дѣйствій такимъ образомъ: на правомъ флангѣ у Галаца—корпусъ Суворова, 12 т., въ центрѣ, у Измаила—войска Гудовича, Потемкина (двоюроднаго брата фельдмаршала) и де-Рибаса, всего 25—30 т., въ тылу, выше Бендеръ—корпусъ Репнина, 36 т. Самъ Потемкинъ находился въ Бендерахъ. Власть надъ войсками подъ Измаиломъ объединена не была и потому каждый генералъ дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію.

Наступившее вскорѣ сырое и холодное время, большая скудость въ продовольствіи и топливѣ, тревожное пребываніе въ траншеяхъ породили въ русскихъ войскахъ у Измаила широкое развитіе всевозможныхъ болѣзней, а колебанія и бездѣйствіе главныхъ начальниковъ—общій упадокъ духа и энергіи. Приближеніе суровой зимней непогоды заставляло приступить къ штурму крѣпости теперь же, а между тѣмъ у осаждающаго силъ было меньше, чѣмъ у осажденнаго, осадной артиллеріи совсѣмъ не было, а снарядовъ въ полевой артиллеріи всего на одинъ комплектъ. Словомъ, успѣхъ штурма былъ сомнителенъ и хотя бы послѣдовалъ, то стоитъ могъ „нѣсколько тысячъ войскъ“, какъ сказано было въ постановленіи военнаго совѣта.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса о штурмѣ подъ стѣнами Измаила 26-го ноября былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено, въ виду неодолимости Измаила, отступить на зимнія квартиры, какъ сказалъ поэтъ:

И порѣшили генералы,
Что невозможно крѣпость взять.

Нѣкоторыя войска начали уже приводить въ исполненіе рѣшеніе совѣта, отводить войска отъ крѣпости, какъ вдругъ 27-го ноября получается предписаніе Потемкина о назначеніи начальникомъ всѣхъ войскъ, собранныхъ подъ Измаиломъ, Суворова.

Потемкинъ видѣлъ, что кампанія 1790 г. подходитъ къ концу, что окончить ее, ограничившись взятіемъ ничтожныхъ крѣпостей, будетъ важнымъ промахомъ и въ политическомъ отношеніи, что, пока не палъ Измаилъ, переговоры о мирѣ будутъ только потерей времени, а Императрица требуетъ этого мира. Онъ отлично понималъ съ другой стороны, что грандіозный подвигъ овладѣнія Измаиломъ не по плечу ни одному изъ находившихся тамъ генераловъ, и поручилъ это трудное дѣло Суворову.

Потемкинъ писалъ Суворову, что турецкая флотилія подъ Измаиломъ почти вся истреблена; „остается предпринять на овладѣніе города, для чего ваше сіятельство изволите поспѣшить туда для принятія всѣхъ частей въ вашу команду“ и совѣтовалъ вести атаку съ рѣчной стороны. Въ тотъ же день онъ послалъ Суворову другое письмо: „Моя надежда на Бога и на вашу храбрость, поспѣши мой милостивый другъ... Много тамъ равночинныхъ генераловъ, а изъ того всегда выходитъ нѣкоторый родъ сейма нерѣшительнаго... Огляди все и распоряди, и, помоляся Богу, предпринимайте“. Черезъ день или два послѣ отправки этихъ двухъ писемъ, Потемкинъ получилъ донесеніе изъ подъ Измаила о принятомъ рѣшеніи на счетъ снятія осады, а потому 29 ноября вновь пишетъ Суворову, но уже не такъ рѣшительно: тяжесть задачи и отвѣтственности начинаетъ его утрачивать. Онъ говоритъ, что Гудовичъ, Потемкинъ и Рибасъ рѣшились отступить прежде, чѣмъ узнали о порученіи, данномъ Суворову: „предоставляю вашему сіятельству поступать тутъ по лучшему вашему усмотрѣнію, продолженіемъ-ли предпріятія на Измаилъ или оставленіемъ онаго“.

Между тѣмъ турки, видя начавшееся отступленіе русскихъ сухопутныхъ силъ и флотиліи де-Рибаса, пришли въ неописанную радость: шумѣли, кричали, стрѣляли, выдѣлывали, какъ говоритъ г. А. Петрушевскій, всевозможныя фанфаронады. Восторгъ ихъ былъ, однако, непродолжителенъ: Суворовъ, отвѣтивъ Потемкину коротко—„получа повелѣніе вашей свѣтлости, отправился я къ сторонѣ Измаила“,—послалъ еще дорогою вой-

скамъ, отступавшимъ отъ крѣпости, приказаніе возвратиться на свои позиціи подъ Измаиломъ. Возвратилась и флотилія и по приказанію Рибаса всѣ суда стали сгружать пушки и свои припасы обратно на только что брошенныя батареи. Изъ числа войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Суворова въ Галацѣ, онъ назначилъ подъ Измаиль фанагорійскій любимый гренадерскій полкъ, 2 сотни казаковъ, 1000 арнаутовъ и 150 охотниковъ изъ шеронскаго полка и приказалъ изготовить и отправить туда 30 лѣстницъ и 1000 фашиновъ.

Какъ электрическая искра облетѣла флотилію и всѣ отъ путныя войска вѣсть о назначеніи Суворова. Чувствовалось имъ отъ генерала до послѣдняго рядового, что, какъ только будетъ Суворовъ, крѣпость возьмутъ штурмомъ.

Рано утромъ 2 октября, послѣ больше чѣмъ 100-верстнаго пути, къ расположенію русскихъ войскъ подъ Измаиломъ подъѣхали два невзрачныхъ всадника... То былъ графъ Суворовъ и Римникскій съ казаконъ, который въ небольшомъ узелѣ имѣлъ все походное имущество генерала. Раздалась приветственная пальба съ батарей, всѣ оживились и просіяли: въ лицѣ казачьего, сухопарого, неказистаго старичка явилась побѣда и какъ говорить поэтъ:

Тогда къ войскамъ герой Суворовъ
Орломъ побѣднымъ прилетѣлъ.

Съ пріѣздомъ Суворова сейчасъ же закипѣла общая деятельность. Осмотрѣвшись и разобравшись въ обстановкѣ, Суворовъ увидѣлъ, что ему предстоялъ подвигъ болѣе трудный, чѣмъ онъ полагалъ прежде, но несмотря на это, онъ не думалъ откладывать штурма въ долгій ящикъ.

Вождей совѣтамъ осторожнымъ
Стратегъ великій не внималъ,
Что имъ казалось невозможнымъ,
Себѣ возможнымъ онъ считалъ.

(Н. Кельшъ).

Суворовъ сообщилъ Потемкину свое рѣшеніе въ категорической. На другой день по пріѣздѣ онъ послалъ свое донесеніе, въ концѣ котораго сказано: „общаться нельзя: Божья воля и милость зависятъ отъ Его провидѣнія“. Немногіе изъ которыхъ могли располагать Суворовъ до приступа, были напечата ны кипучей дѣятельностью. Ежедневно выѣзжалъ Суворовъ

самъ съ офицерами на развѣдку окрестностей, изучая внимательно каждую горку, давалъ указанія, гдѣ и какъ вести войска на штурмъ; были заложены батареи съ демонстративною цѣлью, чтобы убѣдить турокъ въ желаніи русскихъ вести правильную осаду. Де-Рибасъ выстроилъ сильныя батареи на островѣ Сулинѣ и практиковалъ войска въ посадкѣ на суда. Въ лагерѣ были выстроены валы и рвы на подобіе измаильскихъ и ночью подъ руководствомъ Суворова войска учились штурмовать ихъ; готовились лѣстницы, фашины. Когда приготовленія къ штурму достаточно подвинулись впередъ, Суворовъ вступилъ въ переговоры съ комендантомъ.

7-го декабря коменданту Измаила Суворовъ послалъ официальное письмо главнокомандующаго Потемкина о сдачѣ крѣпости безъ боя и вмѣстѣ съ нимъ послалъ и свое, почти такого же содержанія, давъ сроку на отвѣтъ 24 часа; кромѣ того, онъ приложилъ дополнительную или, лучше сказать, пояснительную записку. Записка эта отличалась отъ первой, строго-официальной, чисто суворовскимъ складомъ рѣчи и содержала въ себѣ слѣдующія немногія слова: „Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать четыре часа на размышленіе—воля; первый мой выстрѣлъ—уже неволя; штурмъ—смерть. Что оставляю вамъ на разсмотрѣніе“.

Сераскиръ отвѣтилъ письмомъ, прося перемирія на 10 дней, а одинъ изъ подручныхъ пашей, принимавшій это письмо, замѣтилъ въ разговорѣ съ посланнымъ офицеромъ: „Скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо рушится на землю, чѣмъ сдастся Измаиль“.

Суворовъ отлично понялъ уклончивый отвѣтъ сераскира, желавшаго затянуть дѣло, и потому отвѣчалъ: „Получа вашего превосходительства отвѣтъ, на требованіе согласиться никакъ не могу, а противъ моего обыкновенія еще даю вамъ сроку сей день до будущаго утра на размышленіе“. Въ назначенный срокъ Суворовъ отвѣта не получилъ и потому на 11 число былъ назначенъ штурмъ Измаила. Принимая всѣ мѣры для обезпеченія успѣха штурма съ матеріальной стороны, Суворовъ обратилъ одновременно особенное вниманіе на подготовку штурма въ нравственномъ отношеніи. Почти ежедневно ходилъ онъ по бивуакамъ, говорилъ съ солдатами и офицерами, вспоминалъ прежнія побѣды, указывалъ на трудность овладѣнія Измаиломъ. „Видите ли эту крѣпость, говорилъ онъ, указывая на Измаиль, стѣны ея высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ нужно взять ее. Матушка Царица приказала и мы должны Ея слушать—

ся".— „Съ тобою все возьмемъ“, восторженно отвѣчали солдаты и дѣйствительно это были слова твердыхъ духомъ, готовыхъ лучше умереть, чѣмъ не одержать побѣды. Гордый отвѣтъ турокъ Суворовъ приказалъ прочесть въ каждой ротѣ, чтобы разжечь еще больше азартъ солдатъ.

Но кромѣ подготовки солдатъ въ моральномъ отношеніи, Суворову необходимо было повліять на образъ мыслей непосредственно подчиненныхъ ему генераловъ. Еще нѣсколько дней тому назадъ эти генералы считали штурмъ Измаила невозможнымъ и рѣшили отступить. Необходимо было перелить въ нихъ свою мысль, свое рѣшеніе, произвести въ нихъ, такъ сказать, нравственный переворотъ, убѣдить ихъ въ совершенно противномъ. И вотъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать свой взглядъ— ихъ взглядомъ, свою увѣренность— ихъ увѣренностью, Суворовъ созываетъ 9-го декабря военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ онъ произнесъ одушевленную рѣчь, указывая, что два раза русскіе подступали къ Измаилу и два раза безуспѣшно, третья неудача немыслима, надо или взять крѣпость, или умереть. „Я рѣшился овладѣть крѣпостью, либо погибнуть подъ ея стѣнами“, закончилъ онъ. Младшій изъ присутствовавшихъ генераловъ, казакъ Платовъ, которому слѣдовало подать голосъ первому, громко произнесъ: „штурмъ!“ и всѣ безъ исключенія (13 лицъ) присоединились къ его мнѣнію. Суворовъ бросился на шею Платову, перецѣловалъ всѣхъ по очереди и сказалъ: „сегодня молиться, завтра учиться, послѣзавтра— побѣда, либо славная смерть“. Участь Измаила была рѣшена. Дѣйствительно, задача, предстоявшая Суворову, была непомѣрно трудною. Тридцать съ небольшимъ тысячъ русскихъ, въ томъ числѣ 15 тысячъ пѣшихъ казаковъ, плохо вооруженныхъ, должны были штурмовать, какъ мы видѣли раньше, сильнѣйшую крѣпость съ 40-тысячнымъ гарнизонномъ, снабженнымъ всѣмъ необходимымъ въ изобиліи, преисполненнымъ отчаянной храбрости и вполне увѣреннымъ въ собственныхъ силахъ.

Послѣ военнаго совѣта, день штурма былъ назначенъ на 11-е число. По диспозиціи войска распредѣлялись на три крыла, по три колонны каждое. Отрядъ генерала де-Рибаса (9 т.) долженъ былъ атаковать съ рѣчной стороны, правое крыло генерала Потемкина (7½ т.) должно было ударить на западную часть крѣпости, лѣвое крыло генерала Самойлова (12 т.) на восточную. Кавалерійскій резервъ Вестфалена (2½ т.) былъ на сухопутной сторонѣ.

Для внезапности нападенія, Суворовъ рѣшилъ начать штурмъ

ночью; кромѣ того, предполагая упорное сопротивленіе турокъ, онъ хотѣлъ имѣть въ распоряженіи возможно больше свѣтлой части дня. Для одновременности атаки установленъ сигналъ ракетами; по 3-й ракетѣ, въ 5 часовъ утра, колонны должны атаковать; для избѣжанія недоразумѣній приказано было всѣмъ колоннымъ начальникамъ свѣрить свои часы, а чтобы турки не догадались, что означаютъ ракеты, приказано каждую ночь пускать ихъ въ лагерь.

Войскамъ даны были подробныя наставленія: что дѣлать стрѣлкамъ, рабочимъ, какъ пользоваться лѣстницами и фашинами. Въ общемъ рѣшительно всѣ до послѣдняго солдата знали свое мѣсто и свои обязанности. Строго запрещалось войскамъ грабить городъ во время боя, трогать мирныхъ жителей и особенно женщинъ и дѣтей. Вообще диспозиція была замѣчательна по своей обстоятельности и практичности.

Съ восходомъ солнца открылась 10-го декабря сильнѣйшая канонада съ флотиліи, съ острова и съ 4 фланговыхъ батарей. Турки отвѣчали горячо. Городъ сильно пострадалъ, но не малую потерю понесли и русскіе.

Въ тотъ же день Суворовъ отдалъ приказъ по войскамъ, который кончился словами: „Два раза осаждала Измаиль русская армія и два раза отступала; намъ остается въ третій разъ или побѣдить, или умереть со славою“.

Спустилась чрезвычайно темная ночь; черезъ непроглядную тьму только вспыхивалъ огонь выстрѣловъ, да и тѣ мало-помалу замолкли, и наступила тишина, прерываемая по временамъ только глухими, непродолжительными звуками, доносившимися изъ крѣпости. Мало кто спалъ въ эту ночь. Дѣятельный комендантъ Измаила объѣзжалъ валы, повѣряя сторожевую службу. Не спалъ и Суворовъ и никто въ русскомъ лагерѣ; группы офицеровъ и солдатъ собирались вокругъ костровъ и разговаривали о предстоящихъ подвигахъ. Суворовъ ходилъ отъ бивуака къ бивуаку и заводилъ разговоры: „Какой полкъ?“—спрашивалъ онъ; получивъ отвѣтъ, хвалилъ солдатъ, припоминалъ минувшіе дни: „Славные люди, храбрые солдаты!—восклисалъ онъ,—тогда они дѣлали чудеса, а сегодня презойдутъ самихъ себя“. Простыя живыя рѣчи обожаемаго полководца воспаляли сердца солдатъ и офицеровъ и всѣ жаждали показать себя достойными его похвалъ. Вернувшись къ своему бивуаку, Суворовъ прилесть къ костру и самъ заснуть не могъ. Въ 3 часа взвилась 1-я сигнальная ракета и войска заняли назначенныя по диспозиціи мѣста. Въ 5½ часовъ утра колонны двинулись на приступъ въ пол-

номъ порядкѣ, соблюдая тишину; турки сидѣли смирно, не выдавая себя ни однимъ выстрѣломъ; но когда колонны подошли шаговъ на 300—400, открылся адскій огонь. Слѣдить подробно за дѣйствіями каждой колонны мы не будемъ, а скажемъ только, что первую подошла къ крѣпости вторая колонна Ласси, что наибольшія трудности выпали на долю колоннъ Львова и Мекноба, что трудно было и 4, и 5 колоннамъ, составленнымъ изъ казаковъ; 4-я колонна Орлова была разрѣзана пополамъ вылазкою турокъ изъ сосѣднихъ воротъ; произошла ожесточенная схватка. Казаки пики разлетаются подъ ударами сабель, безоружные казаки гибнутъ массаи. Суворовъ немедленно прислалъ поддержку изъ резерва, которая живо измѣнила картину боя. Полоцкій полкъ произвелъ блестящую атаку почти безъ офицеровъ, ибо большая часть ихъ выбыла изъ строя вмѣстѣ съ своимъ командиромъ и когда немного заколебался, то во главѣ полка сталъ полковой священникъ о. Трофимъ Куцинскій, высоко поднявъ крестъ Искупителя и, воодушевивъ людей, бросился съ ними на турокъ. Двѣ пули попали о. Трофиму въ крестъ, третья въ лѣвую ногу, но онъ не сробѣлъ и продолжалъ по лѣстницѣ впереди всѣхъ взбираться на валъ.

Наступилъ день. Въ 8 часовъ утра вся ограда крѣпости была въ нашихъ рукахъ. Турки отступили въ городъ, готовясь къ послѣдней, отчаянной оборонѣ.

Послѣ короткаго отдыха, приведя себя въ порядокъ, русскіе съ ружьями на перевѣсѣ, съ музыкой, неудержимо хлынули въ городъ съ разныхъ сторонъ и не было уже на свѣтѣ такой силы, которая могла бы ихъ удержать. Рѣзня, происшедшая вслѣдъ затѣмъ въ городѣ, не поддается никакому описанію. Шло не обшее сраженіе, а вереница частныхъ кровопролитныхъ дѣлъ, прекращавшихся на однихъ мѣстахъ и начинавшихся на другихъ. Турки собирались толпами на площадяхъ, въ улицахъ, бросались на врага, какъ обезумѣвшіе, стрѣляли изъ домовъ, съ крышъ. Каждый домъ приходилось брать штыками. Пожары зловѣщимъ пламенемъ освѣщаютъ бойню, подгорѣвшія крыши валятся и погребаютъ подъ собой цѣлыя груды враговъ, плачъ дѣтей, крики женщинъ, выстрѣлы, — все это смѣшивается въ ужасный концертъ. Согласно приказанію Суворова вступили въ городъ всѣ резервы, и къ часу дня былъ занятъ уже весь городъ. Старикъ Айдошъ-Мехмету не суждено было пережить этого дня. Суворовъ приказалъ 8 эскадронамъ и 2 казачьимъ полкамъ очистить улицы отъ турокъ. Произошло еще нѣсколько упорныхъ частныхъ стычекъ, и къ 4 часамъ дня Измаилъ некому было

уже защищать: все было кончено—изъ 35 т. гарнизона 26 т. были убиты, 9 т., почти всѣ раненные, взяты въ плѣнъ и изъ *крѣпости спасся лишь одинъ* раненый турокъ. Онъ-то и принесъ въ Турцію извѣстіе о гибели крѣпости и всего ея гарнизона. Потери русскихъ сравнительно очень незначительныя—не болѣе 10 т. человѣкъ.

Рѣка Дунай сдѣлалась красной отъ человѣческой крови. Измаилъ на 3 дня отданъ былъ солдатамъ на разграбленіе. Таковъ былъ печальный обычай того времени. На слѣдующій день совершенно благодарственное молебствіе при громѣ орудій; молебенъ служилъ полоцкій священникъ, такъ отличившійся на штурмѣ *).

Трофеями побѣдителей были—265 пушекъ, 364 знамени, 7 бунчуковъ, 2 санджака, 3,000 пудовъ пороху и 42 судна, боевые запасы, продовольственные и фуражныя средства въ огромномъ количествѣ и 10 т. лошадей. Войска получили громадную добычу; въ донесеніи Екатеринѣ Потемкинъ называетъ ее „чрезвычайною“; въ письмѣ къ Кобургу Суворовъ говоритъ, что она превышала миллионъ рублей. Солдаты просто не знали, что дѣлать съ награбленнымъ добромъ, продавая его за безцѣнокъ. Они сорвали съ древокъ много знаменъ и шеголяли, опоясанные ими; гордясь своею добычею, какъ знаками отличій; часть этихъ знаменъ была отъ нихъ отобрана, но остальная пропала и въ счетъ трофеевъ не вошла. Самъ Суворовъ, по обыкновенію, ни до чего изъ добытаго грабежемъ не коснулся. Даже когда привели къ нему, на память о славномъ днѣ, великолѣпнаго, въ богатомъ уборѣ коня, онъ отказался и отъ коня, сказавъ: „донской конь привезъ меня сюда, на немъ же я отсюда и уѣду“. Тогда одинъ изъ генераловъ замѣтилъ, что теперь суворовскому коню тяжело будетъ везти на себѣ вновь добытыя лавры; Суворовъ и на это отвѣчалъ: „донской конь всегда выносилъ меня и мое счастье“. Не даромъ значить солдаты говорили: „нашъ Суворовъ въ побѣдахъ и во всемъ съ нами въ паю, только не въ добычѣ“.

Овлaдѣніе Измаиломъ 11 декабря 1790 года является, безспорно, событіемъ непримѣрнымъ въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Дѣйствительно—„не Измаилъ, но армія турецкая истреблена въ укрѣпленіяхъ пространныхъ“, какъ доносилъ По-

*) За Измаилъ онъ получилъ наперсный крестъ на Георгіевской лентѣ, украшенный брилліантами, произведенъ въ протоіерея и ему пожаловано 500 руб. единовременно и 300 руб. въ пожизненную пенсію.

темкинъ. Не только взяты стѣны, считавшіяся неодолимымъ препятствіемъ и обороняемыя многочисленнымъ и храбрымъ гарнизономъ, но совершенно истребленъ и весь гарнизонъ, застѣвшій за этими стѣнами. Причина такого явленія, конечно, великій генералъ Суворовъ. Успѣхъ штурма обусловливался двумя данными: подготовкой его какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, во-первыхъ, и блистательнымъ выполненіемъ плана Суворова, во-вторыхъ.

Распоряженія Суворова съ 2-го до 11-е декабря неподражаемы по своей прозорливости и цѣлесообразности. Потерявъ даешь въ его руки средства, слишкомъ слабыя для овладѣнія крѣпостью, и Суворовъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы увеличить свои силы; онъ посылаетъ изъ подъ Галаца войска матеріалы, которыми могъ распорядиться, и ведетъ на штурмъ нѣсколько тысячъ пѣшихъ казаковъ, плохо вооруженныхъ. Мѣстность подъ Измаиломъ и крѣпость отлично изучены — одна колонна не сбилась съ пути и каждая атаковала указанный ей именно пунктъ. Разсчетъ движенія колоннъ и выполненіе его образцовы: всѣ колонны атакуютъ стѣны одновременно, притомъ съ разныхъ сторонъ, благодаря чему непріятель, особенно въ темнотѣ, никакъ не могъ разобрать, гдѣ ведется главная на него атака и куда ему направить свои резервы. Все продуманно, все предвидѣно.

Подготовка войскъ къ штурму идеальна: всѣ, до послѣдняго солдата, твердо знали свои обязанности, знали, что и какъ дѣлать и потому во время самага штурма не произошло ни одного недоразумѣнія. Если принять во вниманіе, что для подготовки войскъ Суворовъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего 8 дней, то дѣйствительно воплотѣ высказывается его мощь, какъ полководца и военного учителя. Словомъ, подготовка къ штурму съ матеріальной стороны представляетъ недостижимый образецъ, подготовка же штурма въ моральномъ отношеніи свою очередь достигаетъ апогея.

Уже съ момента появленія Суворова подъ Измаиломъ, въ войскахъ начинается перерожденіе ихъ взглядовъ на возможность штурма, а на военномъ совѣтѣ 9-го декабря, подъ обаяніемъ силы духа Суворова, совершается внутренній переворотъ во всѣхъ начальникахъ, и насколько прежде они были нерешительны въ успѣхѣ штурма, настолько теперь увѣровали въ

*) Пожалѣвъ лишнюю тысячу казаковъ, которую они потеряли въ ствѣ плохого вооруженія, Суворовъ рисковалъ бы всѣмъ предпріятіемъ.

ратное. Кромѣ того, Суворовъ своими разговорами съ солдатами, особенно передъ штурмомъ, доводитъ ихъ до высшей степени боевого азарта, такъ сказать, заряжаетъ ихъ электричествомъ, которое съ ужасною силой разряжается на стѣнахъ измаильскихъ. Поведеніе войскъ во время штурма граничитъ съ какимъ-то нервнымъ экстазомъ, храбрость русскихъ войскъ дошла какъ бы до совершеннаго отрицанія чувства самосохраненія. Десять часовъ не перемежавшейся опасности, нравственного возбужденія и физическихъ потрясеній не умалили ихъ энергіи, не уменьшили силъ. Многіе изъ участниковъ штурма потомъ говорили, что глядя при дневномъ свѣтѣ и въ спокойномъ состояніи духа на тѣ мѣста, по которымъ они взбирались и спускались въ ночную темноту, они содрогались и не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ.

Жестокость штурма объясняется всецѣло невѣроятнымъ упорствомъ и мужествомъ турокъ. Обреченные на смерть съ одной стороны обѣщаніемъ Суворова, а съ другой—обѣщаніемъ султана, они, находясь такимъ образомъ между двухъ огней, дорого и доблестно продавали свою жизнь. Кромѣ того, надо имѣть въ виду и то еще обстоятельство, что противъ русскихъ дрались не только войска, но и жители: старики, женщины и даже дѣти. Естественное дѣло, что чѣмъ отчаяннѣе оборона, тѣмъ отчаяннѣе для одолѣнія должно быть нападеніе. „Нѣтъ крѣпче крѣпости, отчаяннѣе обороны, какъ Измаиль, павшій предъ высочайшимъ трономъ Ея Императорскаго Величества кровопролитнымъ штурмомъ. Нижайше поздравляю вашу свѣтлость“, доносилъ Потемкину Суворовъ.

Впечатлѣніе, произведенное паденіемъ Измаила на Турцію и Европу, было какимъ-то оцепѣняющимъ. Систовскія конференціи, гдѣ шли переговоры, прекратились; дипломаты разъѣхались. Путь къ Балканамъ русской арміи былъ открытъ. Императрица съ восторгомъ приняла радостную вѣсть. „Штурмъ Измаила дѣло едва-ли гдѣ въ исторіи находящееся“, говорила она.

„На подобный штурмъ можно было рѣшиться только разъ въ жизни“, говаривалъ впослѣдствіи и самъ Суворовъ. Восторгамъ и изумленію русскаго общества не было границъ, цѣлый рядъ произведеній русскихъ поэтовъ, начиная съ Державина, былъ посвященъ Суворову. Онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія, уваженія и удивленія. Громкимъ эхомъ отдался измаильскій ударъ въ Европѣ, и слава Суворова распространилась по всему свѣту. Геніальный поэтъ Байронъ посвятилъ цѣлую главу Суворову въ своемъ „Донъ-Жуанѣ“. Вездѣ появились

біографіи Суворова, его портреты. Многіе иностранцы ли въ Россію только для того, чтобы повидать героя?

Войска же русскія, и безъ того обожавшія и въ Суворова, послѣ Измаила считали его непобѣдимымъ, удивленія и уваженія перешли въ поклоненіе.

Какую же, однако, награду получилъ Суворовъ за свой подвигъ, величіе и значеніе котораго признавали рѣшительно Россія и вся Европа? За рымникскій подвигъ, который есть передъ Измаиломъ, Суворовъ получилъ много награды, но не за Измаилъ? Ничѣмъ. Мало того, онъ былъ награжденъ за Измаилъ? Ничѣмъ. Мало того, онъ впалъ въ немилость! Причина этой несправедливости лежала въ его новомъ столкновеніи съ отемкинымъ.

Потемкинъ приготовился въ Яссахъ къ торжественному измаильскому побѣдителю; по улицамъ были разставлены агенты; адъютанту приказано не отходить отъ окна, чтобы своевременно извѣстить Потемкина. Потемкинъ, когда услышалъ о приближеніи кареты Суворова, поспѣшилъ на лестницу, но едва успѣлъ спуститься нѣсколько ступеней, какъ Суворовъ възбѣжалъ наверхъ въ нѣсколько прыжковъ и очутился передъ Потемкинымъ. Они обнялись и нѣсколько разъ поцѣловались.

— Чѣмъ могу я наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ?—спросилъ Потемкинъ въ полномъ удовольствіи отъ свиданія.

— Ничѣмъ князь,—раздраженно отвѣтилъ Суворовъ,—я купецъ и не торгуюсь сюда прѣхаль; *кроме Бога и Государя ни никто меня наградить не можетъ.*

Потемкинъ, никакъ не ожидавшій такого отвѣта, нѣмъ, повернулся и пошелъ въ залъ; Суворовъ за нимъ, онъ подалъ строевой рапортъ, Потемкинъ принялъ его, и когда рядомъ походили по залу, не въ состояніи будучи выговорить ни слова, затѣмъ расклянялись и разошлись.

Послѣ такого отвѣта Потемкинъ, конечно, сдѣлался въ Суворова на всю жизнь и донося о взятіи Измаила Государю, писалъ, что для воздаянія Суворова за его службу при Измаилѣ достаточно будетъ выбить медаль въ память штурма Измаила и зачислить Суворова подполковникомъ въ преображенскій полкъ, а полковникомъ котораго числилась сама Екатерина II. Государыня согласилась на это, хотя не могла не понять, что ея «совѣстный совѣтодатель» явно кривитъ душой и руководимъ предубужденіями не совсѣмъ честными. Офицеры измаильскіе награждены были золотыми крестами, а солдаты—серебряными медалями.

Причину выходки Суворова можно объяснить только характером того вѣка, вѣка искательства, подслуживанія, лести и кривых путей. Ничто не давалось тогда прямо; даже одареннымъ людямъ приходилось держаться общей колеи. Потемкинъ не терпѣлъ около себя равнаго по положенію, особенно же равнаго съ громаднымъ перевѣсомъ дарованія и потому поставить Суворова рядомъ съ собой, производствомъ въ фельдмаршалы, ни въ какомъ случаѣ онъ не согласился бы. Конство было бы слишкомъ велико, говоритъ историкъ Суворова Развѣ онъ, Потемкинъ—баловень судьбы, понималъ тѣ немощныя нравственныя муки, которыя Суворовъ перенесъ въ день передъ штурмомъ и въ самый день штурма? Развѣ онъ могъ вознаградить ихъ вполнѣ? Конечно, никогда... и ничѣмъ...

Въ февралѣ 1791 г. Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и жилъ тамъ больше двухъ мѣсяцевъ безъ всякаго дѣла. Онъ ждалъ справедливой оцѣнки своей славной службы, но ждать не расно.

Тѣмъ временемъ готовился великолѣпный праздникъ въ воспоминаніе славнаго измаильскаго штурма. И вдругъ за нѣсколько дней до праздника, 25-го апрѣля, Суворовъ, главный виновникъ паденія Измаила, получилъ отъ Потемкина повелѣніе Государя—обѣхать Финляндію до самой шведской границы, съ цѣлью проектировать систему пограничныхъ укрѣпленій!?

Въ то время, какъ суровою финляндскою весною великій и измученный русскій полководецъ, такъ много и такъ славно прожившій Россіи, разѣзжалъ въ санкахъ и таратайкахъ по суровымъ захолустьямъ русско-шведской границы, вынося лишенія, въ то время, какъ военный человѣкъ высокаго положенія не знаетъ даже отдыха, — Потемкинъ утопалъ въ роскоши и упивался своей славой. Праздникъ происходилъ въ Таврическомъ дворцѣ*) 25 апрѣля и по роскоши, разнообразію, блеску онъ выходилъ на уровеньъ самыхъ пышныхъ торжествъ того времени, отличавшихся пышностью. Весь дворъ былъ тутъ, съ Государыней во главе; великіе князья танцовали въ первыхъ парахъ; дамскіе туалеты поражали богатствомъ. Государыня была очарована, пожелала Потемкину фельдмаршальскій мундиръ, униженный по случаю брилліантами, подарила 200,000 рублей и положила сожить ему въ царскосельскомъ паркѣ обелискъ.

*) Екатерина пожаловала этотъ дворецъ Потемкину еще въ прежніе годы, потому купила обратно за полмилліона рублей, а теперь снова даритъ желанію Потемкина, виѣсто постройки новаго дворца, какъ предполагалось (См. Петрушевскаго, стр. 255).

Штурмъ Праги и умиротвореніе Польши.

Въ мартѣ 1794 г. въ Польшѣ, послѣ второго ея раздѣла рѣшеннаго Россіей, Пруссіей и Австріей, вспыхнуло новое возстаніе, главою котораго былъ избранъ литовецъ Тадеушъ Косцюшко, горячій патріотъ, человѣкъ даровитый въ военномъ отношеніи и обладавшій высокими нравственными качествами. Онъ провозгласилъ всеобщее вооруженіе, произвелъ экстренныя сборы, возвысилъ налоги и организовалъ армію.

Боевыя силы поляковъ доходили до 70 т. человѣкъ. Къ открытію войны у русскихъ было около 60 т. человѣкъ. 6-го апрѣля началась рѣзня въ Варшавѣ, 12-го—въ Вильнѣ. Картины были самыя ужасныя. Баталіонъ кіевскаго полка перерѣзанъ въ церкви, когда безоружнымъ готовился къ принятію св. Тайнъ. Русскіе отряды, разбросанные по всей Польшѣ и на ея границахъ, дѣйствовали вяло. Съ прусскимъ королемъ, заинтересованнымъ въ подавленіи возстанія, начались несогласія. Осада Варшавы, предпринятая имъ совмѣстно съ русскимъ генераломъ Ферзеномъ, снята, когда польскіе партизаны бросились въ тылъ прусской арміи. Въ концѣ-концовъ русскія войска стали повсюду отходить къ своимъ границамъ.

Когда такимъ образомъ Польша и Литва стали уже всецѣло въ рукахъ возставшихъ, состоялось неожиданное назначеніе въ Польшу героя Рымника и Измаила. Поставленный во главѣ русскихъ войскъ, престарѣлый фельдмаршалъ Румянцевъ передалъ исполнительную роль своему геніальному подчиненному еще по турецкой войнѣ—Суворову. Одно извѣстіе о назначеніи Суворова въ Польшу ободрило русскія войска и встревожило непріятельскія.

14-го августа съ 4-тысячнымъ отрядомъ Суворовъ выступилъ изъ Немирова къ Бресту, шелъ замѣчательно быстро, по дорогѣ присоединялъ къ себѣ различные отряды и нанесъ полякамъ рядъ пораженій, изъ которыхъ наиболѣе крупными были побѣды его подъ Крупчицами и Брестомъ. „Корпусъ Сѣраковского подѣ Брестомъ конченъ“,—донесъ Суворовъ Румянцеву о своемъ успѣхѣ.

Въ Брестѣ пришлось, однако, остановиться.

Побѣда подѣ Брестомъ произвела удручающее впечатлѣніе на поляковъ; даже самъ Косцюшко растерялся. Еще недавно онъ ободрялъ поляковъ, говоря, что Суворовъ занятъ въ Турціи и въ Польшу не придетъ, потомъ распустили слухъ, что идетъ знаменитый Суворовъ, а его однофамилецъ. Послѣ Бреста же

я всѣхъ стало ясно, какой именно Суворовъ идетъ въ Польшу, а среди поляковъ невольно начало закрадываться мрачное предчувствіе:

Въ это время пришла вѣсть о пораженіи Косцюшки подъ Цековицами. Русскій генералъ Ферзенъ, находившійся на лѣвомъ берегу Вислы, вмѣстѣ съ прусскими войсками, по уходѣ слѣднихъ къ своимъ границамъ, двинулся на присоединеніе Суворову. Косцюшко бросился ему наперерѣзъ, но потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и захваченъ въ плѣнъ.

Суворовъ тотчасъ же выступилъ къ Варшавѣ и послалъ приказаніе идти сюда и Ферзену, и генералу Дерфельдену, находившемуся въ Литвѣ. Въ Кобылкѣ Суворовъ остановился, хотя Прага оставалось всего нѣсколько верстъ. Надо было выжить присоединенія Дерфельдена и подготовить штурмъ, потому что овладѣніе укрѣпленной Прагой, обороняемой нѣсколькими сотнями тысячъ патріотовъ, представлялось дѣломъ нелегкимъ, между тѣмъ взять Прагу необходимо было бы во что бы ни шло, такъ какъ съ паденіемъ Праги соединялось и паденіе Варшавы—главнаго и послѣдняго очага революціи.

18-го числа Суворовъ со всѣми старшими офицерами провелъ развѣдку пражскихъ укрѣпленій и прилегающей мѣстности; въ то же время въ нашемъ лагерѣ дѣятельно готовили всѣ необходимые инструменты и матеріалы для штурма. 22-го всѣ приготовления были окончены и въ тотъ же вечеръ русскія войска около 25 тыс. съ 86 орудіями двинулись къ Прагѣ и расположились лагеремъ внѣ орудійнаго выстрѣла изъ укрѣпленій. Генералы вновь произвели развѣдку укрѣпленій и мѣстности. Въ полночь начали возводить батареи, а утромъ 23-го батареи эти открыли огонь и поддерживали его цѣлый день. Штурмъ же Праги долженъ былъ произойти ночью. По диспозиціи русскіе должны были атаковать Прагу въ 4¹/₂ ч. утра 7-ю колоннами.

Для подъема духа войскъ Суворовъ 18-го октября созвалъ военный совѣтъ, на которомъ и перелилъ въ подчиненныхъ свою широту и увѣренность въ побѣду, а 22-го, при объѣздѣ лагеря, разговорами съ солдатами наэлектризовалъ ихъ до возможныхъ предѣловъ.

Кромѣ того, передъ самымъ штурмомъ, солдатамъ прочли особый приказъ, отданный Суворовымъ, въ которомъ между прочимъ былъ и слѣдующій пунктъ: „въ дома не забѣгать; не убивать, просящаго пощады, щадить; безоружныхъ не убивать; бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать“.

Наступила ночь тихая, но теплая и сырая. Запылали ко-

стры. Солдаты надевали чистое бѣлье, осматривали оружіе, молились передъ ротными и полковыми образами.

Во 2-мъ часу выступила на свое мѣсто 7-я колонна, въ 3 часа двинулись остальные. Около 5 часовъ колонны (1, 2, 3, и 4) пошли на приступъ ускореннымъ шагомъ, соблюдая полную тишину. Поляки не ждали нападенія и сторожевую службу несли небрежно, а потому наступленіе русскихъ замѣчено было слишкомъ поздно. Услышавъ выстрѣлы, Вавржецкій и другіе польскіе генералы бросились къ войскамъ, но никакихъ распоряженій о порядкѣ обороны не было отдано; бой сдѣлался случайнымъ и безпорядочнымъ.

7-я колонна Денисова, послѣ того какъ остальные ворвались уже въ Прагу, двигаясь по поясу въ водѣ, зашла неприятелю въ тылъ, поляки были загнаны на косу, въ уголъ между Вислой и болотистымъ притокомъ. Ища спасенія, поляки бросались въ Вислу и тонули сотнями. Затѣмъ Денисовъ прибылъ къ мосту. 1-я, 5-я и 7-я колонны могли уже перейти въ Варшаву.

Среди поляковъ распространилась паника. Вавржецкій пытался остановить бѣгушіе польскіе полки, но все было напрасно; онъ перѣѣхалъ черезъ мостъ и приказалъ разрушить его, чтобы спасти Варшаву отъ разгрома, но Суворовъ предупредилъ его и съ свѣрей стороны приказалъ зажечь мостъ: разореніе польской столицы не входило въ его расчеты.

Загорѣлся мостъ, а вследъ за нимъ запылала и Прага, которая теперь превратилась въ настоящий адъ. Ворвавшіеся со всѣхъ сторонъ колонны русскихъ, разгоряченные боемъ, беспощадно истребляли врага. По всему предмѣстью носились вопли и стоны; унылый, тревожный звонъ колоколовъ набатныхъ смѣшивался съ плачемъ народа. На несчастье поляковъ, спрятавшіеся въ домахъ жители начали оттуда стрѣлять и бросать камни, бревна. Это еще болѣе усилило ярость солдатъ и бойня дошла до апогея. Били послѣ этого всѣхъ, кто только подвергивался подъ удары. Въ ужасѣ и отчаяніи многіе бѣжали къ Вислѣ, надеясь на мостъ, который уже сгорѣлъ, бросались въ лодки, но ихъ было немного и онѣ тонули отъ непомѣрнаго груза; обезумѣвшіе поляки бросались въ воду и тонули.

Предвидя ужасы, подобные измаильскимъ, Суворовъ съ занятіемъ Праги разослалъ офицеровъ объявить жителямъ, чтобы они бѣжали въ русскій лагерь, гдѣ будутъ въ безопасности, но успѣли воспользоваться этимъ только нѣкоторые монастыри. До 11 час. дня гремѣла канонада между Прагой и Варшавой, и только къ полудню кончилось это ужасное побоище.

„Страшное было кровопролитіе, доносить Суворовъ, каждый шагъ на улицахъ покрытъ былъ побитыми; всѣ площади были устланы тѣлами, а последнее и самое страшное истребленіе было на берегу Вислы, въ виду варшавскаго народа“.

Поляки потеряли убитыми и утонувшими до 10 т. чело-
вѣкъ, раненныхъ до 13 т., всего 23 т. и 104 орудія. Русскіе по-
теряли до 3 т. Варшава содрогалась: она ждала и себѣ участи
подобной Праги. Жители потребовали немедленной капитуля-
ціи города, дабы спасти его отъ разгрома. Рѣшено покориться
волѣ побѣдителя... Поздно ночью 25-го октября отъ варшав-
скаго берега Вислы отчалили двѣ лодки съ депутатами отъ вар-
шавскаго магистрата, съ депешою магистрата и съ письмомъ
короля и при звукѣ трубы, съ развѣвавшимся бѣлымъ знаме-
немъ, подъ сильнымъ снѣгомъ, поплыли къ Прагѣ. На варшав-
скомъ берегу, освѣщенномъ факелами и фонарями, стояли тол-
пы народа, ожидавшаго исхода предпринимаемыхъ переговоровъ.
Царила тишина. Варшава переживала часы, стоиміе цѣлыхъ
годовъ. Самъ Суворовъ до того изнемогалъ въ этотъ день, что
едва ходилъ. Поэтому тотчасъ послѣ обѣда онъ легъ на соло-
му отдохнуть. Войска расположились вокругъ, но соблюдали
мертвую тишину. „Онъ не спитъ, когда мы спимъ,—толковали
они,—и въ жизнь свою еще не проспалъ ни одного дѣла“. При-
бывшихъ депутатовъ повели къ Суворову, въ его калмыцкую
кибитку. Они вошли, Суворовъ сидѣлъ и не всталъ, извинив-
шись, что сильно болятъ ноги и пригласилъ ихъ сѣсть. Выслу-
шавъ отъ нихъ цѣль ихъ пріѣзда, русскій главнокомандующій
прочиталъ письма отъ короля и магистрата, остался ими очень
доволенъ, сталъ кричать по-польски: „рокру“, „иокну“ (миръ,
миръ). Поляки хотѣли обнять его колѣна, но онъ самъ обнялъ
депутатовъ и поцѣловалъ ихъ, снялъ съ себя саблю и бросилъ
ее въ уголъ. Потомъ онъ принялся угощать депутатовъ виномъ
и закусками, чокался съ ними, разломилъ хлѣбъ на куски, раз-
далъ депутатамъ и сказалъ, что вмѣсто того, чтобы воевать,
онъ предпочитаетъ дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣ-
ба. Спросилъ онъ между прочимъ про Закржевскаго, Игнатія
Потоцкаго и другихъ. Узнавъ, что они въ Варшавѣ, Суворовъ
ихъ похвалилъ, назвалъ честными людьми за то, что не броси-
ли своихъ въ бѣдѣ. Депутаты прослезились: въ грозномъ побѣ-
дителей они увидѣли добраго, любезнаго и великодушнаго чело-
вѣка. Переговоры шли недолго. Варшавѣ были предложены са-
мыя умѣренныя условія для капитуляціи. Немудрено поэтому,
что когда отпущенные депутаты сѣли въ лодку и отправились

къ варшавскому берегу, на которомъ по прежнему толпился народъ, ожидая отвѣта, то были встрѣчены восторженно. Когда депутаты приблизились настолько, что могли быть услышаны, то стали кричать: „миръ, миръ“. Весь берегъ загудѣлъ отъ радостныхъ кликовъ народа и депутаты были на рукахъ вынесены изъ лодки, какъ вѣстники спасительнаго и желаннаго мира. 29-го октября, въ 8 часовъ утра, Суворовъ съ русскими войсками торжественно вступилъ въ Варшаву. Войскамъ приказано было идти съ незаряженнымъ оружіемъ и, если бы даже были выстрѣлы изъ домовъ, приказано на нихъ не обращать вниманія. Движеніе черезъ мостъ началось въ 8-мъ часу утра съ музыкой и развернутыми знаменами. За передовымъ отрядомъ ѣхалъ Суворовъ, окруженный свитою, одѣтый въ ежедневную форму, безъ орденовъ. Городской магистратъ, въ черной церемоніальной одеждѣ, встрѣтилъ Суворова у варшавскаго конца моста; старшій изъ членовъ поднесъ ему на бархатной подушкѣ городскіе ключи, а также хлѣбъ-соль и сказалъ короткое привѣтственное слово. Суворовъ взялъ ключи, поцѣловалъ ихъ и, поднявъ вверхъ, громко возблагодарилъ Бога за то, что Варшава досталась ему не такъ дорого, какъ Прага. Суворовъ сказалъ: „Благодарю Тебя, Всемогушій, что я не долженъ былъ купить эти ключи, какъ...“—онъ взглянулъ на Прагу и прослезился. Онъ передалъ ключи дежурному генералу Исленьеву и сталъ по-братски обниматься съ членами магистрата и съ многими изъ окружавшаго народа, а другимъ пожималъ руки, обнаруживая свое душевное волненіе.

Съ моста войска вступили въ городъ тѣмъ же порядкомъ; передъ Суворовымъ только ѣхалъ теперь генералъ Исленьевъ, держа на подушкѣ городскіе ключи. Радость жителей по поводу спасенія Варшавы была неподдѣльная и они впослѣдствіи поднесли Суворову золотую, эмалированную табакерку съ лаврами изъ брилліантовъ. Варшава въ надписи на этой табакеркѣ назвала Суворова „своимъ избавителемъ“ за разрушеніе моста въ самый разгаръ штурма. Всѣ заявленія сочувствія, удивленія и восторга, которыя получалъ Суворовъ отовсюду, не могли быть для него неожиданными, а настоящимъ сюрпризомъ ему было поднесеніе упомянутой табакерки въ Екатерининъ день 1794 года.

Штурмъ Праги имѣлъ громадныя результаты: послѣдовалъ 3-й раздѣлъ Польши и она, какъ государство, перестала существовать. Могучій умъ Суворова прозрѣлъ, что только сильный ударъ можетъ сокрушить Польшу, а его военный геній далъ возможность блистательнымъ образомъ достигнуть намѣченной цѣли.

Нечего и говорить, какое сильное впечатлѣніе произвела въ Россіи и во всей Европѣ эта блестящая кратковременная кампанія, которою достигнуты такіе полные результаты. Припомнить надо, что Суворовъ въ письмѣ своемъ къ Хвостову еще изъ Немирова считалъ возможнымъ „кончить съ Польшей въ 40 дней“. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе съ точностью, почти математическою. Суворовъ началъ свой походъ 14-го августа и кончилъ 24-го октября. Если изъ этого вычесть 29 дней „Брестскаго сидѣнія“, вынужденнаго противъ воли Суворова, то и окажется, что онъ всю войну окончилъ въ 42 дня!

Вотъ какой былъ глазомѣръ у Суворова!

Штурмъ Праги, по образцовой подготовкѣ, во многомъ похожъ на измаильскій подвигъ. То же тщательное изученіе мѣстности, искусное распредѣленіе войскъ для штурма, такой же грандіозный подъемъ духа войскъ. Суворовъ въ реляціи своей говоритъ: „дѣло сіе подобно измаильскому“. Его историкъ, Петрушевскій, замѣчаетъ по этому поводу—„подобно, но не равно“ и далѣе поясняетъ, что въ Измаилѣ русскіе встрѣчали отпоръ что далѣе, то сильнѣе, тогда какъ въ Прагѣ, по завладѣніи передними укрѣпленіями, русскимъ лишь мѣстами и частями приходилось драться, а больше гнать и бить.

Въ Петербургѣ было большое торжество. Суворовъ отправилъ генерала Исленьева съ ключами и хлѣбомъ-солью города Варшавы. Во дворцѣ былъ выходъ; отслуженъ былъ благодарственный молебень при пушечной пальбѣ съ колѣнопреклоненіемъ. Дочь Суворова удостоилась самаго благосклоннаго вниманія; между прочимъ Екатерина, отвѣдавъ варшавской хлѣба-соли, поднесла ихъ ей собственноручно. Потомъ былъ парадный обѣдъ, въ серединѣ котораго объявлено о возведеніи Суворова въ званіе фельдмаршала. Пили его здоровье при 201 пушечномъ выстрѣлѣ, стоя; затѣмъ Государыня прислала Суворову рескриптъ, въ которомъ писала: „Вы знаете, что я не произвожу никого черезъ очередь и никогда не дѣлаю обидъ старшимъ; но *вы, завоевавъ Польшу, сами себя одѣлали фельдмаршалами*“. Дѣло въ томъ, что Суворовъ производствомъ въ фельдмаршалы обошелъ 9 старшихъ генераловъ; вотъ почему Суворовъ особенно обрадовался этому повышенію и передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь для благодарственнаго богослуженія въ полной фельдмаршальской формѣ, онъ въ курткѣ, разставивъ въ линію съ интервалами 9 стульевъ, сталъ перепрыгивать, какъ ребенокъ, черезъ эти стулья, одинъ за другимъ, приговаривая послѣ cadaго прыжка: „Репина перескочилъ, Салтыкова перескочилъ, Прозоровскаго пере-

скочилъ“, и такимъ образомъ поименовалъ всѣхъ генералъ-аншефовъ, которые были старше его.

Племянникъ его, князь Горчаковъ, привезъ ему отъ Императрицы фельдмаршальскій жезлъ въ 15,000 руб., кромѣ того, доставленъ богатый алмазный бантъ къ шляпѣ, пожалованный за Брестъ. Въ заключеніе Государыня назначила Суворову въ его полное и потомственное владѣніе одно изъ столовыхъ имѣній Польскаго края, Кобринскій Ключъ, съ 7,000 душъ мужского пола, т. е. увеличила его состояніе втрое.

Суворовъ такъ былъ всѣмъ этимъ тронутъ, что не мудро, если бы въ самомъ дѣлѣ захворалъ. Сдѣлавшись фельдмаршаломъ, онъ достигъ того, что было мечтой всей его долгой жизни. Туго развивалась его военная карьера; каждый шагъ впередъ приходилось брать съ бою и, наконецъ, по свидѣтельству самой Императрицы, взято съ бою фельдмаршалство. Суворовъ не скрывалъ своего восхищенія и велѣлъ во всѣхъ имѣніяхъ отслужить молебень съ колѣнопреклоненіемъ.

Кровопролитный штурмъ Праги далъ поводъ нѣкоторымъ иностраннымъ писателямъ упрекать Суворова въ чрезмѣрной жестокости. Но главныя причины этой жестокости были неустраняемы: это храброе, отчаянное сопротивленіе поляковъ въ началѣ боя и паника въ концѣ боя, заставлявшая ихъ въ безуміи бросаться въ Вислу. Кромѣ того, не надо забывать, что въ числѣ войскъ, штурмовавшихъ Прагу, были свидѣтели апрѣльской рѣзни въ Варшавѣ, когда взбунтовавшійся народъ рѣзалъ даже и въ церквахъ безоружныхъ говѣвшихъ солдатъ.

Суворовъ зналъ, что озлобленіе войскъ можетъ дойти до крайнихъ предѣловъ и, какъ видно изъ диспозицій, напоминалъ о милосердіи и пощадѣ. Но если бы даже и признать, что штурмъ отличался чрезмѣрной жестокостью, то во всякомъ случаѣ это, какъ ни странно по нашему, явилось слѣдствіемъ гуманности Суворова. Дѣйствительно, жестокимъ кровопролитіемъ кончена война и устранено кровопролитіе періодическое; воеводства Люблинское и Сандомирское и вся Галиція готовились къ широкому возстанію, но, узнавъ объ участи Праги, успокоились. Революція, по словамъ историка, была затушена и война подѣлена въ самомъ жорѣ; „пролилась рѣка крови, но устранилось хроническое кровопролитіе затягивающейся войны“, говоритъ Петрушевскій. Самъ Суворовъ говоритъ: „Миролюбивые фельдмаршалы при началѣ польской кампаніи провели все время въ заготовленіи магазиновъ. Ихъ планъ былъ воевать 3 года съ возмущившимся народомъ. Какое кровопролитіе! И кто могъ поручить-

ся за будущее? Я пришел и победил. Одним ударом я приобрел мир и положил конец кровопролитию".

Съ военной точки зрѣнія вся сорокадневная операція Суворова, закончившаяся молниеноснымъ ударомъ подъ Прагою, является высокимъ образцомъ стратегическаго и тактическаго искусства.

Императоръ австрійскій и король прусскій какъ бы соперничали въ наградахъ Суворову съ русскою Императрицею, которая по своему обыкновенію награждала щедрою рукой. Фридрихъ Вильгельмъ пожаловалъ Суворову ордена Краснаго и большаго Чернаго орла, какъ свидѣтельство своего „ненаружимаго уваженія и особеннаго почтенія, хотя Суворовъ не нуждается въ этихъ орденахъ для возвышенія своей славы и, конечно, ихъ не ищетъ". Австрійскій императоръ пожаловалъ ему свой портретъ, богато осыпанный брилліантами; поздравлялъ съ фельдмаршалствомъ, называлъ оконченную кампанію „блестящею" и, упомянувъ про недавніе успѣхи австрійскихъ войскъ противъ французовъ, изъявлялъ увѣренность, что Суворовъ порадуется „за своихъ старыхъ учениковъ и товарищей по оружію".

Имя Суворова, приобрѣвшее въ Европѣ лестную извѣстность со времени послѣдней турецкой войны, сдѣлалось теперь знаменитымъ.

Относительно управленія покоренной Польши Суворовъ, первое время предоставленный дѣйствовать совершенно по собственному усмотрѣнію, *) держался строго *принципа примиренія, но не мести*; онъ считалъ, что умиротворить край можно справедливымъ великодушіемъ относительно изъявившихъ покорность и строгими мѣрами противъ неповинующихъ. Поэтому со вступленіемъ въ Варшаву, Суворовъ, именемъ Императрицы, объявилъ амнистію инсургентамъ, не препятствовалъ восстановленію въ Польшѣ законнаго правительства короля, но въ то же время распорядился объ энергичномъ преслѣдованіи вооруженныхъ войскъ и бандъ. Кромѣ того, изъ Варшавы были вывезены всѣ военные предметы, въ качествѣ военной добычи. Вскорѣ была вывезена въ Петербургъ богатѣйшая бібліотека Залусскаго, послужившая главнымъ основаніемъ императорской публичной бібліотеки. Впечатлѣніе пражскаго погрома настолько деморализующе подѣйствовало на польскія войска, что обезору-

*) Первая петербургскія инструкціи Суворовъ получилъ только черезъ мѣсяцъ, ибо война кончилась такъ быстро, такъ неожиданно, что въ Петербургѣ не успѣли даже составить плана управленія страной.

женіе ихъ было произведено довольно быстро. Лицамъ, изъявившимъ покорность, выдавались паспорта для свободнаго проживанія, гдѣ хотятъ. Наиболѣе же замѣченные въ возстаніи, но покорившіеся добровольно, выпускались на свободу, внося извѣстный денежный реверсъ. Вообще нужно замѣтить, что отношенія между Суворовымъ и поляками установились самыя лучшія и были настолько просты и откровенны, что инсургенты просили у него разрѣшенія продолжать войну съ Пруссіей, но Суворовъ, отшучиваясь, говорилъ, что „это неприлично“.

Однако, инструкціи, полученныя изъ Петербурга, не вполнѣ сходились съ мѣропріятіями Суворова. Наше правительство требовало мѣръ болѣе строгихъ, карательныхъ, приказано короля польскаго Станислава Августа препроводить въ Гродно, съ Варшавы взять большую контрибуцію, арестовать наиболѣе видныхъ дѣятелей революціи и т. д.

Суворовъ, со свойственной ему твердостью, доносилъ, что многія мѣры петербургскихъ наставленій не выполнимы, съ менѣе существенными соглашался, но общій духъ управленія страной остался прежнимъ. Вообще годъ управленія Польшею Суворовымъ признается образцомъ административной мудрости, и Польша, выражаясь словами самого же Суворова, была покорена „не мщеніемъ, а великодушіемъ“. Въ этомъ отношеніи Суворовъ явилъ истинный типъ русскаго мудраго администратора въ завоеванномъ краѣ: *безпощадность въ бою сдѣлалась великодушіемъ мирнаго управленія*. Еще во время пребыванія Суворова въ Польшѣ онъ началъ получать со всѣхъ концовъ Европы письма, выражавшія удивленіе и преклоненіе передъ такимъ завоевателемъ. „Monsieur le compte, général en chef, grand général, grand homme et grand chevalier“,—писалъ Суворову генералъ Фавартъ, командовавшій прусскою арміею.

4-го апрѣля 1796 г. Суворовъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ ему была оказана торжественная встрѣча. Повелѣніемъ Императрицы въ Стрѣльну для него были высланы придворныя кареты, а помѣщеніе отведено въ Таврическомъ дворцѣ. Несмотря на 29-ти градусный морозъ, Суворовъ, облекшись въ фельд-маршальскій мундиръ со всѣми орденами, весь переѣздъ отъ Стрѣльны совершилъ въ одномъ мундирѣ и безъ шляпы. (Узнавъ объ этомъ, Екатерина подарила ему дорогую соболью шубу, но Суворовъ пользовался ею только при поѣздкахъ во дворецъ, да и то держалъ ее на колѣняхъ и надѣвалъ по выходѣ уже изъ кареты).

Государыня встрѣтила его очень ласково и выказала ему

знаки особаго вниманія, но несмотря на это, Суворовъ избѣгалъ быть во дворцѣ, особенно въ официальныхъ случаяхъ: онъ терпѣть не могъ придворной жизни съ ея лъстивыми заискиваніями, неискренними разговорами и этикетомъ.

Императрица Екатерина совершенно очаровала Суворова своимъ милостивымъ обхожденіемъ и простерла вниманіе до того, что, зная нелюбовь Суворова къ зеркаламъ, приказала ихъ завѣсить на время приема причудливаго фельдмаршала. Въ Таврическомъ дворцѣ для Суворова въ его спальнѣ была приготовлена пышная постель изъ душистаго сѣна, а въ сосѣдней комнатѣ стояла гранитная ваза, наполненная невской водой съ серебрянымъ тазомъ и ковшемъ для его любимаго окачиванія водою.

На одномъ придворномъ балѣ, на которомъ Суворовъ по обыкновенію скучалъ сильно, Государыня, обходя гостей, приблизившись къ нему, спросила: „чѣмъ подчивать дорогого гостя?“—„Благослови, Царица, водочкой“,—сказалъ Суворовъ, кланяясь (было 9 час. веч.).

— А что скажутъ красавицы-фрейлины, которыя будутъ съ вами разговаривать,—замѣтила Императрица.

— Онѣ почувствуютъ, что съ ними говоритъ солдатъ,—отвѣчалъ простодушно Суворовъ.

Екатерина собственноручно подала ему рюмку водки.

6-го ноября 1796 г. Екатерина II скончалась. Это былъ тяжелей ударъ для Суворова... „Безъ нея, Матушки,—говорилъ онъ,—не видать бы мнѣ Кинбурна, Рымника, Измаила и Варшавы“...

На престолъ восходилъ Императоръ Павелъ I. Начиналось новое царствованіе. Сквозь туманъ неизвѣстнаго будущаго занималась заря блестящаго итальянскаго похода, сверкали молніи страдальческаго, но доблестнаго и героическаго пребыванія на швейцарскихъ высотахъ арміи суворовскихъ „чудо-богатырей“.

Н. Баратовъ.

(Продолженіе будетъ).

Письма Бетховена^{*)}.

Часть первая.

(1783—1815 г.)

59.

Къ Гаммеръ-Пургшталлю¹⁾.

Почти пристыженный вашей предупредительностью и добротой, съ которыми вы сообщили мнѣ въ рукописи свои литературные перлы, никому еще неизвѣстные, искренно благодарю васъ за это и возвращаю при семъ оба либретто. Обремененный работами по композиціи я не въ состояніи сейчасъ высказаться подробно о текстѣ индійской оперы; лишь только время позволить мнѣ, я какъ-нибудь навѣщу васъ, чтобы поговорить какъ объ этомъ, такъ и относительно ораторіи „Всемирный потопъ“. Считайте меня во всякомъ случаѣ однимъ изъ истинныхъ поклонниковъ вашихъ великихъ заслугъ.

Съ почтеніемъ

покорнѣйшій слуга вашъ

Бетховенъ.

*) См. „Кав. Вѣстн.“, № 6.

¹⁾ Этотъ знаменитый ориенталистъ, узнавъ о желаніи Бетховена написать индійскій хоръ религіознаго содержанія, послалъ ему текстъ персидской оперы и ораторіи, причемъ писалъ: „Если вы, однако, найдете, что въ общемъ присылаемое составлено не особенно удачно, то все же убѣжденъ, что связанное съ нимъ искусство-геніальнаго Бетховена сумѣетъ наводить ужасъ и усмирять потопа“.

Къ барону фонъ-Гаммеръ-Пургштаалю.

Простите, уважаемый Г., что я еще не принесъ вамъ письма, адресованнаго въ Парижъ. Заваленный теперь различными дѣлами, я вынужденъ былъ откладывать составленіе этого письма со дня на день; завтра, однако, получите его, если бы мнѣ даже не удалось лично посѣтить васъ. Хочу васъ убѣдительно просить еще относительно другого дѣла: не можете-ли похлопотать объ одномъ несчастномъ бѣднякѣ, а именно о Г. Штолль²⁾, сынѣ знаменитаго врача. Иные любятъ только болтать о томъ, какъ люди попадаютъ въ бѣду по своей или чужой винѣ; на это, однако, ни вы, ни я не способны. Для насъ довольно того, что Штолль несчастливъ и полагаетъ облегчить свое положеніе въ Парижѣ, гдѣ въ прошломъ году онъ познакомился съ важными лицами, которыя могутъ ходатайствовать о назначеніи его профессоромъ въ Вестфалію. По этому Штолль говорилъ съ какимъ-то г. фонъ-Нейманномъ, состоящимъ при государственной канцеляріи, насчетъ поѣздки въ Парижъ съ отправляющимся туда курьеромъ, но курьеръ не хотѣлъ его иначе взять, какъ получивъ сначала съ него 25 луидоровъ. Теперь, спрашиваю я васъ, мой другъ, не пожелали бы вы поговорить съ этимъ г. фонъ-Нейманномъ, дабы одинъ изъ курьеровъ взялъ съ собою Штолля бесплатно или, по крайней мѣрѣ, за весьма незначительную плату. Сообщая вамъ объ этомъ, я убѣжденъ, что если ничто не помѣшаетъ вамъ, то охотно похлопочете за бѣднаго Штолля. Сегодня опять отправляюсь въ деревню; надѣюсь, однако, имѣть счастье въ скорости провести съ вами хоть одинъ часъ. А пока прощайте и примите увѣреніе въ уваженіи

Вашего покорнѣйшаго слуги

Людвигъ ванъ Бетховена.

²⁾ Весною 1809 года Наполеонъ назначилъ молодому поэту Штоллю, бывшему въ Парижѣ, пожизненное содержаніе, принявъ юношу за его отца, знаменитаго врача.

Къ баронессѣ фонъ-Дросдикъ.

При семъ, уважаемая Тереза, прилагаю обѣщанное и если бы не самыя уважительныя причины, то вы получили бы еще кое-что, потому что я хотѣлъ показать вамъ, что для друзей своихъ я дѣлаю всегда больше того, что обѣщаю. Надѣюсь и даже не сомнѣваюсь, что вы занимаетесь прекрасно и не менѣе прекрасно развлекаетесь. Послѣднимъ, конечно, увлекаетесь вы не настолько, чтобы забыть насъ совсѣмъ. Тѣмъ не менѣе было бы чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ вамъ или чрезмѣрнымъ самолюбіемъ съ моей стороны примѣнить къ вамъ извѣстное изреченіе о томъ, что ни разстояніе, ни смерть не ослабляютъ симпатіи. Кому придетъ на умъ приписать это вѣтренной, легкомысленной Т. [Терезѣ Дросдикъ]? Не забывайте, однако, вашего занятія: игры на фортепьяно или вообще музыки. У васъ такое выдающееся дарованіе, отчего бы не воспользоваться имъ? Почему вы, столь склонная ко всему прекрасному и высокому, не хотите приложить вашего дарованія, чтобы постичь въ совершенствѣ прекрасное искусство, постоянно отражающее на насъ обратно всѣ свои красоты? Я живу совершенно уединенно и тихо. Хотя по временамъ нѣкоторыя свѣтила (Lichter) пробуждаютъ меня, я все же съ тѣхъ поръ, какъ вы всѣ уѣхали отсюда, чувствую безотрадную пустоту, которую даже неизмѣнное искусство мое не въ состояніи пока заполнить. Фортепьяно ваше заказано и вы его вскорѣ получите. Какую разницу нашли вы въ изложеніи придуманной въ тотъ вечеръ темы и моимъ разъясненіемъ, сдѣланнымъ вамъ письменно. Поймите сами, но только не прибѣгайте за помощью къ пуншу. Какъ вы счастливы, что могли уже такъ рано переѣхать на дачу! Только съ 8-го числа мнѣ удастся наслаждаться этимъ счастьемъ. Какъ ребенокъ радуюсь этому; какое блаженство гулять по полямъ, среди кустарниковъ, подъ деревьями; никто не въ силахъ такъ любить сельскую жизнь, какъ я. Вѣдь лѣса, деревья, скалы издають за вѣтное эхо!

Въ скорости получите отъ меня нѣсколько другихъ композицій, на трудности которыхъ не можете пожаловаться. Читали-ли вы „Wilhelm Meister“ Гёте и Шекспира, переведеннаго Шлегелемъ? Вѣдь на дачѣ столько свободного времени. Я пришлю вамъ эти сочиненія, если они доставятъ вамъ удовольствіе. Случайно одинъ изъ моихъ знакомыхъ оказался по-близости съ

вами. Какъ-нибудь утромъ, на полчаса, быть можетъ, увидите меня у себя; зайду съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же убѣжать. Вы видите, что я угрожаю вамъ самой кратковременной скукой.

Замолвите за меня доброе слово вашему отцу, вашей матушкѣ, хотя я, говоря по правдѣ, не имѣю еще на это права.

Тоже и кузинѣ М. ³⁾ [Матильдѣ]. Ну, прощайте, уважаемая Т. Желаю вамъ всего, что въ жизни есть пріятнаго и прекраснаго. Вспоминайте меня чаще. Забудьте мое сумасбродство и будьте увѣрены, что никто не желаетъ вамъ такой радостной, счастливой жизни, какъ я, даже тогда, когда вы и не сочувствуете

Вашему покорнѣйшему слугѣ и другу

Бетховену.

NB. Было бы весьма любезно съ вашей стороны, если бы вы въ нѣсколькихъ строкахъ указали мнѣ, чѣмъ могу я здѣсь быть полезнымъ вамъ.

62.

Къ m-lle фонъ-Герарди.

Милая моя Г., я былъ бы лжецомъ, если-бъ сказалъ вамъ, что только-что присланные мнѣ ваши стихи смутили меня? Натура моя такова, что, видя и слыша себѣ восхваленія, я чувствую при этомъ все свое ничтожество. Но это восхваленіе должно быть для меня стимуломъ постоянно стремиться, несмотря на всѣ препятствія, къ недостижимой цѣли, предлагаемой намъ искусствомъ и природой. Стихи эти дѣйствительно прекрасны, если не считать одного недостатка, который обыкновенно встрѣчается также у другихъ поэтовъ и состоитъ въ томъ, что увлеченные фантазіей вы слышите и видите то, что вамъ желательно видѣть и слышать, хотя бы это иногда далеко не соответствовало

³⁾ Г-нъ Мальфатти, племянникъ того знаменитаго врача, который во время послѣдней болѣзни Бетховена игралъ большую роль, рассказалъ Нолу слѣдующее: Бетховенъ, однажды, посѣтилъ въ Медлингъ молодую баронессу Терезу Дросдикиъ, но не заставъ ея, оторвалъ листъ изъ нотной тетради и написалъ на одной сторонѣ музыку къ стихотворенію Маттесона, а на другой—большими буквами: „Моей милой Терезѣ“. Упоминаемая въ этомъ письмѣ Матильда—баронесса Глейхенштейнъ. См. письмо № 45.

вашиимъ идеаламъ. Вы, конечно, понимаете, что мнѣ весьма желательно познакомиться съ поэтомъ или поэтессой [съ авторомъ стиховъ]. Примите благодарность за вниманіе къ

почитающему васъ

Л. в. Бетховену.

63.

Къ Цмескаллю ⁴⁾.

Что подѣлываете? Моя напуская веселость не только огорчила васъ третьяго дня, но, кажется, даже обидѣла. Непрошенное общество оказалось, какъ вы совершенно справедливо замѣтили, такимъ непристойнымъ, что я по дружбѣ хотѣлъ избавить васъ отъ лишнѣхъ разговоровъ своею искусственной веселостью.

Брюшныя боли мои не прекращаются. Будете-ли вы сегодня въ „Лебедѣ“. Вашъ вѣрный другъ

Бетховенъ.

64.

Къ Вегелеру.

Вѣна, 2-ю мая 1810 г.

Добрый, старый другъ. Не удивляйся, читая эти строки. Я часто вспоминаю тебя, хотя ты не имѣешь тому письменныхъ доказательствъ. Между моими рукописями уже давно лежитъ одна, предназначенная тебѣ; лѣтомъ, должно быть, получишь ее. Вотъ уже два-три года, какъ я прекратилъ тихую, спокойную жизнь и силой вовлеченъ былъ въ свѣтскую жизнь. До сихъ поръ она не дала мнѣ ничего хорошаго; скорѣе—наоборотъ. Но кто же не подвергался вліянію внѣшнихъ бурь? И все-таки я былъ бы счастливъ, быть можетъ, однимъ изъ счастливѣйшихъ людей, если-бъ демонъ не поселился въ моихъ ушахъ. Не почти я гдѣ-то, что человѣкъ не въ правѣ добровольно разстаться съ жизнью до тѣхъ поръ, пока въ состояніи еще совершить до-

⁴⁾ Написано 23-го января 1810 г.

брое дѣло,—я ужъ давно покончилъ бы съ собою. О, жизнь такъ прекрасна, но для меня она отравлена навсегда. Ты не откажешь мнѣ въ дружеской просьбѣ: достать мнѣ метрическое свидѣтельство мое. Всѣ расходы, которые съ этимъ сопряжены, можешь немедленно получить отъ Стеф. Брейнинга, съ которымъ имѣю счеты и которому я немедленно все возмѣщу. Если по твоему стоитъ для этого съѣздить изъ Кобленца въ Боннъ и дать себѣ трудъ поискать тамъ, то поставь всѣ расходы на мой счетъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе именно на то обстоятельство, что еще раньше меня родился умершій братъ мой, который также назывался Людвигомъ, только съ прибавкою—Марія. Для того, чтобы точно опредѣлить мой возрастъ, слѣдуетъ найти, прежде всего, свѣдѣнія объ этомъ братѣ, ибо мнѣ извѣстно, что изъ-за него произошла ошибка, по которой меня считаютъ старше. Къ сожалѣнію, нѣкоторое время я жилъ, самъ не зная, сколько мнѣ лѣтъ. Была у меня книга [Familienbuch] съ соотвѣтствующими свѣдѣніями, которая затерялась, Богъ вѣсть, какимъ образомъ. Итакъ, не сердись, если я по дружбѣ прошу тебя разыскать Людвига-Марію и теперешняго, послѣ него явившагося Людвига. Чѣмъ скорѣе прилетишь мнѣ метрическое свидѣтельство, тѣмъ больше меня обяжешь⁵⁾. Рассказывали мнѣ, что ты въ вапихъ франкъ-масонскихъ ложахъ поешь одну изъ моихъ пѣсенъ, вѣроятно, въ E—dur, которой у меня самого не имѣется. Пришли мнѣ ее; я обещаю вознаградить тебя инымъ образомъ второе, четверо. Не забывай обо мнѣ и относись благосклонно, хотя я по внѣшности этого не заслуживаю. Обними и поцѣлуй уважаемую твою супругу, твоихъ дѣтей, все, что тебѣ мило, отъ имени друга твоего

Бетховена.

65.

Къ Цмескалю⁶⁾.

Милый Ц.! Вы утѣжаете и мнѣ, ради здоровья, слѣдуетъ бѣжать, а между тѣмъ у меня величайшій безпорядокъ: господинъ

⁵⁾ Настоячивая просьба Бетховена о метрическомъ свидѣтельствѣ обрѣтается намѣреніемъ его въ 1810 году жениться.

⁶⁾ Написано 9-го іюля 1810 г. Подъ „господиномъ“ подразумѣвается членъ Бетховена, эрцгерцогъ Рудольфъ.

желаетъ очень имѣть меня при себѣ, искусство не менѣе; я нахожусь наполовину въ Шенбруннѣ, наполовину здѣсь. Ежедневно получаю съ разныхъ концовъ новые запросы, вхожу въ новыя знакомства, новыя связи; да и незаслуженная мною слава по временамъ въ состояніи свести меня съ ума. Счастье гонится за мною и потому я опасаюсь новаго несчастья.

Съ вашей „Ифигеніей“ дѣло обстоитъ такъ: я ужъ, по крайней мѣрѣ, два съ половиною года не видѣлъ ее, одолжилъ ее кому-то, но кому? Вотъ большой вопросъ. Посылалъ я во всѣ стороны и все-таки еще не открылъ гдѣ она находится. Надѣюсь, однако, найти ее. Если она пропала, то будете за это вознаграждены. Прощайте, добрый Ц. Надѣюсь, что при первомъ свиданіи напомнимъ вы замѣтите, какъ искусство мое за это время развилось.

Оставайтесь такимъ же другомъ моимъ, каковъ вашъ

Бетховенъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Симпатичный циркуляръ.—Поземельное устройство въ Закавказьѣ.—Бюрократизмъ городскихъ управленій.—Новое общество востоконвѣдѣнія.—Необходимое напоминовеніе.—Некрологи: Н. С. Семеновъ, В. В. Пересвѣтъ-Солтанъ, Г. С. Теръ-Степановъ.

Около ста лѣтъ Кавказъ присоединенъ къ Россіи, но до сихъ поръ еще коренной кавказскій житель не имѣетъ точно установленныхъ имущественныхъ и юридическихъ правъ. Черезъ мѣру усердствующая нѣкоторая часть прессы, стоящая на стражѣ якобы российскихъ интересовъ, раздуваетъ среди населенія племенную рознь, подтасовываетъ факты, стараясь во чтобы ни стало доказать, что туземецъ исчадіе ада, что онъ не способенъ ни къ какой культурной жизни, что его призваніе—грабить и убивать, что необходимо выселять туземцевъ изъ предѣловъ ихъ родины и пр., и пр.

Къ счастью, всѣ эти науськиванія охранительной печати не всегда достигаютъ намѣченной цѣли и распоряженія нѣкоторыхъ администраторовъ нашего края идутъ въ разрѣзъ съ шовинистскими воззрѣніями добровольныхъ „охранителей“ русскаго прес-тижа. Къ такимъ распоряженіямъ, безспорно, относится прошлог-одній циркуляръ кутаисскаго губернатора относительно адми-нистративной высылки туземцевъ изъ предѣловъ Кутаисской гу-берніи и недавній, только-что изданный циркуляръ и. д. началь-ника Терской области г.-м. С. Е. Толстова.

Послѣдній циркуляръ весьма знаменателенъ.

„Для обузданія хищническихъ наклонностей мѣстнаго туземнаго населенія, — говорится въ этомъ циркулярѣ, — въ послѣдніе годы принимались исключительныя репрессивныя мѣры. Опытъ показалъ, что мѣры эти цѣли своей не достигаютъ. Напротивъ, постоянныя кары, налагаемыя на туземцевъ, озлобили ихъ противъ русскихъ вообще, а въ частности — противъ мѣстной администраціи. Произволъ, въ наложеніи такихъ каръ низшими чинами администраціи, подрывалъ уваженіе къ русскому закону; невниманіе къ нуждамъ туземнаго населенія, постоянныя оскорбленія личнаго человѣческаго достоинства туземцевъ — не могутъ способствовать умиротворенію края и слиянію туземнаго населенія съ русскимъ. А именно къ этой цѣли и должны быть направлены всѣ усилія администраціи. Лучшими, испытанными средствами для этого всегда были: забота о благосостояніи, просвѣщеніе, строго-законныя отношенія администраціи къ населенію, послѣдовательность въ административныхъ распоряженіяхъ и должная настойчивость при приведеніи ихъ въ исполненіе. Таковъ и мой взглядъ на это дѣло. Необходимо, чтобы населеніе видѣло, что администрація все знаетъ. Склонять жителей къ открытію школъ, благоустройству селеній, къ выгодному распоряженію общественными имуществами, словомъ — входить во всѣ насущныя нужды населенія. За проступки наказывать строго-законно, по тщательномъ убѣжденіи въ виновности, не превышая власти и въ то же время непремѣнно соразмѣрять всякую административную кару съ обстоятельствами дѣла, со степенью порочности даннаго лица и его умственнымъ развитіемъ. Принять всѣ мѣры къ сближенію русскихъ съ туземцами, поясняя, что туземцы — такіе же подданные Русскаго Царя, что какъ среди туземцевъ, такъ и среди русскихъ есть дурные люди и что изъ-за этого сторониться ото всѣхъ нельзя. Особенно внушить русскимъ, что сердечное ихъ отношеніе къ туземцамъ, тѣмъ болѣе къ ихъ почетнымъ людямъ, неминусомо уменьшитъ ското и конокрадство и вообще умиротворитъ край*.

Чтобы исполнѣ оцѣнить этотъ, циркуляръ, необходимо припомнить все то, что вынесло туземное населеніе Терской области въ послѣдніе три года за время управленія областью ген.-л. Каханова. Всѣ туземцы, даже и самые мирные, подозрѣвались тогда во всевозможныхъ уголовныхъ преступленіяхъ; ни одинъ мирный туземецъ-селянинъ не могъ поручиться за то, что его ни за что, ни про что, безъ всякаго суда, не вышлютъ за предѣлы родины. Почти цѣлыя туземныя селенія ссылались безъ всякаго суда въ Сибирь. Это время въ жизни туземнаго населенія Терской обл. является какимъ-то сплошнымъ ужаснымъ кошма-

ромъ, который, къ счастью, въ настоящее время почти миновалъ: приведенный циркуляръ положилъ ему конецъ.

Опубликованъ Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату относительно поземельнаго устройства государственныхъ поселянъ въ Закавказьѣ. Въ виду важности такого указа для Закавказья мы приводимъ содержаніе его цѣликомъ:

„Неопредѣленность правъ государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ Закавказьѣ, обратила на себя Наше вниманіе. Озабочиваясь обезпеченіемъ быта этого разряда сельскихъ обывателей, Мы возложили на министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ разработку и внесеніе на обсужденіе государственнаго совѣта проекта главныхъ основаній поземельнаго устройства упомянутыхъ поселянъ.

Нынѣ, разсмотрѣвъ послѣдовавшія въ государственномъ совѣтѣ по сему дѣлу заключенія и разныя мнѣнія, повелѣваемъ:

1. Относительно поземельнаго устройства государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ губерніяхъ: Тифлисской, Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и въ уѣздахъ: Кутаисскомъ, Шорапанскомъ, Рачинскомъ, Ленгумскомъ, Зугдидскомъ, Сенакскомъ и Озургетскомъ, а также въ Сухумскомъ округѣ, Кутаисской губерніи, за исключеніемъ тѣхъ, права коихъ опредѣляются особыми законоположеніями, принять слѣдующія главныя основанія:

1) Земельные надѣлы отводятся сельскимъ обществамъ, селеніямъ и поселкамъ, съ сохраненіемъ существующаго порядка пользования оными.

2) Сходамъ государственныхъ поселянъ предоставляется замѣнять общинное владѣніе землею подворно-участковымъ (наслѣдственнымъ), съ согласія на то двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

3) Работы по земельному устройству поселянъ открываются лишь въ окончательно отмежеванныхъ и присужденныхъ въ пользу казны дачахъ.

4) На владѣніе отведенными надѣлами выдается особый актъ, именуемый отводной записью.

5) Государственные поселяне, владѣя предоставленными имъ по отводнымъ записямъ землями, обязаны вносить въ казну опредѣленный закономъ ежегодный платежъ, подъ названіемъ государственной оброчной подати.

6) Общества, селенія и поселки, коимъ отведены уже надѣлы съ надлежащаго утвержденія и съ составленіемъ плановъ, сохраняютъ всѣ состоящія въ ихъ пользованіи, на основаніи сихъ плановъ, земли, хотя бы такіе надѣлы и не были отграничены въ натурѣ.

7) Въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ предыдущею статьею, въ надѣлы обязательно включаются: а) усадебныя и приусадебныя земли, огороды, сады, виноградники, постоянныя пашни, искусственно орошаемыя угодья, прочныя загоны для скота, водопой, насажденія многолѣтнихъ травъ, разведенныя поселянами древесныя насажденія, осушенныя ими болота, лѣсныя опушки (сакере), охраняемыя поселянами для защиты посѣвовъ отъ вѣтровъ, и земельныя участки, отведенныя, согласно ст. 196 уст. казенн. сел., свод. зак. т. XII ч. II изд. 1857 г., подъ хозяйственныя и промышленныя заведенія; б) вообще всѣ земли и угодья, состоящія въ подворно-участковомъ (подымномъ) пользованіи поселянъ, и в) всѣ остальные земли, находящіяся издавна въ ихъ безспорномъ дѣйствительномъ пользованіи.

Примѣчаніе. Малоцѣнные лѣсныя заросли и инныя земли, расположенныя среди обязательно включаемыхъ въ надѣлы земель и угодій (ст. 7), вводятся въ составъ надѣловъ для устраненія череполосности и для спрямленія границъ.

8) Заявленные при отводѣ надѣловъ споры между обществами, селеніями и поселками по дѣйствительному владѣнію землями и угодьями разрѣшаются имѣющимъ быть установленнымъ порядкомъ, при производствѣ поземельно-устроительныхъ работъ.

9) За обществами, селеніями и поселками, коимъ, на основаніи смѣтъ, утвержденныхъ бывшими намѣстниками кавказскими, производятся отпуска лѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ дачъ для домашнихъ надобностей,—сохраняется право на означенные отпуска. Ближайшее опредѣленіе порядка производства сихъ отпусковъ и выдѣленіе необходимыхъ для сего лѣсныхъ пространствъ изъ общаго состава казенныхъ лѣсовъ предоставляется министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ по соглашенію съ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ.

10) Въ тѣхъ случаяхъ, когда по относительному изобилію казенныхъ лѣсовъ и по инымъ условіямъ окажется возможнымъ, взамѣнъ отпусковъ лѣсныхъ матеріаловъ (ст. 9), отвести поселянамъ лѣсныя надѣлы,—таковыя отводятся обществамъ, селеніямъ и поселкамъ, въ количествѣ, соотвѣтствующемъ размѣрамъ упомянутыхъ отпусковъ.

11) За пользованіе отпусками лѣсныхъ матеріаловъ или лѣсными надѣлами государственные поселяне уплачиваютъ въ пользу казны особый лѣсной налогъ.

12) Земли и лѣса (надѣлы), отведенные по отводнымъ записямъ обществамъ, селеніямъ и поселкамъ, не могутъ быть ими ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами. Тѣ изъ сихъ земель и угодій, которыя состоятъ въ подворно-участковомъ пользованіи отдѣльныхъ поселянъ, могутъ быть ими отчуждаемы лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ. Обращеніе на означенныя земли и угодья присужденныхъ судебными рѣшеніями взысканій не допускается.

13) Въ отношеніи нѣдръ земель, отведенныхъ въ надѣлъ государственнымъ поселянамъ, соблюдаются правила, изложенныя въ ст. 201 уст. горн. (свод. зак. т. VII, ч. 1, изд. 1893 года).

14) Министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ предоставляется внести на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ: 1) проектъ правилъ о порядкѣ опредѣленія земельныхъ надѣловъ и производства поземельно-устроительныхъ работъ въ губерніяхъ: Тифлиской, Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и уѣздахъ: Кутаисскомъ, Шорапанскомъ, Рачинскомъ, Лечгумскомъ, Зугдидскомъ, Сенакскомъ и Озургетскомъ, а равно въ Сухумскомъ округѣ, Кутаисской губерніи, а также объ отводѣ лѣсныхъ надѣловъ, взамѣнъ отпусковъ лѣсныхъ матеріаловъ, объ опредѣленіи лѣсного налога и о пользованіи лѣсными надѣлами въ тѣхъ же мѣстностяхъ, и 2) расписаніе личнаго состава чиновъ, на коихъ имѣютъ быть возложены упомянутыя въ п. 1 поземельно-устроительныя работы, а также расходовъ на производство сказанныхъ работъ.

II. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Отводъ надѣловъ церковнымъ причтамъ въ губерніяхъ: Тифлиской, Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской, а также въ уѣздахъ: Кутаисскомъ, Шорапанскомъ, Рачинскомъ, Лечгумскомъ, Зугдидскомъ, Сенакскомъ и Озургетскомъ и въ Сухумскомъ округѣ, Кутаисской губерніи, производится, при наличности достаточныхъ для того свободныхъ казенныхъ земель, на основаніяхъ, указанныхъ въ ст. 349 законовъ межевыхъ и примѣчанійхъ 1 и 2 къ означенной статьѣ; при недостаткѣ же упомянутыхъ земель, размѣры надѣловъ церковнымъ причтамъ опредѣляются министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода.

III. Предоставить министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и съ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ, примѣнять настоящее узаконеніе къ тѣмъ государственнымъ поселянамъ изъ кочевниковъ, поименованныхъ въ отдѣлѣ I мѣстностей, поземельное устройство коихъ, по условіямъ ихъ быта, будетъ признано своевременнымъ“.

Исполненіемъ этого Высочайшаго указа до нѣкоторой степени урегулируются крайне запутанныя земельныя отношенія среди крестьянскаго населенія Закавказья, что, безъ сомнѣнія, должно благоприятно отразиться на общемъ экономическомъ положеніи края. Нельзя не выразить пожеланія, чтобы при проектируемомъ раздѣлѣ земли между сельскими обществами права коренныхъ жителей Закавказья (туземцевъ) не приносились въ жертву пресловутой руссофикации, что, какъ извѣстно, имѣло уже мѣсто въ исторіи колонизаціи Кавказа (см. объ этомъ статью г. Ивановича „Колонизація Кавказа“, „Вѣстн. Евр.“, апрѣль 1900 г.) и принесло далеко нежелательные плоды.

Истекшій мѣсяцъ, по праву, можетъ назваться торжествомъ кавказской печати. Въ одинъ мѣсяцъ было три газетныхъ процесса и по всѣмъ тремъ судъ вынесъ оправдательный приговоръ. Три кавказскія газеты— „Тифлисскій Листокъ“, „Кубанскія Обл. Вѣдомости“ и „Сѣверный Кавказъ“, первая и послѣдняя въ лицѣ своихъ редакторовъ, а вторая въ лицѣ одного изъ своихъ корреспондентовъ—фигурировали на судѣ въ качествѣ обвиняемыхъ. Первую обвиняли въ клеветѣ, а послѣднихъ въ диффамаций. Судебное слѣдствіе по всѣмъ тремъ дѣламъ выяснило всю неосновательность претензій обвинителей и всю правоту печати, обличавшей на основаніи прочныхъ фактовъ темныя дѣлишки обвинителей. Если судъ еще съ нѣкоторыми колебаніями вынесъ оправдательные приговоры по дѣламъ редакторовъ „Тифлискаго Листка“ и „Сѣвернаго Кавказа“, тотъ же судъ, не думая ни минуты, оправдалъ корреспондента „Куб. В.“—сельскую учительницу Е. Вагнеръ, обвинявшуюся атаманомъ ст. Калужской, Куб. обл., въ диффамаций. Товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія и „палата, —сообщаютъ „Куб. Вѣд.“,— не удаляясь изъ залы засѣданія, объявила оправдательный приговоръ“.

Такимъ образомъ, разсерженные обличеніями кавказской

прессы обыватели должны волей-неволей принять во внимание то, что укрываться за 1039 ст. не всегда и не совсѣмъ удобно. Обыватель-казнокрадъ, и обыватель-самодуръ, съ прискорбіемъ, должны убѣдиться, что то время, въ которое они могли безнаказанно притянуть къ суду газетнаго работника, лишивъ его всякой возможности защищаться (диффамашія), прошло безвозвратно. Передъ судомъ въ настоящее время и газетный работникъ, и его обвинитель должны бороться одинаковымъ орудіемъ — свидѣтельскими показаніями. Такую борьбу каждый честный газетный работникъ безусловно выдержитъ и обыватель, за душой котораго не все чисто, при такихъ условіяхъ врядъ-ли будетъ затѣвать процессы о клеветѣ, такъ какъ это для репутаціи не совсѣмъ безупречнаго обывателя сопряжено съ большимъ рискомъ.

Городскія управленія почти всѣхъ кавказскихъ городовъ направленіемъ своей дѣятельности вызываютъ за послѣднее время нареканія избирателей, печати и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ самихъ гласныхъ. Эти нареканія имѣютъ за собою достаточное основаніе, лежащее, главнымъ образомъ, въ томъ, что во всѣхъ кавказскихъ городскихъ управленіяхъ воцарился бюрократизмъ, парализующій быстрое движеніе городскихъ дѣлъ и зачастую уничтожающій всякія благія начинанія.

Примѣромъ медленности разрѣшенія текущихъ дѣлъ можетъ служить бакинская дума. По сообщенію „Каспія“, въ послѣднее передъ лѣтними каникулами засѣданіе думы на разсмотрѣніе ея было назначено не болѣе не менѣе, какъ 97 дѣлъ! Все это были дѣла, поступившія въ управу въ теченіе года, но, благодаря канцелярской волокитѣ, откладывавшіяся на неопредѣленное время. Не трудно, конечно, представить себѣ положеніе тѣхъ лицъ, которыя заинтересованы въ этихъ дѣлахъ. Обивая пороги зданія, въ которомъ помѣщается городское управленіе, какъ бы по ироніи называемое органомъ самоуправленія, эти лица теряютъ непроизводительно массу времени и—кто знаетъ?—можетъ быть и денегъ. Страдаетъ въ этомъ случаѣ, по словамъ бакинской газеты, „бѣднѣйшая часть горожанъ“, которая, вѣроятно, съ грустью убѣждается, что между правительственнымъ учрежденіемъ и органомъ самоуправленія никакого различія нѣтъ: тамъ и здѣсь сидятъ чиновники, съ высоты своего величія едва удостоивающіе простыхъ смертныхъ даже единаго взгляда.

Тенденція превратить органъ самоуправленія въ органъ администраціи у кавказскихъ лордъ-мэровъ вообще велика. Составляя въ сторонѣ введенное этими лордъ-мэрами бюрократическое дѣлопроизводство, съ которымъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ помириться еще можно, ни въ какомъ случаѣ невозможно помириться съ тенденціею кавказскихъ лордъ-мэровъ передавать нѣкоторыя дѣла, подлежащія разрѣшенію думы, на разрѣшеніе административнаго учрежденія. Въ такихъ случаяхъ нѣкоторые изъ кавказскихъ лордъ-мэровъ не стѣсняются обходить и законъ.

Право самоуправленія, предоставленное нашимъ городскимъ управленіямъ, до того узко, до того ограничено, что ставить ему еще нѣкоторыя другія препятствія, что не стѣсняются дѣлать кавказскіе лордъ-мэры, положительно преступленіе, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ.

Интересъ къ „дряхлому“, но вѣчно живому Востоку у русскаго общества за послѣднее время все растетъ и растетъ, чему, разумѣется, нельзя не порадоваться. Исторія, поэзія и современное положеніе Востока полны интереса и представляютъ почти непочатый уголь. Въ послѣднее время интересъ къ Востоку, благодаря нѣкоторымъ политическимъ условіямъ, принимаетъ и практическое значеніе. Какъ нельзя болѣе своевременно учреждается въ Петербургѣ новое ученое общество востокосвѣдѣнія. Инициатива организаціи этого общества, какъ сообщаютъ „Новости“, принадлежитъ О. С. Лебедевой, извѣстной своими литературными трудами о Востокѣ. Офіціальное торжественное открытіе его состоится въ началѣ осени текущаго года.

Какъ видно изъ устава этого общества, оно имѣетъ своею цѣлью: 1) распространеніе среди восточныхъ народовъ точныхъ и правильныхъ свѣдѣній о Россіи, а также ознакомленіе русскаго общества съ матеріальными нуждами и духовною жизнью востока и 2) содѣйствовать сближенію Россіи съ восточными странами и служить проводникомъ русской культуры и производительности среди восточныхъ народностей какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ ея. Для достиженія этой цѣли общество предполагаетъ: изслѣдовать всѣми доступными ему способами экономическое и торговѣ-промышленное состояніе народовъ востока по отношенію къ возможности сбыта русскихъ товаровъ; устраи-

вать временныя выставки и постоянные музеи какъ въ Россіи, такъ и на востокѣ, для взаимнаго ихъ ознакомленія съ торговлей, промышленностью, естественными богатствами и бытовыми условіями; устраивать собранія, учреждать курсы восточныхъ языковъ и лекціи по предметамъ востоковѣдѣнія, содѣйствовать распространенію изданій на восточныхъ языкахъ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, издавать русскія сочиненія по востоковѣдѣнію и пр. Вообще, дѣятельность общества, согласно уставу, будетъ охватывать собою три слѣдующія области: научно-культурную, торгово-промышленную и образовательную.

Общество организовано изъ 28 учредителей; къ настоящему времени оно насчитываетъ 142 члена.

Почетными членами общества состоятъ: министръ финансовъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте, военный министръ ген.-лейт. А. Н. Куропаткинъ, оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго Двора статсъ-секретарь князь М. С. Волконскій, ген.-адм. Н. М. Чихачевъ, дѣйств. тайн. сов. сенаторъ П. П. Семеновъ и бывший русскій посолъ въ Константинополь Нелидовъ.

Предсѣдателемъ общества избранъ генераль-маіоръ Н. К. Шведовъ, стоявшій нѣкогда во главѣ экспедиціи въ Абиссинію; товарищемъ его избранъ тайн. сов. А. А. Мельниковъ.

Передъ новымъ обществомъ открываются серьезныя задачи и, конечно, трудно предугадать, съ какимъ успѣхомъ и въ какомъ направленіи оно разрѣшитъ ихъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать, чтобы общество, оставя въ сторонѣ всякіе племенные интересы, всякую нетерпимость, руководствуясь одною только правдою и справедливостію, знакомило-бы русское общество съ бытомъ восточныхъ народовъ и приходило бы на помощь тѣмъ изъ этихъ народовъ, которые по политическимъ или другимъ какимъ-нибудь причинамъ переживаютъ тяжелые дни. Въ какихъ формахъ должна выразиться помощь,—это уже должно рѣшить, сообразуясь съ обстоятельствами, само ученое общество.

Изъ всѣхъ столичныхъ газетъ только однѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ удѣляютъ много вниманія окраиннымъ вопросамъ вообще и въ частности кавказскимъ. Послѣдніе вопросы газетою кн. Э. Э. Ухтомскаго затрагиваются весьма обстоятельно, что объясняется тѣми благопріятными условіями, въ какихъ находится эта газета.

Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „С.-Петербургск. Вѣдом.“ помѣщена статья „Переводчики на Кавказѣ“, подписанная инициалами А. Ж. Вопросъ о переводчикахъ на Кавказѣ—это въ страшномъ злѣ кавказской жизни—вопросъ не новый и не разъ подымался и въ мѣстной, и въ общей прессѣ. Но статья г. А. Ж. интересна въ другомъ отношеніи. Эта статья лишній разъ напоминаетъ, что та царящая теперь тенденція во что бы то ни стало избѣгать назначенія на кавказскія административныя должности лицъ туземнаго происхожденія—тенденція устарѣлая и въ настоящее время болѣе чѣмъ неумѣстная, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и прямо вредная: незнаніе административными лицами ни языка населенія, ни условій его жизни порождаетъ нежелательные конфликты между администраціей и населеніемъ. Стремленіе нашихъ горцевъ-мусульманъ въ Турцію, глухое броженіе среди мусульманскаго населенія Закавказья и пресловутые кавказскіе разбои—все это создалось, благодаря указанному положенію. Чтобы не препятствовать спокойному культурному развитію Кавказа, необходимо разъ навсегда отказаться отъ этой устарѣлой тенденціи и не игнорировать туземцевъ въ назначеніи кавказскихъ должностныхъ лицъ.

Не такъ давно скончались два бытописателя кавказскихъ войнъ: Н. С. Семеновъ, авторъ печатающихся у насъ „Очерковъ чеченскаго востанія“, и В. В. Пересвѣтъ-Солтанъ.

Первый, занимая административный постъ помощника начальника владикавказскаго округа, помѣстилъ рядъ своихъ статей о горцахъ и войнахъ съ ними въ „Терскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“. Нѣкоторыя изъ этихъ статей съ фактической стороны представляютъ несомнѣнный интересъ, но зато освѣщеніе авторомъ самыхъ фактовъ страдаетъ многими недостатками.

Второй печаталъ свои статьи-воспоминанія о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ 1852—60 гг. въ „Кавказскомъ Сборникѣ“ и „Русской Старинѣ“.

16-го іюня скончался въ Тифлисѣ присяжный повѣренный Г. С. Теръ-Степановъ. Въ его лицѣ мѣстная печать потеряла своего горячаго и убѣжденнаго сторонника. Покойный не разъ

выступалъ защитникомъ въ литературныхъ процессахъ и, вѣроятно, многимъ еще памятенъ его блестящія рѣчи по дѣлу частнаго повѣреннаго Плющевскаго съ газетою „Новое Обозрѣніе“ и по аналогичному же дѣлу князя Діасамидзе. Талантливый адвокатъ и безупречный судебный дѣятель (покойный нѣсколько лѣтъ состоялъ помощникомъ прокурора кавказскаго военного окружнаго суда), пользующійся популярностью въ обществѣ и имѣвшій большую практику, покойный безвозмездно велъ дѣла бѣдняковъ. Искренно жаль этой свѣтлой личности, умершей въ расцвѣтъ своихъ силъ и способностей (на 48 году жизни).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣднія событія въ Китаѣ отодвинули на задній планъ всѣ другіе политическіе интересы дня, еще недавно, какъ, напр., англо-трансваальская война, волновавшіе весь цивилизованный міръ. Теперь взоры всѣхъ обратились на Востокъ, на великій въ своей дряхлости и неподвижности Китай, нѣкоторая часть населенія котораго поднялась на защиту политическихъ устоевъ своей родины, ея независимости и первобытности. Правда, эта „независимость Китая“ архаична, въ немъ первенствуетъ деспотическое начало и только невѣжественные китайцы способны охранять такую „независимость“. Но исторія и даже настоящее время знаютъ такихъ охранителей и кромѣ китайцевъ. Шовинизмъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ государствахъ, только въ большей или меньшей степени. Одна изъ такъ называемыхъ великихъ европейскихъ державъ, принимающая въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Китая въ настоящее время самое активное участіе, въ отношеніи шовинизма, въ отношеніи охраненія своихъ архаическихъ устоевъ недалеко ушла отъ Китая и, право, очень смѣшно видѣть ее въ рядахъ защитниковъ культуры противъ дикости секты „Большого Кулака“.

Секта боксеровъ—величина, выражаясь математически, одного и того же порядка, что и „Лига патриотовъ“ во Франціи, и империалистская политика теперешняго министерства въ Англіи и т.п., только послѣднія на видъ и, пожалуй, по самой своей организаціи болѣе культурны, чѣмъ первая, хотя сущность и тенденція всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ, одинаковы. Доколѣ будутъ существовать подоб-

ныя шовинистскія организациі, съ успѣхомъ распространяющія свои идеи въ невѣжественную массу, до тѣхъ поръ будетъ существовать милитаризмъ и никакія мирныя конференціи, никакія „высокія слова“, „мирныя рѣчи“ и пр., и пр. не смогутъ его уничтожить. Еще не кончилась англо-трансваальская война, какъ началась уже китайская, слѣдомъ за ней начнется еще какая-нибудь новая и т. д. безъ конца. Этотъ „конецъ“, правда, можетъ наступить, но при условіи уничтоженія всѣхъ шовинистскихъ организаций, что возможно достигъ лишь путемъ самаго широкаго распространенія въ массѣ гуманитарнаго образованія. Итакъ, не успѣло закончиться одно кровопролитіе, какъ передъ глазами цивилизованнаго міра встаетъ новое кровопролитіе, еще болѣе ужасное. Интересенъ вопросъ: въ начавшемся кровопролитіи, съ кѣмъ имѣютъ дѣло европейскія державы, съ китайскимъ ли правительствомъ или же съ толпой мятежниковъ? Къ сожалѣнію, извѣстія, получаемыя изъ Китая, противорѣчивы. По однимъ—китайское правительство, въ лицѣ вдовствующей императрицы, высказываетъ свое сочувствіе къ сектѣ боксеровъ и будто-бы китайская армія присоединилась къ мятежникамъ; по другимъ—мятежники дѣйствуютъ самостоятельно и, судя по послѣднимъ телеграммамъ, дѣйствія ихъ по отношенію къ китайскому императорскому правительству враждебны: въ Пекинѣ мятежники сожгли императорскій дворецъ.

Впрочемъ, если даже китайское правительство и не сочувствуетъ мятежникамъ, европейскимъ державамъ все-таки придется имѣть дѣло со всѣмъ Китаемъ, такъ какъ секта „Большого Кулака“ приобретаетъ все больше и больше сочувствія со стороны населенія Небесной Имперіи.

Первые шаги европейскихъ державъ въ борьбѣ съ китайскими мятежниками, какъ извѣстно уже изъ газетъ, имѣли успѣхъ, хотя и не безъ значительныхъ жертвъ. Какъ дѣло пойдетъ дальше, предвидѣть, конечно, трудно. Но одно лишь несомнѣнно, что армія европейскихъ державъ современнѣе въ военномъ отношеніи китайской арміи и всѣ шансы побѣды на сторонѣ первой.

Какая же польза будетъ европейскимъ державамъ отъ покоренія Китая? Несомнѣнно, что они его подѣлятъ; первый шагъ къ раздѣлу между собою Китая европейскія державы уже сдѣлали годъ тому назадъ, что и послужило поводомъ къ возстанію „Большого Кулака“. Раздѣливъ Китай, державы приобретутъ, каждая для себя, вѣншній рынокъ, столь необходимый для сбыта продуктовъ все болѣе и болѣе развивающейся капи-

талистической индустрии, но вмѣстѣ съ этимъ державы пріобрѣтутъ и нѣсколько милліоновъ бѣднаго неимущаго населенія, заботы о которомъ лягутъ всецѣло на плечи великихъ европейскихъ державъ, а можетъ быть и всей Европы. Нельзя не считаться съ теперешними экономическими условіями, а также и съ тѣмъ, что въ „двери“, открытыя европейскими державами, въ Европу выйдутъ массы китайскаго пролетаріата, которыя предложеніемъ своего труда на европейскомъ рынкѣ могутъ значительно осложнить здѣсь рабочій вопросъ, а послѣдствія этого осложненія будутъ ужасны. Такимъ образомъ, выгоды отъ завоеванія европейскими державами Китая проблематичны.

За грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ, за стонами раненыхъ и кликами побѣдителей цивилизованный міръ очень мало слышитъ, что дѣлается въ другомъ восточномъ государствѣ—въ Турціи. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ турецкихъ правящихъ сферахъ идутъ какія-то шушуканія, турецкое правительство къ чему-то готовится и къ чему то очень и очень важному, чуть ли не къ войнѣ съ Россіей. Вотъ какое разсужденіе появилось недавно на столбцахъ выходящей на Кипрѣ умѣренно либеральной газеты „Заманъ“. „Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ эта газета,—что султанъ Абдуль-Гамидъ—хорошій политикъ, но его политика носитъ отпечатокъ фатализма, отъ котораго не мало страдало наше отечество. Правда, султанъ выбралъ очень удобное время, чтобы свести свои счеты съ Россіей: имѣя предъ собою враговъ, она прежде была защищена съ тыла, а теперь ея тылу грозитъ Японія. Это отраднo съ точки зрѣнія нашей исконной вражды къ русскимъ. Однако, вопросъ въ томъ, что будетъ, если разыграется всеобщая война, въ которой Турція собирается принять дѣятельное участіе... Каковы будутъ результаты этой войны для нашего государства? Вѣдь мы не разъ воевали съ русскими, одни или въ союзѣ съ другими? Всякій разъ мы были увѣрены, что русскихъ плѣнныхъ сотнями-тысячами привеземъ въ Стамбуль. Въ такой увѣренности, наши главнокомандующіе даже имѣли въ своемъ обозѣ много повозокъ, нагруженныхъ веревками, которыми они думали перевязать ряды плѣнныхъ, какъ дѣлаютъ рабoпромышленники въ Африкѣ со своею добычею до посадки ея на пароходы. Вмѣсто плѣненія русскихъ, наши войска, между тѣмъ, сами сдавались русскимъ десятками, тысячами; съ покорностью гусей гнались они казаками вглубь московской земли. Такая катастрофа постигала наши войска, когда командовали ими въ позапрошлую кампанію англійскіе генералы. Султанъ Абдуль-Гамидъ желаетъ

теперь попытать последнее счастье, и на этотъ разъ его арміею, вмѣсто англичанъ, будутъ командовать нѣмцы. Можемъ ли мы поручиться, что насъ не постигнетъ та же участь, которую мы испытали не разъ? Вѣдь никакая воюющая сторона не должна рассчитывать на вѣрный успѣхъ! А если мы будемъ побѣждены, что тогда станетъ съ нами? Мы не Германія и не Англія, чтобы при пораженіи могли вскорѣ оправиться. Мы,—дошедшіе до послѣдняго изнеможенія,—турки, притомъ единственные иновѣрные союзники въ европейской коалиціи. Эта коалиція разъ уже сулила намъ лучшія надежды, чѣмъ теперь: почти у каждаго турка хранится рисунокъ, на которомъ фигурируютъ бывшіе главнокомандующіе Франціи, Англіи, Турціи и Сардиніи, шедшіе въ бой съ русскими подъ Севастополь. У ногъ бойцовъ разслана карта Россіи съ „отторгнутыми“ у нея Крымомъ, Кавказомъ и Польшею. Шамиль стоитъ на высокой горѣ, и предъ нимъ преклоняетъ знамена вѣрная гвардія изъ мюридовъ, провозглашая его шахомъ Кавказа. И эта картина осталась фантазмагоріею, кончилась пучкомъ. Девять мѣсяцевъ вся Европа повозилась съ Россіею и поблагодарила Аллаха, что могла взять одинъ Севастополь... и то съ тѣмъ, чтобы его сейчасъ же вернуть, и по добру по здорову убраться во-свояси.

„Любя наше отечество всею силою души, дрожа при одной мысли о неудачѣ, мы задаемъ вопросу правительству Абдуль-Гамида: а что, если насъ постигнетъ такая же участь, какъ въ предшествовавшія войны съ Россіею? Кто насъ спасетъ? Кто постоитъ за насъ, если—не дай Аллахъ!—шансы побѣды будутъ на сторонѣ Россіи и ея вѣрной и могущественной союзницы—Франціи? Будетъ то, что изъ всѣхъ воюющихъ одна Турція будетъ стерта съ лица земли... Потому мы считаемъ вооруженіе Турціи роковымъ, а ея демонстративное вступленіе въ союзъ съ Германіею—крайне неблагоприятнымъ и опаснымъ. Полагаться все только на „Аллахъ керимъ“ (Богъ милостивъ)—слишкомъ фатально и рискованно“.

Это разсужденіе, въ сущности довольно вѣрное, проливаетъ свѣтъ на нѣкоторыя дѣйствія турецкаго правительства. Несомнѣнно, Турція что-то затѣваетъ, но что именно—сказать опредѣленно очень трудно, хотя, впрочемъ, нѣкоторыя державы очень зорко слѣдятъ за нею. Такъ, газета „Sémaphore“ сообщаетъ, что эскадра Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, состоящая изъ 6 броненосцевъ и 5 крейсеровъ, демонстративно посѣщаетъ всѣ турецкіе порты.

Положеніе армянъ и другихъ народностей въ турецкихъ

провинційхъ, по-прежнему, невозможное. Не желая оскорблять нравственного чувства читателей, мы не приводимъ сообщеній русскихъ и армянскихъ газетъ о повторившихся въ этомъ мѣсяцѣ турецкихъ звѣрствахъ надъ армянами и другими народностями. О голодѣ, который въ настоящее время переживаютъ турецкіе армяне, наши кавказскіе читатели уже знаютъ. Интересное сообщеніе, характеризующее степень голодовки армянъ, появилось въ „Спб. Вѣд.“

„Престарѣлый армянскій архіепископъ въ Сивасѣ, преосвященный Петросъ,—сообщаетъ почтенная петербургская газета,—35 лѣтъ исполнявшій должность епархіальнаго начальника, распорядился распродать серебряную утварь семи подвѣдомственныхъ ему церквей и вырученныя 600 лиръ раздать голодающимъ армянамъ его паствы. Такое самовольное распоряженіе старша вызвало рѣзкое осужденіе членовъ армянскаго синода въ Константинополѣ. Но когда патріархъ Орманіанъ сталъ читать имъ письма архіепископа Петроса, впечатлѣніе получилось подавляющее. Только-что разгнѣванные поступкомъ Петроса члены синода плакали навзрыдъ и постановили послать ему благодарственное письмо и опубликовать это письмо во всѣхъ армянскихъ газетахъ Турціи“.

Заговоривъ объ армянахъ, нельзя не отмѣтить небезынтереснаго сообщенія „Агентства Рейтера“ о томъ, что русскій уполномоченный въ дѣлахъ возобновилъ свои устные представленія Портѣ по поводу необходимости возвратить на родину въ Турцію извѣстную категорію армянъ, бѣжавшихъ на Кавказъ, а также по поводу положенія армянъ въ нѣкоторыхъ округахъ пограничныхъ провинцій. Въ то же время русскій уполномоченный требовалъ отвѣта на ноту, недавно представленную Портой. Его увѣрили, что Порта разрабатываетъ проектъ общихъ мѣръ по отношенію къ армянамъ, который несомнѣнно (!!) дастъ имъ удовлетвореніе. Въ русской нотѣ отъ 21-го (8-го) мая, по увѣренію англійскаго агентства, было заявлено, что если Турція не прекратитъ нынѣшнихъ притѣснительныхъ мѣръ противъ армянъ, Россія вынуждена будетъ вмѣшаться и положить конецъ существующему положенію. Корреспондентъ „Агентства Рейтера“ прибавляетъ, что Россія давно уже не прибѣгала къ столь рѣшительному тону. Въ послѣдній разъ нѣчто подобное нынѣшней угрозѣ было, впрочемъ, высказано въ прошломъ году во время курдскихъ беспорядковъ на русской границѣ у Баязета.

Таково, по имѣющимся въ печати свѣдѣніямъ, настоящее

положеніе наболѣвшаго армянскаго вопроса и „больного человѣка“—Турціи.

Въ истекшій мѣсяцъ „больной человѣкъ“ выказалъ и культурныя поползновенія. Такъ, турецкое правительство проектируетъ открыть въ Константинополѣ турецкій университетъ. По газетнымъ сообщеніямъ, извѣстный востоковѣдъ и туркофилъ профессоръ Арминіусъ Вамбери приглашенъ султаномъ въ Константинополь для участія въ составленіи программы для проектируемаго университета. Дай Богъ, чтобы султанъ этимъ не ограничился и дѣйствительно создалъ бы первое высшее образовательное учрежденіе въ восточномъ государствѣ. За созданіе такого учрежденія многое простится турецкому правительству.

Остановившись подробно на дѣлахъ двухъ восточныхъ государствъ, намъ немного приходится сказать о западно-европейскихъ государствахъ. Сначала англо-трансваальская война, а теперь китайская значительно вліяють на безцвѣтность и пустоту внѣшней и въ особенности внутренней политики этихъ государствъ. Во Франціи министерство Вальдекъ-Руссо по прежнему одерживаетъ побѣды; въ немъ только произошла одна перемѣна военнаго министра: вышелъ въ отставку Галиффэ и на его мѣсто вступилъ генералъ Андрэ. Въ Италіи пало министерство Пеллу. Англія, въ лицѣ маркиза Салисбюри, совершенно неожиданно увѣдомила секретаря гаагскаго международнаго общества мира и третейскаго суда, что ратификація актовъ гаагской конференціи 1899 года послѣдуетъ съ ея стороны одновременно съ другими державами въ день, какой будетъ указанъ голландскимъ правительствомъ.

Несчастная трансваальская республика переживаетъ тяжелые дни, ведя съ англичанами партизанскую войну и тщетно надѣясь на помощь Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ въ скоромъ времени будутъ происходить выборы новаго президента. Отъ политики новаго президента зависитъ помощь Трансваалю, такъ какъ политика теперешняго президента Соединенныхъ Штатовъ Макъ-Кинлея направлена исключительно въ защиту англійскихъ интересовъ.

Критика и библіографія.

Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Къ столѣтію занятія Тифлиса русскими войсками 26-го ноября 1799 г. Подъ редакціею генераль-маіора П. П. Потто. Изданіе военно-историческаго отдѣла при штабѣ кавказскаго военнаго округа.

Исторія возникновенія и распространенія русской власти на Кавказѣ представляетъ до сихъ поръ много пробѣловъ и многихъ вопросовъ благодаря тому, что громадный военно-историческій матеріалъ остается подъ спудомъ. Къ крайнему сожалѣнію нашъ „Кавказскій Сборникъ“, издающійся съ 1874 года и исполняющій своимъ назначеніемъ сохраненіе и сборъ матеріаловъ, относящихся до эпохи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, выполнялъ до сихъ поръ своего назначенія, такъ какъ первоначальная его программа не выдержана и содержаніе „Сборника“ лишено цѣльности, послѣдовательности, основательности и ясности изложенія. Содержаніе „Сборника“ большей частью представляетъ цѣлый рядъ очерковъ сухихъ, однообразныхъ, лишенныхъ живого интереса и къ тому же носящихъ совершенно случайный характеръ, ибо эпохи, мѣстности и дѣятели избирались безъ всякой послѣдовательности.

Вотъ почему мы искренно привѣтствуемъ въ дѣятельности нашего военно-историческаго отдѣла со времени руководства имъ талантливаго В. А. Потто новое направленіе, наиболѣе

отвѣтственное въ интересахъ дѣла и его назначенія, а потому и наиболѣе желательное. Доказательствомъ сказанному служить появившійся въ самое послѣднее время въ свѣтъ большой томъ прекрасно изданнаго подъ редакціей генерала Потто труда подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

26-го ноября минувшаго года, какъ извѣстно, исполнилось столѣтіе со дня занятія Тифлиса русскими войсками (26-го ноября 1799 года).

Переходъ черезъ Кавказскій хребетъ и вступленіе въ Тифлисъ небольшого отряда русскихъ войскъ по волѣ своего Верховнаго Вождя, великодушно отозвавшагося на призывъ послѣдняго царя Грузіи для спасенія единовѣрнаго намъ грузинскаго народа, по своему значенію и послѣдствіямъ, безспорно составляетъ чрезвычайно важное событіе въ исторіи утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ. Неизмѣнный ходъ событий, упразднивъ грузинскій престолъ и водворивъ порядокъ и благоденствіе въ странѣ, гдѣ въ теченіе столѣтій не умолкалъ громъ оружія, призвалъ народы Грузіи и всего Кавказа къ новой жизни, къ мирному общенію съ образованными народами, подъ защитою русской державы.

Вотъ почему нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ и вниманіемъ какъ къ цѣли изданія, предпринятаго военно-историческимъ отдѣломъ—„отмѣтить историческое значеніе дня 26-го ноября 1799 года“, такъ и къ внутреннему его содержанію, богатому по объему и прекрасному по живому и увлекательному изложенію, свойственному нашему Гомеру „Кавказской войны“, В. А. Потто. Въ виду этого мы сдѣлаемъ хотя самый бѣглый обзоръ богатаго содержанія „Историческаго очерка“, имѣющаго особенный интересъ для нашихъ кавказскихъ читателей.

Очеркъ прекрасно иллюстрированъ портретами, планами сраженій и 3-мя рѣдкими картами Кавказскаго края: одна съ обозначеніемъ русскихъ границъ 1799 г. и двѣ военно-историческія сѣверо-западнаго Кавказа съ обозначеніемъ мѣстъ нахожденія не существующихъ нынѣ крѣпостей, укрѣпленныхъ постовъ и главнѣйшихъ кордонныхъ линій. Послѣднія карты составлены извѣстнымъ кавказскимъ архологомъ Е. Д. Фелицынымъ.

Изложеніе событій въ очеркѣ начинается со времени первыхъ сношеній древнихъ славянскихъ народовъ съ обитателями Кавказа и съ выясненія историческихъ причинъ, приведшихъ насъ къ занятію устьевъ Терека. Еще знаменитая грузинская царица Тамара была соединена брачнымъ союзомъ съ русскимъ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго.

Монгольское иго затѣмъ надолго задержало сближеніе
сихъ христіанъ съ русскими владѣтельными князьями.

Но послѣ сверженія монгольскаго ига при Іоаннѣ III
коренія Казани и Астрахани при Іоаннѣ Грозномъ юго-восточная
граница Московскаго государства сразу раздвинулась до
Каспійскаго моря и мы пришли въ соприкосновеніе съ племенами
ромъ народовъ, населявшихъ Кавказъ.

Эти народы, тѣснимые раньше астраханскими, а затѣмъ
крымскими татарами, въ новыхъ побѣдоносныхъ пришельцахъ
съвера увидѣли своихъ избавителей и прибѣгли тогда къ
тѣмъ Московскаго государства. Последнее не могло не откликнуться
на эти призывы, лстившіе ему и обѣщавшіе громадное
расширеніе предѣловъ, тѣмъ болѣе, что у предгорій Кавказа,
устьѣ Терека, уже сидѣли наши піонеры колонизаціи—гребенские
казаки.

Извѣстія о паденіи Казани и взятіи Астрахани, послѣ
татарскаго оплота на Волгѣ, громкою вѣстью разнеслись до
предѣловъ Кавказа. Кабардинскіе князья первые рѣшили просить
защиты отъ крымцевъ у московскаго теперь уже не князя, а
царя, и въ 1555 г. они били государю Іоанну Васильевичу челомъ
за всю землю и всѣмъ животомъ своимъ. Гребенцы, сильно
любовавшіе по родинѣ, тоже послали выборныхъ въ Москву
с челомъ царю, повиниться въ ослушаніи (самовольномъ уходѣ
изъ Червленнаго-Яра) и отдаться на государеву службу.

Грозный принялъ кабардинцевъ въ подданство, а гребенцевъ
милостиво простилъ, подарилъ ихъ рѣкою вольною Теркомъ-Горыничемъ
и приказалъ беречь свою новую кабардинскую вотчину. Сохранилась старинная гребенская пѣсня, воспоминающая
это историческое событіе:

Не сѣрые гуси въ полѣ гогочуть,
Не сѣрые орлы въ поднебесьи клопочуть,
То гребенскіе казаки передъ Царемъ гуторятъ
Передъ Грознымъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ.
Они самому Царю-Надежѣ говорятъ:
—Ой, ты, батюшка нашъ, православный царь,
Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ поженуешь?
—Подарю я васъ, казаченки, да пожалую
Рѣкою вольною, Теркомъ-Горыничемъ,
Что отъ самаго гребня до синя моря,
До синя моря, до Каспійскаго...

Въ этихъ присылкахъ казаковъ къ царю выражалось стремленіе зарубежныхъ русскихъ борцовъ сохранить единеніе съ родиной, связь съ государствомъ, зависимость отъ главы государства. Вернулись гребенцы на Терекъ тѣми же вольными казаками, но сознавали, что они теперь не отщепенцы, не отрѣзанные ломти, а слуги царскіе.

Слухи о возрастаніи могущества московскаго царя проникли и въ злосчастную землю Иверскую—Грузію, терзаемую то шахомъ кизилбашскимъ, то султаномъ турецкимъ, то губительными междоусобицами. И вотъ грузинскій царь Александръ, подобно кабардинцамъ, рѣшилъ просить помощи и даже отдаться въ подданство, чтобы этимъ сдѣлать себя неприкосновеннымъ. Грузинское посольство было принято торжественно царемъ и Ѳедоръ Іоанновичъ рѣшилъ въ 1584 году взять подъ свою царскую руку землю Иверскую, а для защиты отъ крымскихъ набѣговъ поставить на Терекѣ крѣпость.

Но, какъ говоритъ историкъ Соловьевъ, было еще рано и не по силамъ Московскому государству, молодому, не окрѣпшему, бороться въ этихъ далекихъ краяхъ съ могущественными турками и персіанами. Русскіе полки были отозваны и на нашемъ далекомъ рубежѣ оставались только гребенцы и терцы. Сто слишкомъ лѣтъ понадобилось Россіи, чтобы оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ей смутнымъ временемъ. Занятая внутреннимъ устройствомъ она не могла обращать вниманія на далекія окраины и казаки поэтому были предоставлены самимъ себѣ, пока, выражаясь словами поэта,

и пока, наконецъ,
Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра
Въ искушеньяхъ долгой кары,
Претерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпла Русь!..

Петръ Великій понималъ, что пробившись на сѣверо-западъ къ Балтійскому морю, сдѣлалъ только одинъ шагъ; что съ утвержденіемъ нашимъ на противоположномъ концѣ, на юго-востокѣ, черезъ Россію, по бассейнамъ Балтійскаго и Каспійскаго морей, соединенныхъ каналами, пройдетъ кратчайшій водный путь, по которому можетъ устремиться вся торговля Европы съ Азіей, и что Россіи предстоитъ широкая задача—разбудить дремлющій востокъ и стать затѣмъ посредницей между нимъ и культурнымъ западомъ.

Въ этомъ и заключается завѣщаніе, переданное Петромъ Великимъ своимъ преемникамъ.

Предпринятый въ 1722 г. персидскій походъ заканчивается завоеваніемъ персидскихъ провинцій—Гиляна, Мазандерава, Астрабада и городовъ—Дербента и Баку.

Съ захватывающимъ интересомъ читаются страницы о кавказѣ Дербента, запиравшаго историческій проходъ. Дербентъ не сопротивлялся завоевателю, который широко покровительствовалъ торговлѣ и мирнымъ сношеніямъ.

Управитель города наибъ и знатнѣйшіе изъ жителей явились на р. Дарбахъ встрѣтить Петра и, павъ на колѣни, подарили серебряный ключъ.

„Городъ,—говорилъ наибъ въ своемъ привѣтствіи,—оставленный Великимъ Александромъ Македонскимъ, считаетъ срамнымъ сдаться другому Великому Монарху“.

25-го апрѣля 1725 г. умеръ Петръ Великій, передавъ своимъ преемникамъ довершить начатое имъ дѣло. Однако, судьба было угодно судить иначе и въ послѣдующія три царствованія интересъ къ Кавказу постепенно ослабѣвалъ, и, наконецъ, черезъ 13 лѣтъ, при Аннѣ Ивановнѣ, всѣ завоеванныя провинціи добровольно возвращены Персіи...

Широкіе замыслы Петра сумѣла оцѣнить своимъ блестящимъ умомъ только Екатерина II. Она обратила вниманіе на восточный край, куда стремился ея великій предшественникъ, и признала своевременнымъ возобновить прерванныя тамъ дѣйствія. На Терекѣ заложена крѣп. Моздокъ (въ 1763 г.) и русскіе въ самомъ началѣ ея царствованія стали твердою ногою на европейской линіи, затѣмъ, по окончаніи первой турецкой войны, русскія владѣнія приблизились къ р. Кубани.

Чрезвычайно живописно описаны далѣе подвигъ Платова и геройская оборона Наурской станицы при нашествіи Девлет-Гирея и Калги. Платову, впоследствии знаменитому атаману донцовъ, имя котораго облетѣло всю Европу, въ то время было всего 23 года. Наиболѣе видная дѣятельность его протекала на Кавказѣ, среди кровавыхъ наполеоновскихъ войнъ, но колыбелью его извѣстности былъ все-таки Кавказъ—свидѣтель геройской обороны его въ глухихъ, тогда еще пустынныхъ степяхъ нынѣшней Ставропольской губерніи, съ двумя слабыми полками противъ непріятеля, достигавшаго громадной численности 20 тыс. всадниковъ.

Пославъ двухъ доброконныхъ казаковъ скакать къ Бутковому (начальнику отряда), чтобы извѣстить его о своемъ по-

женіи, Платовъ рѣшилъ обороняться до послѣдней крайности, отлично понимая, что этимъ боемъ рѣшается участь Дона, въ то время совершенно беззащитнаго. Для юнаго, пылкаго Платова смерть въ бою была милѣе жизни, опозоренной сдачей врагу; онъ убѣдилъ въ этомъ и другого командира Ларіонова и влохнулъ свою рѣшимость и во всѣхъ казаковъ. Между тѣмъ татары, пытаясь сломать упорство ничтожной горсти русскихъ, озлобленные неудачами, рѣшились на девятый отчаянный штурмъ, какъ вдругъ вдали показался мчавшійся на выручку изъ отряда Бухвостова казачій полкъ Уварова. Татары, атакующие тогда одновременно и съ фронта (Платовъ), и съ тыла (Уваровъ), были смяты и принуждены къ отступленію самому поспѣшному, причемъ они неожиданно насккиваютъ на Бухвостова, спѣшившаго съ гусарами, драгунами и орудіями на выручку своихъ. Мгновенно орудія снялись съ передковъ и открыли губительный огонь картечью и, не давъ противнику опомниться, дружно ударили на него драгуны и гусары. Въ результатѣ—полная побѣда надъ двадцатитысячнымъ скопищемъ, охваченнымъ паникой.

Донъ такимъ образомъ былъ спасенъ отъ погрома.

Девлетъ-Гирей направилъ свои орды къ Тереку, гдѣ его ожидали кабардинцы, кумыки и чеченцы.

Разгромивъ четыре станицы, недавно только основанныя моздокскими казаками, горцы прошли мимо Моздока, не рѣшившись напасть на эту крѣпость, и бросились къ Науру, который горцы считали плохо укрѣпленнымъ.

Однако, они жестоко ошиблись: станица была обнесена валомъ, рвы усилены рогатинами, на вооруженіи стояли 4 пушки и гарнизонъ ея составлялъ весь моздокскій полкъ, но кромѣ того все взялось за оружіе: и малолѣтки, и старики, и даже *казацкии женщины*.

Оборона Наурской станицы составляетъ дѣйствительно одинъ изъ блестящихъ эпизодовъ боевой жизни казаковъ и ярко рисуетъ бытовую сторону казачества, среди котораго женщина, вѣчная труженица въ мирное время, въ минуту опасности могла являться такимъ же бойцомъ, какъ и ея отецъ, мужъ, братъ или сынъ.

11-го іюня, въ день св. Духа, татары обложили Науръ и ринулись на приступъ, но были встрѣчены жестокимъ огнемъ. Они повторили атаку и снова были отбиты... Въ продолженіе 12-ти часовъ непріятель кидался на валы, но всякій разъ его съ удивительной отвагой встрѣчали защитники и *защитницы*; послѣднія подавали снаряды, заряжали ружья, передавали ихъ казакамъ,

сами рубили косами и колюи вилами тѣхъ смѣльчаковъ, котораго удавалось взобраться на валъ, лили на нихъ кипятокъ, горячую смолу, а инья и сами дѣйствовали оружіемъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ рѣдѣли ряды казаковъ.

Затѣмъ прекрасно очерчена дѣятельность генерала Якова Репнина на котораго возложено было Потемкинымъ исполненіе базиснаго государственнаго дѣла—заложеніе азовско-моздокской линіи, бы рядомъ новыхъ укрѣпленій, которыя, простираясь отъ Кубани до река до самаго Дона, сдерживали бы стремленія враждебныхъ сосѣдей на наши земли, подкрѣпляли бы дѣйствія нашихъ войскъ въ Крыму и въ прикубанскихъ степяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ служили бы и началомъ русской колонизаціи на Северномъ Кавказѣ. Тяжело вначалѣ жилось хоперскимъ и моздокскимъ казакамъ на новой линіи, которую приходилось устраивать, вмѣстѣ съ тѣмъ хлопотать и о засѣвахъ, и участвовать въ экспедиціяхъ. Строилъ ли казакъ свою хату среди открытой местности, велъ ли коня на водопой или выѣзжалъ въ поле, ему приходилось имѣть всегда винтовку за спиной и пистолеть за поясомъ.

Но какъ ни бѣдствовали казаки, а въ концѣ концовъ они таки отлично примѣнились къ новой обстановкѣ и своими силами ницами замкнули все пространство отъ моря Каспійскаго до берега Чернаго. Заселеніемъ новой линіи по Кубани, ея устройствомъ дѣятельно занимался генераль-поручикъ Суворовъ. Менѣе ста дней пробылъ Суворовъ на Кубани, а между тѣмъ край былъ изслѣдованъ имъ, непріятель изученъ, возвышенности цѣлый рядъ укрѣпленій и упорядочена служба на кордонѣ.

Въ 1783 году былъ изданъ Императрицей Екатериной манифестъ о принятіи Крыма, Тамани и Прикубанскаго края въ Россійскую державу. Надо было привести къ присягѣ новыхъ русскихъ подданныхъ. Это было поручено также Суворову, который отлично исполнилъ трудную задачу, благодаря своему чрезвычайно тактичному и гуманному отношенію къ дикимъ племенамъ ногайцевъ. 28-го іюня, въ день восшествія на престолъ Екатерины Великой, состоялось объявленіе манифеста и принятие при самой торжественной обстановкѣ присяги на подданство Россіи. Но черезъ нѣсколько времени, подъ вліяніемъ турецкихъ подстрекательствъ, ногайцы, въ отсутствіе Суворова, измѣнили присягу и начали возстаніе. Хотя ногайцы были разбиты русскими войсками, но ушли за Кубань, не признавая нашей власти. Потемкинъ предписалъ Суворову раз навсегда положить конецъ такимъ дерзостямъ разгромомъ и истребленіемъ мятежниковъ, предоставивъ желающимъ переселиться в

Кубань. Для похода за Кубань сформированъ былъ Суворовымъ отрядъ изъ 16 ротъ пѣхоты, 16 эскадр. и 16 каз. полковъ и 16 орудій. Ночью 30 сентября отрядъ Суворова перешелъ Кубань вбродъ по шею въ водѣ и утромъ 1-го октября близъ урочища Керменчикъ Суворовъ неожиданно напалъ на скопища ногойцевъ и послѣ жестокаго 8-мичасового боя разбилъ ихъ наголову. Керменчикское побоище вынудило не только ногойцевъ изъявить полную покорность, но даже крымскіе татары, боясь подобной же участи, начали массами переселяться въ Турцію. Въ военномъ отношеніи походъ Суворова за Кубань представляетъ высокій образецъ быстроты и *скрытности* движенія: благодаря принятымъ имъ мѣрамъ ему удается на протяженіи 300 верстъ усыпить бдительность горцевъ, отличительной чертой которыхъ были искусство въ развѣдкѣ и зоркость наблюденія за противникомъ.

Въ началѣ 1784 года Турція признала подданство Россіи Крыма и Кубанскаго края. Въ то же время и царь кахетинскій и карталинскій Ираклій II силою обстоятельствъ, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и притязаній Персіи и Турціи, вынужденъ былъ искать покровительства у Императрицы Екатерины II, которое и было дано по заключенному въ Георгіевскѣ 24 іюля 1783 г. трактату.

Эти два событія—присоединеніе Крыма и принятіе подъ покровительство Грузіи вмѣстѣ съ уничтоженіемъ Суворовымъ безпокоившихъ Донъ ногойскихъ кочевниковъ—опредѣлили дальнѣйшую нашу политику по заселенію и гражданскому устройству Сѣвернаго Кавказа, гдѣ въ 1785 г. образовано было кавказское намѣстничество (изъ Кавказской и Астраханской областей).

Занятію Грузіи русскими войсками и экспедиціи генерала Самойлова на Алазань посвящена XI глава разсма-триваемаго труда. Въ этой экспедиціи русскія войска дрались впервые вмѣстѣ съ грузинами. Царь Ираклій, извѣщая жену о побѣдѣ, восторгается русскими войсками и, между прочимъ, пишетъ: „увидѣвъ русскія войска, не могу представить, чтобы какія нибудь въ свѣтѣ войска могли бы быть подобными по своей храбрости русскимъ“.

20-го октября русскія войска Самойлова съ царемъ во главѣ торжественно вступили въ Тифлисъ при неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ, при рѣзкихъ звукахъ зурны и громѣ пушекъ съ метехскаго замка и старой крѣпости, направившіеся прямо къ Сіонскому собору, гдѣ самъ католикосъ со всѣмъ духовен-

ством встрѣтилъ царя и окропилъ святою водою побѣдоносное оружіе русскихъ. Принцъ Рейнсфельдскій, командиръ кабардинскаго егерскаго баталіона, былъ первой жертвою, принесенной Россіей за освобожденіе Грузіи,—и эта первая пролитая кровь должна была освятить братскій союзъ двухъ единовѣрныхъ народовъ. Однако, неудачно кончилась эта первая наша попытка утвердиться въ Грузіи: наши войска были отозваны, но она послужила предвѣстіемъ близкаго и неизбѣжнаго подчиненія Россіи всего Закавказья.

Въ XII главѣ изложены: командованіе войсками кавказскаго и кубанскаго корпусовъ генерала Текели, осенняя экспедиція 1787 г., Анапскій походъ Текели и Талызина, и злосчастная экспедиція къ Анапѣ же Бибикова, кончившаяся полнымъ пораженіемъ Бибикова, отступленіе котораго подъ напоромъ черкесъ и турокъ, преслѣдовавшихъ по пятамъ, сопровождалось страшными бѣдствіями и едва не кончилось полной гибелью всего отряда. Достаточно сказать, что офицеры и нижніе чины опухли отъ голода, остались безъ одежды, въ однихъ рубищахъ, босые, даже безъ рубахъ, которыя погнили на людяхъ. „Экспедиція Бибикова, — писала Императрица Потемкину, — для меня весьма странна и ни на что не похожа; я думаю, что онъ съ ума сошелъ, державъ людей 40 дней въ водѣ, почти безъ хлѣба; удивительно, какъ единый остался живъ“.

Неудачная экспедиція Бибикова вызвала усиленную дѣятельность со стороны турокъ и горцевъ. Сераскиръ Баталь-паша возмечталъ поднять противъ насъ все населеніе Кавказа, уничтожить наши слабыя линіи и идти на Тавриду, а вслѣдъ за кавказскими горами должны были подняться всѣ мусульмане, живущіе подъ скипетромъ Россіи, и тогда ему удастся отторгнуть древнія татарскія царства, распространивъ мятежъ по Волгѣ и Уралу до самой Сибири. Дѣла принимали дѣйствительно тревожный характеръ. Наступалъ важный критическій моментъ въ исторіи нашего владычества на Кавказѣ, когда такимъ образомъ все, что исповѣдывало исламъ, несмотря на крайне племенное различіе, готово было объединиться подъ однимъ знаменемъ, поднятымъ Мансуромъ.

Разсѣять эту страшную, собиравшуюся надъ нами тучу и не только загладить дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ походомъ Бибикова, но и утвердить надолго среди кавказскихъ народовъ убѣжденіе въ непобѣдимости русскихъ — счастливо удалось мужественному генералу Герману, который, правильно оцѣнивъ обстановку и все положеніе дѣлъ на

Кавказъ, не выжидая сосредоточенія всѣхъ силъ, съ своимъ слабымъ отрядомъ всего въ 3½—4 тыс. атаковалъ 25 тыс. турокъ и черкесъ, подошедшихъ подъ начальствомъ Баталь-паши къ нынѣшней Баталпашинской станицѣ кубанскаго войска. Результатомъ правильно задуманнаго и отлично и рѣшительно веденнаго боя, въ которомъ пѣхота, конница и артиллерія дѣйствовали въ духѣ взаимной выручки и поддержки, былъ полный разгромъ непріятеля, который бѣжалъ передъ горстью русскихъ войскъ, которыя ворвались въ лагерь и завладѣли всѣмъ имуществомъ, боевыми и продовольственными запасами. Самъ Баталь-паша былъ взятъ въ плѣнъ. Кромѣ того, намъ достались 30 орудій, знамя, бунчукъ и булава сераскира.

Черезъ годъ Анапа была взята штурмомъ новымъ главнокомандующимъ на Кавказѣ генераломъ Гудовичемъ. Этому событію, окончанію затѣмъ 2-й турецкой войны, устройству кавказской линіи и переселенію на Кубань черноморскаго казачьяго войска посвящена XIII глава „Историческаго очерка“. „Тамань—даръ Твоего благоволенія,—говорилъ войсковой судья Головатый Императрицѣ Екатеринѣ II,—будетъ вѣчнымъ залогомъ Твоихъ милостей къ намъ, вѣрнымъ казакамъ. Мы воздвигнемъ грады, заселимъ села и сохранимъ Тебѣ безопасность русскихъ предѣловъ“.

Высоко художественной литературной отдѣлкой отличается въ „Очеркѣ“ описаніе нашествія на Грузію персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана, какъ убитый горемъ царь Ираклій умолялъ своихъ сыновей поспѣшить на помощь или прислать войска, съ которыми царь надѣялся отразить персіанъ, какъ мужественно отражалъ первые удары персіанъ царевичъ Давидъ, какъ даже съ введеніемъ въ дѣло Ага-Магометъ-ханомъ всѣхъ его резервовъ поле битвы переходило изъ рукъ въ руки, пока наконецъ кровь стараго бойца не заговорила въ царѣ... Схвативъ знамя съ изображеніемъ на одной сторонѣ Божьей Матери, а на другой Св. Георгія, онъ съ пятьюстами отборнѣйшихъ всадниковъ бросился въ бой. Все поле огласилось побѣдными кликами, со всѣхъ сторонъ грузины перешли въ наступленіе; всѣ устремились къ царю, мчавшемуся впереди своего отряда со знаменемъ, которое развѣвалось надъ его бѣлою какъ лунъ головою. Стремительный налетъ царя привелъ къ тому, что все персидское войско, вслѣдъ за своимъ вождемъ, обратилось въ бѣгство. Эта первая побѣда вызвала всеобщее ликование населенія Тифлиса, но она, конечно, не могла имѣть рѣшающаго значенія: на другой день персіане взяли городъ, съ

его дворцами и великолѣпными христіанскими храмами и ставили въ немъ камня на камень. Желаніе Ага-Магометъ исполнилось—городъ былъ превращенъ въ груды развалинъ.

Чрезвычайно интересно дальнѣйшее изложеніе событій чавшагося похода въ Персію графа Зубова, покореніе Дербента, Кубы и Баку, покореніе Ганджи и неожиданное затѣянное возвращеніе русскихъ войскъ въ Россію, по восшествіи на престолъ Императора Павла.

Замѣчательно, что при взятіи Дербента, когда изъ крѣпости хлынула толпа народа во главѣ съ своими старшинами вся толпа стала на колѣни и изъ среды ея вышелъ 120-лѣтній старецъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ серебряные ключи Дербента, то оказалось, что это тотъ самый старецъ, который за 74 года передъ тѣмъ подносилъ ключи Императору Павлу Великому. „Оруженосецъ Екатерины II,—пишетъ графъ Зубовъ—тѣ же ключи отъ того же старца принялъ 10-го мая 1796 года“.

Персидская война, начатая блистательными успѣхами Екатерины, кончилась возвращеніемъ Ага-Магометъ-хану всѣхъ покоренныхъ нами земель при Павлѣ. Внезапное по его приказанію отступленіе русскихъ изумило шаха и онъ рѣшилъ идти на Грузію, которая лежала предъ нимъ беззащитная, предоставленная своей собственной участи. Гроза на этотъ разъ разразилась надъ самимъ Ага-Магометъ-ханомъ. Погибъ грозный восточный степелингъ Ирана отъ руки убійцы изъ собственныхъ слугъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ не стало въ Грузіи и царя Ираклія II, царственного воина-рыцаря, народнаго идеала царя и вождемъ, который принесть великую, благородную и спасительную жертву своему отечеству.

Положеніе страны и ея населенія послѣ царя Ираклія было самое бѣдственное и безнадежное. Можно сказать, что уже въ послѣдніе годы жизни Ираклія грузинское царство существовало только по имени, такъ какъ въ немъ не было ни единой власти, ни порядка, ни правильно дѣйствующаго правительственнаго механизма. Трудно сказать, кто больше разорялъ страну—свои или чужіе. Доходовъ царства не хватало для удовлетворенія потребностей обширной царской семьи. На просьбу Грузіи о помощи, рескриптомъ отъ 23 февраля 1799 г., Императоръ Павелъ повелѣлъ егерскому полку приготовиться къ выступленію въ Грузію. 26 ноября 1799 г., въ день тезоименитства царя, егерскій полкъ, подъ начальствомъ своего испытаннаго въ бояхъ шефа генераль-маіора И. П. Лазарева, торжественно

ственно вступилъ въ Тифлисъ, встрѣченный еще за городомъ царемъ, наслѣдникомъ престола, царевичами и тысячными толпами народа. Въ моментъ встрѣчи загудѣли колокола во всѣхъ церквахъ Тифлиса и раздались пушечные выстрѣлы со стѣнъ стараго метехскаго замка. Народъ живой волной охватилъ егерей, вступилъ въ ихъ ряды и братскимъ цѣлованіемъ привѣтствовалъ пришедшихъ.

Затѣмъ послѣдовали торжества присяги царя Георгія на вѣрность русскому Императору и коронованіе царя Георгія. Вскорѣ Георгій опасно заболѣлъ и для всѣхъ было ясно, что немедленно послѣ кончины царя начнется междоусобная война между его сыновьями съ одной стороны и братьями съ другой. Но лучше всѣхъ понималъ это самъ царь и вотъ съ одра болязни онъ пишетъ Императору Павлу, что Грузія должна покончить самобытное существованіе и что грузинскій народъ желаетъ вступить навсегда въ подданство Россійскаго Императора и признаетъ его за своего природнаго Государя и Самодержца.

Манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи былъ подписанъ въ Петербургѣ 18 декабря 1800 г., а 28 декабря скончался въ Тифлисъ послѣдній грузинскій царь Георгій XII.

Сраженіемъ на р. Іорѣ, 7-го ноября 1800 г., гдѣ горсть русскихъ войскъ въ соединеніи съ ополченіемъ грузинъ нанесла пораженіе 15-тысячному скопищу лезгинъ и которое имѣло чрезвычайно важное значеніе въ исторіи кавказскихъ войнъ, такъ какъ съ него начинается новый періодъ—дѣйствительное и прочное водвореніе наше въ этомъ краѣ—кончается чрезвычайно живо и увлекательно изложенный „Историческій очеркъ“ генерала Потто и его ближайшихъ сотрудниковъ г.г. В. Томкѣева, М. Рукевича и Е. Вейденбаума.

Все только что изложенное въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ содержанія новаго изданія нашего военно-историческаго отдѣла даетъ намъ полное основаніе признать, что цѣль его достигнута самымъ блестящимъ образомъ. „Очеркъ кавказскихъ войнъ“ представляетъ въ послѣдовательномъ и систематическомъ изложеніи—краткую исторію кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи, показываетъ ходъ постепеннаго развитія колонизаціи и упроченія нашего владычества на Сѣверномъ Кавказѣ, борьбу съ горскими народами, наконецъ постепенную подготовку присоединенія всего Закавказскаго края и правдивую картину состоянія его въ моментъ присоединенія Грузіи къ Россіи.

Кромѣ того, разсматриваемый трудъ восполняетъ крупный пробѣлъ въ нашей литературѣ—отсутствіе политической и военной исторіи Кавказа въ полномъ ея объемѣ, а потому трудъ этотъ интересенъ не только для военного читателя, но и для каждого образованнаго человѣка.

Н. Баратовъ.

Мысли о воспитаніи и обученіи К. П. Яновскаго. С.-Петербургъ, 1900. Стр. 299. Цѣна 2 руб.

Педагогическій трудъ маститаго попечителя кавказскаго учебнаго округа, печатавшійся въ послѣдніе два года, какъ извѣстно, въ журналѣ „Русская Школа“, вышелъ отдѣльною книгой и, безъ сомнѣнія, займетъ у серьезныхъ педагоговъ и вообще у лицъ, интересующихся педагогическою литературою, верхнее мѣсто въ ряду настольныхъ книгъ. Нельзя не привѣтствовать появленіе этой книги по многимъ причинамъ и прежде всего потому, что она какъ нельзя лучше отвѣчаетъ требованію нашего времени. Въ настоящее время и русское общество, и высшія сферы, руководящія дѣломъ образованія, дружно заговорили о педагогическихъ вопросахъ, занялись критикой современной школы и изысканіемъ мѣръ усовершенствовать ее; повидимому, всѣ сошлись въ убѣжденіи, что наше будущее зависитъ главнымъ образомъ оттого, какъ будетъ стоять у насъ дѣло воспитанія и обученія. Въ виду этого специальный трудъ, посвященный этимъ вопросамъ, волнующимъ общество, теперь особенно дорогъ. И мы думаемъ, что трудъ этотъ оказалъ уже не малую услугу лицамъ, участвовавшимъ въ комиссіи, которая работала при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ первые мѣсяцы текущаго года по вопросамъ объ улучшеніи средняго образованія.

Затѣмъ, въ разсматриваемой нами книгѣ мы видимъ взгляды человѣка, всею душою преданнаго педагогическому дѣлу и руководившаго этимъ дѣломъ на разныхъ поприщахъ педагогическаго служенія болѣе полустолѣтія. Въ основаніи выводовъ и сужденій здѣсь лежитъ не только глубокое знаніе теоріи и исторіи изслѣдуемыхъ предметовъ, но и рѣдкіе по многолѣтню и всесторонности опытъ и наблюденія. Накопленіе наблюденій надъ разными учебновоспитательными мѣрами, надъ жизнію разнообразныхъ учебныхъ заведеній и надъ ихъ дѣятелями и послужило для высокаго автора поводомъ къ напечатанію „Мыслей

о воспитаніи и обученіи“. Благодаря этому, трудъ этотъ производитъ большое впечатлѣніе громадной авторитетностью сужденій и рѣзко отличается отъ другихъ педагогическихъ произведеній нашего времени. Въ немъ содержатся какъ бы всѣ выводы, къ которымъ пришла русская педагогія, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ среднему и отчасти къ высшему образованію, на порогѣ двадцатаго столѣтія.

Потомъ нельзя не отмѣтить важнаго значенія данной книги еще вотъ почему. Въ наше время, вообще говоря, бѣдное положительными идеалами, больше раздается отрицанія и критики. Разные авторы многое отрицаютъ и разрушаютъ, но ничего не создаютъ. Въ данномъ же трудѣ мы находимъ больше всего положительныхъ указаній, могущихъ способствовать улучшенію умственного, нравственного и тѣлеснаго развитія молодого поколѣнія. Вотъ почему всякому педагогу, а тѣмъ болѣе начинающему, будетъ-ли онъ преподавателемъ того, другого или третьяго предмета, или воспитателемъ, или завѣдующимъ пансіономъ, или профессоромъ, или лицомъ административнымъ—„Мысли о воспитаніи и обученіи“ К. П. Яновскаго замѣняютъ друга, совѣтника и руководителя. Въ русской педагогической литературѣ этотъ трудъ стоитъ наряду съ антропологіей К. Д. Ушинскаго и сочиненіями Н. И. Пирогова.

Одну изъ особенностей разбираемаго труда составляетъ то, что въ немъ ясно и много разъ выдвигается преимущественное значеніе воспитанія предъ обученіемъ. Объ этомъ свидѣтельствуется уже самое заглавіе, въ которомъ на первое мѣсто поставлено воспитаніе. Въ самой же книгѣ объ этомъ говорится такъ: „существенная цѣль учебныхъ заведеній есть воспитаніе чловѣка“ (187 стр.); „не обученіе должно быть цѣлью школы,—оно должно быть только главнымъ воспитательнымъ ея средствомъ“ (193 стр.); „нравственное развитіе важнѣе всякихъ познаній“; „всего важнѣе воспитать въ дѣтяхъ характеръ“ (229 стр.).

Повидимому, это излюбленныя мысли просвѣщеннаго автора и мы въ заключеніе пожелаемъ, чтобы онѣ проникли въ убожденія нашихъ педагоговъ и родителей, пожелаемъ тѣмъ болѣе, что педагогическія истины, какъ и евангельскія, несмотря на свою ясность, медленно осуществляются въ дѣйствительной жизни.

Фасъ.

Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области.
Выпускъ II. Подъ редакцію В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатер. 1900. 8° 2 н. + 268 стр. и 8 фототипій. Ц. 1 р. 25 к.

Только-что вышедшій изъ печати второй выпускъ „Извѣстій общества любителей изученія Кубанской области“ интересенъ и разнообразенъ по содержанію. Между прочимъ, въ немъ помѣщенъ обстоятельный историческій очеркъ, составленный П. П. Короленко по печатнымъ и архивнымъ документамъ подъ заглавіемъ „Некрасовскіе казаки“. Авторъ начинаетъ свою статью описаніемъ причинъ появленія раскола въ Россіи и кончаетъ сообщеніемъ позднѣйшихъ свѣдѣній о некрасовскихъ общинахъ въ Турціи. Затѣмъ слѣдуетъ географическое описаніе Эльбруса, составленное В. М. Сысоевымъ по сочиненіямъ Абиха, Пастухова, Динника и др. Далѣе во второмъ выпускѣ помѣщены метеорологическія наблюденія, произведенныя С. И. Борчевскимъ лѣтомъ 1898 г. во время экскурсіи учениковъ екатеринодарской гимназіи въ бассейнъ Кубани и Теберды. Къ статьѣ этой приложены: описаніе минералогической коллекціи, списокъ растений, жуковъ и бабочекъ, собранныхъ учениками во время экскурсіи. Помимо того въ выпускѣ помѣщенъ составленный И. И. Дмитренко „Хронологическій указатель“ „Кубанскихъ Обл. Вѣдомостей“ за 35 лѣтъ ихъ изданія (1863—1898 гг.) и различныя другія статьи.

Б.

С М Ъ С Ъ.

Братство „Большого Кулана“.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатана весьма интересная статья въ газетѣ „Daily Chronicle“. Авторъ ея англичанинъ, проведшій много лѣтъ въ предѣлахъ Небесной Имперіи.

На возникшее нынѣ движеніе боксеровъ или кулачниковъ онъ смотритъ какъ на весьма серіозное, могущее повести ко многимъ прискорбнымъ событіямъ.

„Всякій, кто прожилъ въ Китаѣ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ,—говоритъ онъ,—съ полною увѣренностью скажетъ, что разъ боксеры рѣшили произвести возстаніе, то никакія силы въ мірѣ не въ состояніи подавить ихъ движенія. Для того, чтобъ убѣдиться въ справедливости этого сужденія, достаточно прослѣдить исторію различныхъ возстаній въ Китаѣ, въ которыхъ боксеры всегда играли выдающуюся роль. Они никогда не бывали вполнѣ побѣждены“.

Далѣе, авторъ статьи указываетъ на существованіе въ Китаѣ безконечнаго множества различныхъ тайныхъ обществъ, обладающихъ громаднымъ вліяніемъ въ имперіи.

Наиболѣе могущественнымъ изъ этихъ обществъ является именно общество боксеровъ, въ дѣйствительности составляющее лишь вѣтвь тайнаго братства, котораго одинаково страшатся какъ въ Китаѣ, такъ равно и въ Сингапурѣ, Испангѣ, Сѣверной Индіи и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Шта-

товъ, и которое извѣстно подъ названіемъ Сомъ-Хопъ-Уи, а среди европейцевъ, живущихъ въ Кантонѣ, Шанхаѣ и Пекинѣ, подъ названіемъ общества „Большого Кулака“. Общество это называется еще лигой Хэнга, носитъ также множество еще и иныхъ названій; существуетъ же оно уже такъ давно, что время его возникновенія теряется во мракѣ вѣковъ. Первоначально, однако, повидимому, оно имѣло много общаго съ франмасонствомъ, ибо въ его катехизисѣ выдающееся мѣсто было отведено братской любви, единенію, равенству и свободѣ. Въ настоящее же время, къ сожалѣнію, всѣ благія цѣли общества забыты, и члены его являются не болѣе какъ развращенными злодѣями, готовыми на всевозможныя преступленія и заботящимися лишь о наиболѣе удобныхъ для себя способахъ избѣгать руки правосудія.

Лѣтъ 10 тому назадъ братство боксеровъ насчитывало около четырехъ милліоновъ своихъ членовъ, но съ того времени число это значительно возросло. Общество состоитъ изъ ложъ и каждая изъ нихъ имѣетъ своего собственнаго президента съ весьма обширными полномочіями. Въ качествѣ помощниковъ при каждомъ президентѣ состоятъ два вице-президента, обязанные безпрекословно исполнять его малѣйшее велѣніе и въ противномъ случаѣ подвергающіеся самой мучительной смертной казни. Кромѣ вице-президентовъ, въ каждой ложѣ существуютъ еще: мастеръ, два представителя, фискаль, тринадцать совѣтниковъ, казнохранитель-пріемщикъ, дѣйствующій казначей и множество различныхъ агентовъ, изъ которыхъ каждый исполняетъ особенныя специально для него предназначенныя обязанности.

Новые члены вербуются въ общество и добровольно, и насильственно. Дѣло въ томъ, что каждая ложа снаряжаетъ черезъ извѣстные промежутки времени отрядъ изъ своихъ членовъ, которые въ опредѣленный срокъ обязаны доставить извѣстное количество новыхъ членовъ. Большею частью для подобной вербовки приходится прибѣгать къ хитрости и насилію.

Часто вербовка происходитъ довольно своеобразнымъ способомъ. Предположимъ, что *А* намѣревается завербовать *В* въ члены. *А* встрѣчаетъ *В* на улицѣ и безо всякаго повода даетъ ему пощечину, а затѣмъ бросается бѣжать прочь. Само собою разумѣется, что *В*, взбѣшенный подобною дерзостью, бросается преслѣдовать своего обидчика. Свидѣтели безобразнаго поступка *А* бѣгутъ вмѣстѣ съ *В*, повидимому, стремясь оказать ему помощь. Въ дѣйствительности, всѣ они сообщники *А* и вскорѣ вся толпа окружаетъ *В*; его хватаютъ, связываютъ по рукамъ и ногамъ, суютъ въ длинный мѣшокъ и поспѣшно уносятъ въ мѣсто застѣ-

даній членовъ ложи или же въ какое-либо иное заранѣе условленное мѣсто. Злосчастному *В* ничего другого не остается, какъ принять на себя званіе и обязанности члена братства.

Уставъ братства боксеровъ имѣетъ не менѣе 36 статей и свыше 300 къ нимъ добавленій. Что же до тайныхъ знаковъ и условныхъ словъ, то ихъ такое множество, что едва ли найдется много членовъ, которые бы ихъ всѣ знали. Многія условныя слова состоятъ изъ стиховъ. Такъ, напримѣръ, боксеръ, встрѣчая человека ему неизвѣстнаго, говоритъ извѣстный стихъ. Если тотъ также боксеръ, то немедленно отвѣчаетъ слѣдующимъ по порядку стихомъ. Что же до условныхъ знаковъ, то они выработаны въ такомъ совершенствѣ, что боксеры свободно сообщаются другъ съ другомъ даже среди многолюдной толпы и на значительномъ разстояніи.

Всѣ эти условные знаки съ весьма малыми измѣненіями передаются въ теченіе многихъ вѣковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Великаго мастера въ братствѣ нѣтъ, но за то существуетъ центральное правительство, состоящее изъ пяти великихъ мастеровъ пяти великихъ ложъ, имѣющихъ свое мѣстопробываніе въ Фукианѣ, Квантунгѣ, Чикиангѣ, Юннанѣ и Хунанѣ. Это правительство имѣетъ наблюденіе за милліонами членовъ, разсѣянными по всему міру.

Неоднократно дѣлались попытки къ уничтоженію братства боксеровъ, но съ полною безуспѣшностью, ибо, по всей вѣроятности, среди лицъ, назначенныхъ для борьбы съ боксерами, всегда находится много вліятельныхъ членовъ того же общества, которые бы заплатились головой, еслибы не только что-либо предприняли противъ братства, но даже если бы были заподозрѣны въ малѣйшей ему невѣрности.

„Какъ же быть? что же дѣлать?“—спрашиваетъ въ заключеніе своей статьи авторъ, и затѣмъ продолжаетъ:— „Тѣ, кто жили въ Китаѣ, сами могли убѣдиться въ положеніи дѣла, и могутъ дать только одинъ отвѣтъ: „Оставьте боксеровъ въ покоѣ“. Дѣло въ томъ, что если боксеровъ не будутъ трогать европейцы, то и они не причиняютъ никакого зла европейцамъ; если же, наоборотъ, европейцы станутъ стремиться къ уничтоженію боксеровъ, если они будутъ пытаться обращать ихъ въ христіанство, если, словомъ, они будутъ стараться „объевропейивать“ ихъ, то несомнѣнно, они не только потерпятъ полную неудачу, но и миссіонеры ихъ будутъ преданы мучительной смерти. Въ сущности, братство боксеровъ имѣетъ разительное сходство съ огромнымъ осинымъ гнѣздомъ. Не трогайте гнѣз-

да, и вы можете 50 разъ въ день пройти мимо него съ полною для себя безопасностью; коснитесь гнѣзда, хотя бы мимолетно, однимъ рѣзкимъ движеніемъ, и всѣ осы безъ исключенія цѣлоу тучей устремятся на васъ”.

Анекдоты муллы Насръ-Эддина.

Насръ-Эдинъ былъ долженъ по распискѣ своему сосѣду Гассану двадцать монетъ. Срокъ уплаты давно прошелъ, сосѣдъ не разъ требовалъ долгъ, дѣлалъ муллѣ много непріятностей, но этотъ упорно не хотѣлъ платить. Наконецъ, Гассанъ пригрозилъ, что подастъ на муллу въ судъ.

Насръ-Эдинъ, услышавъ про это, притворился мертвымъ и научилъ жену сходить съ дѣтьми къ сосѣду сообщить ему о смерти муллы и просить Гассана разорвать расписку, чтобы душа муллы не мучилась на томъ свѣтѣ долгомъ. Жена такъ и сдѣлала. Собравъ дѣтей, она, съ громкимъ плачемъ и рыданіемъ, отправилась къ Гассану, сообщила ему о смерти муллы и просила разорвать расписку. Сосѣдъ немедленно же пришелъ къ муллѣ, засталъ его лежащимъ въ гробу и, видя, что послѣ него не осталось почти никакого наслѣдства, рѣшилъ разорвать расписку.

Какъ только онъ это сдѣлалъ, Насръ-Эдинъ, разумеется, сейчасъ же воскресъ.

У Насръ-Эддина былъ ягненокъ, котораго онъ выкормилъ съ большею заботливостью и очень любилъ. Однажды, пришли къ муллѣ нѣсколько пріятелей и стали спрашивать заколотъ ягненка, чтобы полакомиться его мясомъ.

Насръ-Эдинъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Пріятель долго его спрашивали и, наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Мулла, скажи, пожалуйста, отчего ты отказываешь намъ? Зачѣмъ тебѣ ягненокъ? Развѣ ты не знаешь, что завтра будетъ свѣтопреставленіе, и мы всѣ должны погибнуть! Давай лучше съѣдимъ его сегодня.

Насръ-Эдинъ сначала призадумался надъ этими словами, но затѣмъ объявилъ, что не вѣритъ. Тогда пріятель позвалъ еще одного человѣка, который сталъ говорить о свѣтопреставленіи тоже самое. Мулла притворился, что повѣрилъ, взялъ ягненка,

закололъ его и сталъ разводить огонь, чтобы изжарить мясо. Между тѣмъ пріятели, въ ожиданіи лакомаго блюда, сняли съ себя верхнія одежды, отдали ихъ муллѣ и затѣяли игры. Изжаривши ягненка, Насръ-Эддинъ, ни слова не говоря, побросалъ въ огонь все платье пріятелей.

— Что ты дѣлаешь?—вскричали тѣ.

— Зачѣмъ же вамъ платье?—совершенно спокойно отвѣчалъ мулла.—Вѣдь завтра свѣтопреставленіе!

Къ Насръ-Эддину пришелъ дервишъ и началъ восхвалять добродѣтели и умъ муллы. Этотъ слушалъ, слушалъ и говорить дервишу:

— Приходи завтра, я тебѣ дамъ сто монетъ.

Дервишъ очень обрадовался и на другой день явился къ муллѣ.

— Что тебѣ?—спрашиваетъ мулла.

— Я пришелъ за деньгами, которыя ты обѣщалъ мнѣ.

— За что я тебѣ обѣщалъ?

— За то, что я говорилъ много пріятныхъ для тебя вещей.

— Ну, и отлично! мы квиты. Ты доставилъ мнѣ удовольствіе, наговоривъ пріятныхъ для меня вещей, а я доставилъ тебѣ удовольствіе, пообѣщавъ сто монетъ. Какія же тебѣ еще деньги?!

Контора журнала „Кавказскій Вѣстникъ“ (Тифлисъ, книжный магазинъ К. Н. Бѣгичева, Головинскій пр., № 10) принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ журналъ или для разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

За объявленія, помѣщаемыя на цѣлой страницѣ, взимается 20 руб., на половинѣ страницъ—12 руб. и на четверть страницъ—7 руб.

За каждые 500 экземпляровъ объявленій, прикладываемыхъ къ журналу, взимается: за 1 лотъ вѣса 5 руб., за 2 лота—7 р., за 3 лота—9 р. и за 4 лота—11 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы этихъ объявленій не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіи всего года дѣлается уступка.

церквахъ только разрѣшается. Соборный же *уставъ Алаф.*, гл. 21, постановляетъ пѣть гимны ежедневно, откуда и произошла обязательность или древность пѣнія въ церквахъ. Но народы Мингрелии за недостаткомъ учителей измѣнили это постановление и позволяютъ себѣ пѣніе гимновъ и даже обѣдни въ своихъ частныхъ домахъ и подвалахъ, несмотря на запрещеніе Бога. *Второзаконіе*, гл. 12: „*Берегись приносить всесожженія твои на всякомъ мѣстѣ, которое ты увидиши, но на томъ только мѣстѣ, которое избересть Господь въ одномъ изъ колѣнь твоихъ*“.

Глава XX.

О крестномъ знаменіи и молитвѣ.

Такъ какъ мингрельцы не имѣютъ собственной азбуки для священнаго писанія, то для него, а равно и для всѣхъ письменъ, касающихся религіи, они пользуются азбукой грузинской, почему почти всѣ знаютъ по-грузински.

Они дѣлаютъ крестное знаменіе какъ греки, кладя руку съ праваго плеча на лѣвое, причѣмъ произносятъ слова: *Цахелита Мами цата*, что означаетъ *во имя Отца*, потомъ подносятъ руку ко лбу и говорятъ: *даци Цеда*, что означаетъ *и Сына*, наконецъ, опускаютъ руку на животъ и произносятъ: *да Сулисминда цата*, т. е. *и святою Духа*; такое знаменіе творятъ они во имя св. Троицы: *Мама—Отецъ, Цеда—Сынъ, Сулисминда—Святой Духъ, Замеба ерти Гмерти—Единый Богъ въ трехъ лицахъ*. Они молятся, произнося слова, но не вникая въ ихъ смыслъ. Итакъ, они дѣлаютъ крестное знаменіе, какъ я уже сказалъ, по греческому обряду, кладя прежде всего руку на правое, а потомъ уже на лѣвое плечо, подтверждая тѣмъ свою ересь, что св. Духъ ниже, почему его нужно ставить налѣво, и ошибаясь такимъ образомъ въ ученіи о св. Троицѣ, о которой говорится у Ісаи, гл. 40.

Вообще можно сказать, что всѣ тѣ, которые вѣруютъ и исповѣдуютъ св. римскую церковь, дѣлаютъ крестное знаменіе, кладя руку съ лѣваго плеча на правое, чтобы показать, что они перешли отъ проклятія къ благословенію, тѣ же, которые отклонились отъ св. римской церкви, перешли отъ благословенія къ проклятію. Не многіе знаютъ, а можетъ быть даже и никто, что крестное знаменіе, которое они дѣлаютъ, есть христіанскій символъ. Они думаютъ, что крестное знаменіе есть сущіе пустяки. Иногда нашимъ преподобнымъ отцамъ случалось объяснять уче-

ніе св. Троицы тѣмъ, которые слушали ихъ съ замѣтнымъ интересомъ. Между ними были такіе, которые, повидимому, понимали объясненіе отцовъ, какъ можно было заключить изъ ихъ одобренія или предлагаемыхъ вопросовъ, но вдругъ посреди объясненія эти странные мингрельцы спрашиваютъ отцовъ: христіане-ли они сами, есть-ли въ ихъ странѣ христіане и ѣдятъ-ли они свинину, а также есть-ли у нихъ вино и пьютъ-ли его? Они полагаютъ, что сущность христіанства заключается въ питьѣ вина въ противоположность магометанамъ, которые совсѣмъ его не пьютъ.

Мингрельцы, прежде чѣмъ начать трапезу, всегда крестятся и если за столомъ есть священникъ, то они не будутъ пить, пока не испросятъ у него благословенія, говоря ему: *сандоба, батото*, т. е. *благословите насъ, батюшка*, на что священникъ отвѣчаетъ: *ида Гмертъ*, т. е. *да благословитъ васъ Богъ*.

Часто они обращались за благословеніемъ и къ нашимъ отцамъ, не только за столомъ, но даже встрѣчаясь съ ними на дорогѣ: таковъ обычай этого народа, что когда онъ встрѣчаетъ какого-нибудь *бера* или прелата, то, останавливая лошадь, проситъ благословенія.

Они крестятся, когда идутъ въ битву, слышутъ звонъ колокола или церковной доски, призывающихъ къ обѣднѣ, или когда чихаютъ; въ послѣднемъ случаѣ у нихъ есть обычай говорить: *скилоба*, что значить: *Богъ милостивъ*, или *Богъ съ вами*, а тѣ, кладя руку на лобъ и кланяясь, отвѣчаютъ: *а фассеми роцеба*, что означаетъ: *премною благодаренъ*.

Когда мингрельцы отправляются въ какое-нибудь путешествіе, то, проходя мимо церкви, останавливаются у двери и, не входя въ нее, крестятся; затѣмъ, обращаясь на всѣ четыре стороны, говорятъ при каждомъ поклонѣ: *дидебо Гмерто*, т. е. *да будетъ Богу слава* и идутъ дальше.

А вотъ и ихъ внѣшняя манера молиться Богу: во-первыхъ, прежде всего, когда они утромъ умываются, то призываютъ и славятъ Имя Божье, говоря: *дидебо Гмерто* и произнося другія подобныя молитвы; затѣмъ, одѣвшись, они выходятъ изъ комнаты и, обратившись къ востоку, два-три раза крестятся, повторяя одно и то же; наконецъ, они дѣлаютъ одинъ поклонъ, которымъ оканчивается ихъ молитва. Христіане молятся такъ издревле, обращаясь къ востоку. *Св. Василій* (книг. св. Духа, гл. 27) говоритъ, что христіанъ учили такъ апостолы. Надо замѣтить, что мингрельцы молятся только стоя, что не въ обычаяхъ древней церкви: христіане молятся то стоя, то на колѣняхъ, какъ это указываетъ *Бароніусъ въ 58 году*.

Молятся они съ непокрытой головою, тогда какъ язычники, обожавшіе своихъ боговъ, молились, по свидѣтельству *Плутарха*, съ покрытой головою. Св. Павелъ учитъ (пос. къ Кор.), что молиться нужно не покрытому. Молясь, они прикладываютъ руку ко лбу, дѣлая поясной поклонъ. Послѣ того, какъ ихъ молитвы начаты, они обходятъ три раза вокругъ церкви въ порядкѣ процессіи, все время молясь: это древній обычай православныхъ, по свидѣтельству *св. Иеронима* (пос. 7, 12 и 22). Вообще ихъ молитвы ничто иное, какъ фамиліарное обращеніе къ образу, передъ которымъ они останавливаются или къ которому обращаются, прося его *дать имъ доброе здоровіе, хорошій урожай, помочь найти вора, обокравашаго ихъ* и много другихъ подобныхъ вещей, но усердіе всего они просятъ его *истребить ихъ враговъ и наслать на нихъ смерть*.

Глава XXI.

О жертвоприношеніи.

У мингрельцевъ существуетъ обычай приносить жертвы, каковой обрядъ называется у нихъ *окамири*. Эти жертвоприношенія бываютъ трехъ видовъ:

1) Они убиваютъ быковъ, коровъ, телятъ и другихъ подобныхъ животныхъ, причемъ безъ священника жертвы не совершаютъ. Священникъ, придя, читаетъ молитву надъ животнымъ, предназначеннымъ въ жертву; затѣмъ онъ зажженной свѣчкой прожигаетъ его до кожи въ пяти мѣстахъ и обводитъ жертву вокругъ приносящихъ ее людей во ихъ спасеніе. Далѣе жертву закалываютъ и жарятъ цѣликомъ или большую ея часть; когда она готова, ее ставятъ на столъ, находящійся посрединѣ комнаты. Домашніе и приглашенные помѣщаются вокругъ съ зажженными свѣчами. Убившій животное становится на колѣни передъ его мясомъ также съ зажженной свѣчею въ рукахъ; священникъ въ это время читаетъ молитвы, по окончаніи которыхъ жертвователь и его родственники бросаютъ немного ладану въ огонь, разведенный около жертвы на черепицѣ или на чемъ нибудь подобномъ. Священникъ, отрѣзавъ кусокъ мяса, обводитъ имъ вокругъ головы того или тѣхъ, кто приноситъ жертву, и затѣмъ даетъ его ѣсть, послѣ чего всѣ присутствовавшіе окружаютъ жертвоприносителя, обводя свѣчами вокругъ его головы, а затѣмъ бросаютъ ихъ въ огонь съ ладаномъ. Когда

и это окончено, они занимают свои мѣста. Священникъ сидитъ отдѣльно. Большая часть жертвы достается ему, ибо изъ того, что изжарено, онъ получаетъ потроха, а изъ сырого: голову, ноги и кожу, что составляетъ плату за обѣдню, которую онъ служитъ въ то время, когда мясо жарится. Каждый изъ присутствующихъ можетъ ѣсть сколько ему угодно, но уносить что нибудь изъ поставленнаго передъ нимъ онъ не имѣетъ права, только священникъ можетъ взять съ собою, кромѣ своей части, то, что онъ не могъ съѣсть изъ предложеннаго ему.

2) Они закалываютъ только мелкій скотъ и свиней, но въ данномъ случаѣ присутствіе священника не необходимо, равно какъ свѣчи и ладанъ. Этотъ видъ жертвы совершается во благополучіе семейства и родныхъ. Несмотря на это, почти всегда приглашаютъ священника для совершенія обѣдни, за что наградой ему служитъ только угощеніе.

Наконецъ 3) они жертвуютъ кровь, масло, хлѣбъ и вино. Такое жертвоприношеніе совершается для новопреставленныхъ: они убиваютъ на ихъ гробахъ, сдѣланныхъ изъ орѣхового дерева, телятъ, ягнятъ и голубей, которыхъ поливаютъ на нихъ масломъ, смѣшаннымъ съ виномъ. Кромѣ этихъ жертвъ, мингрельцы ежедневно приносятъ еще одну, а именно за столомъ, все равно дома-ли они или у друзей, но эта жертва состоитъ только изъ вина. Взявъ чашу, полную вина, и прежде чѣмъ ее выпить, они кланяются всему обществу, одинъ другому, при пожеланіи счастья и благоденствія каждому; затѣмъ послѣ прославленія имя Божьяго наклоняютъ чашу и отливаютъ изъ нея или на землю, или въ особенную чашку немного вина, жертвуя его Богу по примѣру царя Давида, пожертвовавшего воду изъ Виелеемскаго водохранилища, которой онъ такъ сильно хотѣлъ напиться, но которую даже не попробовалъ. (Paralipomenon, II, 18). Такимъ образомъ двѣ жертвы мирныя, а третья состоитъ изъ возліянія вина, всѣ же остальные совершаются по еврейскому обычаю.

Между прочимъ они приносятъ еще жертву изъ вина въ честь св. Георгія. Это совершается во время сбора винограда, когда они наполняютъ боченокъ приблизительно въ 20 бутылокъ болѣе или менѣе лучшимъ виномъ, которое жертвуютъ св. Георгію, ставя его отдѣльно; открываютъ-же и пьютъ его только въ извѣстное время, а именно въ день *св. Петра*, но не раньше: они скорѣе будутъ пить воду, чѣмъ дотронутся до него раньше срока. Какъ только наступитъ это время, глава дома беретъ часть упомянутаго вина въ маленькій сосудъ и несетъ послѣд-

ній въ Иссарійскую церковь, построенную въ честь *св. Георгія*, и молятся тамъ; затѣмъ съ этимъ сосудомъ возвращаются домой, входятъ въ подвалъ *) со всею семьею и они всѣ вмѣстѣ молятся у принесеннаго въ даръ св. Георгію боченка, предварительно поставивъ на него хлѣбъ, сыръ, лукъ или порей; потомъ закалываютъ или теленка, или козленка, или свинью, кровью которыхъ отецъ семейства поливаетъ вокругъ боченка. Окончивъ этотъ обрядъ, они идутъ трапезовать. Кромѣ окамири или жертвъ, мингрельцы приносятъ большіе сосуды вина въ жертву и другимъ святымъ, причемъ пьютъ это вино только въ предписанное время. Одна изъ этихъ жертвъ называется *самиканджіара* и совершается въ честь св. Архангела Михаила, другая— въ честь св. *Duirise*, а третья называется *сангиронти*— въ честь Бога и т. д.

Для первой изъ этихъ трехъ жертвъ закалываются поросенокъ и пѣтухъ, для второй въ жертву приносятся поросенокъ и хлѣбъ, причемъ на оба эти жертвоприношенія приглашаются посторонніе, на третью никогда никто не приглашается: только присутствуютъ домашніе, которые и сѣдаютъ все, что принесено въ жертву; въ составъ послѣдней всегда входитъ какая-нибудь часть убойны изъ мелкаго скота. Наконецъ, помимо этихъ жертвъ, у нихъ, въ теченіе года, совершается и много другихъ, которыя я обхожу молчаніемъ какъ потому, чтобы быть краткимъ, такъ и въ виду того, что они по своей обрядности и молитвамъ всѣ похожи одна на другую. Молятся они не иначе какъ во время трапезы. День жертвоприношеній они называютъ „великимъ днемъ“, но послѣдній въ смыслѣ славы Божьей не великъ, потому что они его проводятъ не такъ, чтобы пойти въ церковь къ обѣднѣ, молиться, дѣлать добрыя дѣла, а проводятъ его въ питьѣ и ѣдѣ, моля Бога, чтобы онъ благословилъ ихъ и уничтожилъ ихъ враговъ.

Во время обѣдни они дѣлаютъ нѣсколько поклоновъ передъ образомъ, наскоро крестясь и молясь ему по своему обыкновенію, а затѣмъ уже начинаютъ болтать, смѣяться, пѣть и шутить, какъ если бы они были на улицѣ.

*) Должно быть авторъ говорить о томъ помѣщеніи, гдѣ даютъ вино и которое называется марани.

Глава XXII.

О п р а з д н и к а х ъ.

Праздники у этихъ людей бываютъ разныхъ степеней; главными считаются тѣ, которые предписываютъ имъ постѣщать церковь и воздерживаться отъ всякихъ работъ (даже такихъ какъ, напримѣръ, печь хлѣбъ). Эти праздники слѣдующіе: Рождество Христово, которое они называютъ *Христе*, Новый годъ, который называется *Календе*, Благовѣщеніе, называемое у нихъ *Кареба*, Вербное Воскресеніе—*Бажоба*, Пасха или *Танапа* и слѣдующее послѣ Пасхи Воскресеніе, носящее у нихъ такое же названіе, т. е. *Танапа*.

По второстепеннымъ праздникамъ работаютъ до начала обѣдни, когда многіе идутъ въ церковь съ цѣлью участвовать въ торжественномъ шествіи. Въ число этихъ праздниковъ входятъ слѣдующіе: праздникъ, который называется у нихъ *Цхарихоргіа*, по нашему Крещеніе. Въ этотъ день они процессіей идутъ на рѣку въ память крещенія Іисуса Христа въ Іордани; затѣмъ—*Петроба-Мерзоба* (слова эти означаютъ молитву о глазахъ), по нашему день св. Петра, *Маризина*—или Успеніе Пресвятой Богородицы, *Жипри-Пикхіоани*—день усопшихъ и *Пиавартса-Мамеба*—Воздвиженіе честнаго животворящаго креста.

Третьестепеннымъ праздникамъ они не придаютъ особеннаго значенія и работаютъ цѣлый день. Эти праздники слѣдующіе: *Тарискета*—Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, *Перитъ-Цолаба*—Преображеніе Господне, *Гиркоба*—праздникъ св. Георгія (день, въ который св. Георгій совершилъ чудо съ быкомъ) и *Синіасъ-Соби*—храмовой праздникъ и ярмарка въ мѣстечкѣ Сипоріасъ, нашей резиденціи.

Среди этихъ праздниковъ есть много дней въ году, которые этотъ суевѣрный народъ, каждый по мѣрѣ своей набожности и нелюбви къ труду, старательно соблюдаетъ. Одинъ изъ этихъ дней—первый понедѣльникъ каждаго мѣсяца и года, называемый ими—*Архали-Тутазеа*, новымъ понедѣльникомъ. Но особенно торжественно встрѣчается въ Мингреліи Новый годъ, потому что жители думаютъ, что отъ этого дня зависитъ благополучіе всего года. Министры и придворные, занимающіе какую-нибудь должность около князя, приходятъ ко двору наканунѣ и проводятъ ночь въ окрестностяхъ дворца, а по утру

собираются всѣ вмѣстѣ. Церемоніймейстеръ несетъ корону князя, украшенную драгоцѣнными камнями. Завѣдующій гардеробомъ несетъ на блюдѣ самыя драгоцѣнныя вещи, виночерпій—самую красивую чашу, начальникъ кухни—самый большой котелъ, главный конюхъ ведетъ самую красивую лошадь, главный пастухъ—самого лучшаго быка и такъ далѣе: каждый, смотря по своей обязанности, несетъ или ведетъ то, что есть самага лучшаго въ его распоряженіи. Они процессіей направляются во дворецъ князя, а позади ихъ идутъ священники, епископы въ своихъ облаченіяхъ, неся въ рукахъ образа съ громкимъ пѣніемъ „Господи, помилуй“. Въ такомъ порядкѣ процессія входитъ въ палаты князя, гдѣ княгиня и много кавалеровъ и дамъ, роскошно одѣтыхъ, имѣя по восковой свѣчѣ въ рукахъ, выстраиваются въ линію, чтобы видѣть шествіе, причемъ каждый изъ нихъ дотрогивается до всего проносимаго и проводимаго, какъ, напримѣръ: короны, драгоцѣнностей, котла, быка и проч., свято вѣруя, что если, кто какъ слѣдуетъ не дотронется до каждой вещи, то не будетъ счастливъ въ этомъ году. Участники процессіи поютъ „Господи, помилуй“ и привязываютъ къ каждой двери дворца и вообще по всему своему пути вѣтки плюща. Народъ въ подражаніе князю устраиваетъ повсюду подобныя-же процессіи: каждый несетъ или ведетъ то, что есть у него лучшаго, и прикрѣпляетъ къ своимъ дверямъ вѣтки плюща. Въ древнія времена это считалось между христіанами поступкомъ зазорнымъ: убирать дома вѣтвями деревь, какъ свидѣтельствуемъ *Тертуліанъ „Въ вѣткѣ воина“*, въ концѣ гл. III: „Христіанинъ не станетъ безславить своего дома лавровыми вѣтками“. Мартинъ Броккаръ. Правила, изданныя греческимъ синодомъ, убѣждаютъ насъ, что христіанамъ было запрещено въ первый день года украшать свои дома вѣтками лавра, плюща и другихъ деревьевъ. *Папа Григорій III* запретилъ это въ Римѣ. Существуетъ канонъ, который постановляетъ, что лица, соблюдающія этотъ обычай въ день Нового года, подвергаются трехлѣтнему покаянію. Шестой Вселенскій соборъ возобновилъ это наказаніе. *Тертул., и. 15 объ идола*, говоритъ, что Богъ запретилъ украшать двери правовѣрныхъ, и что извѣстно одно лицо, которое Господь строго покаралъ за это, и что хотя такая большая пышность изгнана изъ христіанскихъ обрядовъ, но люди и до сихъ поръ не перестаютъ такимъ образомъ украшать своихъ дверей. Но, однако, такъ какъ никого не было, кто взялъ-бы на себя трудъ воспрепятствовать этому обычаю, какъ убѣждаетъ насъ тотъ же *Тертул.*: „ты уже можешь найти много дверей языч-

никовъ безъ лампъ и лавровыхъ вѣтвей, какъ и у христіанъ“, то христіане узаконили во славу настоящей религіи тѣ дѣйствія, которыя были совершаемы язычниками изъ суевѣрія. *Бироній въ своихъ запискахъ о матирологіи за янв. мѣс.*

Въ день Богоявленія, который называется у нихъ *Сохаръ-Карехія*, они принимаются съ ранняго утра ѣсть куръ и плотно вышивать, прося Бога благословить ихъ (какъ обыкновенно они начинаютъ дни всѣхъ праздниковъ), послѣ чего они пѣшкомъ или на лошади отправляются въ церковь. Священникъ въ облаченіи ведетъ ихъ въ процессіи къ ближайшей рѣкѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ идетъ человекъ съ указанной выше трубою, въ которую онъ отъ времени до времени трубитъ, за нимъ слѣдуетъ другой, несущій хоругвь, которая въ нѣкоторыхъ церквахъ бываетъ совершенно изорванная, а въ нѣкоторыхъ въ довольно приличномъ видѣ; затѣмъ идетъ третій съ блюдомъ орховаго масла и тыквой или тыквенной бутылкой съ прикрѣпленными къ ней пятью свѣчами въ формѣ креста, а вслѣдъ четвертый—съ огнемъ и ладаномъ. Въ этомъ порядкѣ процессія идетъ къ рѣкѣ быстро, насколько можетъ, и нестройно поетъ „Господи, помилуй“. Они бѣгутъ такъ скоро, что часто должны подолгу дожидаться отставшаго священника, который къ тому-же, если онъ старъ, конечно, не можетъ за ними поспѣвать. Когда бѣдный священникъ весь въ грязи и поту подойдетъ, то они ему кланяются съ насмѣшками, хохоча, что онъ отсталъ, пропустивъ всю процессію, онъ-же, не обращая вниманія на насмѣшки, начинаетъ читать какія-нибудь молитвы надъ водою; по окончаніи ихъ зажигаетъ ладанъ, наливаетъ масла въ воду, зажигаетъ пять свѣчей, прикрѣпленныхъ къ тыквѣ, и пускаетъ ихъ плыть по водѣ какъ челнокъ. Затѣмъ онъ погружаетъ въ воду крестъ и какимъ-нибудь кропиломъ окропляетъ присутствующихъ, спѣшащихъ умыться святою водою. По окончаніи всего они расходятся, взявъ съ собою по бутылкѣ воды.

У нихъ есть праздникъ, называемый *Марсаба*, предохраняющій отъ болѣзни глазъ (день св. Агнесы 21 января), празднуемый при церкви во имя Моисея и Аарона. Постѣщающіе этотъ праздникъ несутъ свои дары: нѣкоторые немного воску, другіе веревку или нитки; эти вещи передаются священнику, который обводитъ ими вокругъ головы жертвователя, а затѣмъ жертвуются образу, чтобы онъ предохранилъ приносящаго отъ болѣзни глазъ.

Мингрельцы празднуютъ четвергъ Недѣли о блудномъ сынѣ, называя его *Катаноба*; въ этотъ день убиваютъ хорошаго

каплуна для благополучія семьи, какъ обыкновенно это дѣлается на всѣхъ ихъ праздникахъ, состоящихъ только въ томъ, чтобы хорошо выпить и поѣсть.

Съ понедѣльника Мясопустной недѣли отъ мяса они воздерживаются и ѣдятъ только сыръ и яйца до дня Сыропустной недѣли включительно. Они говорятъ, что этотъ постъ соблюдаютъ ради своихъ умершихъ. Въ слѣдующій понедѣльникъ у нихъ начинается Великій постъ и день этотъ они празднуютъ.

Мингрельцы соблюдаютъ праздникъ Сорока Мучениковъ, приходящійся на 10-е марта, и хотя онъ бываетъ постомъ, когда они не ѣдятъ ни мяса, ни рыбы, но въ этотъ день они разрѣшаютъ себѣ рыбу, такъ какъ настоящій праздникъ торжественный. *Беры* обыкновенно поютъ въ этотъ день въ церкви много гимновъ въ честь Сорока Мучениковъ; пока продолжается пѣніе, посреди церкви ставятъ полное ведро воды и четвероконечный крестъ съ прилѣпленными къ нему десятью зажженными свѣчами съ каждаго конца, что въ общемъ составляетъ сорокъ. Когда служба отойдетъ, старѣйшій *беръ* подходитъ къ ведру съ глубокимъ поклономъ, беретъ одну изъ свѣчей и гаситъ ее въ водѣ, остальные дѣлаютъ тоже, до тѣхъ поръ, пока всѣ свѣчи не будутъ погашены. День Благовѣщенія и Вербнаго Воскресенія они празднуютъ торжественно, такъ же какъ и день Сорока Мучениковъ, разрѣшая себѣ въ эти дни рыбу. Въ Вербное Воскресеніе священникъ освящаетъ вѣтки буксуса или какихъ-нибудь цвѣтовъ и одѣляетъ ими народъ, но это не повсемѣстно; въ однихъ мѣстахъ соблюдается, а въ другихъ—нѣтъ.

Въ обычаяхъ страны воздерживаться отъ работы въ тѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ должны пронести образъ и праздновать этотъ день. Жители, нарядившись въ свои лучшія одежды, выходятъ навстрѣчу образу и жертвуютъ ему, кто веревку, кто немного воску или нитокъ, которыми священникъ обводитъ вокругъ головы жертвователя; въ домѣ, въ которомъ образъ ночуетъ, воздерживаются отъ всякихъ работъ, равно какъ и во всемъ томъ селеніи. Тѣ, кто чувствуютъ тяжесть на своей совѣсти за какое нибудь воровство, приносятъ дары образу, вымаливая у него милости, дабы онъ ихъ простилъ и не прогнѣвался противъ ихъ семейства. Другіе, укравшіе лошадь, корову или что нибудь подобное, страшась наказанія, не хотятъ принимать образа въ своемъ домѣ и поэтому за извѣстную плату входятъ въ соглашеніе съ тѣми, кто его несетъ и кому онъ препорученъ, не помѣщать на ночь образа въ ихъ домѣ, а отнести его въ какое-нибудь другое мѣсто. Священники или другіе несущіе

образъ, люди плутоватые и ловкіе, замѣчая страхъ, въ которомъ находится воръ, не отпускаютъ его, не торгуясь, и показываютъ видъ, что образъ хочетъ для того, чтобы перемѣнить помѣщеніе, что нибудь болѣе значительное, такъ какъ грѣхъ его великъ (на самомъ-же дѣлѣ этого желаютъ приставленные къ образу, не желая довольствоваться малымъ; этимъ путемъ они заставляютъ дать себѣ приблизительно то, чего сами хотятъ). Обманывая такъ, они торжествуютъ надъ этими несчастными.

Празднованіе дня св. Георгія бываетъ около половины поста.

Въ Страстную Субботу священникъ обходитъ дома, окропляя пріемныя и жилыя комнаты святою водою, за что получаетъ въ вознагражденіе сыръ или яица.

Въ день Святой Пасхи папа со священниками его прихода проводитъ всю ночь въ церкви. Въ полночь звонятъ въ колоколъ и бьютъ въ священную доску; отъ времени до времени они звонятъ всѣ. При приближеніи зари трубятъ въ такъ называемыя *оа*. Въ эту ночь какъ мужчины, такъ и женщины встаютъ, наряжаются какъ можно лучше и до наступленія дня отправляются въ церковь, взявъ съ собою красныхъ или другого цвѣта яицъ. Но хотя это бываетъ еще до наступленія зари, однако, мужчины большею частью уже совершили ихъ обычныя молитвы, заключающіяся въ плотной ѣдѣ и обильной выпивкѣ, потребивъ нѣсколько куръ и будучи полупьяными. Съ наступленіемъ зари въ такомъ состояніи они идутъ въ церковь съ оставшейся отъ стола ѣдой. Тамъ священникъ даетъ каждому по восковой свѣчѣ, болѣе или менѣе толстой, смотря по званію (при дворѣ же князь собственноручно раздаетъ свѣчи пришедшимъ въ церковь и даже епископамъ). Послѣ чего женщины отдѣляются отъ мужчинъ и становятся на паперти съ зажженными свѣчами. Затѣмъ священникъ или болѣе достойный *беръ* поднимается на колокольню и троекратно объявляетъ народу, крича изъ всей силы, о Воскресеніи Иисуса Христа: *„Ицминде, ицминде Окацо Ктисъ омадири Ктизо Тевзи целизо оріа гальто квалди Христи Дия шхиродесъ“*, а народъ отвѣчаетъ ему: *„Марди махаребельсъ“*. Одновременно съ этимъ каждый бросаетъ по нѣсколько камешковъ въ стѣну. Затѣмъ они три раза обходятъ вокругъ церкви въ такомъ порядкѣ: впереди идутъ съ трубами, трубя время отъ времени, за ними слѣдуетъ хоругвь, потомъ шествуетъ священникъ, а затѣмъ народъ со знатію впереди. Женщины въ процессіи не участвуютъ, оставаясь въ особо отгороженномъ для нихъ помѣщеніи на паперти.

противъ церкви. Священникъ со всѣмъ народомъ поетъ гимнъ. Послѣ процессіи начинается обѣдня, на которой мингрельцы присутствуютъ съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ если-бы они были на базарной площади: болтая, шутя, смѣясь и мѣняясь другъ съ другомъ яицами. По окончаніи обѣдни они обходятъ еще три раза вокругъ церкви, какъ мы уже описывали, съ пѣніемъ нѣкоторыхъ молитвъ, затѣмъ дѣлаютъ поклоны и расходятся съ Богомъ, поздравляя другъ друга съ праздникомъ; выходя изъ церкви, они въ дверяхъ обращаются къ ней лицомъ и крестятся еще одинъ разъ.

При дворѣ въ обычай къ концу обѣдни подавать на блюдѣ князю изжареннаго ягненка. Князь, принявъ его, собственно-ручно дѣлитъ на куски и одѣляетъ ими свой дворъ, давая каждому по куску. Таковъ ихъ пасхальный обычай. На слѣдующій день Пасхи, въ понедѣльникъ, они устраиваютъ праздникъ въ честь усопшихъ. Утромъ, очень рано, тѣ, у которыхъ умеръ въ этомъ году какой-нибудь близкій родственникъ, идутъ на кладбище, неся съ собою ягненка, но отнюдь не какое-нибудь другое животное, чтобы, освятивъ, пожертвовать его. Священникъ, стоя у могилы, освящаетъ ягненка, прочитавъ нѣсколько молитвъ, и тотчасъ же перерѣзываетъ ему горло, поливая его кровью могилу усопшаго за упокой его души. Такое заблужденіе почти совершенно уничтожено среди мингрельцевъ прихода Сипоріасъ, близъ котораго у нашихъ отцевъ теотинцевъ есть церковь. Благодаря этимъ отцамъ они узнали, что подобный обрядъ іудейскій, а не христіанскій. Когда ягненокъ зарѣзанъ, то его голову и ноги отдають священнику, а остальное уносятъ къ себѣ жарить. Въ обѣденный часъ или немного позднѣе они всѣ идутъ въ церковь, взявъ съ собою на двухколесной телѣжкѣ все необходимое для обѣда. Чтобы имѣть понятіе о ихъ столѣ, необходимо упомянуть о большомъ котлѣ съ мѣстнымъ тѣстомъ, о корзинѣ, полной хлѣбомъ, испеченнымъ съ яицами и сыромъ, о сваренныхъ въ крутую яицахъ разныхъ цвѣтовъ, сырѣ и еще о другой корзинѣ съ мясомъ и, по крайней мѣрѣ, о двухъ большихъ бутылкахъ вина. Все это они ставятъ на могилу. Священникъ освящаетъ принесенную снѣдь, за что получаетъ яица, сыръ и хлѣбъ.

Также въ обычай давать ему отъ имени всей семьи нѣсколько аршинъ холста, или одну, или двѣ рубашки. Въ особенности щедрѣе тѣ, у кого въ этомъ году умеръ родственникъ, такъ какъ они уже непременно дарятъ священнику вышеуказанные предметы.

Затѣмъ они всѣ уходятъ и располагаются на лугу противъ церкви, гдѣ раздѣляются на двѣ группы, причемъ каждая садится за отдѣльный столъ. Прежде чѣмъ приступить къ трапезѣ, священникъ, помѣщающійся также за особеннымъ столомъ, громко благословляетъ пищу, послѣ чего мингрельцы начинаютъ угощать другъ друга, причемъ на сосѣдній столъ пока еще ничего не посылается. Передъ окончаніемъ обѣда одна группа встаетъ и съ пѣніемъ и поклонами направляется къ другой, а затѣмъ эта имъ отвѣчаетъ, посылая ѣду и питье. Затѣмъ поднимается другой столъ и идетъ съ поклонами къ первому, гдѣ происходитъ такая же церемонія. Вечеромъ по своему обыкновенію женщины поютъ и танцуютъ до ночи, послѣ чего расходятся по домамъ.

Въ Вознесеніе Господне, которое называется у нихъ—*Амеба*, они молятся, по обычаю убивая свинью или куръ и приготавливая изъ нихъ вкусное блюдо. Каждый зажигаетъ свѣчу и кладетъ крупинку ладана на огонь, моля Бога, дать ему дожидаться и другого такого дня; молятъ они также Бога и о томъ, чтобы онъ размножилъ и благословилъ ихъ пчелъ, которыя принесли бы имъ много воску и меду.

Въ Троицынъ день празднуется ими также и день *Всѣхъ Святыхъ*, который они проводятъ по своему обыкновенію въ ѣдѣ, но въ этотъ день ѣдятъ они особенно много, такъ какъ на слѣдующій день начинается постъ въ честь Петра. Въ праздникъ этого святого, называемый *Петроба*, мингрельцы принимаютъ съ полночи молиться, причемъ ѣдятъ свиней, молоко и куръ, а когда раздается звукъ трубы и колокольный звонъ, то направляются въ церковь. Священникъ служитъ обѣдню. Въ этотъ день они несутъ въ корзинахъ на кладбище хлѣбъ, груши, грецкіе и лѣсные орѣхи; на это кладбище послѣ обѣдни приходитъ и священникъ для освященія принесенныхъ продуктовъ и благословенія лицъ, которыя ему за это заплатятъ. Затѣмъ одни возвращаются домой пить и насыщаться, другіе же это дѣлаютъ въ церкви или близъ могилъ. Прежде чѣмъ разойтись мингрельцы наскоро крестятся на церковь и тогда уже уходятъ. Нужно замѣтить, что въ воскресные дни быки у нихъ не запрягаются и вообще не исполняютъ никакихъ другихъ работъ.

Въ день Успенія Пресвятой Богородицы—*Маразина* чествованіе праздника начинается съ ранняго утра обычными молитвами: питьемъ и ѣдою. Ыда состоитъ изъ молодой курицы этого года, политой орѣховымъ масломъ того же года. Они только въ это время начинаютъ ѣсть новые орѣхи и молодыхъ куръ, и

такъ какъ они сами не ѣдятъ этого раньше, то и не продаютъ, говоря, что раньше молитвъ св. Петру они не могутъ продать ни птичьей живности, ни орѣховъ. Въ описываемый праздникъ творятъ молитву, заключающую въ себѣ просьбу къ Богу размножить ихъ куръ; въ особенности объ этомъ просятъ женщины. Въ этотъ день освящаются поля и луга. Церемонія эта происходитъ такимъ образомъ: мингрельцы берутъ три колоса изъ того хлѣба, который предназначенъ на сѣмена, маленькую вѣтку земляничника и немного воску; изъ всего этого дѣлается букетъ въ видѣ пальмы; священникъ освящаетъ его въ церкви и, наконецъ, его несутъ въ заѣзженное поле сажать на середину, вѣруя, что онъ несомнѣнно предохранитъ ихъ поля отъ грома, града и другихъ бѣдствій. Сажая букетъ, они прочитываютъ нѣсколько короткихъ молитвъ, поручая поле попеченію Бога и образу Петра, а затѣмъ устраиваютъ продолжительный семейный обѣдъ на томъ же полѣ; по ихъ мнѣнію, ни одна молитва безъ обѣда не будетъ дѣйствительна и не принесетъ пользы.

У нихъ есть праздникъ, называемый *Еліоба*, справляемый 30-го іюля въ честь пророка Ильи, котораго въ засухи они молятъ о дождѣ. Чтобы имѣть хорошій урожай и чтобы быть болѣе увѣренными въ немъ, они убиваютъ козу въ честь этого святого, закалывая ее въ церкви при селеніи Сипоріасъ, приходѣ нашихъ отцовъ. Козу для этого праздника жертвуетъ князь вмѣстѣ съ достаточнымъ количествомъ хлѣба и вина. Двѣнадцать священниковъ соборно служатъ обѣдню, по окончаніи каковой также вмѣстѣ ѣдятъ козу и все остальное, пока не перепьются.

14-го сентября бываетъ другой храмовой праздникъ въ селеніи Сипоріасъ съ ярмаркой, называемый *Суніацуба*, который длится съ понедѣльника до воскресенья. Въ этотъ день, съ вѣнками на головахъ, несутъ мингрельцы образъ св. Георгія въ церковь. Такъ какъ на этотъ праздникъ стекается много народу по случаю ярмарки и много купцовъ армянъ, грузинъ и евреевъ, то тутъ происходитъ очень оживленная торговля всевозможными съѣстными припасами, нарядами, матеріями, которые продаются на ряду съ мѣстными товарами. Такая торговля доставляетъ много даровъ мѣстнымъ образамъ отъ приходящихъ съ исключительной цѣлью поклониться имъ. Хотя эти дары и не изъ важныхъ, но все же цѣннѣе обыкновенныхъ, какъ, напримѣръ, веревки, воскъ и нитки, а иногда они состоятъ прямо изъ денегъ. Почти нѣтъ ни одного человѣка въ странѣ, кто не посѣтилъ бы этого праздника. Выпадаютъ года, когда образа получаютъ болѣе

десяти телѣжекъ, нагруженныхъ дарами. Священники въ то время очень заняты службами, но такъ какъ по греческому обычаю они не могутъ служить болѣе одной обѣдни въ день, то иногда ихъ бывають болѣе двѣнадцати, служащихъ обѣдню одновременно; нѣкоторые же приходятъ позже другихъ, когда обѣдня на половину уже отслужена.

21-го октября они празднуютъ день въ память чуда св. Георгія, совершеннаго имъ въ ихъ странѣ для одного пріѣзжаго болѣе чѣмъ за сто миль язычника. Вотъ исторія этого чуда: еще до раздѣленія церквей на греческую и латинскую, этотъ великій Чудотворецъ совершилъ много чудесъ, но названный выше язычникъ, которому о нихъ рассказывали, не вѣрилъ ничему. Христіане уговаривали этого человѣка не упорствовать въ своемъ мнѣніи, а вѣрить тому, въ чемъ его убѣждаютъ, но язычникъ сказалъ имъ: *„я повѣрю въ чудеса вашего святого, о которыхъ вы мнѣ рассказываете, только въ томъ случаѣ, если онъ до наступленія завтрашняго дня принесетъ такого-то изъ моихъ быковъ“*, при этомъ онъ имъ объяснилъ примѣты быка. Св. Георгій сдѣлалъ такъ, что въ слѣдующую же ночь указанный быкъ былъ принесенъ болѣе чѣмъ за сто миль въ это мѣстечко, называемое *Иссаріенъ*, гдѣ тогда язычникъ къ великому утѣшенію христіанъ принялъ крещеніе и гдѣ въ настоящее время находится церковь во имя названнаго святого. Быка убили и раздѣлили между народомъ, который толпами сбѣжался, чтобы убѣдиться въ чудѣ. Мингрельцы*), дабы сохранить память объ этомъ чудѣ, въ то время, когда вѣра еще процвѣтала, каждый годъ вмѣняли желающему быть рукоположенному во священники въ обязанность за нѣкоторое время до праздника похитить самага, какого только можно достать, красиваго быка именемъ св. Георгія, который якобы въ годовщину этого дня похищаетъ у владѣльцевъ скота одного быка и ставить его на то же мѣсто въ память древняго чуда. Благодаря этому, за пятнадцать дней до праздника, нужно хорошо беречь своихъ быковъ, потому что каждый, пользуясь именемъ св. Георгія, похищаетъ, гдѣ можетъ, самага красиваго быка, разсуждая такъ: *„если св. Георгій похищаетъ быка, то мнѣ давно можно похитить“*; поэтому похититель увѣренъ, что можетъ красть безнаказанно.

Нѣсколько грековъ и нѣкоторые изъ нашихъ отцовъ, желая раскрыть, какимъ образомъ совершается это мнимое чудо съ

*) Должно быть авторъ въ данномъ случаѣ подразумѣваетъ высшее духовенство, какъ это замѣтно изъ дальнѣйшаго изложенія.

быкомъ, или лучше мошенничество, бодрствовали всю ночь, бродя вокругъ церкви. Они обнаружили, что воры приводятъ быка въ сумерки, ведя его на веревкахъ. Большая часть епископовъ знаютъ, что это плутовство и что такое ежегодно повторяющееся чудо—чистѣйшій обманъ, но они потворствуютъ для поддержанія религіи въ народѣ. Народъ (это слѣдуетъ замѣтить) въ ночь чуда боится подойти къ церкви, такъ какъ его заставили увѣривать, что тотъ, кто подойдетъ, умретъ и что святой убиваетъ всякаго, кто подходитъ къ его церкви въ это время. Только тотъ, кто укралъ быка, да тѣ, которые ввели его, знаютъ тайну. Церковь св. Георгія находится въ мѣстечкѣ *Иссаріенъ* близъ Чернаго моря, въ епископствѣ *Бедіель*. Окрестные народы очень благочестивы, даже нехристіане. Самые близкіе сосѣди—абхазцы, алланы, жигезы и другіе невѣрные не осмѣливаются ее ограбить, хотя хорошо знаютъ, что эта церковь очень богата, въ особенности драгоценностями и деньгами. Двери этой церкви украшены серебряными пластинками, на которыхъ рельефно высѣчены какъ изображенія самого святого, такъ и его чудеса. Однако, никто, какъ я уже сказалъ, не смѣетъ обокрасть эту церковь изъ страха, чтобы святой не предалъ ихъ лютой смерти. Этотъ страхъ поддерживается еще и тѣмъ, что въ церкви находятся копыя, выкованныя изъ желѣза съ двумя остріями на подобіе стрѣлъ, такія толстыя и тяжелыя, что одному человѣку не унести даже и одного копия. Они вѣрятъ, что святой пользуется этимъ оружіемъ и что онъ убиваетъ въ полѣ каждого вора. Страхъ, который они испытываютъ къ названному оружію, таковъ, что когда священникъ этой церкви выносить одно изъ оружій, то встрѣчающіеся отдаютъ такія почести и такъ кланяются ему, какъ будто бы это образъ самого святого: до того они боятся быть убитыми этимъ оружіемъ. Наканунѣ праздника князь, въ сопровожденіи католикоса, епископовъ и всего дворянства, направляется въ церковь и входитъ внутрь, чтобы удостовѣриться, нѣтъ-ли тамъ спрятаннаго быка; затѣмъ онъ церковь запираетъ и опечатываетъ дверь своею печатью. На утро князь съ тѣми же лицами приходитъ вновь, снимаетъ печать, отпираетъ церковныя двери и находитъ быка; о послѣднемъ они говорятъ, что это святой похитилъ его и нынѣшней ночью поставилъ. Найдя быка, всѣ присутствующіе оглашаютъ воздухъ радостными восклицаніями. Тотчасъ же одинъ изъ молодыхъ людей, специально для этого назначенный, съ сѣкирой въ рукахъ, заранѣе припасенной, ни для чего другого не употребляемой, выводитъ быка изъ церкви, убиваетъ его и рѣжетъ на части. Князь

береть первую часть, а вторая и третья посылаются съ курьерами: одна—имеретинскому царю, а другая—гурійскому князю. Слѣдующія части распредѣляются между мингрельскими вельможами, министрами князя и *берами*, которые сами не ѣдятъ мяса, а раздаютъ его своимъ слугамъ. Много есть людей, которые ѣдятъ мясо отъ этого быка съ большимъ благоговѣніемъ и молитвами, какъ будто бы оно—святое причастіе. Иные его солятъ и сушатъ на огнѣ впрокъ, надѣясь впослѣдствіи, когда будутъ тяжело больные, исцѣлиться, съѣвши его. Когда убиваютъ быка, то старательно замѣчаютъ его сложеніе и его движенія, гадая по нимъ; напримѣръ, если быкъ не дается, рвется и бьетъ ногами, то это значить, что въ этомъ году будетъ война; если онъ грязенъ, то это знакъ обильнаго урожая; если онъ мокрый, то будетъ много вина; если онъ рыжій, то на людей и на лошадей пойдетъ моръ; если же онъ другого цвѣта, то это—признакъ хорошій. Хотя ежегодно они обманываются въ предзнаменованіяхъ, но все же остаются такими же суевѣрными и легковѣрными, какъ раньше.

Въ праздникъ Рождества они служатъ, какъ и мы, заутреню въ полночь, но это скорѣе пиршество, чѣмъ заутреня, такъ какъ у нихъ у всѣхъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ рождественскій постъ длится около 40 дней и за это время они всѣ слишкомъ изголодаютъ. Вотъ почему они принимаются съ полночи бить куръ и каплуновъ и пить, и ѣсть до самаго разсвѣта, прося Бога дать имъ дожидаться слѣдующаго Рождества. Это они называютъ молиться и совершать благочестивыя дѣла. Утромъ полупьяные они отправляются въ церковь, неся съ собою полныя корзины хлѣба, испеченнаго съ ящами и сыромъ, винограда и яблокъ, грецкихъ и лѣсныхъ орѣховъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Все это они располагаютъ на своемъ семейномъ кладбищѣ и идутъ къ обѣднѣ. По окончаніи ея священникъ разоблачается и идетъ съ кадиломъ и книгой въ рукахъ съ кладбища на кладбище благословлять могилы и принесенную пищу. Каждый зажигаетъ свѣчу и бросаетъ двѣ крупинки ладану въ его кадилицу; за эту службу даютъ священнику хлѣбъ. Нѣкоторые къ принесенному присоединяютъ еще голубей, кровью которыхъ поливаютъ могилу за упокой души усопшаго.